НА ПУТЯХ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1914–1918

ОГИЗ
Государственное издательство политической литературы
1940

А. А. МОГИЛЕВИЧ, М. Э. АЙРАПЕТЯН

ВВ262
М·684

НА ПУТЯХ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1914–1918 гг.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1940

К
1986
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
ПРИ Ц.К. К.П.С.С.
ВВ262
М 684
294198

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник статей «На путях к мировой войне 1914—1918 гг.» — имеет своей целью ознакомить широкие круги советских читателей с основным содержанием дипломатических документов из архивов царского и Временного правительств, содержащихся в тт. XVIII—XXIV публикаций «Международные отношения в эпоху империализма», отчасти уже вышедших, отчасти в скором времени выпускаемых в свет Комиссией по изданию документов эпохи империализма. Документы, вошедшие в эти тома, охватывают период 1911—1913 гг. и освещают, таким образом, последние кризисы в международной политике империалистических держав, приведшие к взрыву мировой войны.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Надо*
60	4 сн.	1904	1934
236	16 сн.	«Очи- ститъ	«Очистить
248	10 св.	возможного	возможно

На путях к мировой войне 1914—1918 гг. Заказ № 1181.

1918 гг.

Настоящий сборник просмотрен и выпущен с согласия Комиссии по изданию документов эпохи империализма.

Ценные указания в процессе работы над сборником дали: академик Ф. А. Ротштейн, проф. А. С. Ерусалимский, проф. Е. А. Коровин, старший научный сотрудник Института

Истории Академии Наук СССР А. Л. Попов, полковой комиссар В. А. Андреев, комбриг Н. М. Потапов.

Авторы выражают благодарность научным сотрудникам Комиссии — Б. Я. Галиной и Е. А. Желябужской, оказавшим помощь в подборе ряда материалов.

ВВЕДЕНИЕ

«Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается... Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны, и почему оно не могло обстоять иначе».

(В. И. Ленин.)

1 августа 1939 г. исполнилось 25 лет со дня начала первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. Четверть века отделяет нас от этой преступной, грабительской бойни, причинившей трудящимся массам невиданные бедствия и мучения. Четыре года три месяца и 26 дней длилась чудовищная катастрофа, во время которой было истреблено больше чем за все предыдущие войны, начиная с 1790 г., т. е. за 125 лет.

Десять миллионов убитых, свыше 20 миллионов искалеченных, раненых, контуженных, отравленных газами и т. п. — таковы жертвы этой кровавой трагедии, которую учинили хищники мирового капитализма, бросившие народы в братоубийственную бойню из-за того, чтобы решить вопрос о том, кому и «как господствовать над всем миром, как душить маленькие народности, как обеспечить себе тройные и десятерные прибыли банковского капитала, захватившего весь мир в цепь своего влияния» [1].

Одна битва в Шампани стоила французам и немцам большего числа жертв, чем вся франко-прусская война 1870—1871 гг. По относительному количеству людей, погибавших в среднем ежедневно, мировая война 1914—1918 гг. была почти в 30 раз губительнее, чем наполеоновские войны. Царская Россия потеряла за весь период мировой войны убитыми на полях сражения 2,5 миллиона человек, Германия — 1890 тыс., Франция—1400 тыс., Австро-Венгрия — 1400 тыс., Великобритания — 800 тыс., Сербия — 700 тыс., Болгария — 70 тыс., Италия — 500 тыс., Румыния — 300 тыс., США — 57 тыс.

Война, втянувшая в свою орбиту более трех десятков государств, расположенных во всех странах света, опустошила Европу и остальные континенты, уничтожила бесчисленное количество материальных и культурных ценностей, созданных десятилетиями огромного человеческого труда. Сотни тысяч фабрик и заводов, домов, шахт и рудников, сел и городов были превращены в груды

---

[1] *Ленин*, т. XXX, стр. 335.

дымящихся развалин. В одной только Франции за годы войны было разрушено 289 тыс. зданий и превращено в пустыри около 3 млн. *га* плодородной земли.

Бесчисленные богатства, накопленные в течение долгих лет, погибли в морской пучине: германские подводные лодки и пиратские крейсеры уничтожили торговые суда тоннажем в 12,5 млн. *т*. Мировая бойня 1914—1918 гг. пожрала около половины народного дохода воюющих стран: все участвовавшие в войне государства израсходовали на военные нужды около 600 млрд. рублей, из общей суммы народного богатства, исчисляемого в 1200 млрд. рублей. Экономическая жизнь воюющих стран была дезорганизована империалистической войной до основания. Огромные массы трудящегося населения были брошены в горнило войны и надолго или навсегда оторваны от производительного труда. Все народное хозяйство было мобилизовано и перестроено на военный лад. Транспортные и торговые связи между многими странами были прерваны. Финансовое хозяйство пришло в расстройство. Разруха экономической жизни, продовольственный кризис, голод, нищета и безработица многомиллионных трудящихся масс достигли колоссальных размеров.

Война в неслыханной мере обогатила кучку крупных капиталистов и помещиков, банкиров, спекулянтов, пушечных королей и финансовых магнатов и взвалила всю тяжесть неслыханных человеческих и материальных жертв на плечи трудового народа. «Золотой дождь, — писал В. И. Ленин, — льется прямо в карманы буржуазных политиков, которые составляют тесную международную шайку, подстрекающую народы к соревнованию в деле вооружений... Вооружения считаются национальным делом, патриотическим делом; предполагается, что все строго оберегают тайну. А судостроительные и пушечные, динамитные и ружейные фабрики и заводы представляют из себя *международные предприятия*, в которых капиталисты разных стран дружно надувают и обдирают, как липку, «публику» разных стран, строя суда или пушки одинаково для Англии против Италии, для Италии против Англии.

Хитрая капиталистическая механика! Цивилизация, порядок, культура, мир — и грабеж сотен миллионов рублей дельцами и аферистами капитала судостроительного, динамитного и пр.»[1].

* * *

Возникновение первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. было не случайным. В. И. Ленин, разоблачая ложь господствующих классов воюющих держав, лакейство и предательство оппортунистов всех стран и мастей, прикрывавших империалистический грабеж и называвших мировую бойню «освободительной», «гуманной» и «последней», гениально вскрыл исто-

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 405.

рические и классовые корни мировой войны и ее грабительский, захватнический характер.

«Война, — писал В. И. Ленин, — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма *капиталистической* жизни, как и мир» [1].

Еще в 1887 г. один из основоположников научного коммунизма, боевой соратник К. Маркса — Фридрих Энгельс, на основе анализа международной обстановки и войн XIX века пророчески предвидел возможность возникновения мировой войны и гениально предначертал ход ее развертывания и результаты, которые она принесет с собой.

«Для Пруссии — Германии невозможна уже теперь никакая иная война, — писал Ф. Энгельс, — кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размаха, невиданной силы. От 8 до 10 миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиста, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырех лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите; все это кончается всеобщим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса.

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, — мы не заплачем (uns kann es recht sein). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все-ж-таки (doch) неизбежна» [2].

В. И. Ленин в своей статье «Пророческие слова» писал: «Какое

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 70.

[2] *Ф. Энгельс*, Избранные военные произведения, т. I, стр. 472—473, Госвоениздат, 1937 г.

гениальное пророчество! И как бесконечно богата мыслями каждая фраза этого точного, ясного, краткого, научного классового анализа! Сколько почерпнули бы отсюда те, кто предается теперь постыдному маловерию, унынию, отчаянию, если бы... если бы люди, привыкшие лакействовать перед буржуазией или давшие себя запугать ей, умели мыслить, были способны мыслить!

Кое-что из того, что предсказал Энгельс, вышло иначе: еще бы не измениться миру и капитализму за тридцать лет бешено быстрого империалистского развития. Но удивительнее всего, что столь многое, предсказанное Энгельсом, идет, «как по писаному». Ибо Энгельс давал безупречно точный классовый анализ, а классы и их взаимоотношения остались прежние» [1].

То, что гениально предвидел Ф. Энгельс, величайшие продолжатели марксизма Ленин и Сталин развили и углубили, дополнили применительно к новой обстановке эпохи империализма.

Ленин и Сталин на основе марксистского анализа эпохи империализма обосновали неизбежность мировой империалистической войны, определили расстановку сил в этой войне, тактику рабочего класса по отношению к империалистическим войнам, обосновали возможность победы социализма в одной стране, наметили пути освобождения трудящегося человечества от ужасов капиталистической эксплоатации и империалистических войн.

Учение марксизма-ленинизма состоит в том, чтобы при подходе к анализу общественных явлений не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, «как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь... Чтобы правильно подойти... ко всякому вопросу... можно солидно, с уверенностью подойти, лишь бросив исторический взгляд на все развитие его в целом» [2].

Это указание Ленина, разумеется, относится и к вопросу об изучении причин возникновения первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. В. И. Ленин неоднократно говорил, что для понимания законов возникновения империалистической войны необходимо «прежде всего бросить общий взгляд на политику европейских держав в целом. Надо брать не отдельные примеры, не отдельные случаи, которые легко вырвать всегда из связи общественных явлений... надо взять всю политику всей системы европейских государств в их экономическом и политическом взаимоотношении, чтобы понять, каким образом из этой системы неуклонно и неизбежно вытекала данная война» [3].

Только партия большевиков, во главе с Лениным и Сталиным, вооруженная подлинно научной теорией диалектического мате-

[1] *Ленин*, т. XXIII, стр. 106.
[2] *Ленин*, т. XXIV, стр. 364—365.
[3] *Ленин*, т. XXX, стр. 334.

риализма, с гениальной прозорливостью вскрыла империалистический характер войны 1914—1918 гг. и основные пружины, приведшие к ее возникновению.

«Еще задолго до начала войны Ленин, большевики предвидели ее неизбежность. На международных съездах социалистов Ленин выступал со своими предложениями, направленными к тому, чтобы определить революционную линию поведения социалистов в случае возникновения войны.

Ленин указывал, что войны — неизбежный спутник капитализма. Грабеж чужих земель, завоевание и ограбление колоний, захват новых рынков не раз служили причиной завоевательных войн капиталистических государств. Война для капиталистических стран является таким же естественным и законным состоянием, как эксплуатация рабочего класса.

В особенности войны стали неизбежны, когда капитализм в конце XIX и в начале XX века окончательно перерос в высшую и последнюю ступень своего развития — империализм. При империализме приобрели решающую роль в жизни капиталистических государств мощные объединения (монополии) капиталистов и банки. Финансовый капитал стал хозяином в капиталистических государствах. Финансовый капитал требовал новых рынков, захвата новых колоний, новых мест для вывоза капитала, новых источников сырья.

Но уже в конце XIX века вся территория земного шара оказалась поделенной между капиталистическими государствами. Между тем, развитие капитализма в эпоху империализма происходит крайне неравномерно и скачкообразно: одни страны, ранее бывшие на первом месте, развивают свою промышленность сравнительно медленно, другие, ранее бывшие отсталыми, быстрыми скачками нагоняют и перегоняют их. Изменялось соотношение экономических и военных сил империалистических государств. Появлялось стремление к новому переделу мира. Борьба за новый передел мира вызывала неизбежность империалистической войны»[1].

* * *

Десятилетия потребовались капитализму для подготовки первой мировой империалистической войны.

Однако было бы неправильно думать, что этот период представлял собой длительную «мирную эпоху» капиталистического развития. «... в течение десятилетий, почти полувека, правительства и господствующие классы и Англии, и Франции, и Германии, и Италии, и Австрии, и России вели политику грабежа колоний, угнетения чужих наций, подавления рабочего движения»[2].

Период перед войной 1914 г. представляет собой картину самой разнузданной, самой ожесточенной, непрерывной империалистической борьбы. Эта борьба с каждым годом углублялась,

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 154—155, Госполитиздат, 1938 г.
[2] *Ленин*, т. XVIII, стр. 197.

расширялась и вела человечество к мировой катастрофе. В вышедших недавно ленинских «Тетрадях по империализму» помещены исключительные по своей выразительности таблицы главнейших кризисов в международной политике великих держав после 1870—1871 гг. [1], в которых В. И. Ленин наглядно, шаг за шагом показывает этапы раздела мира между империалистическими хищниками, «вехи» подготовки войны 1914—1918 гг.

В этих небольших сводках, построенных на основе огромнейшего фактического материала, тщательно изученного и критически переработанного, В. И. Ленин вскрывает узлы империалистических противоречий, срывает маски с буржуазной дипломатии, подвергает убийственной критике хитроумные сплетения договоров «перестраховки», «гарантий», «независимости», показывая во всей отвратительной наготе грабительскую, захватническую политику империализма.

Ленинские таблицы о главнейших кризисах в международной политике великих держав свидетельствуют о том, что Ленин для выяснения причин и сущности мировой войны изучал и подвергал углубленному анализу всю совокупность явлений эпохи империализма.

Важнейшие исторические события периода, предшествовавшего первой империалистической войне 1914—1918 гг., Ленин группирует в своих таблицах по следующим признакам: a) войны, b) дипломатия, c) колониальная политика, d) экономическая политика (тресты и пр.; таможенные договоры etc.; крупные концессии), e) рабочее движение и социалистические партии, f) революционные движения (не-пролетарского характера), g) национальные движения и национальный вопрос, h) демократические реформы, i) социальные реформы, k) разное и примечания.

Таким образом мы видим, что В. И. Ленин с различных сторон освещает империалистическую стадию развития капитализма и подготовку первой всемирной империалистической войны. Ни одна страна, ни одна область общественной жизни не была оставлена Лениным без тщательного научного анализа. Вопрос о возникновении первой мировой войны Ленин изучал в неразрывной связи не только с дипломатией и колониальной политикой великих держав, но и со всеми явлениями внутренней политики и законами классовой борьбы каждой из этих стран.

Приведем важнейшие даты этих таблиц:

1877—1878 гг. *Россия* + Англия + Австрия грабят («делят») *Турцию*.

1885 г. Россия на волосок от войны с Англией. Грабят («делят») *Среднюю Азию* (*Россия* и Англия).

---

[1] *Ленин*, Тетради по империализму, стр. 619, 622, Госполитиздат, 1939 г.

1889 г. Грабеж островов Самоа (совместно Англией, Германией и Соединенными Штатами).

10 января 1891 г. Ультиматум Англии к Португалии: грабят («делят») Африку.

1895 г. (Китайско-японская война). Грабят («делят») *Китай*. (Япония + *Россия* + Англия + Германия + Франция).

1898 г. Англия на волосок от войны с Францией (Фашода). Грабят («делят») *Африку*.

Испано-американская война. (Грабят Кубу и Филиппины.)

Англия ведет переговоры с Германией о союзе против России. (Не сторговались!).

Договор Англии и Германии: делят колонии Португалии («на случай» ее финансовой несостоятельности)...

1900 г. Душат Китай все вместе: Германия + Россия + Соединенные Штаты + Япония + Англия + Франция.

1903 г. Выколачивают долги из Венецуэлы (бомбардировкой): Германия + Англия + Италия.

1904 г. Договор Англии с Францией (8 апреля): делят Африку (готовятся к войне с Германией).

1904—1905 гг. (Русско-японская война.) Грабят («делят») *Китай и Корею* (*Россия* и Япония).

1905 г. Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делят») *Марокко*.

1907 г. Договор России с Англией (31 августа): делят Персию, Афганистан, Тибет (готовятся к войне с Германией).

1910 г. (июль). Россия и Япония заключают договор: «обмен» Кореи на Монголию!

1911 г. Договор России с Германией (19 августа): «перестраховка» тоже своего рода (Багдад за Персию).

Договор Англии с Японией (Англия нейтральна в случае войны Японии с Соединенными Штатами)...

Германия на волосок от войны с Францией и Англией. Грабят («делят») *Марокко*. *Обменивают* Марокко на Конго.

Ленинская таблица прерывается 1911 годом. Но, как известно, за трехлетие, с 1911 по 1914 г., происходили острые конфликты и велись «малые» войны (итало-турецкая, первая балканская, вторая балканская), которые явились прологом большой мировой империалистической бойни 1914—1918 гг.

Так выглядела в действительности «мирная политика» перед войной 1914 г.

«В Европе господствовал мир, но он держался потому, что господство европейских народов над сотнями миллионов жителей колоний осуществлялось только постоянными, непрерывными, никогда не прекращавшимися войнами, которых мы, европейцы, не считаем войнами, потому что они слишком часто похожи были не на войны, а на самое зверское избиение, истребление безоружных народов» [1].

[1] *Ленин*, т. XXX, стр. 334.

* * *

Первая мировая империалистическая война 1914—1918 гг. являлась неизбежным результатом непрерывного углубления и обострения основных противоречий капитализма, перешедшего на рубеже конца XIX и начала XX столетия в свою высшую и последнюю стадию развития — империализм. Еще в эпоху вызревания монополистического капитализма, когда заканчивалась борьба за раздел мира между главнейшими империалистическими державами и начиналась борьба за его передел, ознаменовавшаяся резким обострением империалистических противоречий, в Европе сложилась система противостоящих друг другу военно-политических союзов: Тройственный союз (между Германией и Австро-Венгрией в 1879 г. с присоединением Италии в 1882 г.) и, с другой стороны, союз между Россией и Францией (в 1891—1893 гг.).

Обе эти коалиции являлись в одинаковой степени реакционными и агрессивными элементами мировой политики.

В своем всемирно-историческом отчете на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г. товарищ Сталин с исчерпывающей глубиной показал, что глубочайшие исторические корни мировой империалистической войны восходят еще к той ситуации, которая сложилась в Европе в 70-х годах XIX века, после захвата Германией Эльзаса и Лотарингии. Уже тогда и *именно по германской инициативе* начала складываться в Европе система вооруженных союзов, прикрывавшихся якобы оборонительными целями, но созданных, как это гениально вскрыл товарищ Сталин, для подготовки империалистических войн.

«Из истории Европы мы знаем, что каждый раз, когда заключались договоры о расстановке сил для новой войны, они, эти договоры, назывались мирными. Заключались договоры, определяющие элементы будущей войны, и всегда заключение таких договоров сопровождалось шумом и криком насчет мира. Фальшивые певцы мира всегда в таких случаях находились. Я вспоминаю факты из истории после франко-прусской войны, когда Германия оказалась победительницей, когда Франция оказалась побежденной, когда Бисмарк всячески старался сохранить «статус кво», т. е. тот порядок, который создался после победоносной войны Германии с Францией. Тогда Бисмарк стоял за мир, потому что этот мир давал ему целый ряд привилегий перед Францией. Франция тоже стояла за мир, по крайней мере в первое время, пока она еще не оправилась от неудачной войны. Вот в этот период, когда все говорили о мире, а фальшивые певцы воспевали мирные намерения Бисмарка, Германия и Австрия заключили соглашение, совершенно мирное и совершенно пацифистское соглашение, которое послужило потом одной из основ будущей империалистической войны. Я говорю о соглашении между Австрией и Германией в 1879 г. Против кого было направлено это соглашение? Против России и Франции. О чем

говорило это соглашение? Слушайте: «Поскольку тесное сотрудничество Германии и Австрии никому не угрожает и рассчитано на укрепление мира в Европе на основах, установленных берлинским трактатом, их величества, т. е. два государя, решили заключить союзный мир и взаимное соглашение».

Вы слышите: тесное сотрудничество Германии и Австрии *ради мира в Европе*. Это соглашение трактовалось «союзом мира», а между тем все историки сходятся на том, что это соглашение послужило прямой подготовкой к империалистической войне 1914 г.» [1].

Товарищ Сталин показывает далее, что франко-русский союз, явившийся ядром будущей Антанты и новым этапом в подготовке первой империалистической войны 1914—1918 гг., был ответом на образование Тройственного союза, созданного под эгидой германского империализма.

«Последствием этого соглашения о мире в Европе, а на деле о войне в Европе, послужило другое соглашение, соглашение России и Франции в 1891—1893 гг. — тоже о мире, не иначе. О чем там говорится? О том, что «Франция и Россия, одушевленные одинаковым стремлением поддерживать мир, пришли к следующему соглашению». К какому — это *открыто* так и не было сказано тогда. А в тайном тексте соглашения сказано: в случае войны Россия должна выставить против Германии 700 000 войск, а Франция (кажется) 1 300 000.

Оба эти соглашения официально назывались соглашениями мира, дружбы и спокойствия во всей Европе.

В завершение всего этого через 6 лет, в 1899 г., собирается гаагская конференция мира, где ставится вопрос о сокращении вооружений. Это в тот момент, когда на основе соглашения Франции и России французские офицеры генерального штаба приезжают в Россию, чтобы выработать планы передвижения войск на случай войны, а русские офицеры генерального штаба едут во Францию, чтобы с французскими генералами составить планы будущих военных операций против Германии. Это в то время, когда генеральные штабы Германии и Австрии составляют план и вырабатывают условия, при которых Австрия и Германия взаимно должны наступать на своих соседей на Западе и Востоке. В этот самый момент (все это творится, конечно, втихомолку, за спиной) собирается гаагская конференция 1899 г., где провозглашается мир, где подымают фальшивый шум о сокращении вооружений.

Вот вам образец беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии, когда шумом и песнями о мире стараются прикрыть дело подготовки к новой войне» [2].

Эти указания товарища Сталина с непревзойденной марксистско-ленинской глубиной вскрывают нам корни мировой импе-

---

[1] Стен. отчет XIV съезда ВКП(б), стр. 15, ГИЗ, 1926 г.
[2] *Там же*, стр. 15—16.

риалистической войны 1914—1918 гг., объясняют ту «тайну, в которой война рождается».

Империалистические блоки, сформировавшиеся в обстановке крайнего обострения международных противоречий, в свою очередь еще более их усиливали и углубляли борьбу за мировую гегемонию между империалистическими державами.

В 1882 г. к австро-германской коалиции примкнула Италия, и таким образом составился знаменитый Тройственный союз.

Договор, заключенный между этими тремя державами, обязывал: Германию и Австро-Венгрию оказать Италии помощь в случае нападения на нее Франции, а Италию оказать помощь Германии в случае нападения на нее Франции. Отсюда ясно, что Тройственный союз с самого начала был обращен своим острием одновременно против России и против Франции.

Через год (1883 г.) был подписан австро-румынский союзный договор, направленный против России. Таким образом Тройственный союз получил еще новое подкрепление.

В свою очередь, франко-русский союз был направлен против Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Первоначально Англия, опирающаяся на свою мощную колониальную империю и на свой первоклассный и могущественный военно-морской флот, в течение долгого периода проводила свою традиционную политику balance of power и придерживалась принципа «блестящей изоляции» (splendid isolation), провозглашенного в свое время лордом Солсбери. Даже в песнях распевалось о том, что Англия не нуждается в союзниках и может, если понадобится, сражаться одна против целого мира. «We've got the ships, we've got the men, we've got the money too» (мы обладаем кораблями, мы обладаем людьми, мы обладаем также деньгами) — гласил припев этой песни.

Об этой внешней политике Англии российский министр иностранных дел Муравьев в записке на имя Николая II в январе 1900 г. писал: «За истекшие полвека Англия, вследствие своей алчной, корыстной и эгоистичной политики, успела возбудить против себя неудовольствие почти во всех государствах континентальной Европы; пользуясь своим исключительным островным положением, первыми по силе и могуществу военным и коммерческим флотами, англичане сеяли раздор и смуту среди европейских и азиатских народов, извлекая для себя из этого всегда какую-либо материальную выгоду. Почти все государства в большей или меньшей степени испытали на себе неблагоприятные последствия таковой политики» [1].

Применяя испытанный метод — бить морских и колониальных противников силами своих континентальных временных союзников, британский империализм проводил принцип divide et impera (разделяй и властвуй), искусно используя в своих интересах

[1] Арх. Вн. Пол., д. С. А., № 808.

противоречия держав на европейском континенте и на колониальной арене, сталкивая их друг с другом и взаимно их ослабляя. Поэтому Англия довольно долго не хотела связывать себя союзными обязательствами с другими державами.

Эту традиционную политику английского империализма чрезвычайно образно и метко выразил товарищ Сталин в своих «Заметках на современные темы»: «Английская буржуазия, — писал товарищ Сталин, — не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала войну чужими руками».

Следует отметить, что интересы Англии, являвшейся в этот период гегемоном на мировой арене, резко сталкивались с интересами Франции и царской России.

В конце XIX и начале XX столетия не прекращалась борьба между Англией и царской Россией как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке — в Иране, Турции, Средней Азии, Тибете, Китае. Точно так же французская политика колониальной экспансии, проводившаяся в 1870—1880-х годах (завоевание Индо-Китая и огромных территорий в Африке и т. д.), повсюду сталкивалась с Англией, и бывали моменты, когда война между Францией и Англией казалась почти неизбежной (Фашодский инцидент в 1898 г.).

Особенно резкая борьба происходила в этот период между Францией и Англией из-за Египта, из которого Англия шаг за шагом вытесняла Францию. Эта борьба между Францией и Россией, с одной стороны, и Англией — с другой, продолжалась до тех пор, пока на мировую арену борьбы не выступил молодой германский империалистический хищник, быстрое экономическое развитие которого превратило его в основного и наиболее опасного соперника английского империализма.

«Старый дележ, — пишет Ленин, — основывался на том, что Англия в течение нескольких сот лет разорила своих прежних конкурентов... Путем долгих войн Англия утвердила, на основе своей экономической силы, силы своего торгового капитала, свое, неоспариваемое нигде, господство над миром. Появился новый хищник, создалась в 1871 г. новая капиталистическая держава, развивавшаяся неизмеримо более быстро, чем Англия... Это быстрое развитие капитализма Германии было развитием молодого и сильного хищника, который появился в союзе европейских держав и сказал: «Вы разорили Голландию, вы разбили Францию, вы взяли пол-мира в свои руки, — потрудитесь нам дать соответствующую долю» [1].

* * *

Германский империализм вступил на путь колониальных захватов в 1884 г. и потребовал себе «места под солнцем»; не желая довольствоваться второстепенными территориями, он накоплял силы для вооруженной борьбы за передел мира.

---

[1] *Ленин*, т. XXX, стр. 337.

Прорытие Кильского канала в 1895 г., давшего Германии возможность объединить военные флоты Северного и Балтийского морей, быстрый рост сухопутных и особенно морских вооружений, отправным пунктом развертывания которых явилась грандиозная судостроительная программа адмирала Тирпица, принятая в 1898—1900 гг. германским рейхстагом, активная политика колониальных захватов Германии в Африке и на Дальнем Востоке (Киао-Чао в 1897 г.), руководящая роль Германии в подавлении боксерского восстания в Китае в 1900 г., проникновение в Южную Америку, в балканские страны, концессия на проведение Багдадской железной дороги (1899 г.), угрожающей важнейшим позициям английского империализма в Передней Азии, Персии и Индии, — все это приводило к новой расстановке сил на международной арене и еще более обостряло борьбу между крупнейшими империалистическими державами.

Подрыв гегемонии Англии на мировом рынке заставляет ее выйти из состояния «блестящей изоляции» и стать на путь сколачивания блоков. В начале XX столетия Англия делает попытку сблизиться с Германией и заручиться ее поддержкой для борьбы с Францией и Россией.

На протяжении 1898—1901 гг. английский министр колоний Джозеф Чемберлен предлагал Германии «соответствующие колониальные компенсации» взамен германской поддержки против царской России в Азии, против Франции — в Африке. В этих переговорах Германии предлагалось быть английским солдатом на континенте Европы против Франции и царской России [1].

Однако Германия не была намерена таскать каштаны из огня для Великобритании и отвергла «заманчивые» предложения Д. Чемберлена.

«Англия, — писал Вильгельм II Николаю II 18 августа 1898 г., — от времени до времени возобновляла переговоры с нами, но ни разу не раскрыла вполне своих карт. Насколько я понимаю, они стараются изо всех сил найти континентальную армию, которая стала бы сражаться ради их интересов! Я полагаю, им будет не легко найти таковую, — по крайней мере это будет *не моя!*» [2].

Потерпев неудачу в Германии, английские империалисты стали искать союзника против царской России, а также и против Германии, которая стала к этому времени крупной мировой державой и представляла собой серьезного конкурента Англии.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что историческая неизбежность мировой империалистической войны 1914—1918 гг. определялась прежде всего непримиримостью противоречий между главными империалистическими соперниками на мировой арене — Германией и Англией. Германию и Англию Ленин часто называл

---

[1] Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, B. XIV, S. 196—202, B. XVIII, S. 20.

[2] Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 28, Госиздат, 1923 г.

«главными и наиболее сильными империалистическими хищниками», «атаманами двух разбойничьих шаек» и т. п.

Анализируя причины, вызвавшие мировую войну, Ленин писал: «Эта война вызвана неизбежно тем развитием гигантски-крупного капитализма, особенно банкового, которое привело к тому, что каких-нибудь четыре банка в Берлине и пять или шесть в Лондоне господствуют над всем миром, забирают себе все средства, подкрепляют свою финансовую политику всей вооруженной силой и, наконец, столкнулись в неслыханно-зверской схватке из-за того, что дальше идти свободно захватным порядком некуда. Либо один должен отказаться от владения своими колониями, либо другой. Такие вопросы в этом мире капиталистов не решаются добровольно. Это может быть решено только войной» [1].

Товарищ Сталин, углубивший, развивший и поднявший на новую ступень ленинское учение об империалистической войне, при анализе причин, приведших к этой войне, на первый план выделяет англо-германское противоречие. «Известно, — писал товарищ Сталин, — что еще совсем недавно Англия шла впереди всех других империалистических государств. Известно также, что впоследствии Германия стала перегонять Англию, требуя для себя места «под солнцем» за счет других государств и прежде всего за счет Англии. Известно, что империалистическая война (1914—1918 гг.) возникла именно в связи с этим обстоятельством» [2].

294198

Первый крупный поворот в своей внешней политике Англия сделала в 1902 г., подписав союзный договор с Японией, направленный отчасти против Германии (так как это дало возможность Англии перебросить часть тихоокеанского флота в Северное море, где вырастал сильный германский флот), главным же образом против царской России, являвшейся вековым соперником английского империализма в Азии — Иране, Афганистане, Тибете и на Дальнем Востоке.

Этот союз вдохновил и подтолкнул японских империалистов на борьбу с царской Россией, ослабления которой всемерно добивалась Англия. В Лондоне в 1904 г., по словам Вильгельма II, преобладало «твердое убеждение, что в конце концов Япония окончательно разобьет Россию и продиктует ей мир» [3]. Следующим шагом английского империализма по пути дальнейшего окружения и изоляции своих противников царской России и Германии явилось сближение с Францией. Этому сближению способствовало обострение франко-германских империалистических противоречий, связанных с борьбой за раздел Марокко, за сферы приложения капитала в балканских странах и в Турции.

Решающим шагом в деле англо-французского сближения

---

[1] *Ленин*, т. XXX, стр. 341.

[2] *Сталин*, О социал-демократическом уклоне в нашей партии. *Ленин* и *Сталин*, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 82, Партиздат, 1937 г.

[3] «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 59.

БИБЛИОТЕКА

явилось заключение соглашения между Англией и Францией в апреле 1904 г. о разделе сфер влияния в Африке, наиболее важным пунктом которого являлось предоставление Англии свободы действий в Египте и Франции в Марокко. Так рождается «сердечное согласие» (entente cordiale), англо-французская Антанта. Тем самым был сделан новый шаг по пути сколачивания империалистических группировок, а это в свою очередь еще более обострило борьбу между Англией и Германией.

Поражение царской России в войне с Японией явилось новым этапом в международных отношениях. Английский империализм, учитывая, что ослабленная Россия на данном этапе не могла представлять серьезной угрозы британским позициям в Средней Азии и на Дальнем Востоке, стал искать сближения с российским военно-феодальным империализмом для того, чтобы использовать его в будущих решительных схватках с Германией. С этой целью в 1907 г. Англия заключила соглашение с Россией о разделе сфер влияния в Иране, а также об Афганистане и Тибете; северная часть Ирана была признана зоной влияния царской России, юго-восточная — Англии, а третья зона, расположенная между двумя первыми, была признана нейтральной; кроме того, Россия признала Афганистан вне сферы ее влияния и обязалась вести сношения с этой страной только через английское правительство; наконец царская Россия и Англия обязались «уважать территориальную целостность Тибета, воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление», сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства и не домогаться никаких концессий и других прав в этой стране.

Это соглашение создавало условия для совместной борьбы двух хищников против третьего хищника — германского империализма. Одновременно оно было направлено на удушение поднимающегося под влиянием героической русской революции 1905 г. национально-освободительного движения народов Азии. «...в России, — пишет товарищ Сталин, — всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов». Царизм был «сторожевым псом империализма на востоке Европы», «вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д.» [1].

Заключением сделки с Россией в 1907 г. Англии удалось временно смягчить противодействие России английским захватническим планам в Средней Азии и на Дальнем Востоке и тем самым заставить перенести центр тяжести политики царской России на Балканский полуостров, чтобы столкнуть ее лбом с Австро-Венгрией, являвшейся союзницей Германии.

Перечисленными тремя договорами — франко-русским (1891—1893 гг.), англо-французским (1904 г.) и англо-русским (1907 г.) —

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 4—5, изд. 10-е.

была создана в противовес Тройственному союзу вторая большая коалиция империалистических держав.

«В 1907 г. возникло Тройственное согласие, или Антанта, — союз Англии, Франции и России. Другой империалистический союз составляли Германия, Австро-Венгрия и Италия» [1].

Два империалистических блока, главную роль в которых играли Англия и Германия, отныне грозно противостояли друг другу, и чем дальше, тем яснее становилась неизбежность решительной схватки между ними за передел мира.

«Война, — писал Ленин, — порождена империалистскими отношениями между великими державами, т.-е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, при чем на первом месте стоят в этой войне *два* столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники» [2].

Таким образом, в начале XX столетия мир был разделен на два враждебных лагеря. Каждая из империалистических коалиций добивалась для себя наиболее благоприятной расстановки сил и стремилась утвердить свою гегемонию на мировой арене.

* * *

Однако наряду с глубочайшим конфликтом, назревавшим между Тройственным союзом и Тройственным согласием, обострялись также противоречия внутри каждой из этих группировок, нередко приводившие к острым трениям между союзниками. При этом и Тройственный союз и Тройственное согласие всячески пытались использовать внутренние противоречия противоположной группировки, ослабить ее, вырвать из нее то или иное звено, лишить ее поддержки тех или других мелких государств, предназначенных играть вспомогательную роль в предстоящей войне. Это прежде всего относилось к Италии, которая, продолжая оставаться в Тройственном союзе, на деле являлась в нем «мертвым грузом» и постепенно сближалась с державами Антанты.

На заре формирования основных военно-политических союзов соперничество за раздел африканских колоний столкнуло Италию с Францией и привело ее к союзу с Германией. Однако дальнейшее обострение противоречий между Италией и Австро-Венгрией — в Тироле, на побережье Адриатического моря, на Балканах и т. д. — ослабляло связи Италии с Тройственным союзом и толкало ее в лагерь Антанты.

Серьезной брешью в положении Италии в Тройственном союзе явилось заключение ею секретного соглашения с Францией в декабре 1900 г., по которому Италия изъявила согласие не препятствовать захвату Марокко Францией, взамен чего последняя

[1] «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 155.
[2] *Ленин*, т. XIX, стр. 280—281.

обещала не чинить препятствий захвату Италией Триполи и Киренаики. Спустя два года Италия новым секретным соглашением с Францией обязалась сохранять нейтралитет по отношению к ней, если она подвергнется нападению со стороны третьих держав.

В 1909 г. был заключен секретный договор между Италией и Россией в Раккониджи, по которому Италия обязалась относиться благожелательно к русским интересам в вопросе о Проливах, а Россия — к итальянским интересам в Триполи и Киренаике.

Это сближение Италии с противниками Германии и Австро-Венгрии означало сильнейший подрыв одного из устоев Тройственного союза. Еще в январе 1902 г. германский канцлер Бюлов, встревоженный заигрываниями Италии с державами Антанты, успокаивая «общественное мнение», заявил в рейхстаге:

«В счастливом браке муж не должен сердиться на то, что его жена невинным образом сделала лишний тур вальса, главное — чтобы она не ушла от него, а она не уйдет, если ей с ним лучше» [1]. Однако последующие события показали, что «жена» находилась далеко не в счастливом браке и решила сбежать от своего супруга. Как известно, в начале войны 1914 г. Италия сохраняла «нейтральную» позицию, а весной 1915 г. перешла на сторону Антанты.

Однако и между двумя другими членами Тройственного союза — Австро-Венгрией и Германией — имелись трения, которые приводили иногда к перебоям в их взаимоотношениях и к несогласованным выступлениям на международной арене. Во время алжесирасской конференции (1906 г.) и агадирского кризиса (1911 г.) Австро-Венгрия не оказала Германии достаточно решительной поддержки, которую в Берлине от нее ожидали. Во время балканских войн 1912—1913 гг. Австро-Венгрия вела также в известной мере свою самостоятельную политику.

Острые противоречия, существовавшие между Италией и Австрией в борьбе за господство на адриатическом побережье, нередко приводили к тому, что австрийские военные круги бряцали оружием по адресу Италии и этим еще более ослабляли ее связи с Тройственным союзом. Известно, что в ноябре 1911 г. австро-венгерский генеральный штаб во главе с Конрадом предпринял сосредоточение войск у границ с Италией, что вызвало резкое недовольство Германии и привело к отставке Конрада. В Берлине опасались, что «если бы восторжествовало мнение начальника генерального штаба и на итальянской границе были бы произведены требуемые им военные приготовления, Италия была бы навсегда потеряна для Тройственного союза. Между тем единственной благоразумной внешней политикой для Австро-Венгрии считают здесь [т. е. в Берлине. — *А. М.*] такую, которая не помешала бы его возобновлению. Однако и теперь опасность в этом отношении не миновала, и в Германии прекрасно сознают, что за спиной ген. Конрада стоит будущий австрийский император [т. е. Франц-Фердинанд. — *А. М.*], недружелюбное отношение которого

[1] *Бюлов*, Воспоминания, стр. 233.

к Италии достаточно известно... На политику же графа Эренталя, стремящегося эмансипироваться от опеки Берлина, смотрят все с бо́льшим недоверием и даже неудовольствием; его обвиняют между прочим также и в том, что в последнем кризисе, вызванном разрешением марокканского вопроса, он недостаточно определенно подчеркивал свою солидарность с Германией» [1].

* * *

В другой империалистической коалиции — Тройственном согласии — также имели место противоречия, которые не раз вызывали опасения в правительственных кругах Франции, Англии и России. Наибольшее беспокойство вызывала в Париже и Лондоне позиция России, нередко делавшей серьезные крены в своей внешней политике в сторону Тройственного союза. Эта колеблющаяся позиция России объяснялась, с одной стороны, нежеланием Англии и Франции допустить Россию к проливам — Босфору и Дарданеллам, недостаточной поддержкой, оказываемой этими двумя державами Антанты российской политике на Балканах, а с другой — острыми противоречиями, существовавшими между Англией и Россией в Персии. Внешняя политика английского империализма неизменно состояла в том, чтобы сталкивать лбами Францию и Россию с Германией, а также не допускать усиления своих союзников в расчете на укрепление собственных позиций на мировой арене.

Эти обстоятельства были учтены Германией, которая на протяжении ряда лет предпринимала огромные усилия, чтобы в этой сложной и противоречивой ситуации ослабить Антанту и привлечь царскую Россию на свою сторону.

Серьезным шагом, предпринятым германским империализмом в этом направлении, явилось подписание 24 июля 1905 г. русско-германского секретного договора в Бьерке, по которому Вильгельму II удалось добиться от слабовольного и бесхарактерного российского монарха согласия «оказать Германии поддержку в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами, в случае если она подвергнется нападению со стороны какой-либо европейской державы». Следует указать на то, что германские правящие круги пытались внести охлаждение во франко-русские отношения во время войны России с Японией в 1904—1905 гг., убеждая Россию, что́ Франция ей изменила, заключив соглашение с соперницей России — Англией.

«Исполнение договора, — писал Вильгельм Николаю II 29 сентября 1905 г., — не противоречит — как мы согласились в Бьерке — франко-русскому союзу, конечно, при условии, что последний не направлен прямо против моего государства. С другой стороны, *обязательства* России по отношению к Франции могут иметь значение лишь постольку, поскольку она своим поведением заслу-

[1] «Международные отношения в эпоху империализма». Документы из архивов царского и Временного правительств, серия II, т. XIX, № 180, Госполитиздат, 1938 г.

живает их выполнения. Твоя союзница явно оставляла тебя без поддержки в продолжение всей войны, тогда как Германия помогала тебе всячески, насколько это было возможно без нарушения законов о нейтралитете. Это налагает на Россию нравственные обязательства также и по отношению к нам: do, ut des (даю, чтобы ты дал)... Франция, хотя и состоит *с тобой в союзе*, вошла, однако, в соглашение с Англией...» [1].

Однако попытка Германии подорвать франко-русский союз не увенчалась успехом. Царские министры, узнав о подписании Николаем договора с Вильгельмом, который по существу означал подрыв франко-русского союза, настояли на отмене Бьеркского договора. «Главная, если не единственная, цель Вильгельма, — писал российский министр иностранных дел Ламздорф, — заключается в том, чтобы поссорить нас с Францией и за наш счет выйти самому из состояния изолированности».

Тщетно германский кайзер метал гром и молнии и призывал в свидетели «самого бога». Его призыв остался неуслышанным. Русско-германский договор был сорван.

Новая трещина в системе Тройственного согласия обнаружилась в 1908 г., т. е. через год после создания Антанты, во время боснийского кризиса. В 1908 г. Россия сделала попытку договориться с Австро-Венгрией по вопросу о Проливах. В сентябре 1908 г. в Бухлау была заключена сделка между Извольским и Эренталем, по которой Австро-Венгрия дала согласие на открытие Проливов для российского флота, а Россия согласилась не препятствовать аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Расчет царской России покоился на уверенности в том, что сделка с Австро-Венгрией, а следовательно и стоящей за ней Германией, будет одобрена Францией и Англией.

Следует отметить, что английские политические деятели, стремившиеся столкнуть Россию с Австро-Венгрией на Балканах, накануне боснийского кризиса в своих беседах с царскими дипломатами не стеснялись на посулы. В июне 1908 г. пом. статс-секретаря английского министерства иностранных дел сэр Чарльз Гардинг имел памятный разговор в Ревеле с Извольским, в результате которого последний вернулся с твердым убеждением, что Англия гарантировала царской России Проливы [2].

Каково же было разочарование царской России, когда после внезапной аннексии Австрией Боснии и Герцеговины Англия оказала решительное противодействие притязаниям России на Проливы.

Тщетно пыталась Россия сослаться на обещание, данное Извольскому в Ревеле. Англия ответила, что «под Проливами и Гардинг и Извольский понимали каждый разно: Гардинг думал, что Про-

---

[1] «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 123, ГИЗ, 1923 г.
[2] См. запись статс-секретаря Половцова в дневнике от 30 июля 1908 г. (Кр. Арх., т. IV, стр. 128).

ливы могли бы быть открыты для всех, — Извольский — что они должны быть открыты только для России» [1].

В результате боснийского кризиса противоречия внутри Тройственного согласия снова обострились.

Германский империализм, учитывая сложившуюся ситуацию, вновь попытался вбить клин в отношения между Россией и ее союзниками. Во время потсдамского свидания Вильгельма II с Николаем II, в ноябре 1910 г., Германия пыталась добиться согласия России не поддерживать какой бы то ни было враждебной политики Англии или Франции по отношению к Германии. Результатом потсдамского свидания явилось подписание русско-германского соглашения по персидским делам в августе 1911 г., по которому Германия обязалась не добиваться экономических концессий в северной части Персии, находившейся в сфере влияния России, а также не строить ответвлений Багдадской жел. дор. к северу от Ханекена. Россия в свою очередь отказалась от всякого противодействия сооружению Багдадской железной дороги, угрожавшей английским позициям в Персидском заливе.

Потсдамское соглашение, направленное против интересов Англии, с отчетливой ясностью продемонстрировало всю глубину и остроту англо-русского соперничества в Персии.

«Едва ли может быть сомнение в том, — писал военный агент в Англии Ермолов 14 февраля 1912 г., — что прочность англо-русского соглашения со стороны Англии зиждется, помимо всяких других соображений, главным образом *на боязни Англии перед Германией*. Пока Англия опасается Германии, она будет держаться соглашения с нами, так сказать, обеими руками и будет более или менее предоставлять нам большую свободу действий в Азии. Но, конечно, если когда-нибудь соглашение Англии с Россией почему-либо нарушится, то Англия перейдет на сторону Германии, заключит с ней соглашение и тогда опять тотчас же возникнут все прежние наши распри и пререкания с Англией из-за Средней Азии, Персии, Афганистана и Индии» [2].

Потсдамское соглашение вызвало серьезное беспокойство в Париже и Лондоне. Такие видные политические деятели, как Ганото, Пуанкаре, Делькассе — во Франции, Ллойд-Джордж — в Англии, выражали серьезные опасения о возможности выхода России из лагеря Тройственного согласия. Потсдамское соглашение,— писал Извольский Сазонову 4 июля 1912 г., — «оставило по себе более глубокие следы, нежели можно было предполагать. Постоянно делаемый мне упрек, что, помешав сначала Франции участвовать в Багдадском предприятии, мы затем сговорились с Германией, оставив Францию между двумя стульями, исходит не только от Пуанкаре; я слышал их от самых различных деятелей — политических, финансовых и т. д.» [3].

---

[1] Brit. Doc., vol. IV, N 265. *A. Nicolson*, Baron Carnock, p. 273.
[2] «М. О.», т. XIX, № 468.
[3] «М. О.», т. XX, № 265.

Во время прений во французском сенате о внешней политике Франции в апреле 1911 г. многие политические деятели заявляли о том, что «в Потсдаме Россия окончательно отделилась от Франции и Англии и перешла в лагерь Тройственного союза... будто в Потсдаме Россия заключила союз с Германией против Англии, дабы обеспечить себе выход к Персидскому заливу» [1].

В результате, под давлением Англии и Франции, державших российский военно-феодальный империализм на золотой цепочке кабальных займов, Россия вынуждена была отказаться от заключения общеполитического соглашения с Германией.

Однако дальнейшее углубление и обострение противоречий между Англией и Германией, с одной стороны, Россией и Англией, с другой, — создавали возможность русско-германского сближения. Попыткой такого сближения в июле 1912 г. явилось свидание Вильгельма II с Николаем II в Балтийском Порте. Узнав об этом свидании, английские и французские правящие круги были сильно напуганы и предприняли меры к тому, чтобы помешать русско-германскому сближению. Несмотря на заявление германского канцлера Бетман-Гольвега Сазонову об искреннем желании «содействовать укреплению традиционных добрых отношений между обеими соседними империями» [2], английские и французские империалисты продолжали пугать Россию «угрозой германской агрессии». В связи с этим Пуанкаре заявил Извольскому, что французское общественное мнение будет крайне встревожено свиданием, «и после нескольких попыток приписать нам [России.— *А. М.*] склонность отделиться от Франции и сблизиться с Германией, французское общественное мнение будет расценивать это свидание не иначе, как признак ослабления союза» [3].

В связи с вызванной в Париже тревогой Николай II был вынужден лично заверить французского посла «в незыблемости франко-русского союза и указать на неосновательность проявленной во Франции тревоги по поводу предстоящего свидания в Балтийском Порте» [4].

Однако это заявление не смогло полностью рассеять тревогу в Париже и Лондоне. Англия и Франция опасались, что Россия сблизится с Германией и не захочет вести войну на стороне Англии. Исходя из этого, англо-французские империалисты предпринимали все меры к тому, чтобы подчинить военные планы России своим интересам, удержать Россию в системе Антанты и заставить русскую армию действовать по указке из Парижа и Лондона.

Летом 1912 г., по настоянию Франции, состоялось очередное совещание начальников генеральных штабов российской и фран-

---

[1] «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», стр. 67—68. Москва, 1922 г.
[2] «М. О.», т. XX, № 277.
[3] *Там же*, № 145.
[4] «М. О.», т. XX, № 255.

пузской армий и была заключена первая франко-русская морская конвенция.

Предпринятая летом 1912 г. поездка Пуанкаре в Петербург привела к еще большему усилению связи между Францией и Россией.

Все эти мероприятия, предпринятые накануне мировой войны англо-французским империализмом, свидетельствовали о том, что Англия и Франция цепко держались за царскую Россию, надеясь заполучить нужное пушечное мясо для подготовляемой ими войны с Германией. Поэтому в Лондоне говорили, что «Англия будет сражаться до последнего русского солдата».

Однако и Франция не оставалась в долгу у своей союзницы России. В ответ на «потсдамскую измену» Франция 21 июля 1911 г. заключила соглашение с Турцией о строительстве черноморских железных дорог (по линии Самсун—Сивас—Эрзингян—Эрзерум—Трапезунд), подходивших к кавказским границам России. Известие об этом соглашении не на шутку встревожило правящие круги царской России. «Французскому правительству должно быть известно, — писал Извольскому Сазонов, — что мы можем отнестись лишь самым отрицательным образом к постройке таких железнодорожных линий, которые явились бы угрозой для нашего стратегического положения на кавказской границе... Постройка подобных линий обязала бы нас к принятию обширных военных мероприятий со стороны Кавказа, а это ослабило бы наше положение на нашем западном фронте, что не может быть безразличным для Франции. Поэтому мы рассчитываем, что французское правительство ни в коем случае не окажет Турции финансового содействия для осуществления чисто стратегических и опасных для нас железных дорог»[1]. Но надежды России оказались беспочвенными. Спустя три года, в феврале 1914 г., Франция за спиной России вошла в сделку с Германией и в обмен на свое согласие не препятствовать сооружению Багдадской дороги получила от Германии согласие на сооружение железнодорожных линий вдоль побережья Черного моря. Вслед за этим соглашением, в апреле 1914 г., Франция подписала договор с Турцией, по которому она обязалась предоставить последней заем в 800 млн. франков и взамен этого получила право на проведение железных дорог в направлении, угрожающем России.

Таким образом, мы видим, что и двойственный союз между Францией и Россией нередко раздирался противоречиями и порой даже грозил разрывом. Однако, несмотря на все эти трения в лагере Антанты, стремление сокрушить ненавистный австро-германский блок объединяло Россию, Францию и Англию и в решающие моменты отодвигало угрозу столкновения между ними. Здесь уместно вспомнить известную французскую пословицу: «Ils s'aiment toujours contre quelqu'un» (Если они любят друг друга, то неизменно против кого-нибудь).

---

[1] «Материалы», стр. 54.

* * *

Следует указать, что германский империализм предпринимал неоднократные попытки, чтобы заручиться нейтралитетом Англии с целью расправиться поодиночке с Францией и Россией, а затем разделаться и с Англией.

Еще в 1901 г., в ответ на предложение Англии о союзе, Германия в свою очередь предложила ей присоединиться к Тройственному союзу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Англия категорически отвергла это более чем «смелое» предложение Германии, отводившее Англии роль немецкого солдата в Европе.

«Если мы будем иметь формальный союз с Германией, — писал 9 ноября 1901 г. английский дипломат Берти, — то мы либо должны будем приноровить наше поведение в большей части света к ее взглядам и подчинить нашу политику ее политике, как Австрия и Италия, либо, если мы будем действовать самостоятельно, то всякий раз, когда мы примем меры для охраны наших интересов в какой-нибудь отдаленной части мира, Германия может сказать нам, что мы создаем положение, которое может привести к нападению на нас Франции или России, обязывая Германию браться за оружие без достаточных причин для нашей защиты, или же Германия может найти какой-либо момент, благоприятный для себя, но неудобный для нас, чтобы вызвать войну по вопросу, в котором мы можем быть не слишком заинтересованы» [1].

В 1909 г., в ответ на предложение Англии о сокращении строительства флотов обеих стран, Германия предложила Англии заключить морскую конвенцию при условии подписания взаимного обязательства не объявлять друг другу войны и не присоединяться к враждебной коалиции, соблюдать доброжелательный нейтралитет в случае войны с третьим государством или группой государств. Этим предложением германский империализм стремился обеспечить благоприятную для себя международную обстановку в Европе — оторвать Англию от ее союзников, связать ей руки и обеспечить себе свободу действий на континенте с тем, чтобы поочереди разбить своих противников.

Неудивительно поэтому, что в Лондоне усмотрели в этом предложении Германии ловушку. «Если правительство его величества, — писал 4 мая 1909 г. помощник статс-секретаря по иностранным делам Ч. Гардинг, — попадет в подобную ловушку, срок действия соглашения будет ревностно использован Германией для консолидации своего превосходства в Европе, пока Англия будет оставаться в качестве зрителя со связанными руками... Более того, одно заявление, что Англия заключила подобное соглашение с Германией, приведет к немедленной изоляции Англии... Хотя немыслимо, чтобы какое-либо правительство было одурачено столь прозрачным предложением, как предложение барона Кидерлена, которое не могло быть сделано без ведома и одобрения князя

[1] «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914», vol. II, N 91.

Бюлова, все же хорошо, чтобы его опасный характер был разоблачен и чтобы гибельные последствия, к которым может привести его принятие, были полностью уяснены»[1].

Ввиду продолжавшейся агитации в английских правящих кругах против гонки морских вооружений в Германии, последняя через год снова обратилась к Англии с предложением уменьшить темпы своего военно-морского строительства взамен английского нейтралитета в случае войны Германии с какой-либо европейской державой. Однако и на сей раз попытка Германии не дала желаемых результатов. Английская дипломатия отлично понимала, что за всеми этими предложениями скрывается стремление разрушить Антанту, затормозить строительство английского флота и добиться политической изоляции Англии.

«Для Англии, — писал английский дипломат Эр Кроу, — выгоды предлагаемого соглашения весьма скудны. Англия будет связана в вопросах о размерах морского строительства не только по отношению к Германии, но и по отношению ко всему миру. С другой стороны, согласно условиям соглашения Германия, — в одиночку ли или в союзе с другими странами, — временно отказавшись от воинственных планов против Англии, получит свободу действовать как ей угодно против любого другого государства. Она может раздавить, приневолить или проглотить любую маленькую страну, она может напасть, держаться грубо или вызывающе по отношению к другим странам... Она может также противодействовать британским коммерческим или иным интересам по всему миру, и все это, не боясь вмешательства британского правительства. Торг выглядит немного односторонним. Трудно понять, как могли с честными намерениями предложить его нам»[2].

Таким образом, все попытки Германии расколоть Антанту и заручиться нейтралитетом Англии окончились крахом.

Необходимо указать, что и Англия со своей стороны за спиной своих союзников вела сепаратные переговоры с Германией и стремилась к заключению наиболее выгодного для себя соглашения. Исход агадирского кризиса 1911 г. вызвал большое раздражение в Берлине. Правящие круги Германии в отместку за агадирское поражение готовили значительное усиление строительства военно-морского флота, ускорявшее сроки выравнивания германских и английских сил на море. Узнав об этом, Великобритания в 1911—1912 гг. сделала попытку войти в соглашение с Германией о сокращении военно-морского строительства.

С этой целью в феврале 1912 г. в Берлин прибыл английский военный министр Холден, который предложил Германии взамен сокращения военно-морского строительства не препятствовать Германии в создании большой колониальной империи в Африке, а также обещал нейтралитет Англии в случае, если Германия окажется жертвой нападения.

[1] Brit. Doc., vol. V, p. 826; vol. VI, p. 311.
[2] Brit. Doc., vol. VI, p. 309—310.

Поездка Холдена имела своей целью прощупать позицию Германии, а также обмануть общественное мнение Англии, которому внушалась мысль о «миролюбии» английского правительства. С другой стороны, этот псевдопацифистский жест имел и другую задачу — разведку. По существу «миролюбивое» предложение английского империализма обернулось в весьма своеобразную форму шпионажа. Холдену не только удалось прощупать позицию германских правящих кругов, но и привезти в Лондон копию огромной новой судостроительной программы Германии, разработанной адмиралом Тирпицем.

Поездка Холдена не только не смягчила англо-германского антагонизма, но еще более его обострила. В ответ на британское предложение в Берлине потребовали нейтралитета Англии даже в том случае, если Германия сама начнет военные действия. Короче говоря, Германия требовала от Англии отказаться от своих союзнических обязательств по отношению к Франции и России и сидеть сложа руки, когда Германия задумает разделаться с обеими странами. Для британского империализма такие требования были совершенно неприемлемы, так как грозили изоляцией в будущем с неизбежным переходом полной гегемонии в Европе к Германии. Поэтому англо-германские переговоры вскоре прекратились, и в результате военно-морское соперничество между Германией и Англией еще более усилилось.

Антагонизм между этими главнейшими империалистическими хищниками, претендовавшими на мировую гегемонию, все углублялся и обострялся. Решающая схватка между ними становилась неизбежной.

«Известно, что в последние годы, — писал В. И. Ленин в апреле 1911 г., — и Англия, и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение надвигается все более грозно. Буржуазная шовинистическая пресса обеих стран бросает в народные массы миллионы и миллионы зажигательных статей с натравливанием на «врага», с воплями о неминуемой опасности «германского нашествия» или «английского нападения», с криками о необходимости усиленных вооружений» [1].

Важнейшими этапами на путях к первой мировой империалистической войне 1914—1918 гг. явились так называемый агадирский кризис 1911 г., итало-турецкая война и балканские войны 1912—1913 гг., которые крайне обострили международную обстановку, усилили борьбу между империалистическими коалициями за мировую гегемонию, за передел уже поделенного мира и приблизили решительную схватку между обеими враждебными империалистическими группировками.

Этим событиям посвящены нижеследующие очерки.

А. МОГИЛЕВИЧ.

---

[1] *Ленин*, т. XV, стр. 165.

А. А. МОГИЛЕВИЧ

ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЕ И АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

АГАДИРСКИЙ КРИЗИС

Агадирский кризис 1911 г. вошел в историю международных отношений как один из тех важнейших этапов обострения империалистических противоречий, когда, по словам В. И. Ленина, Германия была «на волоске от войны с Францией и Англией». В знаменитой таблице, посвященной главнейшим кризисам в международной политике великих держав после 1870—1871 гг., Ленин особо выделяет марокканский конфликт, рассматривая его как одну из «вех подготовки войны 1914—1918 гг.» [1].

Прыжок германской канонерской лодки «Пантера» 1 июля 1911 г. в марокканский порт Агадир и связанная с ним ожесточенная франко-германская и англо-германская борьба на почве раздела Марокко возникли не случайно. Агадирский кризис 1911 г. обусловливался всем ходом борьбы империалистических держав за передел уже поделенного мира, за захват колоний, источников сырья и сфер приложения капиталов. Не случайным является и то обстоятельство, что кризис в международных отношениях великих держав проявился с такой исключительной остротой и наглядностью в 1911 г. именно в Марокко.

Борьба главнейших империалистических держав Англии, Франции, Германии, Италии за раздел Африки красной нитью проходит через всю колониальную политику империалистических хищников, добивавшихся господства на мировой арене.

Огромный африканский материк, уступающий по величине лишь Азии, издавна являлся объектом колониальных вожделений империалистов. Неисчерпаемые природные богатства: хлопок Египта, каучук Конго, золото и алмазы Южной Африки, железная руда и цветные металлы Марокко, слоновая кость,

[1] *Ленин*, Тетради по империализму, стр. 620, Госполитиздат, 1939 г.

кофе, какао, хлеб, шерсть и т. д., а также стратегическое значение Африки, лежащей на путях из Европы в Индию, Австралию, Новую Зеландию, придавали происходившей здесь империалистической борьбе особенно острый и напряженный характер.

В середине XIX века Средиземное море снова становится центром мировых путей сообщения, соединяющих Атлантический, Индийский и Тихий океаны. Прорытие Суэцкого канала в 1869 г., проложившего дорогу в Красное море, сократило путь для кораблей, идущих из Англии, Германии и Франции в Индию, от 37 до 24 дней и сделало еще более доступным побережье африканского континента.

В промежуток между 1870—1900 гг. Англия, Франция, Германия, Бельгия, Испания и др., как шакалы, набрасываются на африканский материк в погоне за новыми богатейшими источниками сырья, рынками сбыта, сферами приложения капиталов, дешевой рабочей силой и важнейшими стратегическими базами на перекрестке мировых путей сообщения. «Чем выше развитие капитализма, — пишет В. И. Ленин, — чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний» [1].

Великие державы устами своих империалистических глашатаев — Солсбери и Чемберлена в Англии, Ферри и Делькассе — во Франции, Карла Петерса и Вильгельма II в Германии — не раз предъявляли свои претензии на богатые африканские земли. Крупнейшие капиталисты этих стран — вдохновители грабительских авантюр в различных частях Африки стремились использовать всякий подходящий случай для подчинения той части материка, которая открывалась для «цивилизации» и торговли. Империалистические державы, захватывая африканские территории, намеревались в будущем установить свое господство в Африке. «Англичане, — заявлял лорд Розбери, — сейчас вколачивают колышки, основываясь на которых их потомки будут предъявлять свои претензии».

«В эпоху наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, в 1840—1860-х годах, — писал В. И. Ленин, — руководящие буржуазные политики ее были *против* колониальной политики, считали освобождение колоний, полное отделение их от Англии неизбежным и полезным делом... такой склонный вообще говоря к империализму государственный деятель Англии, как Дизраэли, говорил: «Колонии, это — мельничные жернова на нашей шее». А в конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедывавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим цинизмом!» [2].

---

[1] *Ленин*, т. XIX, стр. 137.
[2] *Там же*, стр. 133—134.

КАРТА-СХЕМА РАЗДЕЛА АФРИКИ В 80-х гг. XIX СТОЛЕТИЯ.

На путях к мировой войне—и стр. 31.

К концу XIX и началу XX века раздел африканского материка между империалистическими державами был в основном завершен. Это было связано с перерастанием до-монополистического капитализма в империализм.

Подавляющее большинство африканских земель уже к 1900 г. было поделено между главнейшими империалистическими державами.

Весь африканский материк был изрешечен пулями и рассечен вдоль и поперек английскими, французскими, бельгийскими, германскими и другими саблями и штыками. Земля Африки была обильно полита кровью местного населения. Сотни тысяч негров беспощадно истреблялись «цивилизованными» империалистическими хищниками. Бечуаналенд (Южная Африка), Уганда, Родезия, Гвинея, Тунис, Алжир, Эритрея, Камерун, Конго, Того, Судан, Дагомея, Трансвааль, остров Мадагаскар и др. были захвачены английскими, французскими, бельгийскими и отчасти германскими империалистами.

В 1876 г. процент земельной площади в Африке, принадлежащей европейским колониальным державам, составлял по данным В. И. Ленина 10,8%, к 1900 г. 90,4% всех африканских земель были захвачены империалистическими хищниками. С этого момента начинается ожесточенная империалистическая борьба за передел уже поделенных африканских земель.

«Когда европейские державы, — пишет В. И. Ленин, — занимали, напр., своими колониями одну десятую долю Африки, как это было еще в 1876 г., тогда колониальная политика могла развиваться не-монополистически по типу, так сказать, «свободно-захватного» занятия земель. Но когда $^9/_{10}$ Африки оказались захваченными (к 1900 г.), когда весь мир оказался поделенным, — наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, и особенно обостренной борьбы за раздел и за передел мира»[1].

Проникновение английского империализма в Африку.

В течение 10 лет — от 1880 до 1890 г. — 12,8 млн. *кв. км* африканской территории с более чем 60-миллионным населением были захвачены империалистами.

Наиболее активную роль в борьбе империалистических держав за раздел африканского материка в этот период играет Англия.

В 1879 г. в руки англичан попадает Нигерия, имеющая богатейшие залежи золота, марганца, олова и др.

В 1882 г. Англия захватила Египет, этот важнейший стратегический пункт, лежащий на стыке трех материков — Европы, Азии и Африки.

Египет уже с конца XVIII столетия становится ареной ожесточенной борьбы Франции и Англии. Египетская экспедиция Наполеона I (1798—1799 гг.) окончилась поражением Франции.

[1] *Ленин*, т. XIX, стр. 171.

Активность европейского империализма в Египте, формально находившегося под суверенитетом Оттоманской империи, значительно усиливается во второй половине XIX века.

В 1869 г., когда были закончены французской акционерной компанией работы по прорытию Суэцкого канала, стратегическое значение Египта для Англии чрезвычайно возросло. В 1876 г. английское правительство скупило значительное количество акций и установило контроль над Египтом, став тем самым фактическим хозяином канала. В 1882 г. Англия вводит свои войска в Египет и окончательно закабаляет эту страну. Одновременно с проникновением в Египет английский империализм стремится проникнуть и в огромный, близлежащий Судан. Эта страна имеет важнейшее значение, так как она граничит на севере с Египтом, на востоке с Эритреей, Абиссинией, на юге с современной Кенией, Угандой и Бельгийским Конго, на западе с Ливией и Французской Экваториальной Африкой. Попытка Англии распространить свою власть на Судан вызывает огромное сопротивление местного населения. В 1883 г. население Судана восстает против английских угнетателей, наносит поражение английской армии, захватывает Хартум и изгоняет английских империалистов почти со всей территории Судана. Только в 1896—1898 гг. Англии снова удается поработить эту страну.

В 1884 г. Англия захватывает часть Сомали, вдоль Аденского залива. Британское Сомали является одной из частей обширнейшей сомалийской территории, которая во второй половине XIX века была поделена между Англией, Францией и Италией. Захват («протекторат») в 1885 г. Бечуаналенда являлся одним из этапов борьбы британского империализма за продвижение с юга в Центральную Африку и за соединение с восточноафриканскими и североафриканскими владениями Великобритании. На 1888—1890 гг. падает значительная часть английских захватов в Африке, в том числе Кения (1888 г.), обширная территория в Восточной Африке, Родезия (1888 г.), Уганда (1890 г.), Занзибар (1890 г.) и Ньясаленд (1891 г.). Во время этих захватов погибло около 75% всего местного населения. С 1899 по 1902 г. английский империализм ведет свою захватническую политику в Южной Африке. Оставшиеся еще свободными и независимыми в этой части африканского материка земли являлись лакомым куском для Англии. В 1870—1880 гг. в бурских республиках Трансваале и Свободном государстве р. Оранжевой (Оранской) были открыты огромные залежи алмазов (Кимберли) и золота (Витватерсранд). Это еще более усилило аппетиты английского империализма, начавшего свое наступление в Южной Африке. На протяжении трех лет Англия вела войну с бурами, и лишь в 1902 г. ей удалось окончательно их поработить. Впоследствии Свободное государство р. Оранжевой и Трансвааль были объединены с захваченными Англией южноафриканскими территориями — Капской колонией, Наталем в Южно-африканский

союз. Этот, далеко не полный, перечень английских колониальных грабительских захватов является наглядным подтверждением известной ленинской характеристики того, что «для Англии период громадного усиления колониальных захватов приходится на 1860—1880 годы и очень значительного на последнее двадцатилетие XIX века» [1].

На пороге XX века английским империализмом было захвачено в Африке около 9 млн. *кв. км* с населением более 50 млн. чел. Захваченные территории в Африке превратились в важнейшие источники сырья и продовольствия для Англии: какао, марганец — с Золотого берега, хлопок — из Египта и Судана, золото, платина и алмазы — из Южной Африки, цветные металлы (особенно медь) из Родезии и др. Однако для Англии, так же как и для Франции, беспрерывно увеличивавших свои колониальные владения, — эти захваты и порабощение местного населения были связаны не только непосредственно с вопросами мировой торговли и экономической экспансии, но также и с вопросами политическими, как средством усиления своего международного положения.

Проникновение французского империализма в Африку.

Наряду с Англией и другими империалистическими государствами на арену борьбы за раздел Африки вступает французский империализм. В своей лекции «Война и революция» (27 мая 1917 г.) В. И. Ленин, характеризуя особенности французской политики, говорит: «...мы имеем десятки примеров в течение десятилетий продолжающейся французской парламентской истории, когда манифесты, полные самых красноречивых слов, прикрывали политику самого грязного колониального и финансового грабежа. Вся история третьей французской республики есть история этого грабежа» [2].

Начиная с 1854 г. французский империализм усиленно ведет территориальные захваты на атлантическом побережье Западной Африки.

Свою колониальную экспансию в Африке французский империализм наиболее активно начал в последнем двадцатилетии XIX века.

В 1876 г., по данным В. И. Ленина, Франция обладала колониями размером 0,9 млн. *кв. км* с населением в 6 млн. чел., но с 1884 по 1900 г. ею было захвачено 3,6 млн. *кв. км* с населением в 36,5 млн. чел.

Колониальная экспансия Франции устремилась вначале в северную часть африканского материка. Франция, найдя предлог к решительному выступлению против Алжирии (бомбардировка французского судна, зашедшего в порт Алжир, и оскорбление, нанесенное беем французскому консулу), весной 1830 г. отправила к берегам Алжирии сто военных кораблей, с 36-тысячной армией, под командой военного министра маршала Бурмона.

[1] *Ленин*, т. XIX, стр. 133.
[2] *Ленин*, т. XXX, стр. 340.

40-тысячная арабская армия потерпела поражение. Столица Алжир была захвачена французами, и власть Оттоманской империи в ней была уничтожена. С этого времени Алжирия была превращена в колонию Франции. Местное население Алжирии оказало упорное сопротивление французским захватчикам. Десятки лет продолжалась вооруженная борьба местных племен Алжирии с французскими захватчиками. Франция рассматривала Алжирию как плацдарм для своих дальнейших колониальных захватов в средиземноморском бассейне. Заняв Алжирию, французский империализм начал экспансию в соседнюю Тунисию.

Весной 1881 г., под предлогом борьбы с набегами тунисских племен на границы Алжирии, Франция перебросила через алжирскую границу в Тунисию 35-тысячную армию и в 1882 г. окончательно поработила эту страну.

В то время как территориальная экспансия английского империализма шла в меридиональном направлении и ставила своей целью сковать воедино британские владения от Кэптауна («Капа») до Каира, французы стремились перерезать эту стратегическую линию Англии и вели наступление на восток со стороны своих владений в Западной Африке, стремясь «округлить» свои колониальные территории.

На протяжении 1880—1890 гг. Франция оккупировала часть территории Судана, Берег Слоновой кости, часть Гвинеи и др. Завоеванием огромной территории в Западной Африке Франции удалось составить свои огромные колониальные владения.

Франция, вместе с Англией и Италией, принимает активное участие в дележе красноморского побережья Африки, значение которого с открытием Суэцкого канала чрезвычайно возросло. Суэцкий канал приблизил Восточную Африку к Европе. Вместе с тем Средиземное и Красное моря вновь приобрели мировое значение в качестве кратчайших путей в Азию, Индию, Китай, Австралию.

В 1888 г. Франция построила порт Джибути, расположенный на берегу Аденского залива. В 1896 г. Франция захватила Мадагаскар.

Уже к первой четверти XX века французский империализм захватил обширную территорию в Африке. Все эти земли с порабощенным местным населением французский империализм использовал как свою сырьевую и продовольственную базу. Зерновые хлеба и вино в Алжирии, руды и фосфаты в Тунисии, хлопок, какао, каучук, ценные породы леса во Французской Экваториальной Африке, золото и марганец на Берегу Слоновой кости, земляной орех и копра (в частности имеющие большое военное значение для изготовления глицерина и взрывчатых веществ) в Западной Африке, железо, слюда, графит, бурый уголь, золото, кожи на Мадагаскаре и пр. — таков, далеко не полный, перечень богатств, извлекаемых из этих колоний французским империализмом.

До первой мировой войны все африканские владения Франции, исключая Алжирию и Тунисию, которые Франция считает своими провинциями, были разделены на две объединенные по своему географическому положению группы. Одна из них носит название Западной Африки и в нее входят области: Сенегал, Французская Гвинея, Слоновый берег, Дагомея, Верхний Сенегал и Нигерия. Другая группа колоний под общим названием Экваториальной Африки, в которую входят: Габон, Среднее Конго, Убанги и небольшая территория, прилегающая к озеру Чад.

С тех пор как Франция укрепилась в Северной Африке, захватив Алжирию и Тунисию, ее задача заключалась в том, чтобы проложить себе дальнейший путь к юго-западу. Этот путь обеспечивал Франции объединение всех ее владений, как в Северной, так и в Центральной Африке, в одну мощную «колониальную империю», обеспечивающую французскому империализму не только торгово-экономические выгоды, но и политическое господство.

Таким образом, к началу XX века из 29 600 тыс. *кв. км* африканского материка $^2/_3$ были поделены между двумя империалистическими державами — Англией и Францией.

Проникновение итальянского империализма в Африку.

Несколько позже других империалистических держав на путь широких колониальных захватов стал молодой итальянский империализм. В. И. Ленин в своей работе «Империализм и социализм в Италии», говоря о переходе Италии «от эпохи войн национально-освободительных к эпохе войн империалистски-грабительских и реакционных», писал: «Италия революционно-демократическая, т.-е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди, превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно-реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи» [1].

В 1870 г. итальянская пароходная компания Рубаттино приобрела на Красном море порт Ассаб, а в 1881 г. итальянское правительство окончательно установило в нем свое господство. В 1885 г. Италия захватывает порты Массауа, Цейла, Сокото. Дальнейшая колониальная экспансия итальянского империализма устремляется в глубь материка, по направлению к Абиссинии. В мае 1889 г. в Учалли Италия навязывает абиссинскому негусу Менелику II кабальный договор. По этому договору Абиссиния признала протекторат Италии и отказалась от притязаний на Эритрею, захваченную Италией в 1882 г. Однако итальянская агрессия встретила огромное сопротивление абиссинского народа, под давлением которого в 1894 г. Учалльский договор был расторгнут Абиссинией. В ответ на это в 1896 г. итальянский империализм

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 289—290.

предпринимает военную авантюру в Абиссинию, которая окончилась полным разгромом итальянских войск под Адуа. Это позорное поражение заставило Италию 26 мая 1896 г. подписать с Абиссинией мирный договор и признать ее независимость. Итальянскому империализму удалось все же сохранить за собой прибрежную полосу — колонию Эритрею. В 1890 г. Италия захватила часть Сомали. Наконец, в результате войны с Турцией в 1911—1912 гг. были захвачены Триполи и Киренаика. Кроме того, в 1912 г. в Эгейском море Италия захватила о-ва Додеканес.

Проникновение германского империализма в Африку.

Борьба империалистических держав за раздел Африки еще более обострилась с появлением на мировой арене молодого германского хищника, который подоспел к столу колониальных яств значительно позже других империалистов.

Быстрый рост германского империализма в конце XIX и начале XX столетия был обусловлен усилением неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма. Говоря о законе неравномерности развития в период империализма, «Ленин исходил из того, что капитализм старый, до-монополистический, уже перерос в империализм; что мировое хозяйство развивается в условиях бешеной борьбы главнейших империалистических групп за территории, за рынки, за сырье и т. д.; что раздел мира на сферы влияния империалистических групп уже закончен; что развитие капиталистических стран протекает не равномерно, не так, чтобы одна шла за другой или параллельно другой, а скачкообразно, путем оттеснения одних стран, ушедших ранее вперед, и выдвижения новых стран на первый план; что такой порядок развития капиталистических стран неизбежно вызывает конфликты и войны между капиталистическими державами за новый передел уже поделенного мира...

Известно, что еще совсем недавно Англия шла впереди всех других империалистических государств. Известно также, что впоследствии Германия стала перегонять Англию, требуя для себя места «под солнцем» за счет других государств и прежде всего за счет Англии»[1]. Отсюда вытекала лихорадочная колониальная экспансия германского империализма, направлявшего свои взоры во все уголки земного шара. «Прошли уже времена, — заявил Бюлов 6 декабря 1897 г. в рейхстаге, — когда другие народы делили между собой земли и воды, а мы, немцы, довольствовались лишь голубым небом: не желая никого отодвигать в тень, мы требуем и для себя места под солнцем».

«Мы не потерпим, — заявил Бюлов в рейхстаге 11 декабря 1899 г., — чтобы какой-нибудь чужеземный Юпитер сказал нам: «что делать, мир уже поделен.

---

[1] *Сталин*, О социал-демократическом уклоне в нашей партии. *Ленин и Сталин*, Сборник произведений к изучению Истории ВКП(б), т. III, стр. 82.

Стоять пассивно в стороне, как мы это часто делали раньше... мечтательно уклоняться, в то время как другие делят между собой сладкий пирог, — мы не можем и не хотим. Не можем уже по той простой причине, что теперь мы имеем интересы во всех частях света».

Однако, как мы видели, к концу XIX и началу XX века «лакомые» куски «сладкого пирога» уже были поделены, и приобретение значительных колониальных владений возможно было лишь путем насильственного передела мира. «Мир, — пишет В. И. Ленин, — впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоят *лишь* переделы, т.-е. переход от одного «владельца» к другому, а не от бесхозяйности к «хозяину» [1]. И действительно, в приводимой В. И. Лениным таблице размеров колониальных владений Англии, Франции и Германии мы видим, что к началу XX столетия Германия значительно отстала в грабеже колоний от других империалистических держав.

Размеры колониальных владений: [1]

Годы	Англии		Франции		Германии	
	площадь (милл. кв. миль)	население (милл.)	площадь (милл. кв. миль)	население (милл.)	площадь (милл. кв. миль)	население (милл.)
1815—1830	?	126,4	0,02	0,5	—	—
1860	2,5	145,1	0,2	3,4	—	—
1880	7,7	267,9	0,7	7,5	—	—
1899	9,3	309,0	3,7	56,4	1,0	14,7

Естественно поэтому, что германский империализм, считавший себя «обделенным» и «обиженным», неудержимо рвался к колониальным источникам сырья, рынкам сбыта и сферам приложения капиталов, причем эти домогательства германского империализма возрастали тем сильнее, чем быстрее развивался монополистический капитал. Особенно бурный рост германской промышленности начался с последней трети XIX века. Переломным пунктом этого периода явилась франко-прусская война 1870—1871 гг. «Как раз тогда, — пишет Ф. Энгельс, — на Германию пролился дождь французских миллиардов; государственные долги были уплачены, построены крепости и казармы, возобновлены запасы оружия и амуниции. Свободный капитал, не менее, чем находящаяся в обращении денежная масса, внезапно возрос в огромной степени; все это как раз в ту эпоху, когда Германия выступила на мировую арену не только в качестве «единого государства», но и в качестве большой промышленной страны. Миллиарды дали мощный толчок молодой крупной индустрии; им-то более всего и обязана Германия как кратким, богатым иллюзиями

[1] *Ленин*, т. XIX, стр. 132, 133.

периодом процветания после войны, так и последовавшим за ним грандиозным крахом 1873—1874 гг., благодаря чему Германия оказалась способной выступить на мировом рынке как промышленная страна» [1].

И. В. Сталин в «Вопросах ленинизма», говоря о трех путях образования и развития мощных промышленных буржуазных государств, указывает на Германию, как на типичную страну, где развитие индустрии было связано с военным разгромом другой страны и получением от нее контрибуции. «Так обстояло дело, например, с Германией, которая, разгромив Францию в период франко-прусской войны и выколотив из нее 5 миллиардов контрибуции, влила потом эту сумму в каналы своей промышленности» [2].

Яркой иллюстрацией такого быстрого развития германского промышленного капитализма, опередившего по основным и решающим отраслям экономику Англии и Франции, являются следующие данные:

Соотношение уровней важнейших производств решающих стран [3]

Страны	Годы 1880	1900	1913
Добыча угля (в млн. т)			
Англия (кам. уголь)	149,0	228,8	292,0
Германия (кам. уголь)	47,0	109,3	190,1
США (кам. и бур. уголь)	64,9	244,6	517,0
Франция (кам. и бур. уголь)	19,4	33,4	40,8
Япония (кам. уголь)	0,8	7,5	21,3
Выплавка чугуна (в млн. т)			
Англия	7,7	9,0	10,3
Германия	2,5	7,5	16,8
США	3,8	13,8	31,0
Франция	1,7	2,7	5,2
Япония	—	0,02	0,2
Выплавка стали (в млн. т)			
Англия	1,3	4,9	7,7
Германия	0,7	6,4	16,9
США	1,2	10,2	31,3
Франция	0,4	1,6	4,7
Япония (мартен)	—	—	0,2
Потребление хлопка (в млн. т)			
Англия	6,4	7,0	8,7
Германия	1,4	3,1	4,9
США	4,2	8,2	13,5
Франция	0,9	1,6	2,7
Япония	—	1,4	3,3

[1] *Ф. Энгельс*, Жилищный вопрос, стр. 5, Соцэкгиз, 1932 г.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 169, изд. 9-е
[3] См. примеч. 1, стр. 39.

Доля отдельных стран в % [1]

Страны	Годы 1881—1890	1891—1900	1901—1910	1911—1913
Уголь				
США	26,2	30,0	36,8	38,4
Англия	39,2	32,5	25,5	22,0
Германия	17,6	18,4	19,0	20,3
Франция	5,1	4,8	3,6	3,2
Прочие	11,9	14,3	15,1	16,1
Чугун				
США	26,0	32,0	40,9	39,6
Англия	36,2	26,3	18,0	13,4
Германия	15,2	17,6	18,8	21,3
Франция	8,1	7,3	6,0	6,7
Прочие	14,5	16,8	16,3	19,0
Сталь				
США	30,9	35,0	43,1	41,8
Англия	31,7	20,5	12,9	9,8
Германия	17,6	22,5	22,1	23,0
Франция	6,5	5,8	5,3	6,2
Италия	2,5	1,2	1,3	1,4
Прочие	10,8	15,0	15,3	17,8
Потребл. хлопка				
США	24,3	24,8	26,6	27,0
Англия	33,4	24,1	20,2	19,8
Германия	9,0	9,9	10,1	9,9
Франция	5,6	5,7	5,2	5,5
Италия	2,9	3,8	4,3	4,1
Япония	0,5	3,7	5,1	7,0

Удельный вес важнейших стран в мировой торговле. Специальная торговля средняя за пятилетие (в процентах) [1]

Страны	Годы 1886—1890	1900—1904	1909—1913
Мировой товарооборот	100,0	100,0	100,0
Англия	20,2	18,6	16,2
Германия	11,6	12,8	13,6
США	10,8	11,8	11,7
Япония	0,7	1,4	1,6
Франция	10,9	8,5	8,5
Колонии 8 импер. государств	—	17,3	19,3

Такое стремительное развитие германского капитализма находилось в резком несоответствии с разделом колониальных владений, захваченных, главным образом, Англией и Францией. Это, по словам Ленина, несоответствие «между развитием производительных сил и накоплением капитала, с одной стороны, — разделом колоний и «сфер влияния» для финансового капитала, с другой» [2], толкало Германию на путь колониальных захватов и

[1] «Новые материалы» к работе *В. И. Ленина* «Империализм, как высшая стадия капитализма», стр. 179, 185, 189, Партиздат ЦК ВКП(б), 1935 г.

[2] *Ленин*, т. XIX, стр. 151.

порождало безудержную экспансию германского империализма, в частности и в Африку.

Германия не имела никаких колониальных владений до начала восьмидесятых годов XIX века. Первое колониальное приобретение Германии в Африке относится к 1883 г., когда германское правительство объявило протекторат над колонией, основанной у бухты Ангра-Пекена (на юго-западном берегу Африки) бременским купцом Людерицем. Захват Ангра-Пекена, таким образом, явился началом проникновения германского империализма в те части юго-западной Африки, которые к 1880 г. еще не стали добычей империалистов.

В марте 1884 г. организуется общество под наименованием «Gesellschaft für deutsche Kolonisation», во главе которого стал небезызвестный Карл Петерс. Это общество представляло собой наиболее предприимчивых германских колониальных захватчиков. В своем обращении немецкие колонизаторы писали:

«Немецкая нация вышла с пустыми руками при разделе земного шара, свидетелем которого она была, начиная с XV столетия и кончая нашими днями. Все остальные культурные народы Европы владеют, вне нашей части света, целыми государствами, в которых их язык и их национальность пустили глубокие корни, продолжая там развиваться. Немецкий же эмигрант, как только он оставляет границы своего отечества, тотчас же становится для нас чужестранцем, ассимилируясь в новых странах».

Далее немецкие колонизаторы призывали германское правительство к организации своих собственных колоний, куда и следует направлять весь немецкий эмигрирующий поток, который в иные годы доходил до 200 000 человек [1]. В течение короткого времени Германия захватила в Восточной Африке обширные колониальные владения, растянувшиеся от озер Танганайки и Ньясы к Индийскому океану, граничащие на севере с колониальными владениями Англии, а на юге — Португалии.

Летом 1884 г. Германия официально возвестила о своем вступлении на путь колониальной политики. В этом же году ею были захвачены Того и Камерун, территории в юго-западной Африке.

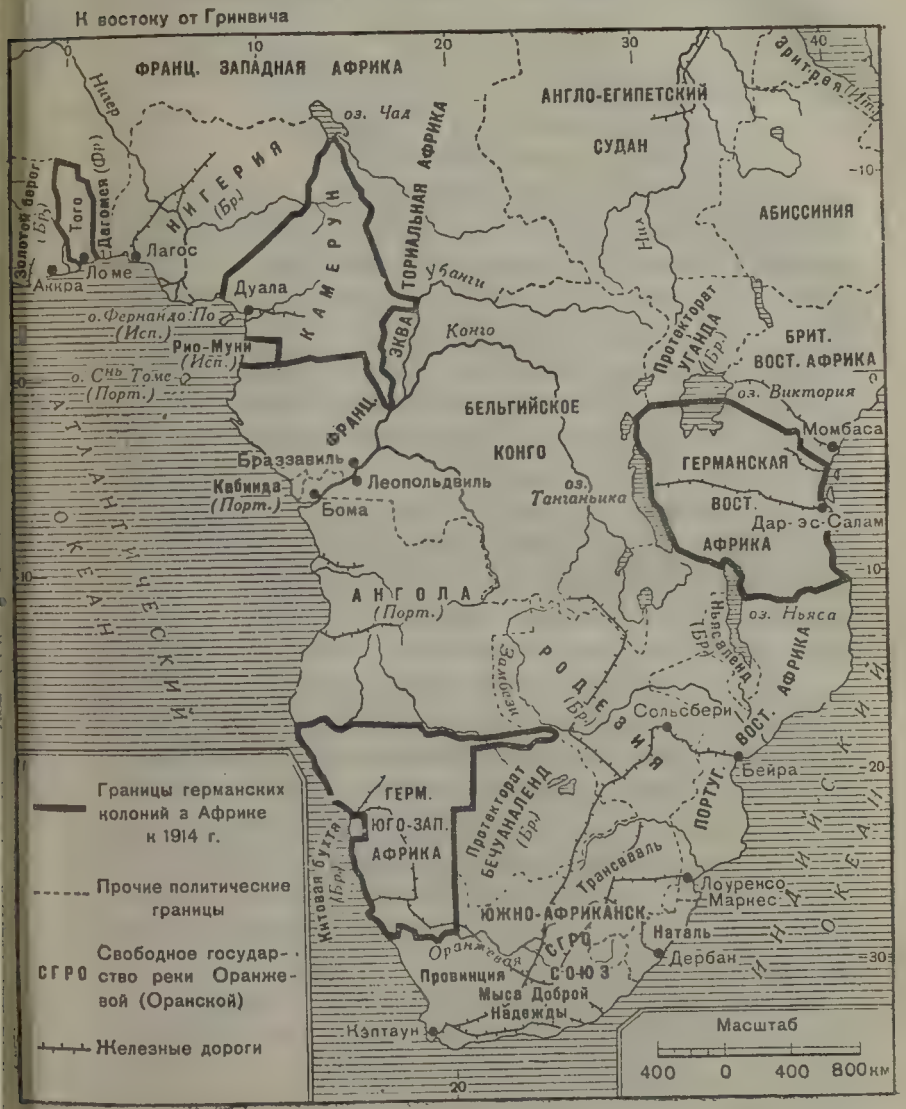
Германская оккупация африканских земель вызвала упорное сопротивление порабощаемого местного населения. На протяжении ряда лет (1893, 1894, 1897, 1900, 1901 и 1904—1909 гг.) германский империализм вел непрерывные войны с героическими местными племенами, мужественно отстаивавшими свою свободу и независимость.

Во время этих хищнических грабительских войн, сопровождавшихся неслыханными зверствами, германский империализм истребил почти половину местного населения. Более всего пострадало племя гереро, где во время войны 1904—1906 гг. германскими империалистами было уничтожено до 30 тыс. чел.

---

[1] *Carl Peters*, Wie Deutsch-Ostafrika entstand, Leipzig, 1912, стр. 12—13.

ГЕРМАНСКИЕ КОЛОНИИ В АФРИКЕ К 1914 г.



В 1890 г. по англо-германскому соглашению Германия в обмен на принадлежавший Англии остров Гельголанд отказалась от притязаний на Занзибар и Уганду. Однако эта империалистическая сделка не только не ослабила притязаний Германии в Африке, но еще более их усилила. Германия, отказавшись от проникновения в Судан через Уганду, впоследствии захватила часть берега Занзибара и тем самым отодвинула границы своих восточно-африканских владений до Великих озер и получила выход к внутренним водным путям Африки.

В результате всех этих колониальных грабежей германским империализмом была захвачена в Африке территория, площадью в 5 раз превосходившая метрополию. В общем, африканские колонии Германии составляли более 90% всех ее колониальных владений. Однако германскому империализму приходилось удовольствоваться весьма скромными по размерам и менее богатыми африканскими землями по сравнению с теми, которые ранее были захвачены Англией и Францией. Поэтому Германия считала себя обделенной и устремлялась в другие части света — на Ближний Восток, Дальний Восток, Переднюю Азию и др.

Мы видим, что на границе XIX и XX веков африканский материк был поделен между основными империалистическими хищниками. «Англия, Франция и Германия, — писал В. И. Ленин, — вместе имеют около 150 мил. населения, а угнетают они в колониях свыше 400 мил. населения!!» [1].

Главнейшие империалистические хищники в этот период «скопили в таком количестве богатства, сотнями миллиардов измеряемые, скопили такую силу в руках крупных банков и крупных капиталистов — их полдюжины, максимум, в каждой из этих стран, — скопили в такую гигантскую силу, которая весь мир охватила, которая весь земной шар поделила буквально в смысле территориальном, в смысле колониальном. Колонии этих держав встретились между собой во всех странах земного шара. Эти государства переделили между собой его и экономически, потому что нет такого куска земли на земном шаре, куда бы не проникли концессии, не проникли нити финансового капитала» [2]. «Капитализм, — пишет Ленин, — перерос во всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения горстью «передовых» стран гигантского большинства населения земли. И дележ этой «добычи» происходит между 2—3 всемирно могущественными, вооруженными с ног до головы хищниками» [3].

«...Англия, Франция и Германия поместили за границей не менее 70 миллиардов рублей капитала. Чтобы получать «законный» доходец с этой приятной суммы, — доходец свыше 3 миллиардов рублей ежегодно — служат национальные комитеты миллионеров, называемые правительствами, снабженные войском и воен-

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 227.
[2] *Ленин*, т. XX, стр. 490.
[3] *Ленин*, т. XIX, стр. 74.

ным флотом, «помещающие» в колониях и полуколониях сынков и братцев «господина миллиарда» в качестве вице-королей, консулов, послов, чиновников всяческого рода, попов и прочих пиявок.

Так организовано, в эпоху наивысшего развития капитализма, ограбление горсткой великих держав около миллиарда населения земли» [1].

* * *

Англо-германское морское соперничество.

Германский империализм, стремившийся к переделу колониальных территорий и к мировой гегемонии, считал, что осуществления этих широких агрессивных планов нельзя достигнуть без вооруженной борьбы со своим главным соперником — Англией. С этой целью, в конце XIX века и начале XX столетия, Германия вступила на путь усиленных вооружений, причем главное ее внимание было обращено на создание мощного военно-морского флота. Германские империалисты понимали, что без могучего флота их широкие захватнические планы не могут быть осуществлены. При помощи сильного военно-морского флота Англия удерживала господствующее положение в мире и могла в любой момент нанести сокрушительный удар молодому германскому империализму.

Известное заявление Вильгельма II о том, что «будущее Германии на водах», ясно подтверждало намерение Германии создать свой сильный военно-морской флот, который смог бы в ближайшем будущем противостоять английскому и обеспечить Германии прочные позиции на мировой арене. «К мировому могуществу, — заявлял морской министр Германии адмирал Тирпиц, — кроме постройки флота для нас иного пути не существовало... Морская сила была естественной и необходимой функцией нашего народного хозяйства, которое в смысле мирового влияния спорило из-за первенства с Англией и Америкой, а все остальные народы уже опередило. Подобное положение таит в себе опасность; оно становится невыносимым, если налицо не имеется внушительной морской силы, которая делает для конкурента рискованной всякую попытку поразить насмерть своего преуспевающего соперника» [2].

Вот почему в период 1900—1914 гг. германский империализм форсирует строительство военно-морского флота, стремясь превратить его в крупную боевую силу, способную разгромить Англию и утвердить господство Германии во всем мире. К началу XX века германский военно-морской флот занимал пятое место в мире, уступая не только флотам Англии и Франции, США, но даже царской России. В 1898 г. он состоял из 9 броненосцев, большинство которых (7) было построено в 1868—1873 гг. В 1898—1900 гг. Германией были приняты законы о постройке флота,

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 231.
[2] *Тирпиц*, Из воспоминаний, Госиздат, 1925 г., стр. 77.

которые положили начало ожесточенной борьбе с Англией за первенство на море. Этими законами предусматривалась рассчитанная на 20 лет программа строительства двух флагманских броненосцев, 4 эскадр броненосцев по 8 кораблей каждая, 8 больших крейсеров, 24 малых крейсера, а также предполагалось создать колониальный флот из 3 больших и 7 малых крейсеров. В итоге Германия должна была довести состав своего флота до 38 броненосцев, 14 броненосных крейсеров, 38 легких крейсеров и 96 эскадренных миноносцев.

В развитии германского флота Англия усматривала прямую угрозу своему могуществу. Мощь английского империализма и его политика «блестящей изоляции» (splendid isolation) и «равновесия сил» (balance of power) издавна покоились на первоклассном военно-морском флоте, превышающем по силе соединенные флоты двух других наиболее сильных морских держав. Во время ревельского свидания Николая II с Эдуардом VII в 1908 г. помощник статс-секретаря иностранных дел Ч. Гардинг заявил российскому министру иностранных дел Извольскому о том, что «если Германия будет продолжать увеличивать свои морские вооружения тем же ускоренным темпом, то через 7—8 лет в Европе может создаться чрезвычайно тревожное и напряженное положение» [1].

В это же время в британском адмиралтействе созревал план внезапного нападения на германский военно-морской флот. В 1908 г. английский адмирал Джон Фишер разработал проект «копенгагенизировать» [2] германский флот. Сущность этого проекта заключалась в том, чтобы напасть на германский флот в Киле и захватить его.

«В начале 1908 г., — пишет в своих мемуарах Джон Фишер, — я имел продолжительную секретную беседу с королем, в которой убеждал его, что мы должны «copenhagen» германский флот в Киле». Однако проект Фишера был забракован английским правительством, о чем Фишер выражает сожаление, говоря, что в его время не было «ни Питта, ни Бисмарка», чтобы осуществить этот план.

В свою очередь в кругах германской военщины вынашивались планы, — как сообщал российский военный агент в Германии в январе 1909 г., — «о предупреждении этой английской опасности внезапным нападением на английский флот «по-японски», при помощи 13 воздушных кораблей и миноносной флотилии» [3].

Стремительное экономическое развитие Германии и создание ею военно-морского флота наносило тяжелый удар двухсотлетним устоям английской внешней политики. Правящие круги Англии прекрасно понимали, что дни «блестящей изоляции» для Англии окончились и настала пора перейти к новому курсу внешней политики, курсу, направленному к созданию союзов и блоков. «Мы

[1] Brit. Doc., vol. V, N 195.

[2] Внезапно захватить без объявления войны, подобно тому, как это сделал Нельсон 2 апреля 1801 г. по отношению к датскому флоту.

[3] «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел», изд. НКИД, январь 1918 г., вып. № 6, стр. 241.

раньше считали изоляцию блестящей, — писал британский посол в Париже Берти Грею, — но ввиду растущей мощи Германии можем ли мы позволить себе это дольше? Не настала ли необходимость принять все возможные меры предосторожности для поддержания status quo и сохранения равновесия сил в европейской системе»[1].

Строительство в Германии мощного военного флота ускорило в свою очередь реорганизацию английских военно-морских сил и предопределило их новую дислокацию. Это нашло свое выражение в уменьшении английской средиземноморской эскадры и в укреплении флота на Северном море после подписания в 1904 г. договора с Францией, положившего начало созданию Тройственного согласия.

Германское морское министерство закладывало ежегодно на верфях по два броненосца, одному броненосному крейсеру, по два легких крейсера и дивизиону миноносцев.

Англия со своей стороны предпринимала контрмеры — она решила отвечать на постройку каждого германского корабля строительством двух английских, более мощных по своим боевым качествам. С созданием нового типа кораблей — дредноутов, сконструированных английским адмиралом лордом Фишером, морское соперничество между Англией и Германией вступило в новую фазу. Постройка дредноутов означала технический переворот в военно-морском деле. Это было использовано Германией для еще большего усиления и модернизации в строительстве своего флота.

В апреле 1908 г. Германия приняла новый закон, по которому сокращался срок службы линейных кораблей с заменой их дредноутами, с таким расчетом, чтобы после выполнения программы военно-морского строительства весь флот Германии состоял из мощных боевых единиц. В 1900 г. Германия спустила на воду 15 линейных кораблей, в 1905 г. — 11, в 1910 г. — 19, в 1912 г. — 23. В 1907 г. Германия имела 70 эскадренных миноносцев, в 1910 г. их насчитывалось уже 93. В 1907 г. Германия имела 35 крейсеров, в 1910 г. — 41. В 1907 г. она имела одну подводную лодку, а в 1910 г. — 8.

Англо-германское морское соперничество еще более обострило борьбу между английским и германским империализмом за мировую гегемонию. Эта борьба, продолжавшаяся в течение ряда лет, приближала вооруженное столкновение между Англией и Германией, ускоряла развязывание мировой империалистической войны.

* * *

Борьба за Марокко.

Эпоха раздела Африки между главнейшими империалистическими державами распадается на два периода: период острой англо-французской вражды (1882—1901 гг.) и период англо-французского сбли-

[1] Brit. Doc., vol. VII, N 8.

жения и непримиримой борьбы обеих держав против германских агрессивных планов в Африке (1904—1914 гг.).

Особенно острые противоречия между Англией, Францией и Германией, боявшимися «отстать в бешеной борьбе за последние куски неподеленного мира или за передел кусков, уже разделенных» [1], обнаружились в марокканском вопросе.

Марокко оставалось еще тем неподеленным «лакомым куском», из-за которого на протяжении ряда лет мир был поставлен на волосок от войны.

Экономическое и стратегическое значение Марокко.

Марокко — страна, расположенная на севере Африки и омывающаяся с севера Средиземным морем, с запада Атлантическим океаном; на юге она переходит в пустыню Сахару, а на востоке граничит с французской колонией Алжирией. (Общая площадь современного Марокко около 460 тыс. *кв. км* с населением более 7 млн. чел., главным образом арабов и берберов.)

Основное занятие населения — сельское хозяйство (возделывание хлебов, фруктов, оливок и т. д.) и скотоводство.

В Марокко имеются значительные залежи фосфатов, марганцевых, цинковых, свинцовых, оловянных, железных и медных руд.

Марокко является одной из важнейших в стратегическом и экономическом отношениях частей африканского материка. Оно находится близ скрещения двух великих военных и торговых путей: Средиземного от Гибралтара к Суэцу и Атлантического от Гамбурга — Антверпена — Лондона к Кэптаун.

Главнейшие империалистические державы были крайне заинтересованы в усилении своего влияния в Марокко, где они имели также значительные экономические и торговые интересы. Если взять торговлю Англии, Франции и Германии в этой стране, то по данным официальной германской статистики за 1903 г. она представляется в следующем виде:

	Экспорт	Импорт
Германия	2 014 000 фр.	5 772 000 фр.
Франция	18 609 000 » (вместе с Алжиром)	13 889 000 » (без Алжира)
Англия	22 625 000 фр.	13 987 000 фр. [2]

Борьба за раздел Марокко между империалистическими державами.

Первой империалистической державой, вступившей на путь захвата Марокко, была Франция. Еще в 1881 г. под предлогом борьбы с мятежными марокканскими племенами она перебросила свои войска в Сахару и захватила там ряд оазисов. Окружив Марокко с востока и юга, Франция заставила султана Абдул-Азиса в 1901 г. заключить договор, который фактически санкционировал военное вторжение фран-

[1] *Ленин*, т. XIX, стр. 138.
[2] Doc. Dipl., t. VI, 2-me série, N 361.

цузских отрядов в Марокко. Таким образом, Франция постепенно подготовляла оккупацию страны.

В 1900 г. Франция тайно договорилась с Италией о разделе Северной Африки. По этому договору Италия предоставляла Франции свободу действий в Марокко, взамен чего Франция обязалась не препятствовать итальянским притязаниям в Триполи.

Германия, опираясь на международный трактат, подписанный еще в 1880 г. в Мадриде 13 государствами (Австро-Венгрия, Бельгия, Германия, Франция, Великобритания, Италия, США, Дания, Испания, Швеция, Нидерланды, Португалия, Норвегия и Марокко) и предоставлявший всем европейским державам равные права в Марокко, вовсе не желала допускать к безраздельному господству Францию в этой стране [1].

Франция в девятисотых годах, встретив сопротивление Германии, решила воздвигнуть на пути германской экспансии в Марокко новую преграду.

После фашодского кризиса 10 июля 1898 г., когда над Англией нависла угроза войны с Францией из-за дележа Судана, начинается период англо-французского сближения. В январе 1899 г. было подписано англо-французское соглашение, по которому Франция обязалась «не приобретать ни территорий, ни сфер влияния на восток, а Великобритания на запад от установленных линий, которые проходили горами между Нилом и Конго». Таким образом, в начале XX века в англо-французских отношениях наступает резкий перелом в сторону их сближения и в то же время наблюдается резкое обострение англо-германских противоречий. Все возрастающие колониальные домогательства молодого германского империализма, его широкие планы создания мощного военного флота, усиливающееся финансовое, промышленное и торговое соперничество обеих держав на мировом рынке, — все это привело к нарастанию острой англо-германской вражды. Таким образом, мы видим, что англо-французские противоречия стали постепенно отступать на второй план перед все возрастающими англо-германскими противоречиями.

Весной 1903 г. английский король Эдуард VII посетил Париж, а через три месяца президент французской республики Лубе поехал с ответным визитом в Лондон. Эти визиты послужили началом к англо-французскому сближению.

Англо-французское соглашение о разделе Марокко.

В апреле 1904 г. было подписано англо-французское соглашение о разделе Марокко. По этому соглашению Франция отказалась от своих притязаний на Египет, взамен чего Англия обязалась не препятствовать деятельности Франции в Марокко. Однако, заключив сделку с Францией о разделе Марокко, английский империализм не забывал своих интересов в Средиземном море. Англия всегда рассматривала марокканский

[1] Россия присоединилась к этому трактату нотой от 14/2 апреля 1881 г.

вопрос под углом зрения своей гегемонии в Гибралтарском проливе. Марокко представляет собой как бы краеугольный камень северной части африканского материка, командующего над коммуникационными линиями между двумя морями и расположенного у самого Гибралтара, этой важнейшей военно-морской базы английского империализма, находящегося у входа из Атлантического океана в Средиземное море. Естественно поэтому, что Англия не желала допустить господства сильной сухопутной и морской державы на северном побережье Африки у Гибралтара. Англия, поддерживая французский империализм против германского проникновения в Марокко, исходя из своего традиционного принципа «The balance of power» (равновесия сил), поддерживала Испанию против Франции, не желая допустить укрепления последней на африканском побережье, примыкающем к Гибралтару. Уступка части северного побережья Африки слабой Испании являлась гарантией для безраздельного господства Англии в Гибралтаре.

Вот почему во время англо-французских переговоров в 1904 г. о разделе Марокко Англия поставила условие, чтобы все африканское побережье напротив Гибралтара было предоставлено Испании и чтобы Франция отказалась от всяких попыток распространить свое влияние на эти области, где только слабая Испания могла быть для Англии безопасным соседом. Эти требования Англии нашли свое отражение в секретных статьях англо-французского соглашения о Марокко. «Оба правительства, говорится в этой статье, соглашаются, что некоторая часть марокканской территории, прилегающей к Мелилье, Сеуте и другим presidios [1], должна будет, когда султан прекратит осуществление своей власти над ней, войти в сферу влияния Испании, и что управление побережьем от Мелильи, не включая этот пункт, до высот, господствующих над правым берегом Себу, будет вверено Испании.

Однако Испания... должна будет дать формальное согласие... не отчуждать целиком или частично территории, находящиеся под ее властью или в сфере ее влияния...».

После заключения англо-французского соглашения о Марокко в октябре 1904 г. Франция договорилась с Испанией о разделе Марокко. По этому соглашению Испания получила северную полосу побережья Средиземного моря и Атлантики, а остальная, бо́льшая часть Марокко отходила к Франции.

Франко-германская вражда в Марокко.

Эти договоры о разделе Марокко явились отправным пунктом для дальнейшего развертывания французской агрессии в Марокко. В феврале 1905 г. Франция потребовала от марокканского султана осуществления широкой программы «реформ», которые должны были обеспечить французскому империализму фактическое хозяйничанье

[1] Слово «пресидиос» означает испанские ссыльные поселения на африканском побережье и прилегающих островах.

в стране. Франция настаивала на реорганизации марокканской армии при помощи французских инструкторов, на подписании договора, исключающего политическое влияние других государств в Марокко, и на контроле над финансами страны.

Германия решила всеми силами воспрепятствовать осуществлению французских планов. Германия занимала в экономике Марокко третье место после Франции и Англии. Здесь вели работу более 40 германских фирм, эксплоатировавших естественные богатства страны, сооружавших железные дороги и т. д. Кроме того и главным образом, Марокко привлекало взоры германского империализма еще и по стратегическим соображениям. Германия пыталась создать в этой стране военно-морские базы и угольные станции и таким образом укрепиться на средиземноморском побережье Африки на путях английских коммуникаций от Гибралтара к Суэцу. Германия заявила Франции, что она не признает англо-французского и франко-испанского соглашений относительно Марокко. «Если мы молча позволим [Франции], — писал советник политического отдела министерства иностранных дел Гольштейн,—наступить нам на ногу в Марокко, то этим самым мы поощрим к повторению того же в иных местах» [1]. Германия категорически отказалась признать преимущества Франции в Марокко. Она настаивала на принципе «открытых дверей» в этой стране и требовала тем самым, чтобы и ее допустили к разделу Марокко. Глашатай германского империализма — «Немецкое колониальное общество», в момент обострения франко-германской борьбы за Марокко, требовало следующего: «Ввиду неожиданного положения, созданного в Марокко англо-французским соглашением, колониальное собрание считает необходимым, чтобы имперское правительство предприняло шаги для достижения следующих условий: в случае, если status quo в Марокко будет изменен в пользу Франции, германская империя должна получить компенсации, равные приросту французского могущества в Марокко, — компенсации, соответствующие важности германских экономических интересов в этой стране и потребностям германского флота в морских базах».

Вскоре же германский империализм, воспользовавшись ослаблением союзницы Франции царской России в войне с Японией, решил перейти от слов к энергичным действиям, показывая тем самым, что он не намерен отказываться от своих притязаний на Марокко.

Первый марокканский кризис. Поездка Вильгельма II в Танжер.

31 марта 1905 г. Вильгельм II по пути в Корфу демонстративно высадился в марокканском порту Танжере, где в своем обращении к султану заявил, что делает свой визит султану как независимому монарху. Он надеется, что под суверенитетом султана свободное Марокко останется открытым для мирной конкуренции всех наций, без монополий и исключений, на основе абсолютного равенства. Ви-

[1] Gr. Pol., B. XX, SS. 207—209.

зит в Танжер имел целью дать понять, что Вильгельм решил сделать все, что в его силах, чтобы эффективно защитить интересы Германии в Марокко, поскольку он считает султана абсолютно свободным монархом. С ним он хочет договориться о средствах защиты этих интересов. Что же касается реформ, которые султан намеревается ввести, ему кажется, что следует действовать с большой осторожностью, считаясь с религиозными чувствами населения, чтобы не был нарушен общественный порядок [1].

Одновременно кайзер обратился к немецким колонистам в Марокко со следующим заявлением: Я счастлив приветствовать в вашем лице преданных пионеров германской промышленности и торговли, которые помогают мне в моих усилиях охранять интересы родины в свободной стране. Торговля может развиваться, если все державы будут пользоваться равными правами, при условии сохранения власти султана и признания независимости страны.

Мое посещение, заканчивал свою речь Вильгельм, является признанием этой независимости [2].

31 марта 1905 г. Вильгельм II имел разговор с французским поверенным в делах в Танжере Шеризей. Об этом разговоре советник министерства иностранных дел при кайзере фон Шен в своей телеграмме от 3 апреля 1905 г. сообщает: «Когда император указал на право Германии на равенство с другими странами в коммерческом отношении, г. Шеризей согласился с этим, на что император заявил, что непосредственно договорится с султаном как со свободным и равным монархом независимой страны, что он сумеет заставить признать законные требования Германии и ждет, что Франция будет их уважать. Шеризей побледнел, хотел ответить, но не смог и ушел смущенный, так как разговор был прерван императором» [3].

Демонстративное выступление Вильгельма в Танжере было попыткой прощупать прочность только что достигнутого англо-французского соглашения и являлось прямым вызовом не только по отношению к Франции, но и к Англии. Вслед за этим Германия заявила, что не признает прав Франции и Англии решать судьбу Марокко, и потребовала для разрешения марокканского вопроса созыва конференции держав, подписавших мадридское соглашение 1880 г. Франко-германские отношения обострились до крайности. В. И. Ленин, характеризуя эти противоречия, писал, что Германия в этот период из-за грабежа, дележа Марокко была «на волосок от войны с Францией и Англией» [4].

---

[1] Gr. Pol., B. XX (1), N 6589.
[2] Doc. Dipl., 2-me série, t. VI, N 222.
[3] Gr. Pol., B. XX, N 6589.
[4] *Ленин*, Тетради по империализму, стр. 620, Политиздат, 1939 г.

Германия на волосок от войны с Францией и Англией.

Французский министр иностранных дел Делькассе воспротивился принятию предложения Германии, считая, что созыв конференции под давлением Германии будет унижением для Франции. Делькассе заявил, что требование Германии является блефом, на который не следует обращать внимания, если бы даже Франции угрожали войной.

Эта воинственная позиция, занятая Делькассе в период марокканского кризиса 1905 г., покоилась на уверенности в том, что Англия окажет военную помощь Франции против Германии. Еще в апреле 1905 г. между английским и французским генштабами начались переговоры о помощи, которую Англия может оказать Франции, если в результате обострения марокканского кризиса Германия нападет на Францию.

Король Эдуард VII лично обещал Франции помощь на сказанный случай, предвидя его и, возможно, даже на него рассчитывая.

Кроме того, летом 1905 г. велись переговоры между морскими генштабами Англии и Франции о сотрудничестве флотов обеих держав в случае столкновения с Германией. Эти переговоры привели к тому, что в самый разгар марокканского кризиса Делькассе заявил в совете министров, что Англия дала формальное обещание оказать помощь Франции и высадить 100-тысячную армию в Шлезвиге или в Померании, если Германия объявит ей войну.

В мае 1905 г. марокканский султан, ранее соглашавшийся с программой французских реформ в Марокко, под нажимом Германии и в надежде на обещанную немцами поддержку неожиданно отказался от французских требований и принял германское предложение о созыве международной конференции. Одновременно германский посол в Париже заявил, что Германия в случае необходимости окажет поддержку султану всеми находящимися в ее распоряжении силами. В этой чрезвычайно напряженной обстановке последовало выступление Вильгельма II с угрозой войны: «Пусть французские министры знают, по крайней мере, чем они рискуют. Нанси, взятый в 24 часа, немецкая армия перед Парижем через три недели, революция в 15 главных городах Франции и 7 миллиардов франков контрибуции за все повреждения, которые английский флот не преминет нанести немецкому».

Отступление Франции. Отставка Делькассе.

6 июля 1905 г. в Париже было созвано экстренное заседание совета министров. Председатель совета министров и министр финансов Рувье ознакомил своих коллег с создавшимся положением и поставил вопрос таким образом: либо отказ от конференции, либо неизбежна война с Германией. Делькассе на протяжении кризисных дней вел непримиримую позицию по отношению к Германии. Рассказывают, что в ответ на заявление Рувье Делькассе заявил: «объявим мобилизацию». Но французское правительство, поставленное перед альтернативой войны, не

решилось выступить в этот момент против Германии, чувствуя себя недостаточно подготовленным для ведения войны и учитывая, что ее союзник Россия в этот момент была сильно ослаблена в войне с Японией.

Франция вынуждена была отступить. Германия добилась отставки Делькассе, ярого своего противника, требовавшего решительного отпора германским притязаниям. Французский кабинет вынужден был принести Делькассе в жертву Германии. Германия торжествовала победу, но эта победа, на которую делали ставку в своей марокканской игре германские империалисты, была непрочной, как показала впоследствии Алжесирасская конференция. Однако и после падения Делькассе напряженность отношений между Францией и Германией не ослабла. Начавшиеся франко-германские переговоры затянулись и еще лишний раз показали всю глубину существующих противоречий между обеими странами.

Державы перед Алжесирасской конференцией.

11 июля 1905 г. премьер-министр Франции Рувье, к которому перешел также портфель министра иностранных дел, заявил, что он не одобряет созыв конференции и считает возможным иным путем достигнуть соглашения с Германией по марокканскому вопросу. Рувье тем самым дал понять Германии, что он не прочь договориться с нею о разделе Марокко. Узнав о предложении Рувье, Англия забеспокоилась, что за ее спиной Франция может договориться с Германией и тем самым на средиземноморское побережье была бы допущена еще одна сильная европейская держава — главная соперница Англии, которая в любую минуту могла создать угрозу английским коммуникациям в Средиземном море. Именно эти опасения определили позицию Англии во время первого марокканского кризиса, когда англичане показали себя «больше французами, чем сами французы». Английская пресса повела такую бешеную антигерманскую кампанию, что марокканский вопрос стал скорее англо-германским, чем франко-германским конфликтом.

Германский империализм, рассчитывая в будущем утвердиться в Марокко, отверг предложение Франции и еще более настойчиво потребовал немедленного созыва конференции. Бюлов заявил французскому послу, что не следует «медлить на пути, по краям которого зияют обрывы и даже пропасти». Под давлением угроз германских империалистов Франция 23 июля 1905 г. дала свое согласие на созыв конференции, которая была намечена в небольшом городке Алжесирасе на юге Испании, вблизи Гибралтара.

Попытка Германии вбить клин в франко-русский союз. Свидание в Бьерке.

Подготовляясь к атаке на конференции, Германия снова решила вбить клин в франко-русский союз, стремясь изолировать Францию путем привлечения царской России на свою сторону. С этой целью Вильгельм II, находив-

шийся в это время в Швеции, 19 июля 1905 г. телеграфировал Николаю II о своем желании с ним встретиться. «Если тебе, — писал кайзер Николаю, — доставит удовольствие повидаться со мной, я всегда к твоим услугам». Николай дал свое согласие на встречу в Бьерке, вблизи от Выборга. 23—24 июля 1905 г., во время этого свидания, Вильгельму II удалось склонить слабовольного Николая подписать русско-германское соглашение, которое своим острием было направлено против Франции и Англии. Пункт 1-й этого соглашения гласил: «В случае, если одна из держав подвергнется нападению со стороны одного из европейских государств, союзница придет ей на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами» [1]. Кроме того, монархи договорились, что в случае войны и возможного вторжения англичан в Балтийское море Германия и Россия оккупируют Данию.

Свидание Вильгельма II с Николаем II в Бьерке вызвало серьезные опасения во Франции и Англии. Царские министры, в особенности Ламздорф и Витте, заставили Николая II отказаться от бьеркского соглашения. «Главная, если не единственная, цель Вильгельма, — писал российский министр иностранных дел Ламздорф, — заключается в том, чтобы поссорить нас с Францией и за наш счет выйти самому из состояния изолированности». По совету Витте русский царь вынужден был послать письмо Вильгельму, в котором он заявлял, что «Бьеркский договор не должен быть проводим в жизнь [входить в силу] до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему относится Франция» [2]. Таким образом, Германия, стремившаяся вбить клин в франко-русский союз, потерпела и на этот раз полное поражение.

Алжесирасская конференция и позиция на ней держав.

12 января 1906 г. в Алжесирасе открылась конференция при участии 13 держав (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Испания, США, Франция, Великобритания, Италия, Нидерланды, Португалия, Швеция и Марокко). С самого же начала работ конференции соотношение сил сложилось таким образом, что Германия оказалась в одиночестве. Англия поддерживала на конференции французскую политику более решительно, чем сама Франция. Выступление английского империализма на Алжесирасской конференции было рассчитано на то, чтобы еще более обострить франко-германские противоречия и тем самым окончательно изолировать Германию. Даже англичане в Индии, — как сообщал генеральный консул Клемм в своем секретном донесении из Бомбея, — «с напряженным вниманием следят за ходом переговоров на международной конференции в Алжесирасе, и настоящее состояние умов здесь напоминает мне в значительной степени эпоху, предшествовавшую русско-японской

[1] Gr. Pol., B. XIX, SS. 458—465.
[2] Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 123, Гиз, 1923 г.

войне. Возможность вооруженного столкновения между Францией и Германией открыто обсуждается... и на всех лицах как бы читается вопрос: найдется ли в лице Франции новый благодетель, который вытащит для Англии каштаны из огня, т. е. ослабит глубоко ненавистную и экономически столь опасную Германию, хотя бы поплатившись при этом своими боками.

В военных кругах считают, что настоящий момент — самый благоприятный для нанесения Германии чувствительного удара, который надолго парализовал бы ее мировую торговлю и колониальную политику» [1].

Мы видим, что Англия пыталась вовлечь Францию в войну с Германией для того, чтобы ослабить последнюю: «Английская буржуазия, — пишет тов. Сталин, — не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала войну чужими руками» [2].

На Алжесирасской конференции тон задавала Англия. Под ее давлением и все другие державы заняли профранцузскую ориентацию.

Италия, связанная с Францией секретным соглашением 1900 г. о разделе Марокко, всемерно поддерживала Францию против Германии. Позиция Италии на конференции ясно показала всю непрочность ее положения в Тройственном союзе и обнаружила серьезную брешь в нем.

Испания, связанная с Францией тайным договором 1904 г. о разграничении «сфер влияния» в Марокко, также оказала ей свою поддержку.

Россия, ослабленная в результате войны с Японией и получившая на парижских биржах заем для подавления революции, подпадала во все бо́льшую зависимость от Франции. Эта зависимость царизма от французского финансового капитала и предопределила ее позицию в Алжесирасе.

Малые державы не имели своей собственной линии поведения, так как находились в прямой или косвенной зависимости от англо-французского капитала.

Даже партнер Германии по Тройственному союзу Австро-Венгрия не обнаружила на конференции особого рвения в защите притязаний Германии в Марокко. Австро-Венгрия подготовляла уже в это время аннексию Боснии и Герцеговины (1908 г.) и поэтому не желала ссориться с Англией и Францией, рассчитывая купить себе их нейтралитет в будущем.

Итоги Алжесирасской конференции.

В результате ожесточенной трехмесячной борьбы на конференции, 7 апреля 1906 г. был подписан генеральный акт Алжесирасской конференции. По этому акту державы признавали принцип суверенитета и независимости султана, территориаль-

[1] «Кр. Архив», XLI—XLII, 1930 г., стр. 29.
[2] *Сталин*, Заметки на современные темы.

ную неприкосновенность Марокко и свободную торговлю в этой стране для всех держав. Вместе с тем конференция поручила Франции и Испании назначить офицеров-инструкторов для полиции в восьми марокканских портах.

Кроме того, решениями Алжесирасской конференции в Марокко учреждался государственный банк, имеющий исключительное право эмиссии банкнот и выполняющий казначейские функции. Капитал банка делился на столько же частей, сколько имелось держав, подписавших Алжесирасский акт; каждая держава, участвовавшая в конференции, имела право подписаться на соответствующую часть капитала. Контроль над деятельностью банка находился в руках английских, германских, французских и испанских банков. Тем самым финансы Марокко фактически подпали под контроль иностранного капитала.

В общем, результаты Алжесирасской конференции наглядно показали всю непрочность Тройственного союза и изолированность Германии. С другой стороны, конференция привела к еще большему укреплению связей между Англией и Францией.

Первый марокканский кризис завершился полным поражением Германии несмотря на ее внешнюю дипломатическую победу. Хотя Германии и удалось добиться признания независимости Марокко и равенства в нем иностранных держав, ранее заключенные тайные и явные договоры о разделе Марокко фактически оставались в силе.

Учрежденный в Марокко государственный банк фактически находился под контролем англо-французского капитала. Марокканская полиция оказалась в руках Франции.

Алжесирасская конференция не только не разрешила франко-германских противоречий, но еще более их обострила. Она явилась лишь прелюдией к еще более ожесточенной схватке между французским и германским империализмом. Франко-германская борьба из-за Марокко вскоре же вспыхнула с новой силой.

Конфликт в Казабланке.

Провозглашенные Алжесирасской конференцией принципы независимости Марокко оставались на бумаге. Франция, под предлогом борьбы с анархией в стране, систематически продолжала захватывать одну марокканскую территорию за другой. Возмущение местного населения против французского колониального гнета росло и ширилось. Воспользовавшись этим, германские империалисты прилагали все усилия к тому, чтобы еще больше разжечь недовольство против Франции, и провоцировали столкновение местных войск с французскими оккупационными отрядами.

Брат султана Мулай-Гафид при подстрекательстве и поддержке Германии, опираясь на предводителей племен, восстал против Абдул-Азиса. Во время восстания местных племен был убит французский доктор. Франция под этим предлогом в апреле 1907 г. захватила г. Уджду, вблизи алжирской границы. В августе того же года, после убийства французских землекопов в Каза-

бланке, французские войска в результате бомбардировки захватили город и округ Шауйя. Султан Абдул-Азис, разбитый войсками Мулай-Гафида, бежал на французскую территорию. В январе 1908 г. султаном Марокко был провозглашен Мулай-Гафид. Французское продвижение и захват территории в Марокко вызвали сопротивление со стороны Германии.

25 сентября 1908 г. германский консул в Казабланке, создавший еще в 1906 г. агентство по организации дезертирства среди солдат французского иностранного легиона, попытался тайным образом вывезти из города шесть дезертиров и переправить их на германском пароходе за границу. Однако дезертиры при посадке их на пароход были арестованы французскими властями. Секретарь германского консульства, сопровождавший дезертиров, подвергся оскорблениям и побоям со стороны французских солдат. Германское правительство в ответ на это потребовало от Франции «немедленного и полного удовлетворения». В свою очередь Франция потребовала отозвания и наказания германского консула, превысившего свои полномочия. Казабланкский инцидент принял весьма напряженный характер.

В сентябре 1908 г. франко-германские отношения весьма обострились и едва не привели к вооруженному столкновению. Германия заявила, что если Франция не удовлетворит ее требования, то она отзовет своего посла из Парижа. В ответ на это французское правительство приняло экстренные военные меры: французским солдатам на немецкой границе было запрещено отлучаться из казарм, было решено мобилизовать резервистов, освобожденных из армии в сентябре 1907 г.

Во время этого конфликта Англия и Россия выразили полную солидарность с образом действий и политикой Франции. Германия, внимание которой в это время было приковано к младотурецкой революции и боснийскому кризису, в котором завязла ее союзница Австро-Венгрия, не решалась выступить против Франции, боясь конфликта с Англией и Россией.

Отступление Германии.

Германия, учитывая создавшуюся международную обстановку, вынуждена была временно отступить. Одновременно с этим она прилагала все усилия к тому, чтобы добиться от Франции компенсации. 4 октября 1908 г. кайзер сообщил Бюлову, что Германия несмотря на инцидент в Казабланке должна насколько еще возможно выйти с достоинством из создавшегося положения и возможно скорее прийти к соглашению с Францией. Бюлов ответил Вильгельму II, что он с ним согласен, но не следует показывать этого слишком ясно французам, ибо иначе они не предоставят Германии никакой компенсации за уступку, и наиболее желательным, продолжал Бюлов, было бы, если бы мы могли прийти к соглашению с Францией в отношении Марокко.

Вскоре казабланкский инцидент был ликвидирован. Германия и Франция подписали декларацию, в которой выражали

сожаление по поводу конфликта и согласились передать дело на третейское разбирательство Гаагского трибунала. Решением Гаагского трибунала была установлена вина германского консула. Было признано, что французские власти действовали правильно, допустив, однако, излишнее насилие во время ареста дезертиров.

Франко-германское соглашение о Марокко 1909 г.

Вслед за этим, 8 февраля 1909 г., было подписано франко-германское соглашение о Марокко, по которому Франция, подтверждая принцип целостности и независимости Марокко, признала экономические права Германии в стране и обязывалась «не чинить препятствий торговым и промышленным интересам Германии».

Германия в свою очередь признала за Францией «особые *политические* интересы», тесно связанные с обеспечением порядка и внутреннего мира в Марокко, и обязалась «не препятствовать этим интересам». После подписания этого соглашения Франция и Германия разработали план совместного экономического сотрудничества в Марокко по эксплоатации минеральных богатств в стране, организации общественных работ и проведению железных дорог. Однако и эти соглашения не могли ослабить противоречий между французскими и германскими империалистами, добивавшимися каждый своего господства в Марокко.

Дальнейшее обострение франко-германских противоречий в Марокко.

Мы знаем, какова цена соглашениям и договорам, заключаемым империалистами. «...в какой бы форме эти союзы ни заключались, — писал В. И. Ленин, — в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав — являются *не*избежно лишь «передышками» между войнами. Мирные союзы подготовляют войны и в свою очередь вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики» [1].

На пороге 1911 г. империалистические противоречия между Англией и Германией все более и более углублялись и обострялись. 29 апреля 1911 г. В. И. Ленин в своей статье «Конгресс английской социал-демократической партии», анализируя создавшуюся напряженную международную обстановку, писал: «Известно, что в последние годы и Англия и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение надвигается все более грозно. Буржуазная шовинистическая пресса обеих стран бросает в народные массы миллионы и миллионы зажигательных статей с натравливанием на «врага», с воплями о неминуемой опасности «германского нашествия»

[1] *Ленин*, т. XIX, стр. 168.

пли «английского нападения», с криками о необходимости усиленных вооружений» [1].

Этот гениальный прогноз великого Ленина целиком и полностью подтвердился всем дальнейшим ходом истории.

В июле 1911 г. борьба за Марокко вновь привела Европу к непосредственной угрозе войны.

* * *

Оккупация Марокко французскими войсками.

21 мая 1911 г., под предлогом защиты султана Мулай-Гафида от восставших туземных племен и охраны европейцев, французские войска вступили в Фец (столица Марокко), не встретив, как об этом сообщалось официально, никакого сопротивления. Этот шаг, предпринятый французским империализмом, подготовлялся всей предшествующей политикой Франции в Марокко.

Несмотря на франко-германское соглашение от 1909 г. Франция систематически, шаг за шагом, уничтожала последние остатки независимости Марокко, расширяя свой политический и военный контроль над страной. В конечном итоге Франция превратила марокканского султана в свою марионетку, постепенно полностью подчинив его своему влиянию. Однако чудовищный гнет французского империализма в Марокко вызвал широкую волну народного возмущения. Недовольство французским колониальным режимом в Марокко достигло своего апогея в марте 1911 г., после публичной казни, совершенной полковником Манженом над двумя марокканскими солдатами, якобы уличенными в дезертирстве. В Феце вспыхнуло восстание. Во время этого восстания был убит французский полковник Маршан. Франция, воспользовалась этим обстоятельством, как предлогом, чтобы осуществить свою заветную мечту — разделаться с остатками независимости Марокко, оккупировать страну и превратить ее окончательно в свою колонию.

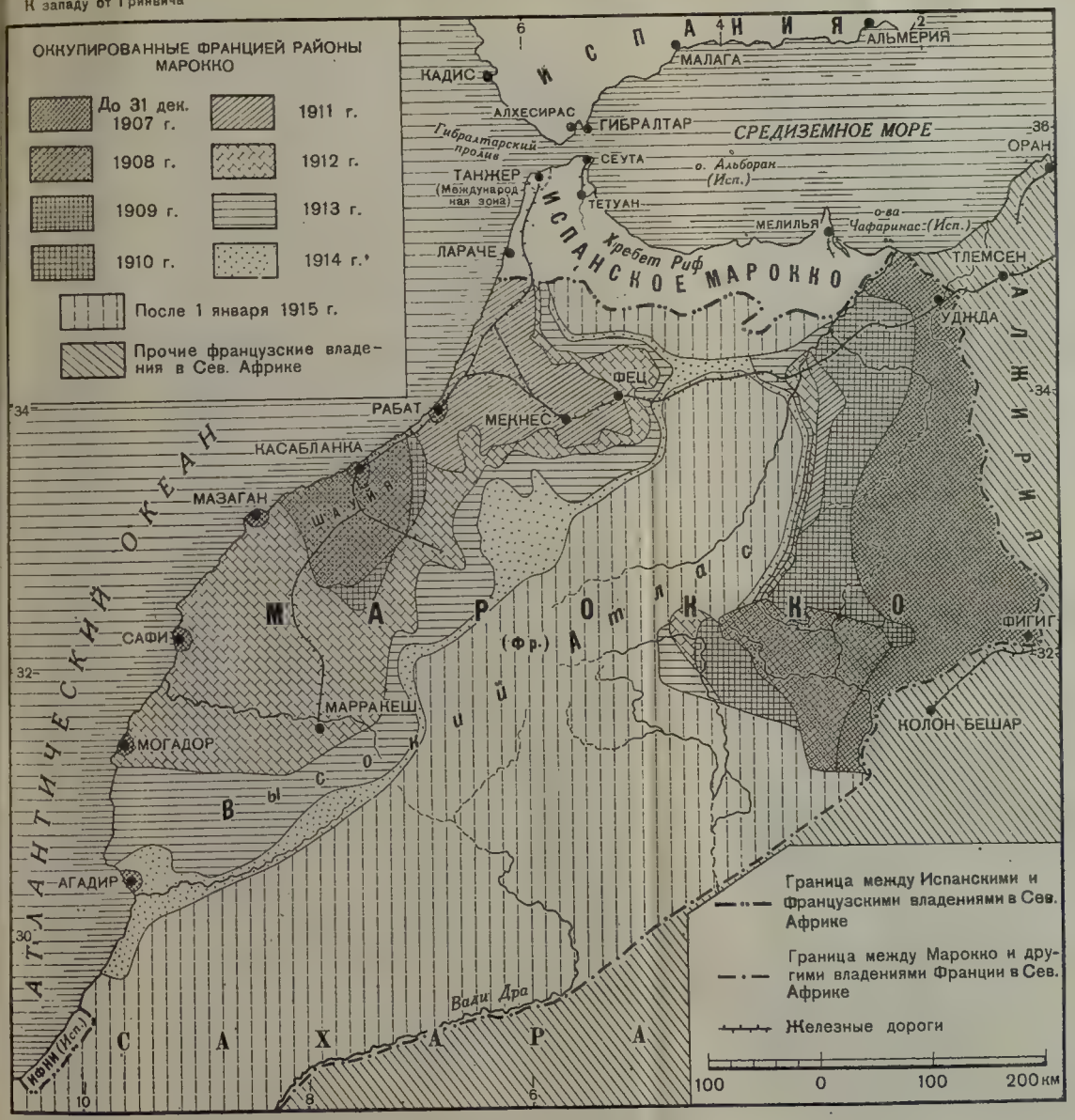
Разумеется никто, прежде всего само французское правительство, не верил во временный характер оккупации Феца. Министр иностранных дел Франции Круппи, в беседе с Извольским, на вопрос посла, может ли Франция «хотя бы приблизительно определить длительность оккупации Феца», ответил уклончиво [2].

Подготовка германской агрессии в Марокко.

В то же время известие об оккупации французскими войсками Феца было воспринято в Берлине как сигнал к решительным действиям. Германия сочла сложившуюся ситуацию как нельзя более подходящей для осуществления своих давнишних колониальных домогательств в Марокко. Получив известие об оккупации Феца, министр иностранных дел Германии Кидерлен в беседе с бельгийским послом в Берлине откровенно заявил ему:

[1] *Ленин*, т. XV, стр. 165.
[2] «М. О.», т. XVIII, № 39.

ЭТАПЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ОККУПАЦИИ МАРОККО.



На путях к мировой войне — к стр. 59.

«Я благодарил небо, когда узнал о наступлении на Фец, так как это возвращало нам свободу действий... Если бы Франция продолжала продвигаться с рассчитанной медленностью, нам пришлось бы примириться с ее захватами».

Тотчас же после отправки французского экспедиционного корпуса в Фец Германия известила французское правительство, что она считает Алжесирасский акт нарушенным и отныне сохраняет за собой полную свободу действий.

28 апреля 1911 г. Кидерлен в беседе с французским послом в Берлине Жюль Камбоном «выразил серьезные сомнения, сможет ли французское правительство осуществить свое намерение вскоре отозвать войска, тем более что всегда очень затруднительно точно установить, что порядок восстановлен. Он добавил, что во всяком случае французскому правительству надлежит помнить, что французская оккупация на неопределенный срок будет означать конец Алжесирасского акта и в этом случае Германия вновь вернет себе свободу действий» [1].

Прыжок «Пантеры».

Вскоре германский империализм перешел к осуществлению своих захватнических планов. Решительные действия были начаты 1 июля 1911 г., когда германское правительство под предлогом «оказания помощи своим подданным и защиты своих значительных интересов в Марокко» отправило канонерскую лодку «Panther» в порт Агадир, находящийся на атлантическом побережье юго-западного Марокко.

Германский империализм предпринял прыжок «Пантеры» совершенно внезапно. Приняв решение об отправке канонерки в Агадир, Германия тщательно это скрывала и сообщила державам о посылке «Пантеры» лишь спустя 24 часа после ее отплытия. Германия боялась, что если бы она сообщила об этом державам раньше, то со стороны Франции и Англии, возможно, были бы приняты контрмеры.

Еще 12 июня 1911 г. помощник министра иностранных дел Германии Циммерман в своей записке на имя Кидерлена предлагал послать по два крейсера в Агадир и Могадор, причем сообщение об их посылке сделать с запозданием, за 24 часа до их прибытия на место, с тем чтобы воспрепятствовать Франции, имеющей более близкие порты, опередить их там [2].

Стремление Германии захватить Марокко.

Германия, посылая «Пантеру» в Агадир, лицемерно заявила, что «как только будет восстановлено прежнее спокойное положение в Марокко... судно, которому поручена эта покровительственная миссия, покинет Агадирский порт» [3]. На самом деле этим заявлением маскировалось стремление германского империализма воспользоваться оккупацией французскими

[1] Brit. Doc., vol. VII, N 227.
[2] Gr. Pol., B. XXIX, N 10572.
[3] *Там же.*

войсками Феца для захвата части марокканской территории и обосноваться на атлантическом побережье северо-африканского материка. Об этом свидетельствует заявление Вильгельма II, сделанное им Кидерлену накануне посылки «Пантеры» в Агадир: «Надо дать марокканским делам такое направление, которое могло бы сгладить все наши предыдущие неудачи» [1].

Германия опасалась того, «чтобы Франция, — как заявил Кидерлен, — не проглотила одна марокканский кусок и втихомолку не выставила бы нас за дверь» [2].

Германские публикаторы «Die Grosse Politik» и ряд германофильских буржуазных историков (Э. Морель, С. Фей и др.), всячески пытаются доказать, что Германия, предпринимая в июле 1911 г. агрессию в Агадире, якобы не стремилась к захвату Марокко, а пыталась лишь получить залог для дальнейшего торга о компенсациях в других колониях. Однако эти утверждения были пущены в ход лишь для того, чтобы оправдать агрессивные планы германского империализма в Марокко. Советская публикация «Международные отношения в эпоху империализма» полностью разоблачает эту версию и свидетельствует о том, что Германия, предпринимая прыжок «Пантеры», стремилась стать твердой ногой на марокканском побережье и создать угрозу английским и французским коммуникациям.

Еще задолго до посылки «Пантеры» в Агадир Извольский, характеризуя тактику, применяемую Германией, писал: «Берлинский кабинет избрал весьма искусную и выгодную позицию: не возражая покуда против образа действий Франции, он оставляет за собою свободу в каждую данную минуту заявить о нарушении Алжесирасского акта; одновременно с этим, весьма правдоподобно, что он под рукою возбуждает Испанию и подготовляет почву к осложнениям между обеими непосредственно заинтересованными в Марокко державами. Таким образом, германская дипломатия остается хозяином положения и может, в зависимости не только от развития событий на месте, но и от общего хода своей внутренней или внешней политики, внезапно обострить марокканский вопрос... Берти лично убежден, что Германия выжидает лишь момент, чтобы объявить Алжесирасский акт несуществующим и захватить один или два порта (в том числе Могадор) на атлантическом побережье Марокко. Этим будет нанесен... чувствительный удар интересам Англии, которая лишится безопасности своих сообщений с Южной Африкой» [3].

В письме от 19 июля н. с. 1911 г. Извольский сообщал, что, по предположению французского министра иностранных дел де Сельва, «отправляя военное судно в Агадир, Германия действительно

---

[1] *Renouvin*, La Crise Européenne et la Grande Guerre», p. 120, Paris, 1904.
[2] «М. О.», т. XVIII, ч. I, стр. 195.
[3] «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», изд. НКИД, 1922 г., стр. 88.

имела первоначально в виду утвердиться на этом пункте атлантического побережья и захватить его хинтерланд» [1].

Об этом же сообщал российский посол в Берлине Остен-Сакен в своей телеграмме от 3 июля: «как ловко, — писал он, — сумела Германия найти предлог для захвата мароккской гавани... для участия в возможном будущем разделе султаната между Францией, Испанией и Германией» [2]. Аналогичную же мысль развивал российский посол в Лондоне Бенкендорф: «Берлинский кабинет, писал он, счел нужным начать дипломатическую кампанию шумной морской демонстрацией в Агадире, ясно указав на Марокко, как на свою цель» [3].

Разоблачение захватнических планов Германии в Марокко. Процесс «Грецботен» — «Пост».

Яркий свет проливают на этот вопрос имевшие место в Германии в 1912 г. два процесса между полуофициальным германским органом «Grenzboten» и органом пангерманистов «Post» и той же газетой «Grenzboten» и «Рейнско-Вестфальской газетой». Во время этих процессов выяснилось, что ответственный редактор «Post» заявил, что «Кидерлен неоднократно подтверждал различным политическим деятелям, что он не прекратит начатой игры, не добившись западного Марокко». Редактор «Рейнско-Вестфальской газеты» Рейссман-Грове заявил на втором процессе, что его политика долго была политикой правительства. «Я прошу суд, — сказал он, — вызвать председателя пангерманской ассоциации адвоката Класс. Г. Класс вступил по моей просьбе в сношения с г. Кидерлен-Вехтером. Последний пригласил г. Класса. Они встретились 19 апреля 1911 г. в Палатинском отеле в Мангейме. Их разговор продолжался в течение нескольких часов. Статс-секретарь сказал: «Я стою за политику раздела Марокко. Требования пангерманистов совершенно правильны. Мы будем стойко держаться в Марокко. Положитесь на меня... Я такой же пангерманист, как и вы». После беседы с Кидерленом г. Класс встретился с помощником статс-секретаря по иностранным делам г. Циммерманом. Это было как раз в день посылки «Пантеры» в Агадир. Г. Циммерман сказал г. Классу: «Вы пришли в удачный момент. «Пантера» скоро появится в Агадире. Мы сохраним за собой Могадор. Мы ничего не отдадим. Остерегайтесь говорить в печати о компенсациях. Мы не хотим компенсации. Франция, возможно, хотела бы дать нам Конго, но мы хотим Марокко».

Спустя десять дней после посылки «Пантеры» Кидерлен, как это выяснилось на процессе, заявил редактору газеты «Tägliche Rundschau» Генриху Риплеру, что «он будет преследовать в Марокко энергичную политику, держаться твердо и сохранит за собой Могадор, возможно также и Рабат». Кидерлен, вызов которого в качестве свидетеля на процессе судом был отклонен, высту-

[1] «М. О.», т. XVIII, № 222.
[2] *Там же*, № 157.
[3] *Там же*, № 363.

пая в рейхстаге, категорически отказался от сделанных им заявлений и пытался объяснить показания редакторов «недоразумением, возникшим из-за неверной расшифровки стенографических записей, сделанных во время разговоров». В ответ на это, возмущенная заявлением Кидерлена газета «Post» в одной из своих статей сообщала: «Мы много раз утверждали, что Кидерлен-Вехтер говорил, что он потребует для Германии Южное Марокко. Кидерлен и Бетман-Гольвег торжественно отрицали это в рейхстаге. Нельзя их упрекать за то, что они не хотят сознаться, что желали того, чего не сумели получить. Г. Кидерлен пытался спасти себя, высмеивая журналистов, которых вначале призвал на помощь. Такое поведение вызовет лишь недоверие и презрение. Германский народ чувствует беспокойство оттого, что человек, о котором идет речь, остается во главе иностранных дел империи».

Следует отметить, что суд, разбиравший дело, признал правильность утверждений газет о позиции правительства во время агадирского кризиса и присудил редактора газеты «Grenzboten», Клейнова, обвинявшего Рейссмана в клевете на правительство, к 300 маркам штрафа [1].

Таким образом, мы видим, что планы германского империализма во время посылки «Пантеры» в Агадир состояли в том, чтобы захватить марокканское побережье и создать плацдарм для развязывания войны против Англии и Франции.

Прыжок «Пантеры» являлся шагом по пути осуществления широких захватнических планов германского империализма, направленных к новому переделу мира.

Помощник статс-секретаря по иностранным делам Англии Артур Никольсон, — писал Бенкендорф Нератову 19 июля, — «поведал мне под самым строгим секретом, что Меттерних, который не любит иметь с ним дела и почти никогда не посещает его, пришел к нему на-днях по совершенно второстепенному делу, а затем (у Никольсона создалось определенное впечатление, что германский посол явился, чтобы сделать предупреждение) обратился вдруг к нему с речью на следующую тему: между 1866 и 1870 гг. Германия стала великой страной, восторжествовавшей над всеми своими врагами. Между тем побежденная Франция и Англия поделили с тех пор между собой мир, в то время как Германии достались лишь крохи; наступил момент, когда Германия имеет право на нечто реальное и значительное» [2], иными словами: раскошеливайтесь, джентльмены!

Попытка Германии развязать войну с Францией из-за Марокко.

Нет никакого сомнения в том, что германский империализм рассчитывал разделаться с Францией один на один и разрешить марокканский вопрос силой оружия.

«Агадирский кризис, — пишет Грей, — имелось в виду закон-

[1] Doc. Dipl., 3-me série, t. I, NN 423, 424/295, t. II, NN 51, 57.
[2] «М. О.», т. XVIII, № 220.

чить или дипломатическим поражением Франции или войной» [1].

Об этом же свидетельствует заявление Кидерлена Жюль Камбону 17 августа 1911 г.; когда последний сказал ему, что уезжает в Париж, Кидерлен ответил: «Вернитесь в Берлин к 28 [августа], и тогда мы решим с вами, война или мир» [2].

12 сентября Бенкендорф сообщал в российское министерство иностранных дел, что «после долговременной, крайне секретной подготовки... Германия внезапно и с оружием в руках потребовала, чтобы Франция отдала забранное. Поставленный таким образом вопрос... уже не может быть разрешен иначе, как соглашением, хотя бы несовершенным, но приемлемым для Франции, или же войной» [3].

Тактика германского империализма в начале агадирского кризиса состояла в том, чтобы вбить клин между Англией и Францией, с одной стороны, Россией и Францией и Англией — с другой. Германия пыталась изолировать каждого из своих противников, а затем разделаться с каждым из них поодиночке. В Берлине, — писал Бенкендорф, — считают, «что Франция будет изолирована и, следовательно, более податлива» [4]. Этим и объясняется в значительной мере тот бесцеремонный и развязный тон, которым разговаривали в Берлине. Так, в беседе с английским послом в Берлине Гошеном Вильгельм II заявил: «Если Франция не выкажет наконец благоразумия и не заключит честно сделку..., то я в самой острой форме воскрешу Алжесирасский акт, который в настоящий момент нарушен Францией, и позабочусь о том, чтобы любыми средствами выгнать всех до одного французов из Марокко» [5].

Следует отметить, что для подкрепления своих угроз Германия в этот момент сосредоточила в Северном море эскадру на расстоянии 24 часов пути от Киля.

Германия рассчитывает на нейтралитет Англии.

После Потсдамского соглашения с Россией Германия чувствовала себя особенно уверенно и пыталась теперь проверить прочность англо-французского союза. Германия вплоть до последнего момента рассчитывала, что Англия будет занимать нейтральную позицию. «Если в Берлине, — писал Бенкендорф 19 июля 1911 г., — дошли до того, что начали рассчитывать, что позиция Англии будет близка к нейтральной, то просчитались» [6]. Об этом же сообщал в своем письме Извольский: «Германия, — писал он, — действительно имела первоначально в виду утвердиться на этом пункте Атлантического

---

[1] *Viscount Grey of Fallodon*, Twenty-five years, 1892—1916, New York, vol. I, p. 210.
[2] «М. О.», т. XVIII, № 340.
[3] *Там же*, № 423.
[4] *Там же*, № 363.
[5] Gr. Pol., B. XXIX, N 10638.
[6] «М. О.», т. XVIII, № 220.

побережья [т. е. в Агадире. — *А. М.*] и захватить его хинтерланд. На такой план ее могла натолкнуть неправильная оценка настроения Англии и преувеличение замечавшихся там в последнее время германофильских течений» [1]. «В Берлине, — писал Бенкендорф, — сделали большую ошибку в оценке положения... Там ошиблись в оценке прочности англо-французских отношений; думали, что Англия останется равнодушной, что Франция изолирована и что положение благоприятно» [2]. Надо сказать, что у Германии к этому имелись известные основания. Когда после оккупации Феца французскими войсками Вильгельм II предпринял поездку в Лондон на открытие памятника королевы Виктории, где ему англичане оказали сердечный прием, Германия решила, что англичане недовольны действиями Франции в Марокко. Бетман-Гольвег в своей записке от 21 мая 1911 г. указывал, что Вильгельм II «вынес из своего пребывания в Англии впечатление, что там весьма недовольны действиями Франции в Марокко. Он также вынес впечатление, что теплотой и непосредственностью своих приветствий народ выразил не только уважение к нему лично, но и свое желание сближения с Германией» [3]. Такое же впечатление вынес и Бенкендорф, который 9 мая 1911 г. писал: «Никольсон не скрыл от меня того факта, что марокканский вопрос беспокоит лондонский кабинет. Опыт всех европейских держав, начиная с Англии, показывает, что легче занять город, чем вновь освободить его».

Даже после прыжка «Пантеры» в Агадир позиция Англии была некоторое время неопределенной и выжидательной. Так, в беседе с Бенкендорфом Грей заявил, что «он еще не уяснил себе мотивы, побудившие Германию к такому решению... Впрочем, сказал мне министр, если речь идет об ограждении германских интересов, как только в стране водворится спокойствие и французские и испанские войска будут отозваны, в результате чего уйдет и германское судно, — то status quo ante окажется восстановленным. Возможно, сказал мне министр, что Германия просто хочет получить что-нибудь. В этом случае нужно узнать, чего она хочет и идет ли речь о какой-либо компенсации, против которой ни Франция, ни Англия не имеют возражений. Потому что, сказал он мне, нужно и то и другое, ибо интересы Франции и Англии неодинаковы» [4].

В Германии поэтому естественно рассчитывали на то, что Англия останется в стороне и не будет препятствовать германской агрессии в Марокко.

Спустя три дня после посылки «Пантеры» в Агадир Бетман-Гольвег в беседе с английским поверенным в делах в Берлине де Салисом заявил, что «он не предвидит затруднений со стороны

[1] «М. О.», т. XVIII, № 222.
[2] *Там же*, № 323.
[3] Gr. Pol., B. XXIX, N 10562.
[4] «М. О.», т. XVIII, № 169.

Англии, которая непосредственно не заинтересована. К тому же отношения сейчас между Германией и Англией прекрасные, и он имеет все основания считать, что отношение Англии к Германии самое дружественное» [1].

Позиция Англии в марокканском вопросе.

Для того, чтобы лишний раз прощупать позицию Англии, германский посол в Лондоне по поручению Кидерлена посетил Грея и спросил у него, «какова нынешняя и будущая позиция Англии в вопросе о Марокко». Сэр Эдуард ответил послу, что «соглашения, заключенные между Англией и Францией, налагают на Англию обязательство поддерживать Францию, что английское правительство считает к тому же, что Франция, в силу своих соглашений, не только имеет право, но и обязана охранять французские, английские и иностранные интересы в столице Марокко... По мнению английского правительства, положение в Фецe, усложняясь с каждым днем, в результате междоусобных войн марокканских племен, делает вмешательство Франции вполне уместным и полезным для всех». Грей ответил, что «Англия при всех обстоятельствах останется верной своим соглашениям с Францией... что в случае осложнений все обязательства Англии «войдут в силу» [2].

Вскоре после беседы германского посла с Греем английское правительство заявило Германии, что «Англия ни в коем случае не может перестать интересоваться марокканским вопросом, так как имеет в Марокко свои собственные интересы, более значительные, чем интересы Германии, а также в силу своих соглашений с Францией, условиям которых позиция Англии продолжает полностью соответствовать; что появление в Агадире германского судна создает новое положение, по которому Англия не может признать никакого решения, принятого без ее участия» [3]. Это заявление английского правительства вызвало в Берлине горькое разочарование. Германские империалисты, рассчитывавшие на нейтралитет Англии, убедились в том, что они просчитались.

Англия дает решительный отпор притязаниям Германии в Марокко.

Таким образом, германские планы войны с Францией были сорваны Англией. Вместо нейтральной позиции Германия встретила со стороны Англии решительный отпор своим захватническим планам. Англия, убедившись в стремлении Германии захватить атлантическое побережье Африки и укрепиться в Марокко, решила всеми силами воспрепятствовать германской агрессии. Вот почему английский империализм «в марокканском вопросе... отстаивает интересы Франции больше, чем сама Франция» [4]. Англия не желала допустить к берегам Атлантики своего ярого противника, претендующего на

---

[1] Brit. Doc., vol. VII, N 352.
[2] «М. О.», т. XVIII, № 29.
[3] *Там же*, № 167.
[4] *Там же*, № 363.

мировую гегемонию. «Англия, — писал Бенкендорф, — будет определенно противодействовать успехам Германии в Марокко, особенно в отношении порта... С тем большей энергией она будет защищать подступ к своим владениям и свои торговые пути» [1].

Речь Ллойд-Джорджа.

Разочарование германских империалистов еще больше усилилось после решительного выступления Ллойд-Джорджа, которое было сделано в исключительно резкой форме. Ллойд-Джордж заявил о твердой и непреклонной решимости Англии защищать status quo. Эта речь английского первого лорда казначейства была направлена против Германии и явилась грозным предостережением против германской агрессии. 21 июля 1911 г. (н. с.) на банкете банковских деятелей в Mansion-House Ллойд-Джордж заявил: «Я должен также сказать следующее: я считаю необходимым, в высших интересах не только Англии, но и всего мира, чтобы Англия при всех условиях сохранила свое место и свой престиж среди великих держав мира. Ее могущественное влияние в прошлом не раз оказывалось неоценимым для дела свободы человечества и может быть таковым и в будущем. Влияние Англии в прошлом не раз спасало народы континента, которые иногда готовы забывать об этом, от катастрофы и даже от полного национального уничтожения. Я пошел бы на большие жертвы для того, чтобы сохранить мир. Я считаю, что ничто не может оправдать нарушение международного мира за исключением вопросов крупнейшего национального значения. Но если бы мы были поставлены в такое положение, при котором сохранение мира зависело от сдачи нами той великой и благотворной позиции, которую Англия завоевала в течение столетий героических достижений, при котором сохранение мира требовало бы допустить такое отношение к Англии в тех случаях, когда затрагиваются ее жизненные интересы, как если бы Англия не имела никакого веса в совете народов, то в этом случае я заявляю со всей настойчивостью, что мир этой ценой являлся бы нестерпимым унижением для такой великой страны, как наша...» [2]

Это выступление Ллойд-Джорджа, неуклюже прикрытое лживыми фразами о «миролюбии» Англии и ее «неоценимой роли для дела свободы человечества», было прямой угрозой войны против Германии, которая осмелилась стать на пути мировой империалистической гегемонии Великобритании.

Решительная позиция, занятая Англией во время агадирского кризиса, подбодрила Францию и дала ей возможность заговорить с Германией более решительным тоном. Как сообщал Извольский, Ж. Камбон заявил Кидерлену, что «Франция ни в каком случае не согласится на утверждение Германии в какой бы то ни было части Марокко» [3].

---

[1] «М. О.», т. XVIII, № 369.
[2] *Там же*, стр. 292, прим. 1, и Brit. Doc., vol. VII, N 412.
[3] «М. О.», т. XVIII, № 192.

Германский империализм готовится к вооруженной схватке.

В разгар агадирского кризиса 15 июля 1911 г., когда франко-германские противоречия достигли крайней остроты, Вильгельм написал на докладе Бетман-Гольвега: «В таком случае я должен немедленно вернуться. Потому что я не могу допустить, чтобы мое правительство выступало таким образом, когда меня нет на месте... иначе это было бы непростительно и слишком по парламентски: «Король забавляется». А тем временем мы идем к мобилизации. Без меня этого не должно быть» [1].

Усиленные военные приготовления в Германии не оставляли никаких сомнений в том, что германский империализм готовится к вооруженной схватке. «В последнее время, — писал российский поверенный в делах в Берлине Шебеко, — под влиянием вызывающих статей пангерманской печати стало проявляться воинственное настроение... в промышленных и торговых кругах. Главное возбуждение направлено при этом против Англии... В ней видят здесь главную подстрекательницу Франции... Желание выйти из настоящего тяжелого положения и использовать раз навсегда ту мощь, на которую потрачено было столько народной силы и богатства, может заставить Германию в ближайшем будущем рискнуть столкновением с той державой, которую она считает своим непримиримым врагом в настоящем и будущем» [2].

Того же мнения придерживались и правительственные круги Англии. «Трудно себе представить, — писал Эр Кроу, — что Германия могла предпринять этот шаг, не предусмотрев возможности того, что ее политика приведет к войне, в которой Франция и Англия оказываются противопоставленными ей. Как бы в Берлине ни считали такую возможность невероятной, ввиду общей позиции Франции и Англии в отношении вопроса о мире и войне, никакое предусмотрительное правительство не преминет, до того как начать агрессивную политику, подготовиться к такой возможности, которую нельзя считать исключенной. То, что Германия решилась, должно вызвать предположение, что она считает себя достаточно сильной, чтобы встретиться с угрозой британского вооруженного сопротивления... единственная опасность возникновения англо-германского конфликта состоит в возможности, что Германия чувствует себя уверенной, что может с успехом вести войну против нас» [3].

В период агадирского кризиса противоречия между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой, настолько обострились, что война ожидалась с минуты на минуту.

Это вызвало также серьезное беспокойство в правящих кругах Бельгии, опасавшихся, что война между Францией и

[1] Gr. Pol., B. XXIX, N 10607.
[2] «M. O.», т. XVIII, № 443.
[3] Brit. Doc., vol. VII, N 343.

Германией может развернуться на их территории. «Призрак войны между Францией и Германией, да притом на бельгийской территории, все более и более беспокоит здешнее общественное мнение и местную печать, — писал российский посланник в Брюсселе Кудашев, — ... До последнего времени королевское правительство, рассчитывая ли на букву трактатов, обеспечивающих неприкосновенность бельгийской территории, или сознавая полную невозможность собственными силами отстоять нейтралитет государства, не принимало решительно никаких мер для защиты страны от оккупации воюющими сторонами, что, однако, в случае вооруженного столкновения соседних великих держав, несомненно, грозит Бельгии как с севера посредством высадки у Антверпена, так равно с запада и с востока вторжением в пределы королевства через слабо защищенные сухопутные его границы... Под давлением общественного мнения правительство, наконец, как будто решилось выйти из своего бездействия и... предполагается мобилизация и призыв под оружие трех категорий запасных» [1].

План германского нападения на Францию.

Сообщение Кудашева весьма показательно для планов германской агрессии, подготовлявшейся в этот период против Франции. Как известно, спустя три года, германские империалисты нанесли внушительный и внезапный удар Франции именно в бельгийском направлении. Это было полностью предусмотрено стратегическим планом германского генерального штаба, разработанным Шлиффеном. В основу этого плана была положена идея решительного наступления на французском фронте посредством нарушения бельгийского нейтралитета. Германская армия должна была главными силами обойти французский левый фланг с севера и отбросить французскую армию к швейцарской границе. Германские правящие круги были весьма агрессивно настроены и, не сомневаясь в победе, учитывали «вперед даже в случае уничтожения своего флота великобританским, те компенсации, которыми увенчается победоносная кампания в смысле территориальных приращений в колониях и высокой военной контрибуции» [2].

Англия и Франция готовятся к войне с Германией.

В разгар агадирского кризиса, когда война с Германией могла разразиться в любой момент, Франция и Англия предпринимают срочные мероприятия по приведению в боевую готовность своих вооруженных сил. Англия была готова уже в 1911 г. начать войну с Германией из-за Марокко и заявила Франции, что она придет ей на помощь. «Переговоры с Германией, — писал Грей Никольсону, — могут в любой момент принять неблагоприятный оборот, и в таком случае немцы могут начать действовать очень быстро — даже внезапно. Адмиралтейство должно

[1] «М. О.», т. XVIII, № 456.
[2] *Там же*, № 378.

быть готово к этому... Наши эскадры вследствие этого должны всегда находиться в таком состоянии и быть так расположены, чтобы они могли встретить немецкое нападение, если немцы решат действовать внезапно... Германские действия могут последовать так быстро..., что не будет времени собрать наши суда, если только они не будут заранее так расположены» [1].

В соответствии с этим Англия предпринимает все необходимые мероприятия, чтобы оказать решительное противодействие в случае нападения Германии и решительно выступить против нее.

Начальник германского морского штаба вице-адмирал фон Герингеи сообщал Кидерлену о мобилизационных мероприятиях английского командования в этот период: «Новая дислокация фронта, крупные ускоренные закупки угля и других запасов, приведение в готовность находящихся в ремонте судов, ускоренное сосредоточение военных запасов в портах, усиленный призыв запасных, сокращение отпусков, интенсивное обучение резервных кадров» [2].

Одновременно между английским и французским генеральными штабами ведутся усиленные переговоры о совместных действиях против Германии, уточняются мобилизационные планы, подсчитываются силы, определяются направления ударов и т. д.

Еще в апреле 1911 г. старший чиновник английского министерства иностранных дел Эр Кроу писал Грею, что «Германия весьма усиленно работает над привлечением мощных турецких военных сил к Тройственному союзу... и стремится посеять рознь между державами Согласия и третьими державами... При наличии такого положения французское предложение о желательности более тесного соглашения в любой форме между Англией и Францией на случай возможного вооруженного столкновения с Германией заслуживает внимательного рассмотрения» [3].

Как известно, Франция и Англия в 1911 г. не имели военной конвенции, однако связь между французским и английским генеральными штабами неизменно поддерживалась. Еще в 1906 г. была достигнута договоренность, по которой «в случае франко-германской войны, Франция может рассчитывать на высадку, либо на берегах Дании или Голландии, либо в самой Франции, вспомогательной английской армии. Состав этой армии до последнего времени определялся в 4 дивизии» [4].

В кризисные дни 1911 г., когда угроза войны с Германией являлась реальной опасностью, связь между французским и английским генеральными штабами еще более укрепилась. «В военных сферах Англии, — телеграфировал российский военный агент

[1] Brit. Doc., vol. VII, N 647.
[2] Gr. Pol., B. XXIX, N 10665.
[3] Brit. Doc., vol. VII, N 207.
[4] «М. О.», т. XVIII, № 474.

в Лондоне Ермолов, — война Франции с Германией ожидается. Англия намерена поддержать Францию на море и суше. Лорд Китченер намечен главнокомандующим, и его отъезд по раньше состоявшемуся назначению в Египет откладывается» [1]. Вслед за этим в Париж срочно выехал начальник оперативного отдела английского генерального штаба генерал Вильсон. На совместном заседании представителей генеральных штабов Англии и Франции разрабатывается оперативный план совместных действий на случай войны с Германией. По сведениям Извольского, полученным им от французского министра иностранных дел де Сельва, этот план сводился к следующему: «французский флот имеет своей задачей утвердить господство над Средиземным морем, тогда как действия против германского флота предоставляются английскому флоту» [2]. Кроме того, по этому плану предусматривалась высадка «на французском берегу английской армии, которая будет оперировать против германских войск на левом фланге французской армии... английская вспомогательная армия должна состоять уже не из 4, а из 6 дивизий, и притом усиленного состава общей численностью в 150 тыс. чел.; сосредоточение ее должно состояться на 13-й день в районе Мобеж—Камбре, и она будет оперировать против той части германской армии, которая, по предположениям французского генерального штаба, нарушит нейтралитет Бельгии и Люксембурга. Соглашение, выработанное обоими генеральными штабами..., предвидит все подробности действий английской армии — графики поездов, порядок снабжения ее провиантом и т. п., причем заранее намечены французские офицеры, которые будут состоять при английских войсках, и английские офицеры — при французской армии» [3]. Об этом был поставлен в известность российский генеральный штаб. Положение было настолько напряженным, что в Тулоне 22 августа 1911 г. были сосредоточены 3 эскадры, сухопутная армия была также наготове. На восточной границе Франции были приняты спешные и обширные приготовления [4]. «Деловые сферы... начинают негодовать на германские проволочки и притязания и, не наталкивая на войну, все же склоняться к мысли, что это единственный выход из настоящей неизвестности и придирок со стороны Германии» [5].

Весьма знаменателен тот факт, что в момент агадирского кризиса ярый противник Германии Делькассе, после своего ухода в 1906 г. в отставку, снова вернулся в кабинет Мониса, но уже на сей раз на пост морского министра. Известие о назначении Делькассе вызвало большую тревогу в Берлине. Хотя премьер-министр заверял германского посла, что «он ввел Делькассе в свой кабинет ввиду его выдающейся деятельности во флоте»,

[1] «М. О.», т. XVIII, № 380.
[2] *Там же*, № 474.
[3] *Там же.*
[4] *Там же*, № 438.
[5] *Там же*, № 354.

и заявил, что Делькассе обещал не вмешиваться в иностранную политику, однако всем было известно влияние, которым пользовался Делькассе в правительственных кругах Франции. «По общему мнению, — писал Извольский, — он несомненно будет влиять на направление деятельности Круппи, весьма мало сведущего во внешних делах» [1].

Позиция царской России в агадирском кризисе.

Во время усиленных переговоров между Францией и Англией о совместном выступлении против Германии в Париже и Лондоне были обеспокоены позицией, которую займет в случае войны царская Россия. Эти опасения объяснялись тем, что во время агадирского кризиса Россия вела двойственную политику. Царская Россия, неподготовленная к войне, находившаяся в страхе перед новым подъемом революционного движения в стране, не намерена была воевать с Германией из-за Марокко и во время кризиса подталкивала Францию на соглашение с Германией. Извольский в этот период предлагал даже посредничество России во франко-германском конфликте. «Уклоняясь от формального выступления в Берлине, мы, конечно, — писал Извольский, — можем и должны продолжать уже предпринятое нами в осторожной форме воздействие на Берлин... я не отрицаю возможности вообще в крайнем случае прибегнуть к посредничеству» [2]. Однако это предложение Извольского не встретило поддержки со стороны российского правительства. 30 августа 1911 г. Нератов, определяя позицию, которую должна занять Россия в агадирском кризисе, писал Извольскому: «Для французского правительства не должно быть сомнения в том, что военное столкновение из-за колониального вопроса не может вызвать у нас симпатичного Франции подъема настроения. С другой стороны, французскому правительству не может быть неизвестно, что предпринятые сравнительно недавно преобразования в нашем военном деле не могли еще быть доведены до конца. Следовательно, в техническом отношении и с точки зрения нашей военной готовности настоящий момент не может быть признан благоприятным для военных действий. Изложенное побуждает нас отнестись с крайним сомнением к выгодности прибегнуть теперь же к военным мерам, тем более, что, даже в рамках только мобилизации наших войск, дело уже примет серьезные размеры, ввиду неизбежности австрийской мобилизации против нас. Поэтому старания как России, так и Франции должны быть направлены к улажению вопроса в миролюбивом смысле. Вам... поручается еще раз разъяснить вышеизложенное французскому правительству. Наша дипломатическая помощь вполне ему обеспечена» [3].

---

[1] «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 43.
[2] «М. О.», т. XVIII, № 350.
[3] *Там же*, № 368.

Правящие круги царской России решили напомнить Франции ее позицию во время боснийского кризиса в 1908 г. В этот период, когда угроза вооруженного столкновения между Россией, Австро-Венгрией и Германией была вполне реальной и Россия обратилась за помощью к Франции, последняя ей заявила: «Высшие интересы обеих держав обязывают их правительства принять все меры к предупреждению конфликта из-за вопросов, не затрагивающих жизненных интересов России... война, возникшая из-за подобного вопроса, не встретила бы сочувствия со стороны общественного мнения Франции» [1].

Беспокойство в Париже и Лондоне.

Используя этот аргумент, Извольский предлагал России придерживаться по отношению к Франции в марокканском вопросе такой же позиции, какую Франция занимала по отношению к России во время боснийского кризиса. «Мне кажется, — писал Извольский, — что и мы имели бы ныне нравственное право выступить здесь с подобным же дружеским советом благоразумия» [2]. Эта позиция России вызвала чрезвычайно сильное беспокойство в Париже и Лондоне. Английское и французское правительства приложили все усилия к тому, чтобы склонить Россию к изменению своей позиции в марокканском вопросе. С этой целью английский министр иностранных дел в одной из своих бесед с Бенкендорфом на вопрос последнего, в каком положении находятся франко-германские переговоры о Марокко, заявил: «Многое будет зависеть от того, что думают в Берлине об эвентуальной позиции России». На вопрос Грея, что будет делать Россия в случае осложнения франко-германских отношений, Бенкендорф ответил: «Франко-русский договор о союзе полностью сохраняет свою силу... война была бы, конечно, ужасным несчастьем для России, но... лично я не сомневаюсь в том, что условия договора будут точно соблюдены». В дальнейшей беседе Грей заявил Бенкендорфу: «Я вам скажу, почему я считаю, что это важно знать. В случае войны между Германией и Францией, Англия никак не сможет остаться в стороне. Если эта война повлечет за собой войну с Россией, она вызовет также и выступление Австрии, которая не имеет ни малейшего желания вмешиваться, но которая будет к этому вынуждена обстоятельствами. Нет никаких сомнений в том, что в таком случае положение в Албании обострится. Это — не борьба между Францией и Германией, это — всеобщая война» [3].

Под давлением Англии Россия вынуждена была несколько изменить позицию и более активизировать свою политику в марокканском вопросе. Однако она не была намерена выступать на стороне Франции и Англии безвозмездно.

---

[1] «М. О.», т. XVIII, стр. 352, прим. 1.
[2] *Там же*, № 341.
[3] *Там же*, № 321.

Россия снова ставит вопрос о Проливах.

Россия решила воспользоваться благоприятным моментом для того, чтобы в обмен за поддержку французских требований в Марокко заручиться соответствующей помощью со стороны Франции и Англии для осуществления своих давнишних захватнических планов в отношении проливов — Босфор и Дарданеллы. «Связанные с Францией определенными отношениями и мало заинтересованные на северо-западе Африки, — писал Нератов Извольскому, — мы, очевидно, заранее согласимся на то, на чем порешит Франция свои переговоры с Германией. Но это дает нам... определенные основания надеяться, что и Франция сочтет своей нравственной обязанностью при случае заплатить нам той же монетой и отказаться заранее от оппозиции или вмешательства в такие вопросы, где Франция менее заинтересована, мы же имеем существенные интересы. Из таких вопросов более определенный характер носят два: вопрос о Проливах и вопрос Манчжурский... Мы считаем, однако, своевременным заручиться согласием нашей союзницы не противиться нашей точке зрения и нашим возможным выступлениям в тот момент, когда мы сочтем нужным приступить в отношении этих вопросов к определенным переговорам и, может быть, даже действиям» [1].

С этой целью российское министерство иностранных дел составило проект письма, которое должно было быть подписано французским правительством. В нем говорилось: «Франция обязуется относиться благосклонно к русским интересам в вопросе о проливах Босфор и Дарданеллы и не противодействовать осуществлению проектов, которые Россия могла бы иметь в виду касательно указанных проливов и прилегающих территорий» [2].

Кроме того, Россия требовала от Франции предоставления ей свободы действий в Манчжурии и Китайском Туркестане, дать свое согласие, как писал Извольский, «на меры, которые нам пришлось бы принять с целью гарантировать там наши интересы и упрочить там наше положение» [3]. Однако выступление России не имело успеха. Франция заявила, что считает постановку вопроса о Проливах несвоевременной.

Совещание начальников генеральных штабов Франции и России.

В конце августа 1911 г. в связи с нависшей угрозой войны с Германией состоялось очередное совещание начальников генеральных штабов Франции и России. Ясным доказательством тому, что это совещание было созвано в прямой связи с агадирским кризисом, являются следующие заявления, которыми обменялись начальники генеральных штабов Жилинский и Дюбайль во время своих бесед: «ген. Жилинский... подтверждает волю... правительства точно выполнить обязательства, налагаемые на него конвенцией. Ген. Дюбайль спе-

[1] «М. О.», т. XVIII, № 531.
[2] *Там же*, приложение к № 531.
[3] *Там же*, приложение к № 838.

шит заявить, что он оценивает во всей его полноте лойяльность этого заявления в момент, когда возникают затруднения из-за марокканских дел и когда нельзя еще дать себе точный отчет в истинных намерениях Германии» [1]. На этом совещании был выработан план совместных действий русской и французской армий. Со стороны Франции были приняты меры для того, чтобы использовать русскую армию с целью ослабления удара германского нападения на французские границы. Русская армия должна была принять на себя главный удар австро-германских вооруженных сил и тем самым облегчить наступательные действия французской армии. С этой целью Франция добилась от России согласия на такую дислокацию вооруженных сил русской армии, которая полностью соответствовала бы желаниям французского генерального штаба. Особого внимания в этой связи заслуживают следующие статьи протокола совещания генеральных штабов французской и российской армий от 31 августа 1911 г. Слова «оборонительная война» не могут быть поняты в том смысле, что «война будет вестись оборонительно». Напротив, от России требовалось *энергичное наступление, насколько возможно одновременное с французами и со всей быстротой* [2].

«Оба начальника генеральных штабов... вполне согласны с тем, что *поражение германских войск* остается при всяких обстоятельствах *первой и основной целью союзных войск*... Германия направит наибольшую часть своих сил против Франции и оставит только минимальную часть своих войск против России... для уверенности в успехе необходимо, чтобы она [Франция] получила немедленную и эффективную помощь со стороны русской армии... надо, чтобы Германия была *одновременно* атакована с Востока и Запада... *цель, которую должны преследовать русские войска, заключается в том, чтобы заставить Германию содержать возможно большее количество сил на ее восточной границе*» [2] [Курсив наш. — *А. М.*].

Как мы видим, все требования французской военщины исходили исключительно из интересов французского фронта и рассматривали Россию и ее армию только как обслуживающую французов подсобную силу.

Позиция Австро-Венгрии и Италии. Отступление Германии.

Германия в августе 1911 г., убедившись в том, что ее расчеты на нейтралитет Англии и России в марокканском вопросе не оправдались, вынуждена была отказаться от войны с Францией и изменить свою тактику.

Германские империалисты увидели, что им придется воевать не только с Францией, но и с Англией и Россией. К тому же в лагере Тройственного союза не было тогда единодушия в этом вопросе. Австро-Венгрия не обнаруживала намерения вмешиваться

[1] «М. О.», т. XVIII, № 372.
[2] *Там же*, стр. 384—388.

в конфликт между своей союзницей и Францией из-за марокканских дел, которые непосредственно не затрагивали ее интересов. «В марокккском вопросе, — писал российский посол в Вене Н. Гирс, — министр [Эренталь] хотел доказать свое беспристрастие и независимость от Тройственного союза» [1]. «В его [Эренталя] расчеты, — говорится в письме российского поверенного в делах в Вене Крупенского, — нисколько не входит в угоду последней [Германии] жертвовать своими хорошими отношениями к Франции и Англии, коими он очень дорожит и которые всячески старается укрепить, что ему за последнее время в значительной мере и удалось, в особенности относительно Англии» [2].

Что касается Италии, то она, как известно, еще в 1900 г. в обмен на согласие Франции на оккупацию Триполи признала французские притязания на Марокко и обязалась не чинить препятствий французскому проникновению в эту страну. А в октябре 1909 г. Италия заключила сделку с Россией в Раккониджи, по которой обязалась не препятствовать ей в захвате Проливов. Италия получила в обмен за это согласие России на захват Триполи и Киренаики.

Кроме того, в самый разгар агадирского кризиса Италия была занята усиленной подготовкой войны с Турцией. Естественно поэтому, что она не намерена была выступать в марокканском вопросе на стороне своей союзницы — Германии. Таким образом, германские империалисты, оказавшись изолированными, вынуждены были на время отказаться от войны с Францией.

Франко-германский торг вокруг Марокко.

Цель Германии состояла теперь в том, «чтобы без войны и путем запугивания добиться результатов и успеха, которые на самом деле могут быть получены лишь в результате войны. В этом — самая сущность политики столь же агрессивной... как и первоначальное неожиданное выступление» [3]. Германский империализм, вынужденный отказаться от вооруженного захвата Марокко, не терял надежды укрепиться на атлантическом побережье «мирным путем». С этой целью на всем протяжении переговоров с Францией, которые длились более трех месяцев, Германия пыталась вынудить Францию к уступкам. «Де Сельв, — писал Извольский, — крайне возмущен приемами г. Кидерлена и опасается, что за всеми этими проволочками скрывается намерение его вернуться к первоначальной мысли о занятии Агадира с его хинтерландом, т. е. областью Сус. На существование подобного замысла указывают секретные сведения о том, что германский генеральный штаб изучает операцию высадки войск в Агадире» [4].

---

[1] «М. О.», т. XVIII, № 177.
[2] *Там же*, № 337.
[3] *Там же*, № 423.
[4] *Там же*, № 324.

Одновременно Германия пыталась организовать движение местных племен против французского владычества. «Из Танжера,—сообщал Извольский,— получаются известия о движении местных племен против города Тарудант в области Сус, где находятся представители фирмы Манесман. Если эти агенты подвергнутся нападению, это может подать Германии повод выступить в их защиту, а затем и к утверждению в Агадире и области Сус. Г. де Сельв в высшей степени этим озабочен: он убежден в том, что в этом именно и состояла первоначальная программа г. Кидерлена, оставленная им под влиянием непредвиденных препятствий со стороны Англии; ныне он опасается, что г. Кидерлен... ищет повода прервать переговоры и вернуться к вышесказанной программе» [1]. Яркой иллюстрацией того, с какой настойчивостью германский империализм стремился утвердить свои «права» в Марокко, являются следующие факты. Когда во время переговоров Франция передала свой проект конвенции о Марокко на рассмотрение Германии, последняя пыталась, по словам Извольского, «с одной стороны, путем целого ряда оговорок и примечаний к статьям... как можно более стеснить политическую свободу действия Франции в Марокко, а с другой — получить не только равные для всех держав гарантии экономической свободы, но также исключительные выгоды и привилегии в пользу Германии» [2]. Так, в своем контрпроекте Германия потребовала исключить текст французской редакции, в которой указывалось, что «Германия имеет в этой стране [в Марокко] лишь *экономические* [Курсив наш. — *А. М.*] интересы» [2].

Германия настаивала на учреждении в Марокко смешанных судов с участием германских представителей, предоставлении немецким фирмам в Марокко эксплоатации предприятий, имеющих государственный характер, немедленном открытии порта Агадир, праве покровительства над марокканскими подданными, назначении цензоров при путях сообщения с правом veto и т. д. Наконец, германское правительство настаивало на том, чтобы все Марокко было разделено на две зоны: северную и южную. Северная зона должна была войти в сферу французского влияния, южная — в орбиту Германии. В северной зоне Германия требовала предоставления ей 30% всех правительственных заказов по сооружению железных дорог, портов и т. д., а в южной — 70%. Та же пропорция должна была быть соблюдена и в отношении прав Германии на эксплоатацию железных рудников в Марокко [3].

Однако осуществить эти планы Германии не удалось. Она натолкнулась на резкое сопротивление Франции и в особенности Англии. Англия, пристально следя за ходом франко-германских переговоров, опасалась, чтобы Германия не договорилась за ее спиной с Францией. Германские империалисты вынуждены были

[1] «М. О.», т. XVIII, № 324.
[2] *Там же*, № 432.
[3] *Там же.*

вторично отказаться от своих домогательств в Марокко. Но взамен этого Германия потребовала обширных колониальных компенсаций, настаивая на предоставлении ей всего французского Конго от реки Санго до Атлантического океана. Тем самым германский империализм, владевший уже в Африке Камеруном, Того и др., пытался соединить Конго со своими восточно-африканскими территориями и установить свое господство от запада до востока над всей Центральной Африкой. «Во вчерашнем разговоре, — сообщал 5 августа 1911 г. Извольский, — Кидерлен дал также понять, что в будущем Германия имеет виды на независимое государство Конго. Таким образом, он впервые раскрыл *общий план Германии, а именно — создание обширной африканской империи от Атлантического до Индийского океана*» [Курсив наш.—*А. М.*] [1].

Эти домогательства Германии встретили резкий отпор английского и французского империализма. Франция заявила, что она не намерена «уступить обширную территорию, размерами превышающую не только Марокко, но и всю Францию» [2].

Франция прекрасно отдавала себе отчет в том, что притязания Германии на Конго представляли собой неуклюже прикрытый «план разрезать пополам французские владения в Экваториальной Африке и, поглотив государство Конго, дойти до Индийского океана» [2].

Но, встретив решительный отпор Англии и Франции, Германия вынуждена была умерить свои аппетиты и просить уже только часть Конго. Со своей стороны, она выражала готовность уступить Тоголанд и часть Камеруна.

Однако вскоре же Германия взяла обратно свое первоначальное предложение об уступке Франции Тоголанда и потребовала колониальной компенсации без всяких уступок со своей стороны. Германия в течение 4 месяцев умышленно затягивала и не раз прерывала свои переговоры с Францией, рассчитывая путем запугивания урвать побольше колониальных территорий в Африке. Не раз переговоры заходили в тупик, и обстановка обострялась до такой степени, что война казалась неминуемой. Однако перед объединенными силами Франции, Англии и России Германия вынуждена была сдать свои позиции и отказаться от первоначальных планов. Политика германского империализма была столь же вызывающей и агрессивной при наличии слабого противника, сколь трусливой перед лицом мощного отпора. «В действительности, — писал Бенкендорф, — положение сводится к следующему: Германия требует, Франция должна уступить. Думаю, что мы не придем ни к чему или, вернее, что мы дойдем до войны, оказывая дипломатическую поддержку такой постановке вопроса... Средство, на котором вы прежде всего настаиваете, состоит в том, чтобы воздействовать... главным образом на Францию, советуя

[1] «М. О.», т. XVIII, № 297.
[2] *Там же*, № 354.

ей умеренность и благоразумие, иначе говоря, — делать уступки, подчиняться требованиям. По чистой совести, я считаю, что на этом пути есть пределы. По нему шли до сих пор, но я не вижу результатов и не могу таковых предвидеть. Даже ради мира нельзя требовать от Франции, чтобы она прошла под Кавдинским игом, потому что это не удастся, особенно же потому, что слишком ее обескураживать — значит еще более поощрять германскую несговорчивость и твердость, что постепенно приведет ни к чему иному, как к войне. На этот раз Германия зашла слишком далеко: она хочет сохранить крупную часть Конго и не желает политически уйти из Марокко... наступила пора по-дружески, но ясно дать понять Берлину, что для нас тоже, несмотря на улучшение наших отношений с Германией и даже именно вследствие этого улучшения, существуют границы нашему умеряющему влиянию на Париж и что не следует заходить слишком далеко... в настоящее время единственно верный шанс на мирный исход состоит в том, чтобы в Берлине умерили требования» [1].

Позиция Испании в марокканском вопросе.

Следует отметить, что германский империализм одновременно с подготовкой агрессии в Марокко предпринимал все усилия к тому, чтобы натравить Испанию на Францию и использовать ее в своей большой игре, облегчив тем самым осуществление своих захватнических планов на атлантическом побережье Северной Африки. Воспользовавшись посылкой французских войск в Фец, Германия всячески подстрекала Испанию к захвату Ларaша, Эль-Ксара, Ифни и других стратегических пунктов в зоне, отведенной Испании по секретному соглашению с Францией от 1904 г. Тем самым Германия, действуя по принципу, «когда нет предлога для вмешательства... его создают» [2], намеревалась объявить Алжесирасский акт нарушенным не только Францией, но и Испанией, и развязать себе руки в марокканском вопросе.

В памятной записке на имя лорда Морлей, заменявшего в апреле 1911 г. Грея, Никольсон указывал, что позиция Германии состоит в том, чтобы «подстрекать Испанию строить всевозможные затруднения Франции. Если французские войска, — писал Никольсон, — займут Фец, Германия укажет, что Алжесирасский акт нарушен и должен быть пересмотрен, что возникло совершенно новое положение, уничтожающее Алжесирасский акт и франко-германское соглашение 1909 г., и надо установить новый порядок вещей. По этому новому порядку Германия должна получить компенсацию, по всей вероятности Могадор на атлантическом побережье и также, возможно, порт на Средиземном море» [3].

Германский посол в Мадриде Ратибор всячески подталкивал правящие круги Испании на выступление в Марокко. «Создается впечатление, — писал российский посол в Испании Будберг, —

[1] «М. О.», т. XVIII, № 423.
[2] *Там же*, № 111.
[3] Brit. Doc., vol. VII, N 230.

что он выжидает момент, когда события уничтожат Алжесирасский акт, а пока что ограничивается тем, что поощряет тех из лиц, имеющих влияние при дворе и в столице, по мнению которых сближение с Германией может быть лучшим оплотом против успехов Франции в Марокко» [1].

Эти действия германского империализма, подталкивавшего Испанию к выступлению в Марокко, привели к тому, что Испания в самый разгар марокканского кризиса потребовала себе полной свободы действия в той части Марокко, которая была ей обещана Францией в 1904 г., и одновременно под предлогом «беспорядков» в Эль-Ксаре и других пунктах испанской полицейской зоны внезапно оккупировала Эль-Ксар, Лараш и Ифни [2]. Испанский посол в Париже заявил Извольскому, что если Франция не согласится на требуемые Испанией уступки, то последняя «не остановится перед такими действиями, которые опять поставят ребром перед Европой весь марокканский вопрос» [3].

Таким образом, Германия пыталась воспользоваться обострением франко-испанских отношений для того, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды.

«Что Германия может извлечь выгоду из этой ситуации, — писал Бенкендорф, — ясно, и настолько, что приходится серьезно спросить себя, приняла ли бы Испания, при всей своей южной возбудимости, столь явно неосторожное решение, как решение... оккупировать Ифни, если бы ее не поощряла к этому Германия» [4].

Во время переговоров с Францией Германия исключила из переговоров зону испанского влияния, чтобы тем самым доказать Испании, что она поддержана германским правительством, и, воспользовавшись франко-испанским конфликтом, пыталась склонить Францию к уступкам и выторговать для себя как можно больше.

В 1911 г. Германия принимала все меры к тому, чтобы привлечь на свою сторону Испанию и использовать ее в будущем как плацдарм для войны с Францией и Англией. Эти планы германского империализма вызвали серьезное опасение держав Антанты. 18 мая 1911 г. Извольский в своей беседе с Круппи указал ему «на серьезную опасность бросить Испанию в объятия Германии... Мне кажется, — писал он Нератову, — весьма желательным воздействовать в умеряющем смысле на мадридский кабинет, который несомненно возбуждается под рукой Германией» [5].

Необходимо отметить, что проводимая политика Германии в отношении Испании облегчалась тем, что Англия в этот период, опасаясь того, что Франция не выполнит своих обязательств по отношению к Испании и укрепится у Гибралтара, не препятствовала притязаниям Испании на Ифни и другие стратегические пункты.

---

[1] «М. О.», т. XVIII, № 111.
[2] *Там же.*
[3] *Там же*, № 86.
[4] *Там же*, № 423.
[5] *Там же*, № 18.

в Марокко. Английский посол в Испании сэр Морис де Бунзен был «самым детальным образом осведомлен о переговорах между Францией и Испанией. Чтобы обмануть любопытство прессы и своих коллег, — писал Будберг, — министр иностранных дел и французский посол несколько раз устраивали свои встречи в английском посольстве, дабы вести деловые беседы под покровительством сэра Мориса. Этот последний говорит мало, но с тем бо́льшим вниманием следит за всем, что могло бы распространить влияние Франции на испанскую зону в Африке ввиду интереса, который эта сторона вопроса представляет в связи с Гибралтаром» [1].

Более того, Англия, желая создать преграду для французского проникновения в эту часть Марокко, сознательно шла на то, чтобы допустить в район Гибралтара слабую Испанию, которая не могла представлять для нее серьезной опасности. «Ифни представляет собой пустынный берег, который таким и останется, если только Испания не потратит миллиарды, которых у нее нет» [2].

Происки германских элементов во Франции.

Наряду с действиями в отношении Испании, германские империалисты на всем протяжении переговоров с Францией пытались установить контакт с германофильскими элементами во Франции и, опираясь на них, оказать давление на правительство, чтобы склонить его к уступкам в пользу Германии. Германии удалось использовать во Франции группу лиц, которая вела агитацию в пользу удовлетворения германских требований. Во главе этой группы стоял крупный финансист Фондер и небезызвестный публицист Андре Тардье, ныне являющийся идеологом французского фашизма. О германофильской деятельности Тардье Демидов в июне 1911 г. сообщал в российское министерство иностранных дел следующие небезынтересные сведения:

«Передовые статьи газеты «Temps» не перестают за последнее время подвергать строгой критике мероприятия правительства по марокканским делам.

Воспользовавшись испанским, по меньшей мере неосторожным, шагом, они пытаются ныне сеять раздор между обеими странами и тем в значительной степени затрудняют примирительную задачу руководителя французской иностранной политики.

Как вашему превосходительству известно, автор этих статей г. Тардье... задумал использовать свое видное положение в печати, чтобы выхлопотать через г. Пишона двухмиллионную неустойку в пользу одной африканской компании, в делах коей он был лично заинтересован. После категорического отказа бывшего министра и последующего разрыва между ним и г. Тардье, последний открыл систематическую газетную травлю против г. Пишона, отчасти способствовавшую его уходу от дел.

Мне известно, что при вступлении в управление его преемника г. Тардье обратился к г. Круппи в надежде восстановить пре-

[1] «М. О.», т. XVIII, № 111.
[2] *Там же*, № 421.

рванные сношения своей газеты с иностранным ведомством, в чем ему было, однако, недвусмысленно отказано. Отказ этот являлся тем более обоснованным, что в злоупотреблениях чиновников министерства иностранных дел Маймона и Руета [1] заподозрена была его причастность, хотя найденные у последних его письма в недостаточной мере устанавливали его виновность для предания суду.

На-днях появились в журнале «Humanité» две статьи, озаглавленные «L'agence Tardieu», «Le prix du «Temps»», в коих г. Тардье открыто обвиняется в использовании столбцов «Temps» для своих личных финансовых предприятий...

Ваше превосходительство изволите припомнить настойчивость, с которой после потсдамских дней иностранный бюллетень «Temps» призывал французских капиталистов к самостоятельной финансовой политике в деле железнодорожного строительства на Востоке; оказывается, что и там была подкладка: г. Тардье обещана была значительная доля участия в предприятиях Хомс — Багдад» [2].

Возглавляемая Тардье германофильская группа имела известное влияние в правительственных кругах Франции и оказывала сильное давление на премьер-министра Кайо, который, как это выяснилось впоследствии, вел за стенами правительственного кабинета секретные переговоры с Германией. «Кайо, под давлением некоторых частных интересов, связанных с одной из существующих в Конго концессий (в которой заинтересованы также германские капиталисты), был готов согласиться на проведение границы именно по течению рек Алима и Угуэ, и об этой готовности было сообщено германскому правительству через посредство заинтересованных лиц. Уверяют даже, что этим лицам принадлежит первоначальная мысль об уступке Германии части Конго... В этом деле с французской стороны, повидимому, замешан известный публицист Тардье и финансист Фондер..., а с германской — некий г. Земмлер...

Речь, произнесенная вчера Кайо в Алансоне и в которой, между прочим, затронут марокканский вопрос, отличалась особенной умеренностью и даже доброжелательством по отношению к Германии. Германский посол остался ею очень доволен и, судя по телеграммам из Берлина, она произвела там отличное впечатление» [3].

Известно также, что германофильские круги во Франции в своей политике зашли так далеко, что потребовали от французского правительства выхода из Тройственного согласия и предлагали заключить союз с Германией. Корреспондент газеты «Matin» в Берлине Каро связался с официальным агентом германского министерства иностранных дел Рене, которому сказал: «Дело идет о полном изменении французской политики, которому

[1] Имеется в виду процесс в марте — апреле 1911 г. по делу о пропаже секретных документов из франц. м-ва ин. дел.

[2] «М. О.», т. XVIII, № 125.

[3] *Там же*, № 460.

будет покровительствовать «Matin», в смысле сближения или вернее формального союза между Францией и Германией» [1]. После этого Рене прибыл в Париж, где имел с редактором газеты «Matin» Буно Варилла беседу, в которой заявил: «В некоторых кругах Франции, в частности среди некоторых политических деятелей и не малого калибра, начинают разочаровываться в сердечном согласии». Буно Варилла уверял, что он «берется склонить общественное мнение Франции в пользу франко-германского согласия, при условии, чтобы вопрос об Эльзас-Лотарингии был решен в удовлетворительном для Франции смысле» [2].

Но и на этот раз происки германского империализма не увенчались успехом. Франция решительно отвергла предложения Германии. Пуанкаре, в ответ на сообщение французского посла в Берлине о переговорах с Германией, ответил: «Если бы мы выслушивали предложения, подобные Шарлю Рене, мы поссорились бы с Россией и Англией, погубили бы все успехи той политики, которой Франция следует уже многие годы, и остались бы затем изолированными, ослабленными и дискредитированными» [3].

Подписание франко-германского соглашения о Марокко.

4 ноября 1911 г. после длительной четырехмесячной борьбы, которая чуть было не ввергла мир в войну из-за передела колониальных захватов, агадирский кризис был ликвидирован подписанием франко-германского соглашения о Марокко и Конго. По этому соглашению Франция уступила Германии в Конго 230 000 *кв. км* территории с населением в 600 тыс. чел. Германия, со своей стороны, уступила Франции «утиный клюв», небольшой клочок территории в Камеруне, восточнее озера Чад, площадью 14 тыс. *кв. км*. Кроме того, «Германия отказывается от предъявленных ею требований экономических преимуществ в Марокко и признает данные Францией гарантии экономической свободы в этой стране достаточными» [4]. Германия обязалась «в случае, если бы Франция нашла нужным объявить свой протекторат над Марокко» [5], этому не противиться. (См. карту на стр. 83.)

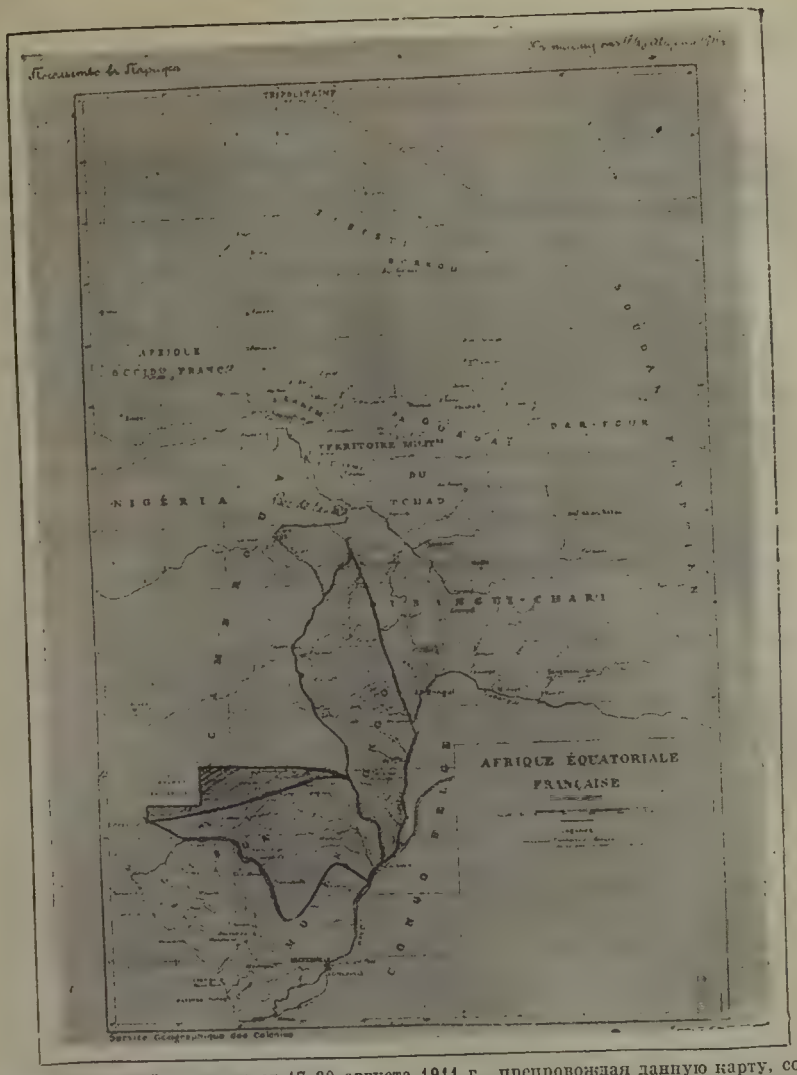
* * *

Обострение империалистических противоречий после агадирского кризиса.

Так закончился агадирский кризис. Соглашение было заключено по принятому империалистами обычаю — кусок одной территории за кусок другой. Однако это соглашение не только не смягчило противоречий между Тройственным союзом и Тройственным согласием, но привело к еще большему обострению борьбы между империалистическими хищниками за мировую гегемонию.

---

[1] Doc. Dipl., 3-me série, t. 2, N 253.
[2] *Там же.*
[3] *Там же*, N 267.
[4] «М. О.», т. XVIII, № 447.
[5] *Там же*, № 804.



Извольский в письме от 17 30 августа 1911 г., препровождая данную карту, сообщал: «....Граница уступаемой Германии территории определяется следующим образом: береговая полоса между Либревиль и Рио-дель-Муни (Либревиль остается за Францией); линия от моря приблизительно до Уэссо (Уэссо также остается за Францией); течение реки Санга; течение реки Убанги до Бету; линия по направлению к северу от Бету до Лаи и от Лаи, к югу, до границы с Камеруном. На прилагаемой карте пространство, уступаемое Францией, заштриховано красным карандашом. Взамен этой территории Франция требует, кроме некоторого исправления границы со стороны Тоголанда, уступки так называемого «Bec de Canard», т. е. вдающуюся во французские владения территорию к югу от озера Чад и реки Шари. С германской стороны уже имеется согласие на уступку сказанного «Bec de Canard». Исправление границы с Тоголандом вряд ли представит затруднение. Но между германским и французским правительствами все еще остаются весьма существенные разногласия относительно пределов уступаемой Германии части Конго, не столько в северной и западной ее части, относительно которой вероятно будет нетрудно сговориться, сколько в так называемом Габоне. Германия настаивает на проведении южной границы не по течению реки Санга, а по течению рек Алима и Угуэ; на севере и востоке требования ее с точностью еще не определены. Пространства, на которые заявляет притязания Германия, на той же карте заштрихованы синим карандашом.» [1]

[1] На данной фотокопии красный карандаш воспроизведен в виде более темной штриховки, а синий карандаш — в виде светлосерой штриховки.

*

И во Франции и в Германии компромисс по марокканскому вопросу вызвал недовольство и в правящих кругах и в лагере военщины. «Последнее соглашение с Францией, — писал Остен-Сакен, — считается в стране крупным дипломатическим поражением Германии, нанесенным ей Францией, главным образом благодаря поддержке Англии» [1].

Правящие круги Франции были также недовольны исходом франко-германских переговоров. Вскоре же после подписания соглашения с Германией Пуанкаре, по словам Извольского, заявил в сенате, что оно «не может внести ни малейшего изменения в общее направление внешней политики Франции..., несмотря на благополучное окончание марокканского кризиса, в здешних военных сферах ожидают... новых международных осложнений и... военное ведомство продолжает деятельно готовиться к новым военным действиям в ближайшем будущем» [2].

Исход агадирского кризиса еще более обострил противоречия между Францией и Германией, с одной стороны, Англией и Германией — с другой, и явился новым толчком к усилению вооружений империалистов. В конце 1911 г. Германия приняла новый военный бюджет и разработала проект гигантского морского строительства. Весьма характерным показателем агрессивности германского империализма, стремившегося к реваншу за неудачу в Агадире, является заявление одного из деятелей империалистского «Верферейна» (Союз обороны): «Воинственная Франция, — заявил он, — несмотря на свое поражение в 1870—1871 гг. сохранила бо́льшую часть того, что когда-то отняла у Германии... все территории чистой германской расы... Со времени исчезновения Бисмарка империя потеряла свой престиж в международном концерте. В переживаемый критический момент правительство должно было бы заявить, что оно, наконец, решилось и не потерпит марокканского поражения. Нужен реванш в этой неудаче для того, чтобы правительство империи возвратило себе вновь народное доверие» [3].

27 марта 1911 г. рейхстагом был принят закон об увеличении германских вооруженных сил. Но уже 14 июня 1912 г. военная программа была дополнена новым законом, который предусматривал чудовищную гонку вооружений Германии.

29 июня 1912 г. российский военный министр Сухомлинов представил докладную записку Николаю II «о новой организации германской армии в мирное время».

«Окончательно принятый в минувшем мае германским рейхстагом новый военный законопроект в связи с законом 1911 г., — писал Сухомлинов, — вносит значительные изменения в организацию германской армии.

---

[1] «М. О.», т. XVIII, № 869.
[2] «Материалы», стр. 154.
[3] Doc. Dipl., 3-me série, t. V, N 5, p. 4—5.

Наиболее существенными данными военной реформы являются следующие:

1) Численность армии в мирное время доводится с 505 839 до 544 211 человек, т. е. увеличивается приблизительно на 40 000. При двухлетнем сроке службы это вызывает увеличение контингента новобранцев на 20 000 человек в год, а следовательно на такое же количество людей будет ежегодно увеличиваться запас обученных нижних чинов.

Если к вышеуказанной численности армии, обнимающей только рядовых, прибавить число унтер-офицеров (90 000) и однолетних вольноопределяющихся (10 000), то общая численность армии выразится суммой приблизительно в 645 000 и составляет 0,99% численности населения Германии (65 миллионов). У нас это отношение составляет 0,78%, в Австро-Венгрии — 0,88, во Франции — 1,43%.

2) Создаются два новых корпуса, отчасти путем выделения частей из других корпусов (вся пехота, часть артиллерии и конницы), отчасти путем новых формирований (почти вся артиллерия, часть конницы, вспомогательные войска). Корпуса эти создавались в военное время и при прежней организации, но ныне значительно облегчается их мобилизация и снабжение артиллерией.

3) Формируются 18 новых пехотных батальонов, из коих три идут на формирование нового, по счету 217-го полка, а остальные придаются в качестве третьих батальонов пятнадцати из 33 полков, имевших до сих пор двухбатальонный состав.

4) Число пулеметных рот доводится до нормы военного времени, а именно каждый пехотный полк будет иметь свою пулеметную роту, т. е. по 2 пулемета на батальон. У нас и во Франции также приходится на батальон по 2 пулемета, в Австро-Венгрии — по 1,73.

5) Артиллерийский состав всех корпусов доводится до нормы в 144 орудия на корпус, что, при нормальном составе корпуса 24 (батальона), составляет по 6 орудий на батальон. Во Франции на батальон приходится 4, у нас 3,37 и в Австро-Венгрии от 2,48 до 2,93 орудий.

Кроме того, значительно усиливаются кадры пешей артиллерии, чем облегчается выделение при мобилизации из ее состава батальонов тяжелых гаубиц, придаваемых по одному (16 гаубиц) на корпус.

6) Конно-артиллерийские отделения, состоявшие из двух шестиорудийных батарей, переформировываются в трехбатарейные, по 4 орудия в батарее; такое деление соответствует организации германских кавалерийских дивизий, состоящих в военное время из трех бригад.

7) Воздухоплавательные войска усиливаются на $3^1/_2$ батальона, в числе коих формируются специальные авиационные части (батальон в Пруссии и рота в Баварии).

8) В штаты пионерных войск включаются несуществовавшие до сих пор прожекторные взводы, примерно по расчету одного взвода на корпус.

9) Усиливаются штаты 126 батальонов пехоты и 111 батарей полевой артиллерии. Кроме того, во всех пехотных и артиллерийских полках увеличивается на одного число офицеров, положенных при штабе полка и предназначенных для занятия командных должностей в резервных формированиях.

10) Создаются должности особых ландверных инспекторов, в ведение которых переходят от строевых бригадных командиров дела по призыву новобранцев и учету запасных и которые при мобилизации могут занять высшие командные должности в резервных или ландверных формированиях.

В общем целью нового закона является, главным образом, об-

Таблица изменений штатного состава

Сроки утверждения и осуществления формирований	Штабы							Пехота				
	Армейск. инспекц.	Корпусов	Дивизий		Бригад			Полков	Баталионов			Пулемет. рот
			Пехотных	Кавалер.	Пехотных	Кавалер.	Полев. артил.		Линейных	Егерских	Всего	
К 1 апреля 1911 г. числилось	6	23	48	1	106	51	46	216	615	18	633	—
Утверждено формирование в течение пятилетия 1911—1915 гг. Законом 1911 г.			—	—	—	—	2	—	1	—	1	111
Утверждено формирование в течение пятилетия 1911—1915 гг. Законом 1912 г.	1	2	2	-		—	2	1	17	-	17	106
Всего добавляется	1	2	2			—	4	1	18	—	18	217
Из этого числа сформировано к 1 апреля 1912 г.	—		-			—	—	—	—	—	—	107
Формируется 1 октября 1912 г.	1	2	2	—	—		4	1	14	-	14	3
Всего к 1 октября 1912 г. будет	7	25	50	1	106	51	50	217	629	18	647	110
Остается сформировать в течение 1913—1915 гг.	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	4	107
К 1 октября 1915 г. будет	7	25	50	1	106	51	50	217	633	18	651	217

легчение мобилизации; для этого, с одной стороны, создаются кадры тех полевых частей, которые доныне предполагалось формировать лишь в военное время, а с другой — усиливаются штаты постоянной армии, чем облегчается выделение при мобилизации необходимых кадров для второочередных формирований»[1].

Из приводимой докладной записки Сухомлинова и составленной генерал-майором Даниловым таблицы (см. нижеприводимую таблицу) видно, что Германия решила уже в 1913 г. осуществить полностью всю программу увеличения вооружений, установленную законами 27 марта 1911 г. и 14 июня 1912 г., оставив на два последние года пятилетия, т. е. на 1914—1915 гг., лишь самые незначительные формирования.

Если сопоставить с этим распределение расходов на усиление германской армии, мы увидим, что предполагалось разместить

германской армии в течение 1911—1915 гг.[2]

Кавалерия			Полевая артиллерия					Пеш. артил.			Пионеры		Войска сообщ.				Обозы
				Батарей									Баталионов				
Полков	Эскадронов	Пулемет. отдел.	Полков	Ездящих	Конных	Гаубичных	Всего	Полков	Баталионов	Батарей	Баталионов	Прожект. взвод.	Жел.-дорож.	Телеграф.	Автомобильн.	Воздухоплав.	Баталион.
103	510	16	94	489	22	63	574	18	10	165	29	—	7	4½	½	1½	23
-	—	(-5)	2	15	—	3	18	6	8	19	—	—	1	1½	½	2	—
1	6	—	4	24	11	6	41	—	-	1	4	26	—	—	-	1½	2
1	6	(-5)	6	39	11	9	59	6	8	20	4	26	1	1½	½	3½	2
—	—	(—1)	—	—	—	—	—	1	1	—	—	-	—	—	½	2	—
—	—	(-2)	6	39	—	9	48	4	5	17	3	13	—	1½	—	1½	2
103	510	13	100	528	22	72	622	23	46	182	32	13	7	6	1	5	25
1	6	(—2)	—	—	11	—	11	1	2	3	1	13	1	—	—	—	—
104	516	11	100	528	33	72	633	24	48	185	33	26	8	6	1	5	25

[1] «М. О.», т. XX, № 246.
[2] ЦВИА, ГУГШ, д. № 180—014.

оставшееся формирование на два года (1913 и 1914), перенося бо́льшую часть расходов на 1913 г. Об этом свидетельствует таблица [1]:

	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	Всего
	Миллионов марок						
Постоянные расходы	13,5	49	59	59	58	58	296,5
Единовременные	66	52	19	— 1	4	4	144
Итого	79,5	101	78	58	62	62	440,5
Вызываемые законом 27/III — 1911 г.	13,6	18,8	13,6	1,1	0,8	—	47,9
Всего	93,1	119,8	91,6	59,1	62,8	62	488,4

Таким образом, германский империализм подготовлял бешеными темпами войну с таким расчетом, чтобы уже к весне 1914 г. все мероприятия по усилению вооружений были закончены и Германия была бы в состоянии начать войну с державами Антанты.

Кроме того, в 1912 г. Германия приступила к еще более значительному увеличению своих морских вооружений. Новый закон предусматривал дополнительную постройку 50—60 подводных лодок, увеличение личного состава флота до 100 тыс. чел. и создание третьей эскадры, которая должна была находиться в любую минуту в полной боевой готовности.

Кредиты на морские вооружения возрастали по закону 1911 г. следующим образом: в 1912 г. на 21,6 млн. марок, в 1913 г. — 29,7, в 1914 г. — 31,7, в 1915 г. — 44,1.

Однако было бы неправильно думать, что усиленно вооружалась лишь одна Германия. В лагере Антанты велась не менее усиленная гонка вооружений и подготовка войны с Германией.

Во Франции в 1912—1913 гг. была предпринята реорганизация армии. Было вновь сформировано 5 тунисских стрелковых батальонов, 5 приданных им пулеметных отделений, 5 рот самокатчиков, 4 горные батареи в Северной Африке, 1 авиационная рота и авиационные эскадрильи (27 корпусных по 3 отделения, 10 кавалерийских и 4 артиллерийских по 1 отделению, 11 крепостных по 9 отделений каждое).

По законам о кадрах для пехоты и кавалерии и по закону о трехлетней службе, принятому в августе 1913 г. французским правительством, численность французской армии значительно увеличивалась. Мирная численность французской армии в период времени 1910—1912 гг. колебалась весьма незначительно между 554 000 и 555 000, завися от числа новобранцев, признаваемых

[1] ЦВИА, ф. 2000, оп. 2, д. № 3376.

годными к военной службе. В 1913 г. после проведения закона о кадрах, в результате которого призывной возраст был понижен на 1 год и установлен в 20 лет, мирная численность армии увеличилась на 31,6%.

Число офицеров, незначительно увеличивавшееся в период до 1912 г., вследствие принятия закона о кадрах, сделало такие значительный скачок — на 8,5%. По отношению к численности населения армия доводилась с 1,42% в 1910 г. до 1,87% в 1914 г. Число содержащихся в армии казенных лошадей было определено новыми законами французского правительства в 159 549, что по сравнению с 1910 г. означало увеличение почти на 9 000.

Расходы на вооруженные силы Франции[1]

(в тысячах рублей)

	1905	1910	1911	1912	1913	1914
Расходы на армию:						
На армию метрополии (с Алжиром и Тунисом)	235.984	275.321	286.028	297.657	304.807	Сведения еще не получены
Обыкновенные	10.736	14.585	14.391	15.686	16.233	
На колониальн. войска						
Всего	246.720	289.906	300.419	313.343	321.040	
Чрезвычайные	10.094	32.779	31.900	31.844	87.000	То же
Всего	256.814	322.685	332.319	345.187	398.040	
Расходы на флот:						
Обыкновенные	Сведений нет	140.841	154.626	158.730	172.983	То же
Чрезвычайные		4.440	2.140	—	22.248	
Всего	—	145.281	156.766	158.730	195.241	
Расходы на все вооруженные силы:						
Обыкновенные	—	430.747	455.045	472.073	494.023	
Чрезвычайные	—	37.219	34.040	31.844	109.248	
Всего	—	467.966	489.085	503.917	603.271	

[1] ЦВИА, ф. 2000, оп. 2, д. № 10383.

В Англии также, начиная с 1912 г., расходы на вооружения, главным образом на морское строительство, стали быстро увеличиваться. Соревнование в гонке морских вооружений между Англией и Германией еще более усилилось.

По данным российского морского агента в Англии капитана 1-го ранга Рейна, соотношение броненосцев и дредноутов в Великобритании и Германии к лету 1912 г. представлялось в следующем виде [1]:

	Англия	*Германия*
А. Броненосцы-дредноуты	14	6
Б. Броненосцы в кампании (в строю)	28	21

Программа дальнейшего развития морских вооружений Англии и Германии
(броненосцы-дредноуты)

	Англия	*Германия*
К лету 1913 г.	16	10
» » 1914 »	20	13
» » 1915 »	26	16

Предполагалось иметь броненосцев в кампанию (в строю):

	Англия	*Германия*
К лету 1913 г.	30	25
» » 1914 »	33	28
» » 1915 »	33	29

Предполагаемое соотношение морских сил в Средиземном море
(верхние цифры означают дредноуты, нижние — броненосцы)

	1913	Всего	1914	Всего	1915	Всего
Австрия	$\frac{1}{6}$	7	$\frac{2}{6}$	8	$\frac{4}{6}$	10
Италия	$\frac{4}{8}$	12	$\frac{6}{8}$	14	$\frac{7}{8}$	15
Вместе	$\frac{5}{14}$	19	$\frac{8}{14}$	22	$\frac{11}{14}$	25
Франция	$\frac{1}{21}$	22	$\frac{2}{21}$	23	$\frac{7}{21}$	28

Приводимые цифры свидетельствуют о той бешеной гонке вооружений, которая развернулась в лагере Тройственного союза и Тройственного согласия накануне мировой катастрофы.

Агадирский кризис создал еще бо́льшую напряженность в борьбе империалистических соперников и явился толчком к развязыванию нового вооруженного конфликта — к войне итальянского империализма в Триполитании.

---

[1] Центр. Воен.-Морск. Арх. НКВД СССР, д. № 9781.

ИТАЛО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

Грабительская авантюра итальянского империализма в Триполитании и Киренаике, которую В. И. Ленин назвал «усовершенствованной, цивилизованной человеческой бойней, избиением арабов при помощи «новейших» орудий»[1], была предпринята в сентябре 1911 г. Однако еще задолго до этого Италии удалось заручиться согласием важнейших империалистических держав на захват Триполитании и Киренаики. Еще в девяностых годах прошлого столетия Германия дала Италии «carte blanche» в Триполитании и Киренаике.

При возобновлении Тройственного союза в 1891 г. в тексте договора о союзе была добавлена следующая статья: «Если Италия и Германия признают невозможным дальнейшее сохранение status quo в Триполи, Киренаике и Тунисе, то Германия обязуется, по заключении предварительного формального соглашения, поддержать Италию во всяком выступлении, которое Италия предприняла бы в виде оккупации или получения иной гарантии в этих областях в интересах равновесия и законной компенсации».

При новом возобновлении Тройственного союза в 1902 г. Италии удалось заручиться также и обязательством Австро-Венгрии, по которому последняя обещала не чинить никаких препятствий итальянской агрессии в Триполитании.

С 1900 г. Италия ищет сближения с Англией и Францией для осуществления своих захватнических планов в Африке. В феврале 1900 г. было заключено франко-итальянское соглашение, по которому Италия признала «особые интересы» Франции в Марокко, а Франция в свою очередь признала «особые интересы» Италии в Триполитании и Киренаике.

В 1902 г. Италия получила заверение Англии в том, что последняя не имеет интересов в Триполитании.

В 1909 г. Италия заключила соглашение с Россией в Раккониджи, по которому она обязалась «относиться благожелательно» к интересам царской России в Проливах, а Россия признавала «особые интересы» Италии в Триполитании. Таким образом к 1911 г. молодой итальянский империализм заручился признанием своих захватнических планов в Северной Африке не только со стороны своих союзников — Германии и Австро-Венгрии, но и со стороны держав Тройственного согласия.

Война Италии в Триполитании была вызвана «корыстью итальянских финансовых тузов и капиталистов, которым нужен новый рынок, нужны успехи итальянского империализма»[2].

Италия искала в Триполитании источников сырья (главным образом серы и селитры) и сфер приложения капиталов. Из финансовых предприятий Италии наиболее заинтересованным в Триполитании был «Banco di Roma», тесно связанный с Ватиканом.

[1] *Ленин*, т. XXX, стр. 201.
[2] *Там же*.

По сведениям российского представителя при Ватикане князя Волконского, этот банк в Триполитании «имеет целую сеть отделений и владеет 60 *кв. км* земли». Он «занимается там крупными предприятиями, как то: мукомольным делом, обслуживанием триполитанского побережья, пароходными сообщениями и т. д... Триполитанское предприятие зародилось в «Banco di Roma», имеющем тесные связи с Ватиканом и являющемся единственным представителем более значительных интересов Италии в Триполи»[1].

Любопытно отметить, что главным директором этого банка был Эрнесто Пачелли, дядя Евгения Пачелли, избранного 3 марта 1939 г. папой под именем Пия XII. Следует также отметить, что одним из директоров «Banco di Roma» был двоюродный брат тогдашнего посла в Париже Титтони.

Летом 1911 г., в самый разгар агадирского кризиса, Италия, боясь упустить благоприятный момент, усиленно готовится к осуществлению своих давнишних захватнических планов в Северной Африке.

Международная ситуация в этот период весьма благоприятствовала планам Италии:

Франция была занята марокканскими делами, Турция не имела достаточного флота, Германия не была намерена ссориться со своей союзницей из-за Триполитании, Англия благожелательно относилась к планам Италии, стремясь окончательно оторвать ее от Тройственного союза.

«Итальянская дипломатия, — писал 8 октября 1911 г. российский военно-морской агент в Австро-Венгрии и Италии Бойль, — долго и терпеливо ждала подходящего момента, удобной для себя конъюнктуры, и когда она наступила, стала действовать с поразительной и поистине завидной решительностью... Внешним толчком по тому, что теперь происходит, конечно, послужило появление «Пантеры» в Агадире. Это был заразительный пример... политики, а затянувшиеся переговоры между Францией и Германией, увеличивающееся подозрение Англии к Германии, некоторое повышенное самочувствие Германии — дали Италии возможность действовать. В Берлине, как говорят, итальянский посол совершенно определенно заявил, что возобновление Тройственного союза с участием Италии будет невозможно, если Германия будет противиться намерению Италии занять Триполи. Что касается до Австрии, то отвлечение итальянского внимания от побережья Адриатики в сторону Триполи могло казаться последней только выгодным. Франция ничего не могла возразить, так как договором, заключенным с Италией, отказалась от Триполи и признала эту область лежащей в сфере итальянских интересов. Англии, ввиду ее соперничества с Германией, не было никакой цели противодействием восстанавливать против себя обществен-

[1] «М. О.», т. XVIII, №№ 577, 576.

ное мнение Италии; Россия не возражала, и совершилась удивительная вещь — Италия пошла войной на Турцию с общего согласия Европы» [1].

Войну в Триполитании и Киренаике Италия спровоцировала грубым шантажем. 25 сентября 1911 г. Италия обратилась к Турции с нотой протеста против чинимых якобы затруднений деятельности итальянских подданных в Триполитании.

28 сентября 1911 г. Италия предъявила ультиматум Турции, заявив, что предложение Турции пойти навстречу итальянским экономическим требованиям уже не может удовлетворить итальянское правительство. Италия заявляла, что вынуждена приступить к оккупации Триполитании и Киренаики, и предложила Турции дать распоряжение, чтобы турецкие власти не оказывали сопротивления итальянским войскам. Срок ультиматума был установлен в 24 часа. 29 сентября Турция предложила Италии урегулировать вопрос путем переговоров и предоставления Италии известных гарантий в Триполитании. Однако Италия, мотивируя тем, что ответ пришел якобы слишком поздно — 29 сентября вечером, — объявила войну Турции.

Расчет итальянского империализма состоял в том, чтобы молниеносным ударом в короткий срок заставить Турцию капитулировать, отхватить от нее принадлежащие ей Триполитанию и Киренаику и тем самым создать плацдарм в Северной Африке для дальнейшей колониальной экспансии.

Однако весь последующий ход военных операций обнаружил полную несостоятельность итальянских планов. Италия встретила упорное противодействие турецко-арабских сил в Триполитании и Киренаике.

«Арабы, — писал В. И. Ленин, — сопротивлялись отчаянно. Когда итальянские адмиралы неосторожно высадили в начале войны 1.200 матросов, арабы напали на них и перебили до 600 человек. «В наказание» было избито до 3.000 арабов, опустошены и вырезаны целые семьи, перебиты женщины и дети» [2].

Итальянским войскам, захватившим в начале войны г. Триполи и другие прибрежные пункты Триполитании (Хом, Дерна, Бенгази), в течение 8 месяцев не удалось сколько-нибудь значительно продвинуться в глубь страны. Итало-турецкая война приняла затяжной характер.

«Если итальянцы, — писал в мае 1912 г. российский посланник в Белграде Гартвиг, — до последнего времени не могли проникнуть в глубь страны, то отныне с наступлением тропического лета они не в силах будут продвинуться ни на шаг вперед. Выносить подобную жару могут только местные уроженцы». Отчаявшись в быстром завоевании Триполитании, Италия, чтобы сломить сопротивление Турции, приказала своему флоту бомбардировать

[1] «М. О.», т. XVIII, № 560.
[2] *Ленин*, т. XXX, стр. 201.

главный город Сирии — Бейрут и Дарданеллы. Кроме того Италия оккупировала в Эгейском море острова Додеканес, намереваясь тем самым оказать давление на турецкое правительство и заставить его капитулировать.

Вокруг итало-турецкой войны завязался сложный узел империалистических противоречий. Попытки военных операций Италии в Адриатическом море привели к напряжению австро-итальянских отношений. Бомбардировка Дарданелл итальянским флотом и закрытие Турцией Проливов вызвали серьезные опасения царской России. Закрытие Проливов в апреле 1912 г. причинило значительные убытки русской торговле [1]. Россия заявила протест в Константинополе, ссылаясь на обеспеченное договорами право свободного прохода торговых судов нейтральных держав через Проливы.

Появление итальянских сил в восточной части Средиземного моря вызвало также серьезное беспокойство в Париже и Лондоне. В мае 1912 г. первый лорд адмиралтейства Англии Черчилль и премьер-министр Асквит отправились на остров Мальту, где встретились с генеральным резидентом в Египте Китченером и обсуждали вопрос о положении английского флота в Средиземном море. В Англии, по словам российского посла в Лондоне Бенкендорфа, «мысль о распространении Тройственного союза на Средиземное море и превращении итальянской Триполитании в общую базу... стала кошмаром» [2].

Тем не менее ни одна из империалистических держав не желала выступать против Италии.

Жертва итальянской агрессии — Турция неоднократно обращалась к державам с просьбой о посредничестве, однако ни одна из них не желала отталкивать от себя Италию. Наоборот, каждая держава стремилась извлечь из создавшейся обстановки наибольшие выгоды. В частности, царская Россия воспользовалась ослаблением Турции для того, чтобы вновь поднять вопрос о Проливах.

«Нам, — писал российский посол в Париже Извольский временно управляющему министерством иностранных дел Нератову, — следовало бы теперь же позаботиться... чтобы по возможности извлечь из надвигающихся событий наибольшие выгоды для собственных наших интересов» [3]. С этой целью в октябре 1911 г. был предпринят известный демарш Чарыкова, царского посла в Константинополе. «Жаль было бы, — писал Чарыков, — упустить теперешний выгодный случай итало-турецкой войны и не воспользоваться им для того, чтобы подвинуть вопрос о Проливах... Проливы, действительно, ключ к русскому дому, и ключ этот должен рано или поздно перейти в русские руки» [4]. 12 октября

---

[1] В 1914 г. вице-директор канцелярии росс. м-ва ин. дел Бавили писал, что ущерб, нанесенный России закрытием Проливов во время итало-турецкой и балканской войн, исчислялся свыше 30 миллионов рублей за каждый месяц.

[2] «М. О.», т. XX, № 53.

[3] «М. О.», т. XVIII, № 466.

[4] *Там же*, №№ 497, 498.

1911 г. Чарыков вручил великому визирю Турции Саиду-паше письмо, которое содержало проект русско-турецкой декларации о свободном проходе русских военных судов через Проливы.

Однако это выступление российского военно-феодального империализма не встретило поддержки со стороны Англии и Франции, которые вовсе не желали допустить Россию к Проливам. Англия с самого начала объявила «несвоевременным» обсуждение этого вопроса. Франция заняла уклончивую позицию и фактически поддержала Англию. Царизму пришлось покориться воле своих «союзников», расписаться в неудаче своего шага, возложив формально ответственность на Чарыкова, который был дезавуирован российским правительством и вскоре отстранен от должности посла в Константинополе.

Англия, не препятствуя итальянской агрессии в Триполитании, добивалась согласия Италии на изменение капитуляционного режима в Египте, что ей удалось осуществить после итало-турецкой войны.

Германия, несмотря на свою экономическую и политическую заинтересованность в Турции, готовилась к возобновлению Тройственного союза (срок которого истекал в конце 1912 г.) и поэтому вынуждена была способствовать итальянским планам и оказывать сильное давление на Турцию.

В результате Турция была полностью изолирована и вынуждена под давлением империалистических держав принять итальянские условия. В июне 1912 г. в Швейцарии, не без содействия Германии, были начаты итало-турецкие переговоры о заключении мира, которые временно приостановились в связи со сменой кабинета в Турции 23 июля 1912 г., а затем возобновились 18 августа 1912 г.

18 октября 1912 г. в Лозанне был подписан итало-турецкий договор, санкционировавший захват Италией Триполитании и Киренаики. В тот же день вспыхнула первая балканская война, исходным толчком которой была грабительская авантюра итальянского империализма в Триполитании.

А. А. МОГИЛЕВИЧ, М. Э. АЙРАПЕТЯН

ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА

Борьба империалистических держав за господство на Балканском полуострове.

Одним из непосредственных результатов агадирского кризиса 1911 г. и итало-турецкой войны явилось резкое обострение борьбы между империалистическими державами за гегемонию на Балканском полуострове, который издавна представлял собой «пороховой погреб Европы».

Борьба за господство на Балканах между Тройственным союзом и Тройственным согласием обусловливалась в первую очередь огромным экономическим и стратегическим значением Балканского полуострова. Балканский полуостров лежит на перекрестке средиземноморских путей, на подступах к Ближнему Востоку, к проливам Босфору и Дарданеллам, является важнейшим соединительным звеном между Европой и Азией.

Балканские государства: Сербия, Болгария, Греция, Турция, Черногория, Румыния и Албания накануне первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. представляли собой преимущественно аграрные страны и являлись значительными источниками сельскохозяйственного сырья, продовольствия, а также рынками сбыта для промышленных товаров. Балканский полуостров изобилует большими природными богатствами: в Болгарии имеются залежи угля, меди, свинцовой руды, марганца и др.; в Греции — свинец, цинк, железо, никель, магнезит; в Румынии — нефть, лес, бурый уголь, железная руда; в Турции — нефть, каменный уголь, серебро, свинец, медь, цинк и т. д.; в Албании — огромные залежи асфальта, руда и т. д.; в Югославии — большие лесные массивы, уголь, медь, железо, свинец, бокситы, золото.

Империалистические державы в борьбе за господство в юго-восточной Европе были заинтересованы в существовании на Балканах слабых государств, вынужденных искать поддержки и покровительства той или другой коалиции великих держав.

Широко развернувшееся накануне мировой войны 1914 г. национально-освободительное движение на Балканах, переплетающееся с династическими интересами и завоевательными стремлениями национальной буржуазии балканских государств, было широко использовано европейскими державами для осуществления своих империалистических замыслов.

Национальному капитализму балканских стран становилось тесно в своих границах, и он стремился к их расширению за счет других государств. Основное устремление национальной буржуазии балканских государств было направлено к захвату европейских владений старой Оттоманской империи. Борьба за Македонию, Фракию, Албанию составляла содержание завоевательной политики правительств балканских стран. Национальная буржуазия этих стран стремилась к захвату Македонии, имеющей огромное стратегическое значение на Балканах. Тот, кто имел в своих руках Македонию, владел долиной реки Вардара, а следовательно, и самым крупным портом в Эгейском море — Салониками.

Завоевательная политика буржуазии балканских государств прикрывалась «национальными идеалами» и велась под знаменем национального освобождения и объединения.

«Стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации естественно приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая свое собственное дело за дело общенародное. Она вербует себе армию из «соотечественников» в интересах... «родины»...

Так начинается национальное движение» [1].

В своей борьбе за захват чужих территорий и главным образом владений Оттоманской империи буржуазия балканских государств пыталась опереться на ту или другую великую державу. Как только пути буржуазии того или иного балканского государства расходились с той или иной великой державой, она переходила в противоположный лагерь. Это была политика, проводимая буржуазией балканских стран, шедшей на ту или другую политическую комбинацию в целях осуществления своих завоевательных планов. «Буржуазия угнетенных наций, — писал Ленин, — постоянно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих: во внутренней политике она использует эти лозунги для реакционных соглашений с буржуазией господствующих наций... во внешней политике она старается заключать сделки с одной из соперничающих империалистских держав ради осуществления своих грабительских целей (политика мелких государств на Балканах и т. п.)» [2].

Естественно поэтому, что накануне первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. все империалистические дер-

[1] *Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 12, Партиздат, 1934 г.
[2] *Ленин*, т. XIX, стр. 41.

жавы широко использовали национально-освободительную идеологию для прикрытия своих грабительских замыслов на Балканах. «Нет ничего реакционнее, — писал Ленин, — как заботы австрийцев, с одной стороны, русских черносотенцев, с другой, о «братьях-славянах». Эти «заботы» прикрывают самые подлые интриги, какими издавна прославила себя Россия на Балканах. Эти «заботы» всегда сводятся к покушению на *действительный* демократизм в тех или иных балканских странах» [1].

Развивая мощь своих вооружений, каждая из империалистических группировок методами экономического и финансового закабаления и интригами тайной дипломатии вела ожесточенную борьбу за наиболее благоприятную для себя расстановку основных и вспомогательных сил в подготовляющейся мировой войне, за вовлечение в сферу своего влияния мелких государств. «Борьба за национальную свободу против одной империалистской державы, — писал Ленин, — может быть, при известных условиях, использована другой «великой» державой в ее одинаково империалистских целях» [2].

Таким образом, борьба национальной буржуазии Сербии, Болгарии, Греции, стремившейся к расширению масштабов национальных государств, происходила в эпоху монополистического капитализма в рамках империалистической политики европейских держав, которые преследовали свои захватнические цели на Балканском полуострове. Так, Россия, опираясь на Сербию, Болгарию, Черногорию, пыталась разгромить Турцию и захватить Босфор и Дарданеллы, а также сокрушить Австро-Венгрию и захватить у нее Галицию.

«В интересы России, — писал российский военно-морской агент в Лондоне Рейн, — входит:

а) Ослабление и удушение Турции до распада.

б) Взаимное связывание других балканских государств.

в) Всемерное ослабление Австрии, нар[очитой] ссорой с Италией, Албанией, Сербией и т. п.

г) Entente с Италией, Грецией и принуждение других к дружбе.

д) Владение Дарданеллами и Эгейским морем... Передовой опорный пункт Крит.

е) Поощрение русской морской торговли, особенно черноморской. Рынки — Турция (и Малая Азия), Греция, Красное море, С[еверная] Африка.

ж) В случае владения Эгейским морем содержание флота, равного $1^1/_2$ флотам Австрии и Греции» [3].

Австрия и Германия в свою очередь стремились к уничтожению Сербии, закабалению Румынии, Болгарии, ослаблению позиций России на Балканах. Составной частью австро-германской империалистической программы на Балканах являлся захват Салоник.

---

[1] *Ленин*, т. XII, стр. 364.

[2] *Ленин*, т. XIX, стр. 41.

[3] Центр. Воен.-Морск. Арх., д. № 9781.

Салоники по плану германских и австрийских империалистов должны были стать узловым центром азиатско-европейской торговли.

Салоники приобрели огромное значение в связи с начатым Германией строительством Багдадской железной дороги. Торговля между странами, тяготеющими к Персидскому заливу, и государствами Европы не могла миновать Македонию. Персидский залив — Смирна — Салоники являлись тремя главнейшими пунктами азиатско-европейского пути, определяемого Багдадской дорогой. Направление торговли этим путем вызвало у австрийских империалистов огромное стремление к захвату македонской зоны, где они могли бы установить свое господство и прибрать к рукам всю торговлю европейского континента в Малой Азии. Австро-германский империализм стремился к разделению экономических и политических сфер влияния на Балканах между собой. В случае осуществления этих планов Австро-Венгрия явилась бы сторожевым псом германских колониальных владений на Балканском полуострове. Австро-германский империализм проектировал сооружение строительства железнодорожных путей, которые должны были связать Австрию с Салониками. Осуществление австро-германских планов было направлено против экономических, политических и стратегических интересов России, Англии и Франции, а также против малых балканских стран, которые Германия пыталась превратить в свои сырьевые придатки и использовать в качестве плацдарма в подготовляемой ею мировой войне.

Российский морской агент в Англии Рейн 10 августа 1912 г. писал:

«Расчеты австрийцев — поглотить Сербию; владея Салониками, командовать Эгейским морем и всей торговлей (из Черного моря тоже); натравить болгар на Константинополь и Россию и, подогревая шовинизм болгар, ссорить оба государства» [1].

Острая борьба на Балканском полуострове происходила также между Англией и Германией за влияние в Греции, между Германией и Россией за господство в Румынии и т. д.

Борьба за господство на Балканах происходила не только между двумя враждебными империалистическими группировками — Тройственным союзом и Тройственным согласием, но и внутри каждой коалиции. Так, Австрия и Италия ожесточенно соперничали между собой за господство в Албании, Франция и Россия за хозяйничанье в Турции и т. д. На Балканском полуострове перекрещивались и сталкивались значительные интересы европейского финансового капитала: в Греции — английского и французского, в Болгарии — германского, австрийского и русского, в Сербии — французского и русского; военные заказы балканских государств осуществлялись могущественными моно-

[1] Центр. Воен.-Морск. Арх., д. № 9781.

полистическими фирмами: Шнейдер-Крезо во Франции и Крупп в Германии.

Накануне первой империалистической войны 1914—1918 гг. балканский узел был чрезвычайно запутан. В нем переплетались национальная вражда, неравенство, угнетение, борьба империалистических государств за господство в малых «независимых» национальных государствах, борьба национальных государств против гнета «великих держав», борьба национальных государств между собой за расширение своей территории, борьба национальных государств, каждого в отдельности, против своих угнетенных национальных меньшинств, наконец, национально-освободительная борьба трудящихся против своих угнетателей.

Создание Балканского союза.

Накануне первой мировой империалистической войны борьба между империалистическими державами за господство на Балканском полуострове приняла весьма острую форму. Российский империализм, ослабленный в 1905 г. в войне с Японией, обратил снова свои взоры на Балканский полуостров. Одновременно Австро-Венгрия, воспользовавшись ослаблением царской России, решила укрепить свои позиции на Балканах.

В 1906 г. Австро-Венгрия выступила с проектом строительства железной дороги от Боснии на Митровицу до Салоник, что грозило превращением всего Балканского полуострова в хинтерланд австро-германского империализма. Россия, встретив в своих балканских замыслах сопротивление Австро-Венгрии, сделала попытку войти с ней в сделку.

В сентябре 1908 г. российский министр иностранных дел Извольский заключил с австро-венгерским министром иностранных дел Эренталем сделку в Бухлау, по которой Австро-Венгрия изъявила свое согласие не препятствовать открытию Проливов для русских военных судов, взамен чего Россия обещала не возражать против аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Извольский, договорившись с Эренталем и не предупредив об этом Англию и Францию, отправился в Париж. Австрия не стала долго раздумывать и 5 октября 1908 г. объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Когда Россия, спохватившись, стала протестовать против внезапного выступления Австрии и требовать в качестве компенсации свободного прохода своих военных судов через Проливы, она натолкнулась на резкое сопротивление Франции и Англии и вынуждена была отступить.

Однако российский империализм вовсе не думал отказываться от своих захватнических планов в отношении Проливов. После горькой «боснийской» пилюли Россия стала искать себе союзника для поддержки своих притязаний на Босфор и Дарданеллы. С этой целью она в 1909 г. вошла в сделку с империалистической Италией. Русско-итальянское соглашение, подписанное 24 октября 1909 г. между Извольским и Титтони в Раккониджи, являлось типичной империалистической сделкой. Италия обязалась отно-

ситься благожелательно к русским интересам в вопросе о Проливах, а Россия — к итальянским интересам в Триполитании и Киренаике.

Два года спустя, в 1911 г., Россия, воспользовавшись итало-турецкой войной, вновь попыталась поставить вопрос о Проливах. Однако и эта попытка не увенчалась успехом. Потерпев неудачу в прямом натиске на Турцию, российский империализм стал еще шире использовать в своих целях национально-освободительное движение балканских народов и захватнические планы национальной буржуазии балканских государств, прикрывавшиеся лозунгами «освобождения братьев-славян из-под турецкого ига».

В 1911—1912 гг. в Оттоманской империи широко развернулось национально-освободительное движение балканских народов, находившихся в течение пяти столетий под турецким игом и стремившихся к объединению и к созданию самостоятельных национальных государств. Турецкая Македония, населенная болгарами, сербами и греками, с конца XIX в. была ареной непрерывных восстаний, которые жестоко подавлялись абсолютистским правительством султана Абдул-Гамида. Завоеванная окончательно турками в XIV—XV вв., Македония была разделена на вилайеты (провинции): Битолийский (г. Монастир), Косовский (г. Ускюб или Скопле) и Салоникский (г. Салоники или Солунь). Турки, водворившиеся в стране в качестве феодальных помещиков, веками жестоко угнетали славянские народы.

Младотурецкая буржуазная революция 1908 г. не способствовала ослаблению национального гнета. В Македонии, Албании, Фракии еще были сильны остатки средневековья — абсолютизм, феодализм и национальное угнетение.

«Македония, — писал Ленин, — как и все балканские страны, сильно отстала экономически. Там еще уцелели сильнейшие остатки крепостного права, средневековой зависимости крестьян от помещиков-феодалов. К таким остаткам принадлежит крестьянский оброк помещику (денежный или продуктами), затем испольщина (обычно крестьянин в Македонии отдает помещику, при испольщине, треть урожая, меньше чем в России) и т. п.» [1].

Зарождавшемуся национальному капитализму балканских стран становилось тесно в своих границах, и он стремился к их расширению за счет Турции. Так как от турецких владений в Европе остались еще Македония, Фракия и Албания, то началась ожесточенная борьба других балканских государств за захват этих территорий.

Весной 1911 г. балканские государства вступили между собой в переговоры с целью создания союза, направленного против Турции. Инициатива в этом вопросе принадлежала Сербии и Болгарии. В апреле 1911 г. в Болгарии пришло к власти коалиционное правительство Гешова (председатель совета министров

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 186.

и министр иностранных дел) и Данева (председатель Народного собрания), придерживавшееся ориентации на Россию. К этому моменту относятся первые попытки создания сербо-болгарского союзного договора, направленного против Турции.

26 апреля 1911 г. Сербия предложила Болгарии договориться о совместных действиях против Турции, заявив, что считает момент «достаточно благоприятным, чтобы, поддержав восстание в Македонии, воспользоваться создающимся положением, объявить войну Турции и таким образом окончательно разрешить восточный вопрос» [1]. Это предложение Сербии вскоре же стало известно в Петербурге и вызвало беспокойство российского правительства.

Россия, всемерно стремившаяся использовать балканские государства против Турции и австро-германского блока, не желала, однако, того, чтобы эти государства вели самостоятельную политику и договаривались за ее спиной. Вот почему, узнав о сделанном Сербией предложении Болгарии, Россия приняла все меры к тому, чтобы не допустить сделки между балканскими государствами без своего участия, и решила взять в свои руки контроль над сербо-болгарскими переговорами. Российский поверенный в делах в Софии Урусов выражал серьезное беспокойство по поводу попыток сепаратного сербо-болгарского соглашения, усматривая в этом угрозу «русским видам на второстепенную и подчиненную роль балканских славянских держав, против каковой наиболее действительным средством была бы решимость России взять в свои властные руки переговоры о политическом сближении Сербии с Болгарией» [2].

В октябре 1911 г. сербо-болгарские переговоры, прерванные в мае, вновь возобновились. Война итальянского империализма против Турции значительно ослабила последнюю и способствовала созданию блока балканских государств. Однако на сей раз переговоры между Болгарией и Сербией осуществлялись под неослабным контролем России, при активном участии российских посланников в Белграде — Гартвига и в Софии — Неклюдова.

Россия решила ускорить создание балканского блока, направленного против Турции и австро-германской коалиции. Вместе с тем Россия, неподготовленная в тот период к войне, не желала, чтобы балканские государства ринулись в бой преждевременно. Балканский блок по планам российского империализма был призван служить одним из важнейших орудий в общем арсенале борьбы против Германии и Австрии и должен был быть приведен в действие в наиболее благоприятный для России момент. Приветствуя объединение Сербии и Болгарии, Нератов 4 октября 1911 г. писал: «Самовольное выступление славянских держав не только не встретит нашего сочувствия, но... будет для держав

[1] «М. О.», т. XVIII, ч. I, стр. 3, прим. 7.
[2] *Там же*, № 6.

этих гибельно, ибо вызовет и оправдает дальнейшие выступления со стороны Австрии» [1].

В начавшихся осенью 1911 г. переговорах между Сербией и Болгарией инициатива принадлежала последней. Первые шаги по сближению с Сербией болгарское правительство поручило своему посланнику в Риме Ризову, который еще в 1904 г. вел переговоры о заключении сербо-болгарского соглашения. Кроме того, Ризов был уроженцем Македонии и пользовался большим авторитетом в македонских национальных комитетах. В Белграде Ризов повел переговоры с Милованóвичем и Пашичем при активном участии Гартвига.

Когда разразилась итало-турецкая война, болгарский премьер Гешов находился на курорте в Виши. Получив известие о начале войны, он решил немедленно вернуться в Болгарию, но поехал не прямо в Софию, а счел нужным заехать в Париж и Вену, где имел беседы с де Сельвом и Эренталем и пытался, очевидно, прежде чем приступить к переговорам с Сербией, позондировать позицию Франции и Австро-Венгрии.

В Вене Гешова уже ждал вернувшийся из Белграда Ризов, устроивший ему встречу с сербским министром иностранных дел Милованóвичем. Встреча состоялась в вагоне, недалеко от Белграда, куда Гешов заезжал инкогнито по дороге из Вены в Софию. Во время этой встречи 11 октября 1911 г. министры договорились о заключении сербо-болгарского оборонительного соглашения — в случае нападения какой-либо державы на одну из договаривающихся сторон — и наступательного — на случай балканских осложнений, которые непосредственно угрожали бы их интересам. С этого момента сербо-болгарские переговоры велись в Софии между сербским посланником Спалайковичем и Гешовым.

Следует отметить, что переговоры между Болгарией и Сербией, которые длились около шести месяцев, протекали отнюдь не гладко. Между обоими государствами имелись крупные разногласия из-за вопросов будущих территориальных приобретений в Турции. И Сербия и Болгария претендовали на Македонию. В то время как Болгария, обосновывая свои притязания на эту часть турецкой территории, ссылалась на преобладание болгарского населения, Сербия утверждала, что большинство македонского населения — сербы.

Разногласия в ходе переговоров принимали порой настолько острые формы, что в январе 1912 г. Неклюдов признавал переговоры «рушившимися окончательно», что вызвало грустное восклицание Николая II: «Не может быть» [2].

Однако России все же удалось после долгих усилий временно сгладить острые углы во взаимоотношениях Сербии и Болгарии и ускорить подписание соглашения между обоими государствами.

---

[1] «М. О.», т. XVIII, № 526.
[2] «М. О.», т. XIX, № 354.

«Первым триумфом русской политики, — писал австро-венгерский дипломат граф Андраши, — было то, что ей удалось создать под своим протекторатом Балканский союз, в первую очередь — против Турции, во вторую, когда понадобится, — против нас» [1].

13 марта 1912 г. под эгидой России был подписан сербо-болгарский договор «о дружбе и союзе». Ст. 1-я этого договора гласила:

«Царство болгарское и королевство сербское гарантируют друг другу государственную независимость и целость их государственных территорий, обязуясь абсолютно и без какого-либо ограничения притти на помощь друг другу со всеми своими силами в случае, если бы одно из них подверглось нападению со стороны одной или нескольких других держав».

Ст. 2-я договора гласила:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются точно также притти на помощь друг другу со всеми своими силами в случае, если какая бы то ни было великая держава попыталась присоединить, оккупировать своими войсками или занять, хотя бы даже и временно, какую-либо часть балканских территорий, которые находятся ныне под турецкой властью, если одна из договаривающихся сторон сочтет подобный акт противным своим жизненным интересам и как casus belli».

Этот договор содержал секретное приложение о совместных действиях против Турции в случае волнений или угроз войны со стороны Оттоманской империи, причем это выступление могло быть предпринято Болгарией и Сербией только с одобрения России. Первая статья этого секретного приложения гласила:

«В случае, если в Турции наступят неурядицы внутренние, которые подвергли бы опасности государственные и национальные интересы обеих договаривающихся сторон или одной из них, так же как и в случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, которые возникли бы для Турции, возник бы вопрос о сохранении status quo на Балканском полуострове, та из договаривающихся сторон, которая первая убедилась бы в необходимости начать военные действия, обратится с мотивированным предложением к другой стороне, которая обязана тотчас вступить в обмен мыслей и, если бы она не согласилась со своей союзницей, дать ей мотивированный ответ.

Если соглашение о действиях последует, то об этом сообщается России, и если последняя не воспротивится, то действия начнутся согласно установленному соглашению и вдохновляясь во всем чувствами солидарности и обоюдности интересов. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, то будет апеллировано (спрошено) к мнению России, которое, если и поскольку она его выразит, будет обязательно для обеих договаривающихся сторон. Если Россия не захочет дать своего мнения и если соглаше-

[1] *Gr. I. Andrassy*, Diplomatie und Weltkrieg, S. 47.

ние между обеими договаривающимися сторонами не могло бы быть достигнуто после того, тогда, если та сторона, которая высказалась за акцию, начала бы одна на собственный риск и страх действия против Турции, другая сторона обязана сохранять дружеский нейтралитет относительно своей союзницы, предпринять тотчас мобилизацию в размерах, предусмотренных военной конвенцией, и притти всеми своими силами на помощь своей союзнице, если какая-либо третья держава стала бы на сторону Турции» [1].

Кроме того секретным договором определялось распределение будущих территориальных завоеваний Болгарии и Сербии в Македонии, причем часть территории признавалась бесспорно болгарской, другая — бесспорно сербской, а третья оставалась спорной зоной, судьба которой предоставлялась арбитражу российского царя.

Вскоре же после подписания этого договора была заключена военная конвенция между Болгарией и Сербией. По этой конвенции Болгария обязалась выставить в случае военных действий 200-тысячную армию, а Сербия 150 тыс. войск. В случае нападения Румынии на Болгарию Сербия обязалась тотчас же объявить войну Румынии и направить против нее 100 тыс. войск. В случае нападения Турции на Болгарию Сербия обязалась вторгнуться в пределы Турции и направить не менее 100 тыс. человек на вардарский фронт.

«В случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, — гласила ст. 3-я военной конвенции, — Болгария обязуется тотчас же объявить Австро-Венгрии войну и направить свои войска в числе 200 000 человек в пределы Сербии для совместных с сербской армией наступательных или оборонительных действий против Австро-Венгрии.

Эти обязательства со стороны Болгарии по отношению к Сербии сохраняют силу и в том случае, если Австро-Венгрия под каким бы то ни было предлогом, по соглашению ли с Турцией или без такового, ввела бы свои войска в Новобазарский санджак и тем принудила бы Сербию либо объявить войну Австро-Венгрии, либо отправить войска свои в Санджак для защиты своих интересов, вызвав тем столкновение с Австро-Венгрией.

В случае нападения Турции на Сербию, Болгария обязуется тотчас же вторгнуться в пределы Турции, направив на вардарский театр из состава мобилизованных... войсковых частей армию численностью не менее 100 000 человек» [2].

Вслед за подписанием сербо-болгарского соглашения и военной конвенции был заключен союз между Грецией и Болгарией.

29 мая 1912 г. был подписан договор между обоими государствами, по которому Греция и Болгария обязывались оказывать

---

[1] «М. О.», т. XIX, № 625.
[2] *Там же*, № 888.

друг другу помощь в случае нападения на них Турции, а также в случае систематического нарушения Турцией «прав, вытекающих из договоров или основных принципов международного права» [1].

В сентябре 1912 г. между Болгарией и Грецией была подписана военная конвенция, однако соглашение по вопросу о будущих границах в Македонии не было выработано.

Таким образом был создан балканский блок под покровительством России, направленный своим острием против Австрии и Турции. Следует отметить, что остальные участники Антанты знали о ведущихся переговорах между балканскими государствами. Они не препятствовали образованию Балканского союза, рассчитывая использовать его в будущем для войны против Австрии и Германии. Так, например, английская публикация свидетельствует о том, что английский посланник в Софии Бакс Айронсайд был осведомлен о свидании сербского министра иностранных дел Миловановича и болгарского премьера Гешова, во время которого обсуждался проект союзного договора между Болгарией и Сербией [2].

В январе 1912 г. Бакс Айронсайд известил английского министра иностранных дел о предстоящем подписании сербо-болгарского договора, а в день подписания договора сообщил в Лондон его краткое содержание и указал, что Россия принимала участие в его заключении [3]. Союзник России — Франция также знала о ведущихся переговорах между Болгарией и Сербией. Известно, что накануне начала переговоров Гешов совершил поездку в Париж и имел там беседу с де Сельвом о предстоящем образовании Балканского союза. Из Белграда Гартвиг в самом разгаре сербо-болгарских переговоров о подписании союзного договора сообщал, что «во Франции самое широкое сочувствие встречает идея «Балканы для балканских народностей» и что «сербо-болгарскому союзу Франция во всякое время готова оказать мощную поддержку» [4].

Таким образом мы видим, что Англия и Франция были в курсе хода переговоров между Сербией и Болгарией о заключении союзного договора. Заявление Пуанкаре о том, что балканские соглашения были заключены «без ведома Франции и Англии», не соответствует действительности. Французский и английский генеральные штабы строили свои расчеты на том, что в случае будущей войны армии балканских союзников свяжут значительную часть австро-венгерских и германских вооруженных сил на востоке и отвлекут их от операций на западе, облегчив тем самым англо-французским войскам разгром армий Тройственного союза.

---

[1] «М. О.», т. XX, №№ 1, 100.
[2] Brit. Doc., vol. IX, (I), N 525.
[3] *Там же*, N 559.
[4] «М. О.», т. XIX, № 144.

Однако ни Англия, ни Франция не желали, чтобы Балканский союз был использован Россией против Турции, так как и та и другая державы имели в Турции крупные экономические интересы и не желали допустить Россию к Проливам.

«Все действия Англии, — писал в своем докладе Николаю II Сазонов в сентябре 1912 г., — ныне подчинены одной главной заботе: не навлекать на себя недовольства мусульманского мира, ввиду необходимости, для обеспечения своего владычества в Индии, опираться там на магометанскую часть населения. Отсюда ее кажущееся равнодушие к судьбе подвластных Турции христиан, противоречащее прежнему ее отношению к последним...

Помимо сего, Англией руководит желание ничем не ослаблять нынешнего оттоманского правительства, в котором видную роль играет ее сторонник Киамиль-паша, из опасения, как бы не вернулись к власти младотурки с Ферид-пашой, считающимся приверженцем Германии.

Эти соображения объясняют, почему, при всем желании содействовать вместе с другими державами успокоению на Балканах, Англия тем не менее часто тормозила общее дело, колеблясь согласиться на ту или иную меру из опасения перед впечатлением, каковое таковая произведет в Константинополе.

Принимая во внимание вышесказанное, можно с уверенностью сказать, что нельзя было бы рассчитывать на содействие Англии, если бы дальнейшее обострение событий потребовало какого-нибудь энергичного давления на Турцию.

Во Франции осложнения на Балканах вызывают двоякого рода опасения, которыми и определяется отношение нашей союзницы к настоящим событиям.

Во-первых, ей внушает беспокойство мысль, что балканские события могут так или иначе вызвать вмешательство наиболее заинтересованных в них держав, т. е. России и Австрии, а это в свою очередь может втянуть в войну и Францию...

Во-вторых, поместив в разные предприятия на Балканском полуострове значительные капиталы, французы не могут смотреть равнодушно на разгорающуюся там смуту, от которой они терпят материальные убытки.

Вот почему французское правительство с таким напряжением стремится к мирному разрешению возникших столкновений» [1].

14 февраля 1912 г. российское министерство иностранных дел передало французскому правительству вопросник, содержащий 3 пункта относительно позиций Франции: 1) на случай внутреннего кризиса в Турции, 2) в момент вооруженного выступления Австро-Венгрии в Новобазарском санджаке или в Албании, 3) во время войны Турции с одной из балканских стран [2]. Франция ответила, что готова оказать России «самую деятельную

[1] Кр. Арх., 1923 г., т. III, стр. 25—26.
[2] «М. О.», т. XIX, № 596.

дипломатическую [курсив наш] поддержку», но если дело дойдет до войны, то она «должна будет сделать различие между такими событиями, которые затронули бы область существующего между Россией и Францией союзного договора, и обстоятельствами, так сказать, местного, ближневосточного характера. В первом случае [т. е. во время войны с Германией.— *А. М., М. А.*] Франция несомненно и безусловно выполнит все лежащие на ней обязательства; во втором, французское правительство должно предвидеть, что оно не будет в состоянии получить от страны и парламента надлежащих полномочий для ведения войны» [1].

Французскому послу в Петербурге Жоржу Луи с Quai d'Orsay[2] была послана инструкция, в которой говорилось, что только новое решение вопроса, который с 1870 г. разделяет Германию и Францию, может быть достаточным, чтобы оправдать в глазах французского правительства обязательства, вовлекающие в военные действия, в которые могут быть втянуты великие державы. Таким образом Франция давала ясно понять России, что она не одобряет выступление против Турции.

Получив такой ответ Франции, Россия убедилась, что рассчитывать на помощь своей союзницы в случае выступления балканских стран против Турции не приходится, и решила не продолжать далее переговоров с Францией по этому вопросу.

4 апреля 1912 г. российское министерство иностранных дел сообщало Извольскому, что Франция, имея в Турции большие экономические и финансовые интересы, может остаться равнодушной к судьбе балканских государств. Признавая поэтому крайне трудным «определенно оформить могущие произойти события и, дабы не связывать себя заранее какими-либо определенными обязательствами», Сазонов считал необходимым при всякой случайности на Балканах ограничиться лишь обещанием сообщать друг другу «взгляд свой на происшедшие обстоятельства» [3].

Не получив поддержки Франции, Россия, не подготовленная еще в тот период к войне против Австро-Венгрии и Германии, стремится отсрочить момент вооруженного выступления балканских союзников и убедить их, что они не должны рассчитывать на помощь России в ближайшее время.

«Хотя вооруженные силы государства, — писал российский военный министр Сухомлинов председателю совета министров Коковцову, — и обязаны находиться в беспрестанной боевой готовности, однако — готовность на все случаи всегда более или менее условна, в особенности же при не вполне законченном переустройстве вооруженных сил и некоторых пробелах в снабжении их.

Как в военном деле, так и в области политики успех достигается лишь тем, кто, задавшись определенными, строго поста-

[1] «М. О.», т. XIX, № 699.

[2] Набережная, на которой находится французское министерство иностранных дел.

[3] «М. О.», т. XIX, № 729.

вленными целями, идет к достижению их энергичными активными действиями. Только в этом случае все подготовительные мероприятия могут быть уложены в строго систематическую программу, следование которой позволяет в минуту наступившей необходимости выступить во всеоружии, обеспечив себе этим необходимую инициативу действий.

Внезапно вспыхнувшая война Италии с Турцией принимает ныне, повидимому, затяжной характер... Возможное расширение Италией сферы военных действий, вероятно, вновь оживит балканский вопрос, а в связи с ним может подвинуть Австро-Венгрию использовать создавшийся для нее благоприятный политический момент для занятия нового этапа на своем пути к Салоникскому заливу, каковым является Новобазарский санджак.

По донесению наших военных агентов в Австро-Венгрии, Сербии и Черногории, на юге Австро-Венгрии, а в частности в Боснии и Герцеговине, отчетливо обозначались явления, подобные тем, которые в 1909 г. предшествовали аннексии двух турецких провинций. Наконец, имеются донесения о происходивших в последнее время в Вене чрезвычайных военных совещаниях с участием представителей Германии, на которых был выработан план действия Австро-Венгрии в случае осложнений на Балканах; этот план, повидимому, заключается в захвате Новобазарского санджака, вторжении в Сербию славян с пятью корпусами и дальнейшем движении затем к Салоникам... Все эти возможные выступления Австро-Венгрии и славянских балканских государств не могут ее коснуться и нас и, вероятно, потребуют дипломатического вмешательства.

Опыт последних лет доказал, что Австро-Венгрия все свои политические выпады осуществляет неожиданно, благодаря чему сразу приобретает те громадные преимущества, которые вообще присущи активным действиям не только в области войны, но и в области политики. Последняя, однако, должна опираться на вооруженную силу, подготовленную к действию соответственно направлению. Между тем военное ведомство наше, сознавая всю сложность сбстановки, вырисовывающейся на Ближнем Востоке, не имеет определенных отправных данных о тех задачах, которые могут быть предъявлены нашим вооруженным силам в ближайшее время, почему подготовка их к этим задачам в свою очередь не может быть в достаточной степени законченной» [1].

Вместе с тем необходимо указать, что значительная часть российской буржуазии не желала сдерживать свои захватнические аппетиты из-за неблагоприятной для России международной обстановки и стремилась всеми силами разжечь войну против Австрии и Турции и под вопли «о славянских задачах России» отхватить Галицию, Турецкую Армению, Босфор и Дарданеллы.

«В обществе наемного рабства, — писал Ленин, — всякий купец, всякий хозяин ведет азартную игру: «либо разорюсь, либо

[1] Гос. Арх. Внутр. Пол., ф. Канцелярии совета министров, д. № 7.

наживусь и разорю других». Каждый год банкротятся сотни капиталистов и разоряются миллионы крестьян, кустарей, ремесленников. Такую же азартную игру ведут капиталистические государства, игру кровью миллионов, посылаемых то здесь, то там на бойню ради захвата чужих земель и грабежа слабых соседей» [1].

Эти ультра-воинственные вожделения российской буржуазии, делавшей ставку на «азартную игру» и пытавшейся развязать балканскую войну, возглавлял бывший председатель Государственной думы А. И. Гучков, про которого Неклюдов в июле 1912 г. писал: «Он в сущности — сторонник активного выступления нашего, при известных обстоятельствах, на помощь Сербии и Болгарии и стремится к окончательному разрешению балканского вопроса путем раздела Македонии и утверждения нашего на берегах Босфора и Дарданелл» [2].

В июле 1912 г. Гучков предпринял поездку в Болгарию и Сербию и науськивал правительственные круги и военщину этих стран на войну против Турции и Австрии [3].

Между тем в мае 1912 г. в Албании вспыхнуло восстание против Турции, охватившее ряд округов (Ипек, Призрен, Дибра, Малессия, Штип, Дьяково). Повстанцам удалось разбить турецкие регулярные части. Турция, находившаяся в войне с Италией, вынуждена была пойти на уступки албанским вождям и «даровала» Албании целый ряд льгот религиозных, школьных и т. п. Следует отметить, что Австро-Венгрия пыталась воспользоваться албанским восстанием для того, чтобы вынудить Турцию создать «автономную» Албанию под своим протекторатом в противовес Сербии и России. Все это вызвало сильное недовольство Сербии и Греции. Начинается брожение среди славянских народностей в Македонии и Старой Сербии.

Сербия и Болгария, воспользовавшись сложившейся обстановкой, спешат привести в действие свои планы вооруженного выступления против Турции.

Правительство царской России, не получив поддержки со стороны Франции и Англии, пытается отсрочить войну балканских союзников против Турции, боясь столкновений с Австро-Венгрией и Германией. Кроме того Россия опасалась, что при разделе Македонии балканские союзники рассорятся, а следовательно, созданный ею союз распадется еще до начала решительной схватки с Австро-Венгрией и Германией.

27 сентября 1912 г. Россия и Австро-Венгрия от имени пяти великих европейских держав вручили балканским союзникам ноту, в которой, осуждая всякую попытку нарушения мира, взяли на себя инициативу проведения административных реформ в Европейской Турции и заявляли, что в случае войны балкан-

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 150.
[2] «М. О.», т. XX, № 365.
[3] *Там же*, №№ 365, 378, 381.

ских союзников с Турцией они не согласятся на какое-либо изменение территориального status quo.

Совместное выступление Австро-Венгрии и России в защиту принципа status quo на Балканах объяснялось тем, что Австрия не желала допустить усиления балканских союзников за счет Турции. С другой стороны, Россия пыталась использовать status quo в целях обеспечения балканских союзников на случай их возможного поражения в войне с Турцией. Однако ничто не могло уже предотвратить надвигающуюся войну против Турции. Россия, создавшая Балканский союз, не смогла справиться с теми силами, которые были ею же вызваны к жизни.

«Конечно, — писал Пуанкаре Ж. Камбону 15 октября 1912 г., — она [Россия] знала все об этом [сербо-болгарском договоре] и вместо того, чтобы протестовать против него, она видела в этом дипломатическом документе средство обеспечить свою гегемонию на Балканах. Теперь она убеждается, что слишком поздно остановить движение, вызванное ею к жизни, и, как я сказал Сазонову и Извольскому, она пытается затормозить машину, но она же сама пустила ее в ход» [1].

Балканская война, подготовленная всем ходом развития противоречий между империалистическими державами, с одной стороны, балканскими странами и Турцией, с другой, разразилась несмотря на все и всяческие бумажные «заклинания» так называемых «великих держав».

* * *

Возникновение войны.

Первой балканской войной 1912 г. открывается, по словам Ленина, «новая глава всемирной истории».

«Балканская война, — писал Ленин, — есть одно из звеньев в цепи мировых событий, знаменующих крах средневековья в Азии и в восточной Европе. Создание объединенных национальных государств на Балканах, свержение гнета местных феодалов, окончательное освобождение балканских крестьян всяческих национальностей от помещичьего ига, — такова была историческая задача, стоявшая перед балканскими народами» [2].

Первую балканскую войну партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным сразу же оценила как пролог неизбежно надвигающейся общей мировой империалистической войны. И. В. Сталин писал: «Рост империализма в Европе — не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнений» [3].

[1] «Affaires Balkaniques», I, p. 112.
[2] *Ленин*, т. XVI, стр. 356.
[3] *Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 41—42.

Пожар войны, вспыхнувшей в 1912 г. на Балканском полуострове, где сталкивались противоречия империалистических держав, пытался использовать в своих целях каждая из империалистических группировок (Тройственный союз и Тройственное согласие). Эта война явилась результатом столкновения интересов держав Антанты с державами австро-германского блока. Каждая из группировок, стремясь к новому переделу мира, втягивала в свою игру правительства балканских государств с целью благоприятной для себя расстановки сил второстепенных союзников в подготовляющейся мировой бойне.

Ленин в октябре 1912 г. в статье «Балканские народы и европейская дипломатия» («Правда») писал: «Балканские народы могли бы сказать, как говаривали в старину наши крепостные: «Минуй нас пуще всех печалей, и барский гнев и барская любовь». И враждебное и якобы-дружелюбное вмешательство «держав» Европы означает для балканских крестьян и рабочих только прибавление всяческих пут и помех свободному развитию к общим условиям капиталистической эксплуатации»[1].

Начало военных действий.

9 октября 1912 г. раздались первые выстрелы на Балканах. Первой выступила против Турции маленькая Черногория.

Следует отметить, что, прежде чем начать военные действия против Турции, черногорский король Николай сообщил об этом российскому военному агенту в Черногории:

«Согласно последних донесений, — писал помощник управляющего делами российского совета министров Лодыженский председателю совета министров, — король Николай *предупредил нашего военного агента*, что 25 сентября (8 октября нов. ст.) последует официальное объявление войны Турции, а 26 сентября (9 окт. н. с.) в *семь часов утра начнутся военные действия*»[2].

18 октября 1912 г., как раз в тот день, когда Турция подписала мир с Италией, в бой ринулись балканские союзники — Болгария, Сербия и Греция. Балканская война началась.

Болгария мобилизовала 420 тыс. человек. На первую линию было выставлено 230 тыс. войск, из них 200 тыс. было направлено во Фракию, т. е. на адрианопольский фронт. В Македонии военные действия против Турции велись главным образом Сербией, выставившей 150-тысячную армию, и Грецией, пославшей на фронт около 80 тыс. войск.

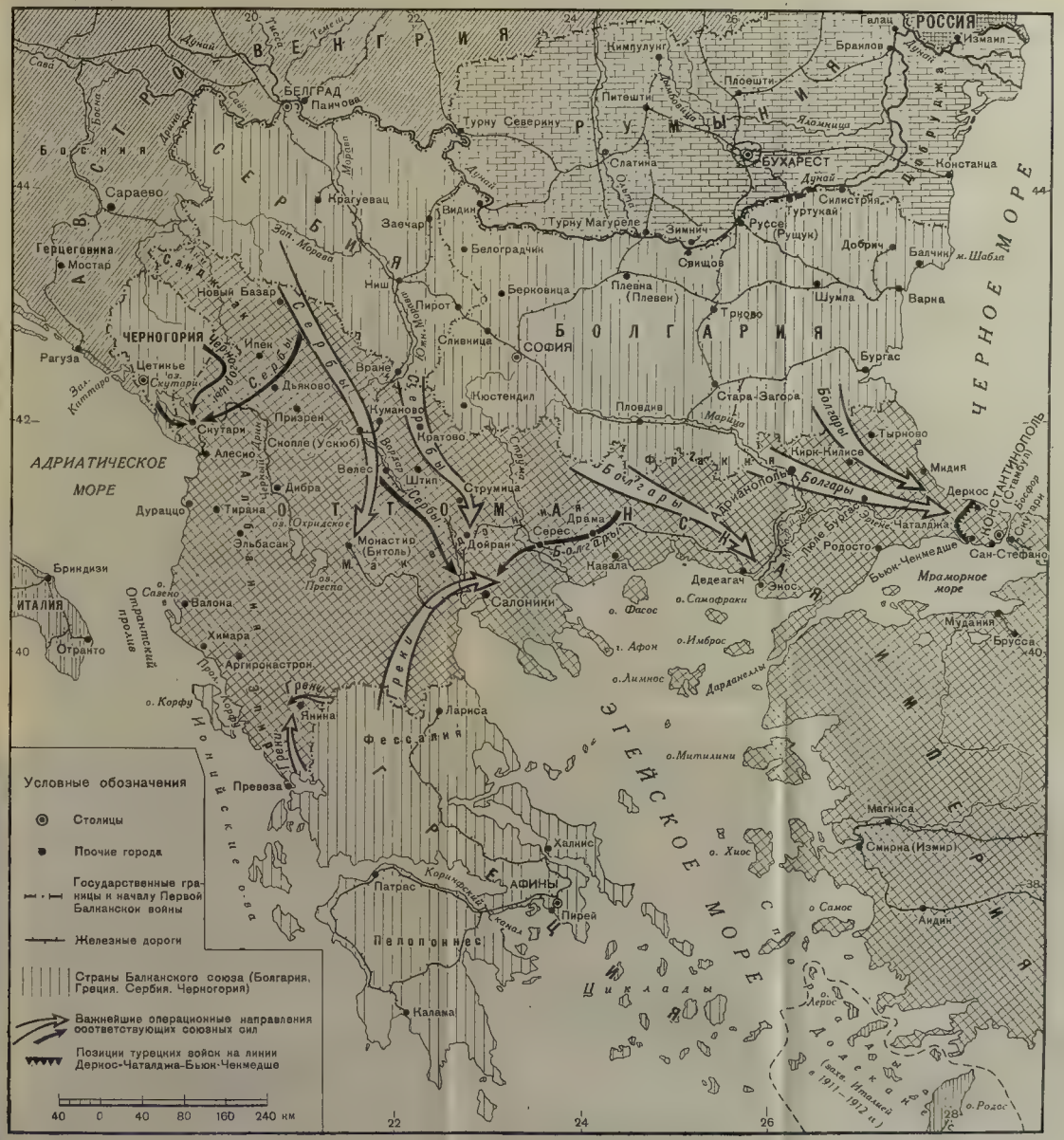
В самом начале балканской войны союзники не были еще уверены в своей победе, так как Турция формально имела вдвое большую армию по сравнению с союзниками (около 700 тыс.). Однако фактически Турция могла выставить на линию огня не более 350 тыс. человек. Следует отметить, что и по технике вооружения турецкая армия значительно уступала армиям союзников,

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 158.

[2] Центр. Гос. Арх. Народного хозяйства, ф. Общей канцелярии министра финансов, д. № 239.

ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА 1912—1913 гг.

К востоку от Гринвича



На путях к мировой войне—к стр. 117.

так как она была вооружена германским оружием устаревшего образца, тогда как армии союзников были вооружены новым французским оружием.

В течение первых дней войны Болгария опасалась исхода событий. Учитывая это обстоятельство, она рассчитывала на помощь России.

Планы российского империализма.

Российский военно-феодальный империализм, издавна стремившийся к разделу Турции, к захвату проливов — Босфора и Дарданелл, решил, что пришла пора воспользоваться сложившейся ситуацией на Балканах для осуществления своих грабительских замыслов. Под ширмой лживых лозунгов «покровительства братьям-славянам» царская Россия теперь намеревалась в случае поражения балканских союзников выступить против Турции. С этой целью в самом начале балканской войны Россия поспешила известить Англию, что если дела примут для Болгарии опасный оборот, то она вынуждена будет вмешаться в войну и мобилизовать свою армию. Ленин, разоблачая эти грабительские планы российского империализма, неуклюже прикрытые благочестивыми декларациями славянофильства, писал:

«Политика октябристов, националистов, беспартийных «патриотов», от «Нового Времени» до «Русского Слова», ясна и проста. Травля Австрии, науськивание на войну с ней, крики о «славянских задачах» России — все это есть шитое белыми нитками стремление отвлечь внимание от внутренних дел России и «урвать кусок» Турции. Поддержка реакции внутри и колониального, империалистского грабежа во вне — такова суть этой грубой «патриотической» «славянской» политики» [1].

«Расчет националистов,— писал Ленин, — откровенен и бесстыден до последней степени. Они говорят пышные слова о «святой борьбе за независимость» народов, а сами хладнокровнейшим образом играют жизнью миллионов, толкая народы на бойню ради прибылей кучки купцов и промышленников» [2].

Ленин, разоблачая империалистическую политику «великих держав» по отношению к балканским народностям, замаскированную лживыми лозунгами «защиты славянства», весьма метко и образно сравнивал ее с охраной «курятника» «лисой».

Ленин, определяя позицию социал-демократов в вопросе о балканской войне, которую он называл «самым животрепещущим вопросом современной политики» [3], писал: «Демократия вообще, а рабочие в особенности, — против всякого «протежирования» славян лисами и волками и за полное самоопределение народов, за полную демократию, за освобождение славян от *всякого* протежирования «великими державами».

---

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 159.
[2] *Там же*, стр. 149.
[3] *Там же*, стр. 159.

Либералы и националисты спорят о *разных способах* ограбления и порабощения балканских народов буржуазией Европы» [1].

Только партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным в 1912 г. вскрыла подлинное содержание политики империалистов в балканской войне и боролась против мнимой охраны славянских народов империалистическими «волками и лисами», против всякого «протежирования», «грабежа и вмешательства» в судьбы балканских народов.

Победы балканских союзников.

Неожиданные и блестящие успехи союзников опрокинули все первоначальные расчеты империалистических держав. 24 октября 1912 г. сербы разбили турок у Куманова, болгары у Кирк-Килисе. 26 октября сербская армия захватила Ускюб. В боях 29 октября — 3 ноября болгары разбили турок у Люле-Бургаса и заставили их отойти к линии Чаталджинских укреплений, защищающих подступы к Константинополю.

В ноябре 1912 г. в статье «Ужасы войны» Ленин писал:

«Воюющие стороны изо всех сил скрывают от «посторонних», т.-е. от всего света, то, что происходит на Балканах. Корреспондентов обманывают, задерживают и лишь много времени спустя после окончания битв пускают на поле сражения.

Только исключительные обстоятельства позволяют поэтому изредка узнавать правду про войну. Видимо, такие исключительные обстоятельства помогли корреспонденту английской газеты «Daily Chronicle», г. Доноугоэ (Donohoe). Ему удалось присутствовать, в турецкой армии, при битве у Люле-Бургаса; затем он доехал на автомобиле до Константинополя, оттуда морем до Констанцы (Румыния). Из Констанцы он мог свободно телеграфировать в Лондон.

Поражение турок было ужасно. Их пало до 40.000 (!) человек. Катастрофа не менее мукденской — пишет англичанин. Три четверти артиллерийских орудий турок досталось болгарам. Болгары подпускали турок совсем близко, давали им начать рукопашную, — затем быстро отступали и... *пулеметы* косили турок сотнями, тысячами.

Отступление турок превратилось в беспорядочное бегство одурелых, голодных, измученных, обезумевших толп. Автомобиль корреспондента застрял в толпе бегущих. Голодные турки просили у него хлеба. Приходилось самому делать перевязки. Врачей мало. Перевязочных материалов нет. Припасов нет. Я был свидетелем многих военных походов — пишет англичанин, — но такого ужасного бедствия, такого избиения массами голодных, истерзанных, измученных, беспомощных крестьян из Анатолии (Азиатская Турция) я никогда и не воображал себе» [2].

---

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 160.
[2] *Там же*, стр. 178.

Эти совершенно неожиданные победы союзников над Турцией окончательно убедили европейские державы в невозможности сохранения территориального статус кво на Балканах. В это время в европейской печати, в речах политических деятелей открыто признается невозможность возвращения к прежнему положению.

«Даже буржуазная печать всей Европы, — писал Ленин, — защищавшая из реакционных и корыстных целей пресловутое status quo (статус кво — прежнее, неизменное положение) на Балканах, признает теперь единодушно, что началась новая глава всемирной истории.

Разгром Турции несомненен. Победы балканских, объединенных в четверной союз, государств (Сербия, Болгария, Черногория, Греция) громадны. Союз этих четырех государств стал фактом. «Балканы — балканским народам» — это *уже* достигнуто» [1].

Беспокойство в России.

Однако победы балканских союзников имели и свою оборотную сторону. Продвижение болгарских войск к Константинополю не могло не обеспокоить царскую Россию, стремившуюся утвердить свою гегемонию в Проливах. Активность России в этот период была направлена к тому, чтобы не допустить захвата Болгарией Проливов. Российский империализм, который с мечом стоял у изголовья «безнадежно больного человека» и издавна мечтал о захвате Константинополя, теперь, перед лицом угрозы захвата Проливов Болгарией, вынужден был выступить в несколько необычной для себя роли «защитника» независимости Турции. С этой целью царская Россия предложила державам выступить на защиту следующих принципов: 1) полного сохранения власти Турции в Константинополе и его районе; 2) сохранения номинального турецкого суверенитета во всех остальных провинциях Европейской Турции с проведением коренных реформ под непосредственным контролем и гарантией великих держав; 3) никаких территориальных изменений для воюющих. Район Константинополя определяется линией от устья Марицы до Черного моря со включением Адрианополя.

Тревога в Берлине и Вене.

Победы союзников над Турцией вызвали также серьезную тревогу в Берлине и в Вене. Австро-венгерскому и германскому империализму было невыгодно усиление Сербии на Балканах. Австрийский империализм стремился к захвату Салоник, крупнейшего порта Эгейского моря, наиболее удобные подступы к которому шли через долину реки Моравы, находящейся на территории Сербии. Только после уничтожения Сербии Австро-Венгрия могла достигнуть господствующего положения на Балканах. Германия в этом полностью поддерживала Австро-Венгрию. Германский империализм, пытавшийся с оружием в руках осуществить свои захватнические

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 175.

планы создания «Mittel-Europa» (Срединной Европы), был также заинтересован в разгроме Сербии. Германский «Drang nach Osten» (стремление на Восток), вращавшийся вокруг проекта создания «Большой Германии» от Гамбурга до Персидского залива, самым тесным образом был связан с обладанием Моравской магистралью.

Кроме того победы, одержанные балканскими союзниками над Турцией, значительно ослабляли последнюю. Между тем, как известно, германский империализм рассчитывал на Турцию как на своего союзника в подготовляемой Тройственным союзом мировой бойне. Германия, имевшая большие экономические интересы в Турции, осуществлявшая на ее территории огромное железнодорожное строительство, захватившая в свои руки контроль над турецкой армией, стремилась к безраздельному господству в этой важнейшей части Малой Азии. Этим и объяснялась позиция, занятая Германией по отношению к Турции во время первой балканской войны.

Поражение турецкой армии, во главе которой стояли немецкие инструкторы, быстрое продвижение сербских войск через Албанию к Адриатическому побережью не улыбались Германии и Австро-Венгрии. «Победа болгар, — сообщал Ж. Камбон Пуанкаре, — вызвала здесь глубокое разочарование. Здесь верили в успех турок» [1]. В Берлине не ожидали, чтобы турецкая армия, обученная германскими инструкторами, оказалась не в состоянии дать отпор армиям малых балканских государств. В 1913 г. российский военный агент в Италии Булгарин писал Данилову:

«На-днях мне сообщили, что до начала военных действий на Балканском полуострове германский император спросил генерала Гольца о военной подготовке Турции. Гольц на вопрос, все ли у них готово, ответил: «Ganz wie bei uns» [2]. Дальнейшие события показали турецкую подготовку к войне, и сказанная фраза в настоящее время служит предметом многих насмешек» [3].

Противоречия империалистических держав на Балканском полуострове.

Учитывая создавшуюся обстановку, Германия предложила Англии и Франции как державам, также заинтересованным в сохранении независимости Турции, совместно обсудить, какое удовлетворение можно было бы дать балканским государствам, не нарушая в принципе территориальной неприкосновенности Оттоманской империи. Германия предлагала по этому вопросу Франции и Англии договориться с Австрией, а затем уже предупредить Россию. Франция, не возражая против обмена мнениями с Германией, ответила, что считает своим долгом не только «предупредить» Россию, но и «посоветоваться» с ней.

Россия проявляет в это время лихорадочную активность. Сазонов, который в начале балканской войны опасался за участь Болгарии, теперь испытывал беспокойство другого рода. Болгары

[1] Doc. Dipl., 3-me série, t. IV, N 240.
[2] «Совсем как у нас».
[3] ЦВИА, д. № 180—036.

угрожали Константинополю. Когда Россия предложила Болгарии, соответственно ее первоначальной просьбе, быть посредником в войне с Турцией, то Болгария ответила, что «теперь, после одержанных побед, о медиации едва ли может быть пока речь» [1]. Победы, одержанные балканскими союзниками над турецкой армией, вскружили голову болгарским правящим кругам и военщине, которые стремились к созданию крупного национального государства с широким внутренним рынком, «Великой Болгарии» от Черного до Эгейского моря. Эта завоевательная политика болгарской буржуазии прикрывалась «национальными» идеалами и велась под знаменем освобождения болгарского народа на Балканском полуострове. «...в Румынии и Болгарии, — писал Ленин в 1917 г., — буржуазия одержима известной страстью к завоеваниям и аннексиям» [2]. Эта характеристика Ленина вполне применима к обстановке, сложившейся во время первой балканской войны. С другой стороны, Россия была серьезно обеспокоена радикальной переменой политики Австро-Венгрии и Германии по вопросу о status quo. Когда болгарские войска двинулись на Чаталджинские позиции — последнюю линию укреплений на пути к Константинополю, Австрия и Германия, которые в начале войны заявляли о необходимости сохранения целостности Турции, теперь всячески одобряли победы Болгарии и приветствовали предстоящее вступление короля Фердинанда Болгарского в храм Святой Софии.

Германия и Австрия давали Болгарии ясно понять, что не будут препятствовать ее территориальному расширению, и обещали ей помощь оружием и деньгами. Это заигрывание Австро-Венгрии и Германии с Болгарией объяснялось тем, что они пытались войти в сделку с Болгарией, оторвать последнюю от России и разрушить балканский блок, направленный своим острием против Тройственного союза. Это естественно не могло не вызвать тревоги в Петербурге. Россия, поняв, что сохранение принципа status quo на Балканах уже немыслимо, опасалась, как бы нарушение этого принципа не дало повода державам, и в первую очередь Австро-Венгрии, требовать себе компенсации.

Все усилия российского империализма были направлены теперь к одной цели — предотвратить захват Константинополя Болгарией, оставить его в руках Турции и сохранить Проливы для России и не допустить распада созданного ею детища — Балканского союза.

Позиция России. С этой целью Россия пыталась заручиться поддержкой своей союзницы Франции. Были предприняты шаги к тому, чтобы склонить Францию взять на себя посредничество на следующих условиях: европейские державы должны заявить о своей незаинтересованности в войне; в случае

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3669.
[2] *Ленин*, т. XXX, стр. 313.

раздела турецких территорий должно быть сохранено равновесие между территориальными приращениями балканских государств на основе заключенных между ними соглашений.

В конце октября 1912 г. угроза захвата Константинополя болгарскими войсками была настолько реальна, что дипломатический корпус в Константинополе решил принять срочные меры по охране безопасности европейских кварталов «на случай полного поражения турок и анархии в столице» [1].

«Нельзя не предусматривать, — писал Сазонов Неклюдову, — возможности в ближайшем будущем новых успехов Болгарии и серьезного положения, которое возникло бы в случае осады в скором времени Чаталджи» [2]. Перед лицом угрозы захвата Проливов Россия предпринимала усилия к тому, чтобы склонить к уступкам болгарскую военщину, опьяненную победами. Сазонов «дружески», но «серьезно» советует болгарскому правительству «понять настоятельную необходимость благоразумия и суметь остановиться в нужный момент» [3].

Российский империализм в создавшейся обстановке, когда болгарский меч был занесен над Константинополем, пытался приостановить дальнейшее продвижение болгар к Проливам ценой значительных территориальных компенсаций за счет Оттоманской империи. Россия обещала Болгарии и другим балканским союзникам дипломатическую поддержку в захвате турецких территорий, оговариваясь, однако, что «все возможные компенсации в области ли реформ или земельных присоединений должны быть ограничены линией, проходящей от устья Марицы через Адрианополь к Черному морю. От этой границы, — заявляла Россия, — вся территория, прилегающая к Константинополю, должна остаться под реальным суверенитетом султана. Двух толкований в этом вопросе быть не может. Мы надеемся, что Болгария не поставит себя и Россию в тяжелое положение, если бы нам пришлось напомнить об этом в Софии с большей настойчивостью» [4].

Одновременно Россия обратилась к Англии и Франции с просьбой оказать воздействие на Болгарию и вынудить ее к умеренности. Однако ни Пуанкаре ни Грей не сочли нужным удовлетворить просьбу России. Пуанкаре ссылался на то, что Франция опасается оттолкнуть Болгарию от держав Тройственного согласия и бросить ее в объятья Австро-Венгрии. Грей заявил, что не считает возможным остановить победоносное шествие болгарской армии к Константинополю. В ответ на это Россия 2 ноября 1912 г. заявила о том, что вмешательство держав в балканскую войну может быть успешным лишь при том условии, если оно будет предпринято безотлагательно. Одновременно российское правительство заявило, что безопасность Константинополя возможна лишь при сохранении

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 34.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3699.
[3] *Там же.*
[4] *Там же.*

реального суверенитета султана в защитной зоне, ограничиваемой линией устья Марицы — Черное море со включением Адрианополя. Остальная часть Европейской Турции подлежала, по мнению России, полюбовному разделу между союзниками. Только быстрое согласие держав на эти условия могло, по мнению России, предотвратить занятие Константинополя Болгарией.

Вместе с тем Россия, опасаясь распада балканского блока и перехода союзников на сторону Германии, предпринимает все усилия к тому, чтобы, не нарушая собственных интересов на Балканах, удовлетворить притязания Сербии, Болгарии и Греции. С этой целью Россия выступила в защиту принципа создания «автономной» Албании под суверенитетом султана и поддержала Сербию, потребовавшую предоставить ей выход к Адриатическому морю через албанскую территорию.

Перед угрозой болгарского захвата Константинополя Турция беспомощно металась между двумя враждебными империалистическими группировками и просила европейские державы удержать болгарскую армию от вступления в Константинополь.

Царская Россия, ухватившись за это предложение Турции, снова обратилась к своим союзникам — Франции и Англии с предложением взять на себя инициативу посредничества и оказать воздействие на Болгарию. Россия при этом заявила Франции, что удержать балканских союзников от занятия Константинополя можно только при условии полюбовного раздела между победителями всей Европейской Турции до линии Адрианополя. Одновременно Россия предупредила Англию и Францию, что она изменила свой первоначальный взгляд по вопросу об Адрианополе и считает возможным отдать его Болгарии, предупредив, однако, при этом, что «занятие союзниками Константинополя могло бы вынудить одновременное появление в турецкой столице всего нашего черноморского флота», который «останется столько же времени, сколько продлится оккупация турецкой столицы» [1].

Для того чтобы подкрепить свои угрозы реальными действиями, Россия держала наготове свой черноморский флот и готовила пятитысячный десант в Проливах. Послу в Константинополе были даны полномочия вызвать весь черноморский флот, когда он сочтет это необходимым. Однако все эти угрозы России не встретили сочувствия в Париже и в Лондоне. Англия и Франция не желали, чтобы «ключи от Черного моря» оказались в руках России.

Франция и Англия, несмотря на свои союзнические связи с царской Россией, имели собственные империалистические планы в Турции и не желали допускать российский империализм к Проливам. Они прекрасно понимали, что захват Константинополя и Проливов является заветной мечтой российского империализма. Но Англия и Франция, как всегда, хотели уплатить своему партнеру по Тройственному согласию как можно меньше, а получить от

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3700.

него как можно больше. Английские и французские империалисты долгое время вели лицемерный торг с Россией о Проливах, стремясь получить активную помощь со стороны царизма в подготовляемой Антантой войне с Тройственным союзом.

Позиция Франции и Англии.

Вот почему Англия и Франция вплоть до самого начала мировой войны, оставляя открытым вопрос о судьбе одного из главнейших «призов» российского военно-феодального империализма — Константинополя и Проливов, — не желали упускать из своих рук того рычага, который удерживал Россию в системе Тройственного согласия и подталкивал ее на войну с Германией.

Как известно, формальное согласие Англии и Франции на захват Россией Константинополя и Проливов последовало лишь спустя 8 месяцев после начала первой мировой империалистической войны. Секретное соглашение между Россией, с одной стороны, Великобританией и Францией, с другой, по вопросу о Проливах было заключено в апреле 1915 г. [1]. Однако и после этого английские и французские империалисты не намерены были отдавать Проливы России. В. И. Ленин в ноябре 1916 г. писал: «Между Россией и Англией, несомненно, есть тайный договор... о Константинополе. Известно, что Россия надеется получить его, и что Англия не хочет дать его, а если даст, то, либо постарается затем отнять, либо обставит «уступку» условиями, направленными против России» [2].

Таким образом в вопросе о Константинополе Россия оказалась изолированной в 1912 г. Англия и Франция наряду с Австро-Венгрией и Германией фактически поощряли болгар к захвату Константинополя. В письме к Грею английский посол в Париже Берти указывал, что Пуанкаре вовсе не желает быть на поводу у Сазонова и Извольского и надеется на Англию, которая сумеет охладить пыл не в меру ретивой России. «Русские не могут ожидать, — писал он, — чтобы большинство великих держав содействовало оставлению Константинополя в руках турок только для того, чтобы ждать момента, который Россия сочтет подходящим для того, чтобы самой захватить его» [3].

Расчеты Германии.

В свою очередь Австро-Венгрия и Германия, поощряя воинственный пыл Болгарии, надеялись, что захват Болгарией Константинополя поссорит ее с Россией и испортит отношения между Россией, с одной стороны, Францией и Англией, с другой. Германская дипломатия, по словам французского посла в Берлине Жюль Камбона, надеялась, что в связи с балканской войной возникнет «расхождение между мусульманской политикой Англии и славянской политикой России» [4].

---

[1] «М. О.», сер. III, т. VII, №№ 299, 330, 351, 352, 506.
[2] *Ленин*, т. XIX, стр. 282.
[3] Brit. Doc., vol. IX, (2), N 156.
[4] «Affaires Balkaniques», N 191.

О боязни Англии навлечь на себя подозрения «мусульманского мира» писал также российский военно-морской агент в Англии Рейн в октябре 1912 г.: «Английская политика начинает склоняться в пользу Турции, от которой они за счет получения, вероятно, Крита ожидают бо́льших выгод, нежели от четырех балканских государств. Турция—первое магометанское государство в мире, и с этим, как мне известно, здесь в Лондоне очень считаются. «India Office» и различные индийские влиятельные магометане производят давление в пользу Турции. Египет ведь тоже магометанский, равно как до некоторой степени Персия» [1].

С другой стороны, Германия рассчитывала, что если болгарская армия захватит Константинополь, то Россия пустится на авантюру в Проливах, а это приведет к обострению англо-русских противоречий. Если же «болгары, — заявил Кидерлен, — дойдут до Сан-Стефано (т. е. захватят Македонию с выходом к Эгейскому морю), то у русских и англичан не найдется общего языка» [2].

Предложение Англии.

7 ноября 1912 г. в ответ на угрозу России произвести морскую демонстрацию в Проливах в случае, если Болгария захватит Константинополь, Англия предложила следующий «выход» из создавшегося положения: нейтрализовать Проливы и превратить Константинополь в свободный порт под международным контролем. Тогда Россия, стремясь не допустить преобладания какой-либо другой державы в Проливах, попросила Францию предложить державам заявить о своей «незаинтересованности» в вопросе о Проливах. Франция охотно согласилась на это предложение, желая тем самым связать не только Австро-Венгрию и Германию, но и Россию. Пуанкаре срочно запросил российское правительство, относится ли оно «так же безусловно враждебно, как и мы, ко всякой аннексии турецкой территории какой-либо великой державой и расположено ли оно вместе с Францией и Англией обсудить средства предотвращения этой опасности» [3].

В ответ на это Россия, не желая связывать себя обязательствами в вопросе о Проливах, заявила, что «ввиду быстро меняющейся обстановки на Балканах трудно предвидеть все могущие представиться случайности, способные потребовать от нас тех или иных действий для обеспечения наших жизненных интересов. Я считал бы, писал Сазонов, необходимым тщательно избегать в наших переговорах с иностранными кабинетами всего, что впоследствии могло бы оказаться для нас стеснительным» [4].

Этот уклончивый ответ России на запрос Франции объяснялся тем, что она стремилась, по словам Сазонова, «избегнуть слишком

---

[1] Центр. Воен.-Морск. Арх., д. № 97—81.
[2] «Affaires Balkaniques», N 191.
[3] Арх. Вн. Пол., д. С. А., № 763.
[4] *Там же*, д. К., № 101.

положительных заявлений», так как предложение Франции «могло бы относиться и к России в области Проливов»[1]. Австрия также отказалась принять предложение о незаинтересованности в вопросе о Проливах. Отказ Австро-Венгрии, казалось, развязывал России руки в вопросе о Проливах. Однако Россия в этот момент не решалась на активные действия, так как не получила соответствующей поддержки в Париже и Лондоне. Тем не менее Россия рассчитывала в случае оставления Константинополя в руках Турции получить со стороны держав признание права на проход русских военных судов через Проливы в мирное время.

«В случае, если бы Константинополь был занят союзниками, — писал Сазонов, — и сохранение турецкого владычества в нынешней столице с прилегающей к ней зоной подверглось колебанию, предстояло бы решить вопрос о том, не соответствует ли нашим интересам такое решение вопроса, при коем мы утвердились бы на правах ли собственности или долгосрочной аренды на обоих берегах Верхнего Босфора. При этом самый город Константинополь в крайнем случае мог бы получить международную организацию управления и полиции, а Дарданеллы были бы нейтрализованы с реальным обеспечением плавания во всякое время и со срытием на них укреплений»[2].

Между тем Франция, не получив определенного ответа России на свое предложение, выражала опасение по поводу позиции, которую Россия займет по вопросу о Проливах.

Победа турецкой армии у Чаталджи.

Но уже к этому времени положение значительно изменилось. Болгарская армия в своем продвижении к Константинополю встретила серьезное сопротивление со стороны турецких войск у Чаталджи (Чаталджа — селение в Европейской Турции в 43 *км* к западу от Стамбула; укрепленный район Деркос — Чаталджа — Бьюк — Чекмердже прикрывал железную дорогу Стамбул — Адрианополь со стороны Мраморного моря и со стороны Греции). В декабре 1912 г. турецкой армии, потерпевшей до этого времени полный разгром во Фракии, удалось закрепиться на Чаталджинских позициях, взять которые болгары не смогли. Естественно поэтому, что Россия уже не испытывала столь сильного беспокойства за судьбу Константинополя, как это было раньше. Россия рассчитывала теперь на то, что «Константинополь и достаточная защитная зона на европейском материке останутся во владении Турции» и «в фактическом положении Проливов в связи с нынешним кризисом не произойдет перемен». Этим и объясняется тот факт, что Россия сочла нужным в этот момент занять в вопросе о Проливах выжидательную позицию и решила не связывать себе руки какими бы то ни было обязательствами. Россия считала

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 101.
[2] *Там же*, д. С. А., № 478.

необходимым «остерегаться установления каких-либо ограничительных гарантий, которые послужили бы в будущем препятствием для окончательного решения вопроса о Проливах в соответствии с нашими интересами» [1]. Руководствуясь этими соображениями, Россия предложила державам менее радикальное решение вопроса, а именно: предоставить «права государствам, прибрежным на Черном море, вводить и выводить военные суда через Проливы в мирное время на известных условиях, обеспечивающих безопасность Константинополя» [2].

Но подобного рода независимая позиция России не могла не обеспокоить Францию, которая, как уже указывалось выше, не желала укрепления России в Константинополе и Проливах. Французское правительство, узнав о намерении России, заявило, что ее предложение встретит возражения со стороны других держав. Франция пыталась не допустить самостоятельных выступлений России в вопросе о Проливах и рекомендовала ей не предпринимать в этом направлении никаких действий, без предварительного согласия держав. Этим заявлением Франции российские империалисты были глубоко возмущены.

Переговоры между Турцией и балканскими союзниками.

Но пока империалистические державы, несмотря на настойчивые просьбы Турции прекратить войну, вели торг вокруг «шкуры еще не убитого медведя» и изыскивали различные формулы «посредничества», «центр тяжести вопроса, — как писал Ленин, — перенесен окончательно с театра военных действий на театр грызни и интриг так наз. великих держав» [3]. Турция 12 ноября 1912 г. обратилась непосредственно к Болгарии с предложением заключить перемирие и приступить к переговорам. Болгарская военщина, пыл которой был несколько охлажден после неудачной атаки Чаталджинских позиций, изъявила свое согласие на предложение Турции. Однако предложенные Болгарией условия перемирия были отвергнуты Турцией. Неудача болгар под Чаталджей подняла дух турецкой армии.

Неуступчивость Турции всемерно поддерживалась и вдохновлялась Австро-Венгрией и Германией. Эти державы были заинтересованы в том, чтобы истощить союзников и не дать им возможности, заключив мир с Турцией, перебросить освободившиеся войска на границу с Австро-Венгрией. Следует отметить, что в этот период противоречия между Австрией и Сербией достигли крайней остроты.

Австро-сербские противоречия.

Австро-Венгрия при поддержке Германии пыталась преградить путь союзнице России — Сербии к Адриатике посредством создания «независимого» албанского государства под своим протекторатом.

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3048.
[2] *Там же.*
[3] *Ленин*, т. XVI, стр. 356.

«Жизненный интерес монархии, заявляла Австрия, для защиты которой должны быть применены не только дипломатические средства, но в первую очередь и при любых обстоятельствах должно прибегнуть также и к «ultima ratio» (крайнему средству), состоит в том, чтобы предотвратить утверждение какой-либо великой державы (а также и некоторых малых стран, как например Сербии) на восточном побережье Адриатического или Ионического моря. С этой точки зрения желательно образование автономной, или в случае полного прекращения турецкого суверенитета самостоятельной Албании... Если Сербия уже в течение настоящей войны намеревается продвинуться к Адриатическому морю путем военной экспедиции внутрь Албании, то нам не останется ничего иного, как a limine [с самого начала] противодействовать подобной попытке» [1].

Поэтому, когда сербская армия захватила Кирк-Килисе, Куманово, Монастир и вышла через Албанию к Адриатическому морю, Австрия категорически заявила, что не может допустить приобретения Сербией порта на Адриатике.

Официально эта позиция мотивировалась Австрией тем, что приобретение Сербией албанской территории несовместимо с созданием автономной Албании. Таким образом, лицемерно выдавая себя за защитников «свободы и независимости» албанского народа, германские и австро-венгерские империалисты пытались подчинить своей власти Албанию и захватить контроль над Адриатикой. Кроме того Австрия и Германия опасались, что утверждение Сербии на Адриатическом побережье создаст для России плацдарм на Адриатическом море.

Наконец, не менее значительную угрозу для Австро-Венгрии представляло успешное развитие великосербской пропаганды в южно-славянских областях Двуединой монархии. Широкая пропаганда сербской буржуазией идеи освобождения «братьев-славян» из-под австрийского ига и объединения южных славянских земель Австро-Венгрии с Сербией падала на исключительно благоприятную почву. В южно-славянских областях многонациональной лоскутной Габсбургской монархии имелось около 7 млн. сербов, хорватов и других славянских народностей, жестоко угнетаемых австрийскими и венгерскими помещиками и капиталистами. Сербская буржуазия при поддержке России сумела использовать для реализации своих завоевательных планов создания «Великой Сербии» широко развернувшееся национально-освободительное движение славянских народностей против своих угнетателей — австро-венгерской правящей клики.

Вот почему Австро-Венгрия при поддержке Германии стремилась всеми силами и средствами не допустить усиления Сербии на Балканах. «После возрождения «великосербской идеи», став-

---

[1] Oe. U. A., B. IV, N 4170.

шей теперь активной и жизненной силой, — писал Никольсон, — утверждение Сербии на Адриатике с полосой территории, ведущей туда, скоро приведет к образованию обширного сербского королевства, включающего Кроацию, Славонию, Далмацию и Банат. Это было бы гибелью для Двуединой монархии, и для меня ясно, что Австрия не может и, со своей точки зрения, не должна допускать утверждения Сербии под каким бы то ни было видом и в какой бы то ни было форме на Адриатике» [1].

Планы австро-германского империализма на Балканах.

Австрия и Германия, как мы видим, пытались сокрушить Сербию, которая становилась серьезной преградой на пути осуществления империалистических планов «Mittel-Europa» (Срединной Европы). Италия также всеми силами противодействовала укреплению Сербии на Адриатическом побережье. Итальянский империализм желал подчинить Албанию своему контролю и превратить Адриатическое море в свое «внутреннее озеро». Поэтому Тройственный союз предложил предоставить Сербии «коммерческий выход» к Адриатике (т. е. право беспошлинного ввоза и вывоза товаров) через черногорскую или албанскую территорию. Кроме того Австрия, Италия и Германия особенно усиленно предлагали компенсировать Сербию путем предоставления ей выхода к Эгейскому морю через Салоники, на которые претендовали Греция и Болгария. Тем самым Тройственный союз стремился не только избавиться от присутствия Сербии на Адриатическом побережье, но и, перессорив союзников, разрушить балканский блок. Между тем, как известно, согласно первоначальным планам балканских союзников вся Албания должна была быть разделена между Черногорией, Сербией и Грецией, причем к Сербии отходил Дураццо (албанский порт на берегу Адриатического моря).

Однако, несмотря на грозные предостережения Австрии, сербские войска продолжали продвигаться на запад. 19 ноября 1912 г. они достигли Алессио, а 28 ноября заняли Дураццо. Это продвижение сербской армии исходило из обещания, данного в начале войны балканскими союзниками и Россией, о полной поддержке притязаний Сербии.

Вопрос о выходе Сербии к Адриатическому морю.

Но Россия, хотя и была крайне заинтересована в выходе Сербии к Адриатике, однако вместе с тем боялась вмешательства Австро-Венгрии в балканскую войну, а поэтому вынуждена была сдерживать аппетиты сербской буржуазии. Россия опасалась, что вмешательство Австро-Венгрии в балканскую войну может привести к вооруженному выступлению Германии, а это означало всеобщую войну, к которой российский империализм в тот период еще не был достаточно подготовлен.

«Вопрос о выходе Сербии к Адриатическому морю, — писал

[1] Brit. Doc., vol. IX, (2), N 176.

Сазонов Гартвигу, — получил за последние дни направление, которое не может не внушать нам серьезных опасений. Мы готовы теперь, как и раньше, оказать Сербии самую деятельную дипломатическую поддержку, вместе с Францией и Англией. Но, по имеющимся у нас веским данным, Германия и Италия готовы вместе с Австрией воспротивиться территориальному приращению Сербии на побережье Адриатического моря. *Нельзя обострять конфликт до опасности общеевропейской войны из-за этого вопроса.* [Курсив наш.—*А. М., М. А.*] В вопросе о выходе Сербии к Адриатическому морю мы различаем цели и средства. Цель—возможно большее обеспечение экономической независимости этого государства, средство — это выход к Адриатическому морю путем ли территориального приобретения на побережье или же обеспечения сообщения с тем или иным портом железной дорогой в условиях, одинаковых с теми, кои приобрела бы Австрия относительно транзита товаров в Салоники»[1].

Угроза войны между Сербией и Австрией. Позиция держав.

1 ноября 1912 г. Сазонов послал в Белград новое предупреждение: «Со своей стороны,—писал он,— мы категорически предупреждаем Сербию, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой. На вооруженное столкновение с державами Тройственного союза из-за вопроса сербского порта мы не пойдем» [2]. В соответствии с этим Россия просила французское и английское правительства дать «советы умеренности и благоразумия в Белграде». Опасаясь австрийского выступления против Сербии, Россия осторожно прощупывает позиции Англии и Франции. Сазонов запрашивает Лондон и Париж — «как отнеслись бы Франция и Англия в случае, если бы активное выступление Австрии не удалось предотвратить» [3].

На это предложение России Англия ответила уклончиво. Она заявила, что не может заранее определить свою позицию «в гипотетическом случае, который еще не произошел, в особенности, когда еще определенно неизвестна позиция других держав, от которой будет зависеть очень многое» [4]. Англия выразила согласие заявить Германии и Франции, что останется нейтральной, если другие державы также будут сохранять нейтралитет. Таким образом Англия не желала воевать из-за порта на Адриатике.

«Мы очень хотим итти с ней [Россией] так далеко, как это только возможно, — писал Никольсон Бьюкенену 19 ноября 1912 г.,— но я боюсь, что мы едва ли будем в состоянии следовать за ней до того крайнего предела, до которого она, кажется, склонна довести дело» [5].

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3700.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3721.
[3] *Там же.*
[4] Brit. Doc., vol. IX, (2), N 202.
[5] *Там же*, N 238.

Французское правительство в официальном ответе на запрос России заявило, что «не может определить свою линию поведения ранее, чем императорское правительство откроет ему собственные виды» [1]. Франция оставляла за собой право рассмотреть те меры, которые Россия сочтет необходимым предложить, и заявила, что не давала пока никакого повода к предположению о недостатке содействия с ее стороны. Но в устной беседе, по крайней мере в том виде, как ее передавал Извольский, Пуанкаре выразился несколько иначе. Он заявил: «Если Россия будет воевать, то и Франция также будет воевать, потому что мы знаем, что в этом вопросе за Австрией будет стоять Германия» [2].

Пуанкаре в своих мемуарах отрицает это заявление. По его словам, Извольский приписал ему то, чего он никогда не говорил. На самом деле он якобы только сказал российскому послу, что «Франция выполнит союзный договор и поддержит Россию, даже вооруженной силой, в случае, если будет иметь место casus foederis» [3]. Как бы то ни было, вопрос о возможности военного выступления России и Франции в случае вмешательства Австро-Венгрии и Германии в балканскую войну обсуждался в Париже и Петербурге.

По плану французского империализма война против Германии и Австро-Венгрии должна была быть развязана не в связи с выступлением России против Турции, а по другому варианту. Эту позицию Франции поддерживал английский империализм. Однако в 1912 г. Франция вместе с тем подталкивала царскую Россию к такому вмешательству в балканскую войну, которое привело бы к выступлению Германии, подобно тому как Германия, подталкивая Австро-Венгрию к выступлению против Сербии, рассчитывала спровоцировать на войну Францию и Россию.

Французское правительство «вполне ясно отдает себе отчет в том, — писал Извольский, — что те или другие события, например разгром Болгарии Турцией или нападение Австрии на Сербию, могут заставить Россию выйти из пассивного положения и прибегнуть сперва к дипломатическому выступлению, а затем и к военным действиям против Турции или Австрии. Согласно полученным нами от французского правительства заявлениям, в таком случае нам обеспечена со стороны Франции самая искренняя и энергичная *дипломатическая поддержка*. [Курсив наш. — *А. М.*, *М. А.*] Но в этом фазисе событий правительство Республики не было бы в состоянии получить от парламента или общественного мнения санкции на какие-либо активные военные меры. Но, если столкновение с Австрией повлечет за собой вооруженное вмешательство Германии, французское правительство заранее признает это за casus foederis и ни минуты

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 101.
[2] *Там же.*
[3] *Poincaré*, Au service de la France, II, p. 340.

не поколеблется выполнить лежащие на нем по отношению к России обязательства» [1].

Изменение политики Франции на Балканах.

Франция в этот период считала сложившуюся обстановку весьма благоприятной для выступления против Австро-Венгрии и Германии, рассчитывая на активные военные действия балканских государств, которые смогут оттянуть значительную часть австро-венгерских сил.

Таким образом мы видим, что Франция сделала значительный поворот в своей внешней политике в балканском вопросе. Если в 1908 г., во время аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, Франция заявила России, что она не намерена выступать ей на помощь из-за балканских дел, то теперь, по мере того как франко-германские противоречия после агадирского кризиса 1911 г. все более и более углублялись и обострялись, а Германия все более втягивалась в балканские дела, Франция приняла вариант развязывания войны с Германией в балканском направлении.

«Тогда как до сих пор, — писал Извольский, — Франция заявляла нам, что местные, так сказать, чисто балканские, события могут вызвать с ее стороны лишь дипломатические, а отнюдь не активные действия, ныне она как бы признает, что территориальный захват со стороны Австрии затрагивает общеевропейское равновесие и, потому, и собственные интересы Франции» [2].

Выступление Австрии против Сербии могло бы, по мнению Франции, «вызвать отпор со стороны России, а это, в свою очередь, автоматически и неизбежно вовлечет в войну сперва Германию, а затем и Францию. К подобной возможности, писал Извольский, французское правительство относится вполне спокойно, сознательно и с твердой решительностью исполнит свои союзнические обязательства. Все необходимые меры с его стороны приняты; мобилизация на восточной границе проверена; материальная часть в полной готовности» [3].

20 ноября 1912 г. российский военный агент в Париже Игнатьев писал начальнику генерального штаба Жилинскому: «Помощник начальника генерального штаба генерал Castelnau дважды мне повторил, что он не только считает лично себя готовым к войне, но даже желал бы ее. Последние слова надо понимать в том смысле, что для французов было бы наиболее выгодно, чтобы Германия начала свои военные приготовления против нас, имея французов как бы в тылу» [4].

Франция во время балканской войны была весьма встревожена «спокойствием», проявляемым Россией перед фактом мобилизации австро-венгерской армии, и полученными сведениями, будто бы

---

[1] «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», стр. 275, Москва, 1922 г.

[2] *Там же*, стр. 296.

[3] *Там же*, стр. 311.

[4] ЦВИА, ГУГШ, д. № 176—176, стр. 103.

Россия не делает никаких военных приготовлений против Австро-Венгрии и не собирается вступиться за Сербию. Извольскому во французском министерстве иностранных дел было сделано строгое внушение по этому поводу, а военный министр Мильеран имел с российским военным агентом во Франции Игнатьевым следующий разговор:

«*Мильеран.* Какая же по вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?

Я. Трудно предрешить этот вопрос, но несомненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер.

Мильеран. Хорошо, но оккупацию Сербии вы, следовательно, не считаете прямым вызовом на войну для вас?

Я. На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызывать европейской войны и принимать меры, могущие произвести европейский пожар.

Мильеран. Следовательно, вам придется предоставить Сербию ее участи. Это, конечно, дело ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине; мы готовы; необходимо это учесть, что... [1] А не можете по крайней мере мне объяснить, что вообще думают в России о Балканах?

Я. Славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история выучила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей.

Мильеран. Но вы же, полковник, понимаете, что здесь вопрос не Албании, не сербов, не Дураццо, а гегемонии Австрии на всем Балканском полуострове» [2].

На этом Игнатьев прекратил свой разговор с Мильераном, заявив, что это не входит в его компетенцию. Игнатьев объяснял беспокойство Мильерана опасениями Франции, что в случае запоздалого вмешательства России Австро-Венгрия успеет расправиться с Сербией и перебросить свою армию против России, а это даст возможность Германии направить свои главные силы против Франции.

Этим и объясняется то обстоятельство, что Франция обращала в период балканской войны такое большое внимание на Россию. Франция опасалась, что Россия не захочет воевать, и этот страх был одной из причин ухаживания Франции за Россией. Исходя из этого, Франция предпринимала все необходимые меры к тому, чтобы подчинить военные планы России своим интересам и заставить русскую армию действовать по указке Парижа. С этой целью 13 июля 1912 г. состоялось совещание начальников генеральных штабов российской и французской армий. На этом совещании Франция окончательно скинула маску союзнического приличия,

[1] Пропуск в оригинале.
[2] ЦВИА, ГУГШ, д. № 130—328.

которой прикрывалась раньше, при выдаче займов России, и поставила определенные условия военной подготовки, на которую должны были итти ссужаемые России кредиты [1].

16 июля 1912 г. была заключена первая морская конвенция между Францией и Россией [2].

Вслед за этим, 9 августа 1912 г., в Петербург прибыл Пуанкаре. Таким образом военно-политическая связь между Францией и Россией в период балканской войны еще более усилилась.

Следует отметить, что рабочий класс Франции в виде протеста против балканской войны и возможности вовлечения в нее Франции в декабре 1912 г. объявил всеобщую забастовку.

Активизация внешней политики Франции на Балканах была согласована с английским правительством. В ноябре 1912 года в одной из своих бесед с Извольским Пуанкаре заявил, что, «по его сведениям, лондонский кабинет ограничится в настоящий момент обещанием России полной дипломатической поддержки, но что это не исключает, в случае неуспеха, более действительной помощи» [3].

Англия и Балканы.

Английский империализм во время балканской войны неослабно наблюдал за развертыванием событий. Еще в начале октября, когда атмосфера на Балканах крайне сгустилась, начальник оперативного отдела английского генерального штаба генерал Вильсон, присутствовавший в это время на маневрах в России и намеревавшийся затем поехать в Турцию, внезапно «занемог» и срочно отбыл в Лондон. Тотчас же после своего возвращения в Англию Вильсон представил в военное министерство доклад о роли Бельгии в случае войны с Германией.

Таким образом напряженное положение, сложившееся на Балканах, было воспринято и в английских правящих кругах с точки зрения развертывания войны против Германии. Англия в период балканской войны приводила свои вооруженные силы в полную готовность, рассчитывая выступить на стороне Франции и России в случае, если на помощь Австрии выступит Германия. В ноябре 1912 г. английский министр иностранных дел Грей в беседе с Бенкендорфом намекнул, что Англия вступит в войну, если она начнется на Балканах, после военного выступления Австрии против Сербии лишь при определенных условиях. Эти условия, по словам Бенкендорфа, сводились к следующему: 1) «активное вмешательство Франции должно сделать эту войну всеобщей», 2) «абсолютно необходимо, чтобы ответственность за нападение пала на наших противников» [4].

Таким образом Англия, подготовляя войну, тщательно маскировала свои намерения и делала все возможное для того, чтобы

---

[1] «М. О.», т. XX, № 288.
[2] *Там же*, №№ 299, 300, 301.
[3] «Материалы», стр. 300.
[4] Арх. Вн. Пол., д. К., № 79.

ввести в заблуждение общественное мнение своей страны и подготовить его к тому, что выступление Англии против Германии и Австрии является якобы вынужденным и оборонительным.

Дипломатические ведомства и генеральные штабы Англии и Франции лихорадочно готовились к войне с Германией.

«Между французским и английским генеральными штабами, — писал 5 декабря 1912 г. Извольский Сазонову, — не только не прекратилось обсуждение всех могущих возникнуть случайностей, но существующие военные и морские соглашения в самое последнее время получили еще большее развитие, так что, в настоящую минуту, англо-французская военная конвенция имеет столь же законченный и исчерпывающий характер, как такая же франко-русская конвенция...

На-днях во Францию, под строжайшим секретом, приезжал начальник английского генерального штаба генерал Вильсон, и по этому случаю были выработаны различные дополнительные подробности, причем, повидимому, в первый раз в этой работе принимали участие не только военные, но и другие представители французского правительства...

В общем здесь все еще находятся в фактическом неведении относительно тех или других решений, которые будут приняты Англией в случае общей войны, но скорее склонны думать, что неотразимый ход событий приведет английское правительство к вооруженному вмешательству против Германии. На этот случай имеются в полной готовности все надлежащие уговоры технического характера» [1].

Итак, в 1912 г., в самый разгар балканской войны, ближайшая перспектива мировой бойни, к которой обе враждебные коалиции готовились уже давно, вырисовывалась с полной отчетливостью. Напряженность международной обстановки, сложившаяся к тому периоду, показывала, что Европа подошла вплотную к войне и необходим только случай, который помог бы оправдать войну перед народными массами. Однако, как указывалось выше, царская Россия в этот период еще не была подготовлена к европейской войне. Англия и Франция, рассчитывавшие в войне против Тройственного союза загребать жар руками русской армии, вынуждены были поэтому отложить осуществление своих планов развязки войны в 1912—1913 гг.

Австрия готовится к войне против Сербии.

Между тем осенью 1912 г. австро-сербские противоречия вновь обострились. Австро-Венгрия, решившая во что бы то ни стало преградить путь Сербии к морю, форсировала усиленные военные приготовления. В октябре 1912 г. австро-венгерский парламент утвердил ассигнования 205 млн. крон на армию и флот. Увольнение в запас очередного срока было

[1] «Материалы», стр. 309—310.

задержано. Под видом учебных сборов был произведен призыв дополнительного резерва для пополнения отдельных частей и т. п. Однако наиболее активная деятельность Австро-Венгрии по усилению армии началась в ноябре 1912 г., в момент обострения вопроса о выходе Сербии к Адриатике. В начале Австрия мобилизовала несколько корпусов против Сербии и постепенно довела свою армию почти до состояния полной мобилизации. В строжайшей тайне от держав Австро-Венгрия провела почти полную мобилизацию своей армии на границе Сербии и Галиции, сосредоточив внушительные силы в Сараево, Гравоза и в долине Дуная, «в двух шагах» от Белграда.

«Ряд происшедших в Австро-Венгрии за истекший ноябрь месяц событий, — писал в своем докладе морскому министру России начальник морского генерального штаба вице-адмирал князь Ливен 30 ноября 1912 г., — в связи с получающимися в морском генеральном штабе сведениями весьма тревожного характера о настроении всех слоев в Австро-Венгрии и об усиленных приготовлениях ее к войне указывает не только на возможность, но и на большую вероятность начала войны Австрии против Сербии в самое ближайшее время. В случае же малейшего вмешательства России в этот спор весьма вероятным является немедленное нападение Австрии и на нас.

Ниже приведены важнейшие факты, из сопоставления коих естественно получается вывод о крайней напряженности политического положения в настоящее время между Австрией и Сербией, с одной стороны, и между Австрией и Россией — с другой. Если эта политическая напряженность не уменьшится в ближайшие дни и особенно после окончания предстоящей в Лондоне конференции послов, то она может разрешиться лишь войной.

1) Австрийский флот мобилизован, призваны резервисты 1909, 1910 и 1911 гг. Флот весь сосредоточен в Адриатическом море, главным образом у только что занятого сербами порта Дураццо.

2) Австрийская армия мобилизована и сосредоточена частью на границе Сербии, частью на границе России (в Галиции).

3) В Австро-Венгрии прекращена выдача заграничных паспортов резервистам и прекращены отпуски военнослужащим.

4) Австрия и Венгрия только что (в конце ноября 1912 г.) заключили военный заем в 250 миллионов крон (около 120 миллионов рублей) сроком от 3-х месяцев до 2-х лет.

5) В начале ноября с. г. состоялась вторичная в этом 1912 г. поездка начальника австрийского генерального штаба генерала Шемуа в Берлин для свидания с начальником германского генерального штаба генералом Мольтке.

6) 27 ноября состоялись назначения нового австрийского военного министра (ген. Кробатин) и начальника генерального штаба (ген. Конрад фон Гетцендорф), принадлежащих к военной пар-

тии, во главе которой давно уже считается наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, проявлявший всегда самые воинственные стремления, а в настоящее время оказывающий огромное влияние на государственные и особенно военные дела Австро-Венгрии. Эрцгерцог Франц-Фердинанд в начале ноября с. г. был гостем германского императора на охоте.

Последние факты, т. е. поездки эрцгерцога и генерала Шемуа в Германию и назначение нового начальника генерального штаба, характерно указывают на особое внимание, уделяемое Австрией серьезности настоящего момента, с одной стороны, и на несомненное влияние Германии на политику Австро-Венгрии — с другой» [1].

Россия в свою очередь приняла меры к усилению своей боевой готовности. В первых числах ноября 1912 г. Россия задержала до 14 января 1913 г. увольнение в запас очередного срока службы. В начале декабря она решила передвинуть к австрийской границе некоторые кавалерийские части в Варшавском и Киевском военных округах и приняла меры по охране мостов и других сооружений.

Германия поощряет Австро-Венгрию.

Военные приготовления Австро-Венгрии поощрялись Германией. В ноябре 1912 г. германский посол в Вене Чиршки, по словам английского посла в Вене Картрайта, заявил, что Австро-Венгрия не должна уступать и может вполне рассчитывать на помощь Германии, если подвергнется нападению [2]. 22 ноября 1912 г. в Берлин прибыл эрцгерцог Франц-Фердинанд, приглашенный Вильгельмом II «на охоту».

В тот же день в Берлин приехал «поохотиться» и начальник австро-венгерского генерального штаба генерал Шемуа. «Он (эрцгерцог), — писал австрийский посол в Берлине Сегени министру иностранных дел Берхтольду, — снова мог убедиться, что мы и на этот раз можем рассчитывать на полную поддержку со стороны Германии. Император Вильгельм заверил его, что, если речь будет итти о престиже Австро-Венгрии, *он не побоится даже мировой войны и готов воевать с тремя державами Согласия*» [Курсив наш. — *А. М., М. А.*] [3]. Франц-Фердинанд телеграфировал тогда в Вену:

«Беседа с императором произошла исключительно удачно. Император Вильгельм особенно милостиво заявил, что поддержит нас во всем. В этом отношении полная уверенность... Император Вильгельм говорит, что, как только этого потребует наш престиж, мы должны предпринять энергичные шаги в Сербии и можем быть уверены в его поддержке. По его и Кидерлена мнению, необходимо точно разъяснить державам, в особенности Англии, нашу точку зрения, что абсолютно не допускаем порта и коридора.

---

[1] Центр. Воен.-Морск. Арх., д. № 9932.
[2] Brit. Doc., vol. IX, (2), N 406.
[3] Oe. U. A., B. IV, N 4559.

Я встретил здесь большое понимание и желание итти навстречу; по отношению к России чувствуется некоторое раздражение» [1].

Из отчета Шемуа о его поездке видно, что он беседовал с Мольтке и с Вильгельмом. При встрече с Мольтке обсуждались военные мероприятия против России. Мольтке заверил Шемуа, что Австро-Венгрия может безусловно рассчитывать на поддержку Германии, если Россия будет ей угрожать. Вильгельм в свою очередь сообщил Шемуа, что по имеющимся у него сведениям в России в данный момент к войне не готовы, но через два года дело будет обстоять иначе. Вильгельм лично заверил начальника австрийского генштаба, что Австро-Венгрия при любых обстоятельствах может «полностью рассчитывать на поддержку Германии» [2]. Одновременные поездки в Берлин Франц-Фердинанда и Шемуа, наряду с состоявшейся несколько позже поездкой Конрада в Бухарест с письмом от Франц-Иосифа к румынскому королю, заставили Францию и Англию насторожиться.

Положение еще более обострилось в связи с «инцидентом», происшедшим с австро-венгерским консулом в Призрене Прохаски, который якобы подвергся оскорблениям и насилиям со стороны сербских военных властей. Австро-Венгрия срочно потребовала «удовлетворения» и угрожала Сербии посылкой по Дунаю канонерки к Белграду. Положение в этот момент было весьма тревожным. С минуты на минуту ожидали предъявления австрийского ультиматума и объявления войны Сербии. Под давлением Австрии и Германии Сербия согласилась поручить расследование «инцидента» на месте чиновнику австро-венгерского министерства иностранных дел. Однако австро-германская провокация была шита белыми нитками. Расследование не смогло подтвердить обвинений, предъявленных Сербии Австрией. В конце концов дело «замяли». Было установлено лишь нарушение некоторых формальностей, за которое Сербия принесла извинение Австрии.

Когда дело Прохаски было улажено, Австрия и Германия стали распространять слухи о подготовке сербскими эмиссарами восстания в Боснии. Австро-Венгрия утверждала, что ей удалось раскрыть заговор сербских комитетов. Под ширмой этих, наспех состряпанных, провокационных уток Австрия усилила военные приготовления на границах Сербии, фактически закрыв ее для перехода.

Вооружения Австро-Венгрии и явная готовность Германии и Италии поддержать ее в вопросе об адриатическом побережье, вынудили Сербию уступить австрийским требованиям. Австро-Венгрия в конце концов добилась разрешения вопроса о сербском порте в желательном для нее духе. Ожесточенная борьба между Австро-Венгрией и Германией, с одной стороны, и Россией

[1] Oe. U. A., B. IV, N 4571.

[2] «Journal of Modern History» 1933, June, vol. V, N 2, *Helmreich*, An unpublished report on Austro-German military conversations of November 1912.

и Сербией — с другой, с новой силой развернулась вокруг вопроса о выходе Сербии к Адриатике. Европейские державы, не договорившись между собой, решили передать вопрос на рассмотрение совещания послов в Лондоне.

Лондонская конференция послов великих держав.

Лондонская конференция послов великих держав (Англии, Франции, России, Германии, Австро-Венгрии и Италии) была созвана в декабре 1912 г. по инициативе Англии, которая стремилась выступить арбитром в разрешении балканских вопросов. По просьбе Сазонова, Грей взял на себя инициативу поднять вопрос о созыве конференции перед державами.

Германия на предложение Грея заявила, что не может сказать ничего определенного до тех пор, пока не будет ответа от Австро-Венгрии. Вместе с тем, для того чтобы авансом рассеять сомнения относительно будущей линии поведения Германии в балканском вопросе, Бетман-Гольвег 2 декабря 1912 г. произнес речь, в которой заявил, что Германия в переговорах с державами будет решительно защищать интересы Австро-Венгрии и Италии. «Если бы,— заявил Бетман-Гольвег, — Австро-Венгрия при защите своих интересов подверглась нападению с третьей стороны и это нападение угрожало бы ее существованию, то Германия была бы верна своему союзу и приняла уже твердое решение как поддержать свою союзницу, так и поднять оружие за сохранение своего собственного значения в Европе».

Эта речь, рассчитанная на то, чтобы запугать Россию и Францию, обеспокоенных непрекращающимися вооружениями Австро-Венгрии и отсутствием ее ответа на предложение Грея, еще более обострила и без того напряженное положение в Европе. Вместе с тем, стремясь вбить клин между Англией и ее союзниками, Кидерлен в своем выступлении в рейхстаге того же числа заявил, что его угрозы не направлены по адресу Англии. Но этот маневр германских империалистов, имевший целью оторвать Россию и Францию от Англии, не достиг желаемых результатов. Англия, прекрасно поняв дипломатический ход Кидерлена, сделала Германии грозное предупреждение. «Если Германии, — заявил Грей германскому послу в Берлине, — и нам удастся сохранить мир, это приведет к самым лучшим результатам; но если это нам не удастся, никто не может сказать, где мы окажемся» [1].

Решительное выступление Англии умерило тон Австро-Венгрии и Германии. После некоторого замедления Австро-Венгрия ответила на предложение Грея согласием на созыв конференции послов, но вместе с тем пыталась добиться того, чтобы заранее был исключен территориальный выход Сербии к Адриатике.

Позиция Греции.

Воюющие державы, за исключением Греции, еще до открытия конференции послов договорились об условиях перемирия с Турцией. 3 декабря 1912 г.

[1] Brit. Doc., vol. IX, (2), N 327.

в Чаталдже было подписано перемирие на следующих условиях: воюющие армии остаются на занимаемых ими позициях, осажденные крепости не снабжаются продовольствием, болгарские войска снабжаются продовольствием. Местом мирных переговоров был избран Лондон.

Одна Греция, не принявшая этих условий, продолжала военные действия против Турции, изъявив лишь согласие участвовать в мирных переговорах. Она считала, что не следует делать никаких уступок Турции и лучше продолжать военные действия, которые не только не препятствуют ведению переговоров с Турцией, а напротив, создают лучшие условия для торга.

Такая позиция объяснялась тем, что военные действия греческой армии развертывались исключительно удачно. В первые же дни войны греческие войска заняли Превезу и Химару в Эпире, ряд островов в Эгейском море, за исключением архипелага Додеканес, оккупированного Италией во время войны с Турцией, Афон и Южную Македонию с Салониками. Одержанные греческой армией победы вскружили голову военщине и панэллинским кругам греческой буржуазии, лелеявшим мечту о создании «Великой Греции», которая должна стать гегемоном на Балканском полуострове. Поэтому Греция в качестве условия прекращения военных действий потребовала от своих союзников, чтобы они договорились о разделе завоеванных турецких территорий и в случае невозможности притти с Болгарией к соглашению передали вопрос на арбитраж Тройственного согласия.

Греко-болгарский конфликт.

Отделение Греции от союзников в вопросе о перемирии в особенности объяснялось противоречиями, существовавшими между ней и Болгарией из-за Салоник, Драмы, Сереса и других пунктов, на которые претендовали обе союзницы. Болгарская буржуазия, стремившаяся к расширению внутреннего рынка, пыталась захватить порт на Эгейском море. Самым заманчивым объектом являлись Салоники (Солунь) — первоклассный порт, один из главных центров торговли в восточной части Средиземного моря со 140 тыс. населения.

Спор между Грецией и Болгарией из-за Салоник возник еще в самом начале балканской войны. Болгария, пытавшаяся захватить Салоники, не успела осуществить своих планов. 8 ноября греческая армия заняла Салоники буквально за несколько часов до прихода болгар. Болгарско-сербский отряд, шедший форсированным маршем с севера и появившийся в окрестностях Салоник, прошел сквозь греческие линии, пытаясь во что бы то ни стало вступить в город. Несмотря на заявление греческого наследника о состоявшейся уже сдаче города и о том, что Греции больше помощь не нужна, болгары продолжали настаивать на своем. «Когда же наследный королевич отправил к ним для объяснения в штаб офицера, болгары дали залп в греческого посланца, к счастью без результата, на глазах находящихся кругом турец-

ких пленных» [1]. Греческому наследнику волей-неволей пришлось пустить в город болгарский отряд. Однако Греция заявила, что считает необходимым установить равновесие на Балканах, которое она понимает в том смысле, что Болгария не должна быть сильнее двух других балканских государств взятых вместе. Только на этих условиях можно было, по мнению Греции, сохранить Балканский союз и установить прочный мир в будущем.

Противоречия между Грецией и Болгарией крайне обострились после салоникского инцидента. «Занятие Солуни греками, — писал Неклюдов из Софии, — произвело здесь самое неблагоприятное и враждебное Греции впечатление. Но притязания греков на Битоли, на Серес и Драму угрожают полным разрывом между Болгарией и Грецией... Между Грецией и Болгарией уже установилась de facto непримиримая рознь, и, вероятно, в конце концов придется размежевывать балканские страны на европейской конференции» [2].

Мирные переговоры между союзниками и Турцией.

16 декабря 1912 г. в Лондоне начались мирные переговоры между балканскими союзниками и Турцией, а на следующий день открылась Лондонская конференция послов под председательством Грея. Решения, которые послы принимали единогласно на конференции, передавались ими на одобрение своим правительствам и входили в силу по их утверждении. Обсуждение всех вопросов на конференции проходило в глубокой тайне. Лишь изредка решения конференции сообщались в печати и правительствам воюющих государств.

На Лондонской конференции послов Великобритания и Франция действовали вполне солидарно по большинству вопросов, заставляя Россию также придерживаться общей линии. Державы Тройственного союза также действовали на Лондонской конференции согласованно, и только Италия иногда проявляла известное колебание, что объяснялось ее противоречиями с Австро-Венгрией из-за Албании. «...на Балканах, — писал Ленин, — «интересы» Италии и Австрии не совпадают. Италия хочет урвать еще кусок — Албанию, Австрия этого допустить не хочет» [3].

Лондонская конференция послов накануне первой мировой империалистической войны открыто продемонстрировала окончательное разделение великих держав на два больших враждебных лагеря, еще более углубила противоречия между Тройственным союзом и Тройственным согласием и показала, что решающая схватка между мировыми империалистическими хищниками становится неизбежной.

Албанский вопрос.

На первом же заседании Лондонской конференции было принято решение об организации автономной Албании под суверенитетом или

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 7.
[2] *Там же*, д. К., № 117.
[3] *Ленин*, т. XVI, стр. 149.

сюзеренитетом султана и под контролем и гарантией шести европейских держав. Вместе с этим было решено предоставить Сербии коммерческий выход к свободному и нейтральному порту на албанской территории по международной железной дороге, находящейся под европейским контролем, с правом свободного и беспошлинного транзита всех товаров, в том числе и военных материалов.

Это решение конференции явилось фактической уступкой Австрии со стороны держав Антанты. Сербия под давлением России вынуждена была отказаться от своих притязаний на порт в Адриатическом море. Это давление было вызвано нежеланием России итти в тот момент на риск европейской войны. Царская Россия в 1912 г. была еще не готова к вооруженной схватке с Австрией и Германией. Российская армия не имела достаточного количества артиллерии, винтовок и боеприпасов. С другой стороны, как известно, Австрия провела мобилизацию в Галиции, что подрывало согласованность стратегических планов Антанты в самом уязвимом месте.

Таким образом Россия, прозевав австрийскую мобилизацию, не решилась выступить на помощь Сербии против Австрии. Следует отметить, что отступление России в 1912 г. вызвало резкое недовольство французских правящих кругов, которые не желали упускать благоприятной политической и военной ситуации для войны с Германией.

Однако уступка Сербии и России не приостановила военных мероприятий Австро-Венгрии. Австро-Венгрия заявила, что она не демобилизует свою армию до тех пор, пока не будет уверена в намерении Сербии эвакуировать адриатическое побережье и территорию Албании. Тогда по настоянию России Сербия заявила, что по заключении мира и урегулировании связанных с ним вопросов она отзовет все свои войска с адриатического побережья. Исходя из этого, Лондонская конференция приняла решение, которое обязывало Сербию эвакуировать адриатическое побережье и территорию Албании по первому требованию держав.

На Лондонской конференции послов развернулась ожесточенная борьба между победившими балканскими союзниками, желавшими урвать как можно больше земель у Турции, и последней, стремившейся сохранить возможно больше своих территорий. Турецкие делегаты ссылались на то, что они не уполномочены вести переговоры с делегатами Греции, которая до сих пор не подписала перемирия и продолжает военные действия. Но и после того как переговоры начались, каждую минуту можно было ожидать их разрыва.

Балканские союзники требовали установления турецкой границы по линии Мидия — Родосто, уступки Адрианополя и островов Эгейского моря. Требования союзников были Турцией отвергнуты. Правда, в вопросе о границах обе стороны шли на некото-

рые уступки друг другу. Но Турция и союзники были непримиримы в вопросе об Адрианополе и об островах. К концу декабря 1912 г. переговоры были прерваны. Европейские державы потребовали от Турции уступок в вопросе об Адрианополе, предостерегая ее от гибельных последствий, возможных при возобновлении военных действий.

Каждая из империалистических держав при этом исходила из своих империалистических интересов на Балканах. В то время как царская Россия пыталась уступкой Адрианополя Болгарии ослабить Турцию и приблизить час кончины «больного человека», а также удержать на своей стороне Болгарию, — Австро-Венгрия, поддерживая домогательства Болгарии на Адрианополь, стремилась оторвать ее от Балканского союза и перетянуть на свою сторону.

21 декабря 1912 г. Россия заявила Турции, что в случае возобновления военных действий и возникновения в связи с этим беспорядков в азиатских провинциях вблизи русско-турецкой границы она, возможно, и не будет придерживаться нейтралитета, как делала это до сих пор.

Это выступление России было принято в Лондоне хладнокровно. Англия заявила, что «русское сообщение является лишней иллюстрацией того, что Турция много потеряет и ничего не выиграет, продолжая войну». Но совершенно другой эффект произвело выступление России на Францию. Пуанкаре был не на шутку встревожен русской угрозой в Константинополе. Он заявил Извольскому, что выступление России, которое может поставить вопрос о выполнении Францией своих союзных обязательств, должно было быть сделано Россией не иначе как по соглашению с Францией.

Англия на заседании Лондонской конференции послов 3 января 1913 г. предложила обратиться к Турции с коллективной нотой, в которой предлагала потребовать от нее уступки Адрианополя союзникам. По предложению Франции, конференция приняла решение наряду с передачей ноты Турции произвести морскую демонстрацию в Черном море. Однако предложение Франции натолкнулось на сопротивление держав Тройственного союза, в первую очередь Германии, которая не желала допускать ослабления Турции, рассчитывая этим актом еще больше привлечь ее на свою сторону. Россия тогда предложила провести демонстрацию силами держав Тройственного согласия, чтобы таким образом показать их единство в противовес державам Тройственного союза. Но предложение России не встретило сочувствия ни в Лондоне, ни в Париже, и от демонстрации пришлось отказаться.

17 января державы передали ноту Турции. Под давлением империалистических держав турецкое правительство 23 января 1913 г. созвало собрание нотаблей (Большой совет), которое вынуждено было принять предложение держав.

Младотурецкий переворот в Константинополе.

Надо отметить, что внутри самой Турции вокруг вопроса об Адрианополе развернулась борьба политических партий. Младотурки во главе с Энвер-беем, находившимся в этот момент в оппозиции к правительству, протестовали против уступки Адрианополя союзникам. Младотурки, ориентировавшиеся на Германию, рассчитывали, что последняя не позволит России активно выступить на помощь союзникам. Однако турецкое правительство во главе с Киамиль-пашой считало, что дальнейшее продолжение войны с ослабленной армией невозможно. Кроме того, Киамиль видел, что Россия и Франция поддерживают союзников, а Великобритания не поддержит Турцию. Поэтому турецкое правительство приказало своим делегатам в Лондоне пойти навстречу притязаниям союзников, уступить Адрианополь и согласиться на установление границ Европейской Турции по линии Мидия — Энос. В начале января 1913 г., когда, казалось, можно было рассчитывать на заключение мирного договора, германофильские круги турецкой военщины, при прямой поддержке Германии, обвиняя правительство в предательстве национальных интересов, произвели государственный переворот, причем Энвербей, стоявший во главе заговора, собственноручно убил военного министра. Правительство Киамиль-паши было заменено младотурецким кабинетом во главе с Махмуд Шевкет-пашой. Германское и австро-венгерское правительства всячески отрицали свою причастность к перевороту, пытаясь скрыть свою роль в младотурецком заговоре. Тем не менее Германия и Австрия не только были осведомлены заранее о подготовлявшемся перевороте, но и всячески поощряли к выступлению младотурок, являвшихся сторонниками германской ориентации.

Позиция России.

Немедленно же после переворота в Турции Болгария, не дожидаясь ответа Турции на ноту держав, прервала мирные переговоры и возобновила военные действия, рассчитывая решительной атакой захватить Адрианополь. Россия настойчиво советовала Болгарии не прерывать перемирия и начавшихся мирных переговоров до получения ответа от Турции. С другой стороны, Россия, крайне встревоженная младотурецким переворотом, считала необходимым предпринять действия в Константинополе и вынудить Турцию подчиниться требованиям держав, выраженным в коллективной ноте. В соответствии с этим Россия предложила Англии и Франции, чтобы Лондонская конференция оказала давление на Турцию в этом направлении. Франция и Англия отвергли это предложение, ссылаясь на невозможность достигнуть согласия между державами. Не встретив со стороны своих союзников поддержки, Россия 26 января 1913 г. заявила Германии, что она серьезно озабочена положением, создавшимся в Турции в связи с младотурецким переворотом. «Если новому турецкому кабинету, — писал Сазонов, — будет достаточно твердо разъяснено, что он не может

рассчитывать на перемену настроения и взглядов держав, нашедших выражение в их коллективной ноте», то ...он уступит советам Европы. «Мы убеждены, — говорил далее Сазонов, — что берлинский кабинет разделяет нашу точку зрения на необходимость для держав попрежнему остаться объединенными на почве коллективной ноты. На наш взгляд, возобновление военных действий было бы сопряжено с возможностью осложнений, которые мы искренно хотели бы предотвратить, но которые могли бы создать для нас самое серьезное положение, ввиду ясно сознаваемой нами неизбежности поворота нашего общественного мнения, если бы результаты войны вновь подверглись сомнению» [1].

Выступление России в Берлине вызвало сильное беспокойство в Париже. Франция опасалась, что Россия предпримет самостоятельные действия за ее спиной. С этой целью министр иностранных дел Жоннар и только что избранный президентом республики Раймонд Пуанкаре заверяли Россию о своей союзнической верности и просили ее не предпринимать без Франции никаких самостоятельных действий. Спустя несколько дней Франция вновь испытала сильную тревогу в связи с выступлением России в Румынии.

Румыно-болгарский конфликт.

Румыния в самом начале войны обещала соблюдать строгий нейтралитет. Она заявляла, что только вмешательство великих держав или территориальное расширение Болгарии по окончании войны может заставить Румынию изменить свое отношение к войне и выступить с требованием о компенсации.

Эта позиция Румынии объяснялась тем, что правящие круги румынской буржуазии рассчитывали без войны, в обмен за благожелательный нейтралитет по отношению к союзникам, получить компенсацию в Силистро-Балчикском округе, к югу от Добруджи. Но надежды Румынии не оправдались. Болгария оставалась глухой к требованиям Румынии и не намеревалась уступать ей ни клочка завоеванной турецкой земли.

Вот почему после первых же успехов болгарской армии Румыния приступила к тайной мобилизации. Вначале Румыния вступила с Болгарией в переговоры через посредничество России. Румыния потребовала: церковной и школьной автономии для куцо-влахов Македонии и стратегического исправления границы с Болгарией; уступки части болгарской территории по линии Туртукай—Балчик с включением Силистрии. Болгария согласилась предоставить автономию куцо-влахам, но отвергла территориальные притязания Румынии.

Начатые в Лондоне переговоры между Румынией и Болгарией не увенчались успехом. Россия в этом вопросе оказалась между двух стульев. С одной стороны, она желала оторвать Румынию от Австро-Венгрии и Германии и привлечь ее на свою сторону; с другой стороны, боялась оттолкнуть от себя Болгарию.

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3703.

Между тем притязания Румынии возрастали. Румыния потребовала также уступки части болгарского побережья.

Интриги Австро-Венгрии.

Австро-Венгрия, пытаясь привлечь на свою сторону Болгарию, не оказала активной поддержки румынским притязаниям, рассчитывая вбить клин между Россией и Болгарией и тем самым добиться разрушения ненавистного ей Балканского союза. Вот почему в румыно-болгарском конфликте Австрия отстаивала интересы Болгарии более решительно, чем сама Болгария. Эта позиция Австро-Венгрии, с которой Румыния находилась в союзнических связях, вызвала резкое недовольство в Бухаресте и предопределила последующий отход Румынии от Тройственного союза. Натолкнувшись на сопротивление Австрии, Румыния пригрозила мобилизацией и предприняла усиленные военные приготовления.

Положение становилось все более и более угрожающим. 8 января 1913 г. Румыния заявила России, Австрии и Германии о том, что она решила «без объявления войны и даже мобилизации армии занять своими войсками болгарскую территорию, ... дабы этим побудить Болгарию серьезно отнестись к румынским пожеланиям» [1].

В ответ на это Россия заявила, что она не оправдывает этого решения Румынии. «Мы надеемся, — заявил Сазонов, — что бухарестский кабинет не совершит роковой ошибки, которая навеки оттолкнула бы от него Болгарию и в корне испортила бы только что начинавшее налаживаться наше сближение с Румынией» [2]. Австро-Венгрия и другие державы также оказывали давление на Румынию. В связи с этим Румыния вынуждена была отказаться от своих первоначальных планов немедленной оккупации болгарской территории. Однако Румыния продолжала свои военные приготовления. Она считала, что спор с Болгарией необходимо разрешить до заключения мира с Турцией. Вскоре между Болгарией и Румынией возобновились переговоры в Лондоне. Болгария согласилась пойти на некоторые уступки Румынии, но не желала отдавать Силистрию и территории Добруджи по линии Туртукай — Балчик. Переговоры между Румынией и Болгарией были прерваны.

Болгария обращается за помощью к России.

Болгария, встревоженная угрозами Румынии и ее военными приготовлениями, обратилась к России за содействием. Она напомнила российскому правительству о существовании русско-болгарской военной конвенции 1902 г., обязывающей Россию всеми силами отстаивать неприкосновенность болгарской территории. В связи с этим 29 января 1913 г. Россия заявила Румынии: «Нападение Румынии или вооруженное занятие ею без объявле-

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 14.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3702.

ния войны территории Болгарии, в то время как последняя не покончила своих счетов с Турцией, создало бы в нашем общественном мнении такой взрыв сочувствия болгарам, к которому правительство не может отнестись безразлично... Мы вновь настойчиво, дружески, но серьезно советуем румынскому правительству показать мудрую умеренность в своих требованиях. Наше желание скрепить старые узы с Румынией требует от нас совершенно откровенно объяснить ей, что для нас окажется невозможным допустить насильственное отчуждение от Болгарии части ее территории... В случае согласия Румынии на предложения Болгарии Россия готова со своей стороны поручиться перед Румынией за неприкосновенность Добруджи от каких-либо посягательств со стороны Болгарии» [1].

Посредничество России и Франции в болгаро-румынском конфликте.

Одновременно Россия сообщила Франции и Англии о существовании русско-болгарской военной конвенции 1902 г. и о предостережении, сделанном румынскому правительству. Россия просила Францию и Англию оказать со своей стороны воздействие на Румынию и склонить ее к уступчивости. Предложение России чрезвычайно встревожило Францию. Франция заявила, что ей не было известно о существовании русско-болгарской конвенции. Французское правительство поспешило также указать России, что заявления, сделанные ею в Бухаресте, должны были быть согласованы с союзной Францией. Однако Франция все же сочла необходимым принять меры к мирному улажению болгаро-румынского спора. Румыния под давлением Франции и России согласилась пойти на некоторые уступки.

Возобновление военных действий балканских союзников с Турцией.

29 января 1913 г. по инициативе Болгарии союзники прервали мирные переговоры с Турцией. Это было вызвано тем, что Болгария надеялась на быстрое падение Адрианополя. На другой день, т. е. 30 января 1913 г., Турция дала ответ на коллективную ноту держав. Она согласилась передать на разрешение держав вопрос об островах и предложила разделить Адрианополь на две части: по реке Марице, оставляя за собой ту из них, которая содержит гробницы и мечети. Ответ Турции не удовлетворил Болгарию. 30 января Болгария объявила Турции о прекращении перемирия. 3 февраля военные действия возобновились. Делегаты балканских союзников покинули Лондон в надежде на то, что скорое падение Адрианополя вынудит Турцию к еще большей уступчивости.

В падении Адрианополя не сомневались и великие державы. Лондонская конференция заявила Турции, что державы ничего не могут предпринять в ее пользу. Конференция послов в Лондоне запросила Турцию, согласна ли она принять посредничество великих держав, не предъявляя никаких условий. Под дав-

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3703.

лением великих держав Турция вынуждена была согласиться. Были выработаны условия прелиминарного мира. Турция приняла эти условия. Но балканские союзники не торопились. Военные победы повысили их притязания. 6 марта 1913 г. греческие войска заняли Янину. 26 марта Адрианополь был взят болгарскими войсками. После этого Болгария 26 марта начала переброску своей армии на чаталджинский фронт. Константинополь снова оказался под угрозой. Болгария, воспользовавшись изменившейся обстановкой на фронте, добивалась дальнейших уступок. Ее аппетиты росли. Вместо условленной линии Энос — Эргене — Мидия, Болгария теперь потребовала проведения прямой линии Энос — Мидия. Последняя несколько отодвигала болгаро-турецкую границу на восток, приближая ее к Константинополю и Мраморному морю.

Болгарская угроза Константинополю и опасения России.

Россия, обеспокоенная падением Адрианополя и ожидавшимся штурмом Чаталджи, немедленно согласилась удовлетворить требования Болгарии при условии, что эта уступка последняя и военные действия будут немедленно прекращены. Предложение России было принято державами и Турцией, но Болгария потребовала нового изменения границы, еще более приближающей ее к Константинополю. Эти домогательства Болгарии встретили резкий отпор со стороны России, которая заявила, что всякие дальнейшие настояния об изменении линии границы не могут получить ее согласия. Опасаясь, что Болгария может обосноваться у Проливов, Россия снова приводит в боевую готовность свой черноморский флот и подготовляет посылку десанта в Константинополь. Российское правительство сообщает своему послу в Константинополе, что данные ему в ноябре прошлого года полномочия — вызвать в случае необходимости весь черноморский флот — остаются в силе.

Как и в ноябре 1912 г., Россия теперь стремится к тому, «чтобы в случае вступления болгарской армии в Константинополь в водах Босфора находилась внушительная русская сила, способная своим присутствием оказать нужное давление для предотвращения таких решений вопроса о Константинополе и Проливах, кои были бы несовместимы с интересами России» [1].

Воздействие России на Болгарию.

Однако Франция не желала предоставить свободу действий своей союзнице России и предлагала морскую демонстрацию с участием всех держав. Россия, опасаясь за судьбу Константинополя, настойчиво добивалась немедленного прекращения Болгарией военных действий, не дожидаясь заключения официального перемирия всеми союзниками. Россия предложила Болгарии не предпринимать штурма Чаталджи и удовольствоваться прямой линией Энос — Мидия. Взамен этого Россия обещала под-

[1] Арх. Вн. Пол., д. С. А., № 780.

держать требования Болгарии о военной контрибуции и воздействовать на Сербию, чтобы последняя точно придерживалась постановления союзного договора 1912 г. о размежевании. Болгария приняла предложение России. Обострение противоречий со своими союзниками на почве раздела завоеванного побуждали Болгарию стремиться к скорейшему прекращению военных действий, для того чтобы освободить свои войска, которые могут ей понадобиться для действий против союзников. При энергичном содействии России Болгария договорилась с Турцией о прекращении военных действий.

Прекращение военных действий и перемирие союзников с Турцией.

Перемирие между Болгарией и Турцией было заключено вначале на десять дней, затем продлено, и военные действия не возобновлялись до заключения мира.

Предложенные державами условия посредничества были приняты Турцией, но встретили возражение со стороны балканских союзников. Державы согласились удовлетворить некоторые требования союзников. 21 апреля союзники приняли предложение посредничества держав, требуя признания в принципе военной контрибуции и делая оговорки по вопросу о границе Албании и об островах Эгейского моря.

23 апреля Лондонская конференция послов предложила союзникам прекратить военные действия и начать мирные переговоры с Турцией. Одновременно Лондонская конференция послов предложила Черногории эвакуировать занятый ею г. Скутари.

Борьба империалистических держав вокруг вопроса о Скутари.

Еще на первом заседании конференции послов (17 декабря 1912 г.) вопрос о Скутари вызвал между империалистами резкую борьбу, грозившую разжечь европейский пожар.

С первых же дней войны Скутари, предназначенный для «автономной Албании», был осажден черногорскими войсками. Австро-Венгрия и Италия, стремившиеся к утверждению своего влияния в Албании, заявили, что они не допустят присоединения Скутари к Черногории. Однако Черногория продолжала осаду Скутари. Россия вначале поддерживала притязания Черногории на Скутари. Это объяснялось тем, что она не желала допустить укрепления Австрии на Балканах. Россия поддерживала притязания Черногории еще и потому, что рассчитывала в дальнейшем соединить ее с Сербией и усилить позиции последней на Балканах в противовес Австро-Венгрии. На заседании Лондонской конференции представитель Австро-Венгрии потребовал присоединения к Албании всех местностей с исключительно албанским населением, в том числе Скутари. Это требование Австро-Венгрии встретило решительное сопротивление со стороны России. Англия сразу же поняла, что между Австрией и Россией назревает конфликт. В связи с этим Англия заявила Германии и Италии, что, в случае если вокруг вопроса о Скутари возникнут разно-

гласия между Австрией и Россией, то Англия окажет поддержку России [1].

Причина, заставившая английское правительство так категорически заявить о поддержке России в вопросе о Скутари, объяснялась тем, что Англия, готовясь к войне с Германией, стремилась к укреплению связей с Россией. «Мы обещали русским,— писал Грей,— нашу *дипломатическую поддержку* [Курсив наш.— *А. М., М. А.*] и не можем теперь отступить. Помимо того, если мы отступим от русской точки зрения, то это прямо приведет нас к серьезной бреши в нашем согласии с Россией, а это будет для нас просто гибельно. Скутари не стоит такого риска» [2]. Такое же соображение высказал Никольсон Бьюкенену. «Соглашение с Россией имеет более жизненный интерес для нас,— писал Никольсон,— чем для России... если наши пути разойдутся, мы окажемся в самом неудобном и затруднительном положении, ибо Россия получила бы полную свободу действий на Среднем и Дальнем Востоке... Поэтому я считаю,— писал Никольсон,— что доброе и тесное согласие с Россией должно быть краеугольным камнем нашей внешней политики, и было бы в высшей степени прискорбно, если бы произошло какое-либо недоразумение, которое могло бы каким бы то ни было образом ослабить это согласие или повредить ему» [3]. Однако Англия не была намерена выступать с оружием в руках на стороне России из-за вопроса о Скутари. Как было указано выше, английский империализм рассчитывал развязать войну по совершенно другому варианту, при непременном условии выступления Германии против Франции. «Само собой разумеется,— заявил Грей,— я не могу обещать больше чем *дипломатическую поддержку* [Курсив наш.—*А. М., М. А.*], так как здесь будут считать, что эти вопросы сами по себе не являются достаточной причиной для европейской войны» [4].

Несмотря на разрешение вопроса о сербском порте в желательном для Австро-Венгрии смысле, последняя не прекращала своих вооружений. Добившись удовлетворения в одном вопросе, Австро-Венгрия, подталкиваемая Германией, продолжала оказывать давление на Лондонскую конференцию, тем самым намереваясь добиться благоприятного решения в ее пользу вопроса о границах Албании и ряда других. Противоречия между Австрией и Россией вновь обострились. Россия, обеспокоенная военными приготовлениями Австро-Венгрии, предложила ей произвести демобилизацию армии и в свою очередь обещала ей распустить запасных с 14 января 1913 г. Австрия под разными предлогами уклонялась от демобилизации.

---

[1] Brit. Doc., vol. IX, (2), N 395.
[2] *Там же*, N 431.
[3] *Там же*, N 57.
[4] *Там же*, N 429.

Вопрос о Скутари обсуждался на Лондонской конференции послов в связи с общим вопросом о северной и восточной границах Албании. На первых же заседаниях конференции возникли серьезные разногласия между Россией и Австрией. В то время как Россия стремилась ослабить вновь созданное по инициативе Австро-Венгрии и Италии «автономное» Албанское государство и расширить за его счет зависимые от нее балканские страны — Сербию и Черногорию, — Австро-Венгрия и Италия принимали все меры к тому, чтобы в лице Албании создать преграду для продвижения России и Сербии на Балканах.

На Лондонской конференции послов Россия настаивала на исключении из территории будущей Албании Скутари, Ипека, Призрена, Дьяково и Дибры и присоединении их к Сербии и Черногории. Австро-Венгрия, соглашаясь уступить Ипек и Призрен, настаивала на присоединении трех остальных спорных пунктов к Албании.

Попытка сближения Германии с Англией.

Англия и Германия выступили в роли посредников между Россией и Австро-Венгрией. Германия в течение балканской войны неоднократно делала попытки к сближению с Англией. Выступление Германии вместе с Англией в роли «посредника» в австро-русском споре относится к числу подобного рода попыток. Позиция, занятая в вопросе о Скутари Германией, и «умеряющее» ее воздействие на Австро-Венгрию объяснялись также желанием Германии несколько оттянуть подготовляемую ею мировую войну. Вооруженные силы Германии в этот момент еще не были окончательно готовы к решительной схватке с Тройственным согласием.

Во время балканского кризиса 1912 г. германское правительство подготовляло закон, который должен был в необычно короткий срок — к концу 1913 г. — значительно усилить боевую мощь Германии. Одновременно Германия предпринимает попытки заручиться нейтралитетом Англии на случай войны с Францией и Россией. С этой целью в первых числах декабря 1912 г. Вильгельм II посылает в качестве комми-вояжера своего брата принца Генриха Прусского в Лондон со специальным поручением. Вильгельм хотел еще раз убедиться, какова будет позиция Англии в случае войны Германии с Францией и Россией. В своей беседе с принцем Генрихом о роли, которую займет Англия во время войны Германии с Францией и Россией, английский король заявил: «При известных обстоятельствах Англия конечно станет на сторону России и Франции» [1].

Отказ Англии и озлобление в Берлине.

Получив такой ответ, кайзеровский посланец был крайне удивлен и немедленно сообщил об этом Вильгельму. Вильгельм был чрезвычайно поражен таким ответом, тем более

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 27.

что английский король и военный министр Холден сделали аналогичное заявление германскому послу в Лондоне Лихновскому.

Решительный отпор, оказанный Англией Германии, вызвал сильное озлобление в Берлине.

В феврале 1913 г., на обеде у английского короля, экс-король португальский рассказал Георгу V и Бенкендорфу, что он недавно при встрече с Вильгельмом нашел его чрезвычайно озлобленным против Англии. Кайзер сказал ему, что только сейчас он получил известия, которых никак не мог ожидать. Эти известия еще раз доказывают, что Англия всегда будет стоять на пути Германии. «Я далек от того, чтобы придавать этому решающее значение, — писал Бенкендорф, — но это любопытно, а также любопытно и то, что начиная с этого дня Германия стала явно более умиротворяющей» [1].

Натолкнувшись на сопротивление Англии, Германия вынуждена была удерживать своего не в меру ретивого союзника — Австро-Венгрию.

30 января 1913 г. Вильгельм в беседе с австро-венгерским послом Сегени заявил: «Австро-Венгрия несомненно достигла решительного успеха в главном вопросе, в котором она заинтересована: преградить доступ Сербии к Адриатике. Этим она должна пока удовольствоваться и не слишком упорствовать в своих требованиях по вопросу о разграничении Албании». Вильгельм говорил, что «если Скутари будет присужден Албании, то со стороны Австрии было бы ошибкой упорствовать в вопросе о скутарийском озере и смежной равнине... Гораздо важнее было бы избежать разрыва с Россией из-за разграничения будущей Албании». «Откровенно говоря, — сказал Вильгельм, — Австро-Венгрия во время аннексионистского кризиса [1908 г.] упустила благоприятный момент для того, чтобы вооруженной силой усмирить Сербию, когда она [Австро-Венгрия], как он неоднократно давал об этом знать, имела бы на своей стороне Германию со всеми ее силами. Тогда война была бы весьма популярна и в Германии. Само собой разумеется, что и теперь Германия полностью выполнит свой союзнический долг по отношению к Австро-Венгрии, но ему будет трудно объяснить своему народу, что он должен сражаться из-за того, что скутарийская равнина или скутарийское озеро должно отойти не Албании, а Черногории... В Австро-Венгрии, как и везде, — продолжал кайзер, — существует военная партия, которая желает воспользоваться благоприятным моментом, чтобы прежде всего уничтожить Сербию и не бояться в связи с этим свести счеты с Россией. Можно ли совершенно избежать этого сведения счетов в будущем, это в руках божьих; как сказано, однако, Австро-Венгрия упустила благоприятный момент, а настоящий момент... как для Австро-Венгрии, так и для Герма-

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 26.

нии не является благоприятным, чтобы подвергнуть себя риску мировой войны» [1].

Другой посредник в австро-русском споре из-за албанской границы — Англия оказывала России самую деятельную дипломатическую поддержку и воздействовала не только на Германию, но и на Австро-Венгрию.

Отступление Австро-Венгрии.

Через два дня после открытия Лондонской конференции послов, Грей в разговоре с австрийским послом в Лондоне Менсдорфом выразил свое недовольство австро-венгерской мобилизацией. Вслед за этим 21 декабря Георг V пригласил к себе Менсдорфа и в разговоре с ним высказал опасения по поводу военных мероприятий, предпринятых в Австро-Венгрии. Спустя некоторое время Георг V в очередной своей беседе с австро-венгерским послом опять заявил ему, что он недоволен австро-русскими отношениями.

Австро-венгерское правительство под давлением Англии и под воздействием Германии вынуждено было проявить умеренность. С этой целью Австрия решила послать в Петербург принца Гогенлоэ со специальной миссией и заверить Россию от имени Франц-Иосифа «о мирных намерениях и дружественных чувствах к ней Австрии». Принц Гогенлоэ в одной из своих бесед с царским министром иностранных дел заверил последнего в отсутствии у Австро-Венгрии агрессивных замыслов против Сербии. В результате этих переговоров 13 марта 1913 г. было подписано австро-русское соглашение, по которому Австрия соглашалась демобилизовать свою армию, а Россия со своей стороны обещала распустить запасных, задержанных после 1 января 1913 г.

Борьба за Скутари продолжается.

Однако вопрос о Скутари все еще продолжал быть яблоком раздора между Россией и Австрией. Черногория продолжала осаду Скутари несмотря на угрозу Австрии и давление России. Россия, в надежде найти выход из создавшегося положения, предлагала предоставить Черногории территориальные и денежные компенсации взамен за отказ от Скутари. Но Австро-Венгрия не была намерена итти на уступки до тех пор, пока Черногория не прекратит осаду Скутари, и продолжала готовиться к вооруженному выступлению против Черногории.

Учитывая создавшееся положение, Россия была вынуждена пойти на уступки в вопросе о Скутари, но потребовала проведения пограничной линии в Северной Албании таким образом, чтобы Дибра и Дьяково отошли к Сербии.

Австро-Венгрия, напротив, желала найти во вновь созданной Албании союзника против Сербии на востоке и преграду для Италии на западе, стремилась содействовать усилению албанского государства путем включения в него Ипека, Дьяково, Призрена, Скутари и Янины.

---

[1] Oe. U. A., B. V, N 5604.

Россия, учитывая эти планы Австро-Венгрии, не желала уступать ей. (Россия в начале балканской войны была вынуждена заставить Сербию отказаться от выхода в Адриатическое море, обещав ей взамен свою поддержку в расширении ее территории на западе за счет Албании.)

Под давлением Германии Австро-Венгрия уступила сначала Дибру, затем Дьяково, а Россия взамен этого согласилась на включение Скутари в Албанию. Исходя из этого, Лондонская конференция смогла установить линию северной и северо-восточной границ Албании. Было принято решение потребовать от Сербии и Черногории прекращения военных действий в Албании, снятия осады Скутари и эвакуации сербских и черногорских войск с албанской территории. Но Сербия и Черногория отказались от выполнения этого решения, ссылаясь на то, что военные действия против Турции еще не прекращены.

Осада Скутари Черногорией.

В начале февраля 1913 г. черногорская армия предприняла штурм Скутари с помощью сербских войск. Однако эта атака не увенчалась успехом. Для новой атаки на Скутари Сербия послала Черногории подкрепление. Россия в ответ на это решительно потребовала от Сербии и Черногории прекращения военных действий под Скутари. Однако Черногория отвергла предложение России и заявила, что освобождает ее от «уз» дружбы, добавив, что Черногория будет бороться до конца со всей Европой.

После неоднократных настояний России и обращения к сербскому королю от имени Николая II Сербия вынуждена была отказаться от посылки дальнейших подкреплений под Скутари и возвратила из Салоник войска, уже погруженные на транспорты. Это решение Сербии было продиктовано не только желанием уступить настояниям России, но и усилением противоречий с Болгарией на почве раздела Македонии. Сербские войска, направленные ранее на помощь Черногории, были теперь переброшены на границу с Болгарией. Однако и это мероприятие не заставило Черногорию отказаться от военных действий. Черногория продолжала осаду Скутари. Тогда Австро-Венгрия вновь потребовала от Черногории прекращения военных действий и пригрозила ей войной.

Провокации Австро-Венгрии в Черногории.

Для создания предлога к вооруженному выступлению против Черногории австрийские империалисты фабриковали инциденты. Так, в Черногории был арестован францисканский монах Палич, который был затем найден убитым. Кроме того, черногорскими властями был задержан в порту С. Джиованни-ди-Медуа австрийский пароход «Шкодра». Российский посланник в Афинах Демидов, говоря об этих инцидентах, указывал, что они «в крови» у австро-венгерских дипломатов, в которых, как известно, специально воспитывают это «чувство инцидентов». По словам Демидова, каждый из австро-венгерских дипломатов перед назначением на работу за границу проходит трехмесячный

курс обучения в тайной полиции [1]. Австро-Венгрия, воспользовавшись возникшим инцидентом, предъявила Черногории ультиматум, в котором потребовала выпустить мирное население из Скутари, прекратить насильственные обращения католиков в православных и дать Австрии полное удовлетворение по делу Палича и по инциденту со «Шкодрой».

Черногория под угрозами Австрии приняла ультиматум. Но она категорически отказалась подчиниться «воле Европы» и продолжала осаду Скутари. Как известно, с самого начала обострения положения в Скутари Австро-Венгрия заявила державам, что она в случае отказа Черногории прекратить осаду Скутари предпримет морскую демонстрацию. Австрия предложила и другим державам принять участие в этой демонстрации.

Вопрос о международной морской демонстрации держав на Лондонской конференции.

После категорического отказа Черногории выполнить требование держав, Лондонская конференция вынесла решение произвести морскую демонстрацию против Черногории. Однако не все державы сразу приняли это решение. Россия, которая выдавала себя за «покровительницу» славянства, не считала для себя возможным принять участие в демонстрации против Черногории. Вместе с тем она считала необходимым предотвратить единоличное выступление Австро-Венгрии или совместную демонстрацию держав Тройственного союза. Россия опасалась, что демонстрация может привести к столкновению между Черногорией и Австро-Венгрией, при котором Россия будет вынуждена заступиться за Черногорию, что повлечет за собой общеевропейскую войну. Россия хотела обязательно придать морской демонстрации международный характер и настаивала на участии в ней Франции и Англии. В ответ на это Франция заявила, что примет участие в морской демонстрации лишь при том условии, если будет на то уполномочена Россией.

Французское правительство мотивировало это обстоятельство необходимостью убедить общественное мнение Франции, в противовес яростной кампании французской прессы, возражавшей против участия Франции в морской демонстрации. В связи с отказом Франции Англия вначале также отказалась принять участие в морской демонстрации совместно с державами Тройственного союза. Россия вынуждена была уступить. 3 апреля 1913 г. Россия заявила, что она не будет участвовать в этой демонстрации, если демонстрация не будет иметь международный характер. На следующий же день Франция изъявила свое согласие принять участие в морской демонстрации. Через несколько дней военно-морской флот пяти держав начал блокаду черногорского и албанского побережья. Но и это не заставило Черногорию прекратить осаду Скутари.

Международная обстановка вновь осложнилась.

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 332.

Германия угрожает войной России.

7 апреля 1913 г. Бетман-Гольвег выступил в рейхстаге с речью по поводу нового законопроекта, который предусматривал значительное увеличение боевой мощи Германии, и требовал для его осуществления миллиардного кредита. Бетман-Гольвег заявлял, что в своей союзнической верности Австро-Венгрии Германия пойдет дальше дипломатической поддержки. Он противопоставил славянство германизму и указал на развитие шовинистических настроений во Франции. Знаменательно, что Бетман-Гольвег, бряцая оружием по адресу России и Франции, тут же поспешил указать на хорошие отношения, существующие между Англией и Германией. Это заявление Бетман-Гольвега вовсе не являлось случайным. Германия во время балканской войны всемерно стремилась оторвать Англию от ее союзников, а Англия в 1912 г. делала попытки договориться с Германией за спиной Франции и России (миссия английского военного министра Холдена в Берлине об ограничении морских вооружений).

Одновременно с речью Бетман-Гольвега германский министр иностранных дел Ягов в своей беседе с итальянским и австро-венгерским послами заявил, что, по его сведениям, Россия изменила свою позицию по вопросу о Скутари и готова будет требовать присоединения его к Черногории. Ягов сказал, что в связи с этим война с Россией неизбежна и настал час для применения обязательств Тройственного союза. Однако Италия не приняла этой точки зрения и отказалась при данных условиях принять участие в войне на стороне Германии. Итальянское правительство сообщило об этом своим послам во Франции и России. Телеграммы министра иностранных дел Италии были перехвачены в Париже и Петербурге, где они были расшифрованы. Россия была чрезвычайно обеспокоена известиями о позиции Германии.

Уступка России в вопросе о Скутари.

Крайне раскаленная атмосфера в Европе заставила Россию подтвердить свое согласие на присоединение Скутари к Албании. Заявление России было принято в Берлине и Вене с удовлетворением. Министр иностранных дел Германии Ягов после этого заявления России сказал, что он больше не считает положение столь тревожным.

Новая провокация Австро-Венгрии.

Черногория, узнав о решении держав отдать Скутари Албании, предприняла ловкий дипломатический ход и вступила в переговоры с начальником осажденной крепости Эссад-пашой, прожженным албанским политиком, жизнь которого была заполнена интригами и приключениями. 23 апреля 1913 г. Эссад-паша заключил соглашение с Черногорией, по которому он уступал ей Скутари. Взамен этого Черногория признавала Эссада королем Албании. Этот маневр Черногории выбил из рук австрийских и германских империалистов крупный козырь, которым они щеголяли при «защите» независимости Албании, — принцип национальности.

Трудно было говорить о самоопределении албанцев, когда единственный вооруженный отряд албанцев во главе с Эссад-пашой отказался в пользу Черногории от Скутари. Этот маневр Черногории снова возродил у австрийских империалистов намерения разрешить скутарийский вопрос силой оружия. С этой целью Австро-Венгрия при поддержке Германии потребовала, не ограничиваясь морской демонстрацией, предпринять десант в Скутари и произвести бомбардировку черногорских портов, а также послать войска в Албанию. Австрия угрожала, что в случае отказа держав она примет эти меры против Черногории единолично. Россия, не желая допустить сепаратных действий Австро-Венгрии, настаивала на участии Англии и Франции в этих мероприятиях. Однако ни Англия, ни Франция не дали на это согласия. Англия заявила, что она не будет участвовать в каких-либо действиях против Черногории, но не возражает, если какая-либо держава единолично предпримет действия против Черногории, направленные к тому, чтобы выполнить решение держав.

Австро-итальянская вражда вокруг раздела Албании.

Наряду с военными приготовлениями в Австро-Венгрии происходят усиленные переговоры между Римом и Веной о разделе Албании. Необходимо указать, что между Австро-Венгрией и Италией велась острая борьба за господство в Албании. Италия и Австрия настаивали на создании «автономной» Албании, исходя из различных соображений. Австрия стремилась не допустить Сербию к Адриатическому морю и возможно больше укрепить Албанию путем увеличения ее территории, для того чтобы создать преграду для итальянской экспансии на Балканах. Напротив, итальянский империализм, не желавший сильной Албании, находящейся под австрийским протекторатом, стремился захватить в свои руки контроль в стране и превратить Адриатическое море в итальянское озеро. Поэтому когда Австро-Венгрия была намерена предпринять вооруженное выступление против Черногории на севере Албании, Италия заявила, что она займет Валону (портовый город в южной Албании, имеющий большое стратегическое значение, лежащий у входа в Адриатическое море) и южную Албанию. В связи с этим Италия подготовляла посылку флота в Адриатическое море. В Бриндизи и Бари были сконцентрированы итальянские войска. Мероприятия, предпринятые Италией, объяснялись нежеланием допустить хозяйничание Австро-Венгрии в Албании, а также обострением противоречий с Грецией, которая стремилась к расширению за счет южных территорий Албании. Тогда Германия, с целью смягчения итало-австрийских противоречий, предложила предоставить Австро-Венгрии и Италии мандат на совместное военное выступление в Албании.

Разрешение скутарийского кризиса.

Россия попрежнему продолжала возражать против единоличных действий Австро-Венгрии и пыталась заручиться поддержкой Англии и Франции. В ответ на это Англия и Франция заявили, что, в случае

если после выступления Австро-Венгрии Россия будет возражать против дальнейшего участия в морской демонстрации, они отзовут свои суда, и демонстрация утратит международный характер, а европейский концерт будет нарушен. Учитывая это, Россия предложила международную оккупацию Албании, которая, по ее мнению, должна была предотвратить выступление Австрии против Черногории. Одновременно Россия не переставала оказывать давление на Черногорию. 30 апреля 1913 г. Россия заявила Черногории, что она не поддержит ее в случае выступления Австро-Венгрии. Однако Россия обещала Черногории, что, в случае если она подчинится требованиям уступить Скутари Албании, то Россия добьется для нее компенсации [1]. Это заявление, по словам Гирса, сыграло решающую роль в отказе Черногории от Скутари, конфликт из-за которого едва не вызвал войну в Европе. Так был разрешен скутарийский кризис. 14 мая 1913 г. Скутари был передан черногорскими властями командованию международной эскадры и занят международным отрядом.

Болгаро-румынский конфликт.

Однако разрешение скутарийского вопроса не могло разрядить напряженной обстановки на Балканах. Конфликт между Румынией и Болгарией все еще не был разрешен. С возобновлением военных действий между Болгарией и Турцией (3 февраля 1913 г.) домогательства Румынии все более и более возрастали. Румыния попрежнему настаивала на уступке ей Силистрии и значительной береговой полосы болгарской территории. Россия, стремясь оторвать Румынию от Тройственного союза и привлечь ее на свою сторону, предложила Болгарии уступить Силистрию Румынии. «Из совокупности данных вывожу заключение, — писал Сазонов Неклюдову,— что в обладании городом Силистрии заключается главная суть вожделений Румынии. По словам г. Нану, румынского посланника в Петербурге, получение этого города при безотлагательном содействии России окончательно укрепило бы тяготение к нам Румынии, оторвав ее от Австрии. Общее политическое положение, несомненно осложнившееся за последние дни в связи с возобновлением военных действий и туго подвигающимися переговорами в Лондоне, заставляет нас желать скорейшего мирного улажения болгаро-румынского спора. Как видно из передаваемых вами же сведений, болгары сами стремятся к скорейшему прекращению войны; между тем, неразрешенный спор с Румынией уменьшает шансы скорого заключения мира. Не найдут ли ввиду этого болгары сами правильным пойти на уступку линии Силистрия—Шабла (пункт на побережье Черного моря) со включением г. Силистрии. В случае согласия софийского кабинета мы готовы были бы категорически заявить Румынии, что это предельная уступка, которую мы считаем возможной» [2].

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 2097.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3714.

Но это предложение России вызвало сильное недовольство в Болгарии. Правящие круги болгарской буржуазии «воображали, что Россия никогда не попросит их уступить румынам Силистрию, — писал Неклюдов, — и видят в этом неожиданном повороте банкротство их политики» [1].

Заручившаяся поддержкой, оказываемой Россией, Румыния прибегла к угрозам по адресу Болгарии и объявила частичную мобилизацию (призыв запасных).

Учитывая сложившуюся обстановку, Россия, не желавшая отталкивать от себя Болгарию, предложила державам произвести коллективное выступление в Софии и Бухаресте с предложением передать румыно-болгарский спор на решение держав. Одновременно Россия заявила Англии и Франции, что в случае оккупации Румынией болгарской территории, Россия, «не предрешая других мер, к которым она может быть вынуждена обстоятельствами» [2], не признает этого захвата. В ответ на это румынский король обратился к Вильгельму II и, взывая к его родственным чувствам, попросил содействия Германии. Кайзер посоветовал румынскому королю избегать конфликта, но заявил, что Германия не покинет Румынию. Вслед за этим Германия предложила России в случае болгаро-румынской войны сохранять нейтралитет [3]. На это российское правительство заявило, что Россия будет сохранять нейтралитет «до тех пор, пока это будет в человеческих силах», и предложило оказать коллективное воздействие в Софии и Бухаресте [4].

Совещание послов в Петербурге.

Лондонская конференция послов при обсуждении болгаро-румынского конфликта решила передать вопрос на обсуждение совещания послов в Петербурге. 9 мая 1913 г. совещание послов в Петербурге приняло решение, по которому Силистрия отходила к Румынии. Остальные территориальные притязания Румынии остались неудовлетворенными. Во время обострения болгаро-румынского конфликта Австро-Венгрия и Италия неоднократно предлагали Болгарии Салоники, в виде компенсации за Силистрию, рассчитывая привлечь этим Болгарию на свою сторону, обострить противоречия между нею и Грецией и таким образом разрушить созданный Россией балканский блок, направленный своим острием против Тройственного союза. На петербургском совещании послов австро-венгерский и итальянский послы выступили с предложением передать Болгарии Салоники, но встретили решительный отпор со стороны Сазонова, Бьюкенена и Делькассе.

Решение Петербургской конференции послов не удовлетворило ни Болгарию, ни Румынию. «Здесь с напряженным вниманием следят, — сообщал российский посланник в Бухаресте, — за

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 34.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3739.
[3] Gr. Pol., B. XXXIV, (I), N 12854.
[4] *Там же*, N 12860.

пререканиями между союзниками, становясь всецело на сторону сербских и греческих вожделений. В случае вооруженного столкновения между Болгарией и Сербией Румыния на этот раз несомненно им воспользуется для более широкого удовлетворения своих претензий»[1].

Франко-итальянские противоречия.

Вопрос о Скутари и о северной и восточной границах Албании крайне обострил австро-русские противоречия, а вопрос о южно-албанской границе выдвинул на первый план противоречия между Италией и Францией, заинтересованной в усилении морских границ Греции в противовес Италии. Греция стремилась отодвинуть границу Албании возможно далее на север. Италия, наоборот, настаивала на том, чтобы провести границу как можно южнее, и противилась отходу к Греции всего албанского побережья — пролива Корфу. Согласно греческому проекту, составленному еще в начале балканской войны, граница должна была выйти к Адриатическому морю у Химары, значительно севернее Корфу. Когда Лондонская конференция послов приступила к обсуждению вопроса о южной албанской границе, Италия выступила с проектом, отодвигавшим границу далеко на юг и выводившим ее к морю, южнее Корфу. Против этого проекта категорически возражала Франция, предложившая границу, выходящую к морю против северной оконечности острова Корфу. Натолкнувшись на решительное сопротивление Франции, Италия вынуждена была пойти на уступки и согласилась отодвинуть границу несколько на север, но с таким расчетом, чтобы она выходила к морю южнее северной оконечности острова Корфу.

Италия объясняла свои позиции тем, что переход пролива в руки Греции дал бы последней возможность запереть выход из Адриатического моря. Италия боялась, что, в случае если Греция примкнет к Тройственному согласию, Корфу может служить базой не только для греческого, но русского и французского флотов и явится угрозой коммуникационным линиям Италии в Средиземном море.

Франция настаивала на границе, предоставляющей Греции весь пролив Корфу. Италия заявила, что она ни в коем случае не допустит этого и будет противиться всеми мерами, вплоть до войны.

Державы и вопрос об островах в Эгейском море.

Россия предложила нейтрализовать пролив Корфу. Кроме того, Англия и Россия предложили вопрос о южной границе Албании объединить с вопросом об островах Эгейского моря. Они заявили, что если Греция проявит уступчивость в вопросе о границе, то она получит ряд островов в Эгейском море. На Лондонском совещании послов Италия заявила, что она не будет возражать против перехода островов Додеканес к Греции, но потребовала получения на это согласия от Турции.

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 103.

Как известно, во время первой балканской войны Греция постепенно захватила все принадлежавшие Турции острова Эгейского моря, за исключением островов Додеканес, оккупированных Италией еще во время войны с Турцией.

Россия не возражала против присоединения к Греции всех островов, за исключением четырех, защищающих вход в Дарданеллы: Лемноса, Тенедоса, Имброса и Самофраки. Она считала необходимым сохранить эти острова под властью Турции, чтобы не дать возможности какой-либо державе запереть выход из Черного моря.

Таким образом, мы видим, что планы российского империализма были направлены к тому, чтобы в случае захвата Константинополя и Проливов — Босфора и Дарданелл — овладеть и островами, расположенными на подступах к Проливам.

После того как Греция заверила державы в том, что она не будет претендовать на Проливы и что в будущей своей политике она будет ориентироваться на Россию, последняя согласилась на присоединение четырех островов к Греции, но при условии полной их нейтрализации, с обязательством срыть все имеющиеся на этих островах укрепления. Позиция Англии и Франции в вопросе об островах определялась прежде всего нежеланием допустить перехода какого-либо из них в руки великой державы. Англия и Франция согласились на присоединение всех островов к Греции, рассчитывая усилить морские позиции последней в противовес Италии. Германия вначале заявила, что к вопросу об островах относится «совершенно безразлично». Однако после русской угрозы в Константинополе в конце декабря 1912 г. Германия изменила свою позицию в вопросе об островах и стала настаивать на оставлении за Турцией островов, расположенных у малоазиатского побережья, и четырех островов, расположенных у Дарданелл. Это объяснялось тем, что Германия пыталась вовлечь в свою орбиту Турцию и тем самым не допустить Россию к Проливам, а в случае будущей войны использовать Босфор и Дарданеллы как плацдарм для наступления против России.

Италия 18 октября 1912 г. по Лозаннскому договору обязалась возвратить Турции острова Додеканес, как только Турция эвакуирует свои войска из Ливии. Италия, ссылаясь на Лозаннский договор, заявляла, что не может согласиться на присоединение островов к Греции. Помимо этого, Италия возражала также против присоединения к Греции островов, расположенных у побережья Малой Азии, опасаясь, что переход почти всех островов Эгейского моря к Греции укрепит позиции Англии и Франции в Средиземном море.

К моменту заключения мира между союзниками и Турцией вопрос об островах Эгейского моря остался нерешенным. Что касается островов Додеканес, то несмотря на Лозаннский договор Италия владеет ими и по сие время.

Подписание мирного договора между балканскими союзниками и Турцией.

Великие державы пригласили балканских союзников приступить к мирным переговорам. Лондонская конференция послов предложила воюющим странам проект мирного договора. Однако балканские союзники медлили с принятием предложенного им договора. Болгария требовала, чтобы в договоре была установлена линия границы, которая должна была еще более приблизить ее к Константинополю. Сербия требовала предоставления ей свободного выхода к Адриатике. Греция не желала доверять державам решение судьбы островов и определение южной границы Албании. Требования Болгарии были Лондонской конференцией послов отклонены. Предоставление Сербии свободного коммерческого выхода к Адриатике было решено включить не в мирный договор, а в статут Албании. Греция особенно упорно настаивала на своих требованиях, опасаясь, что при решении вопроса об островах и южной границе Албании великие державы не будут считаться с ее интересами.

Подписание мирного договора между балканскими союзниками и Турцией затягивалось. Тогда на сцену выступила Англия, которая категорически заявила балканским союзникам, что если они не подпишут предложенный им договор, то она не видит пользы от дальнейшего пребывания их представителей в Лондоне. Под давлением Англии балканские союзники 30 мая 1913 г. вынуждены были отступить, и мирный договор был подписан.

По мирному договору к балканским союзникам отошла вся территория Европейской Турции на запад от линии Энос—Мидия, за исключением Албании и Крита. Вопрос о судьбе островов Эгейского моря и о границе Албании был предоставлен на решение держав.

Социальное значение болгаро-сербских побед.

Так закончилась первая балканская война, длившаяся 8 месяцев (18 октября 1912 г. — 30 мая 1913 г.). Ленин, анализируя социальное значение побед балканских союзников над Турцией, указывал, что они «означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев, означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями» [1]. Однако вместе с тем Ленин указывал, что полное освобождение трудящихся от феодальных пережитков и полная свобода самоопределения народов в Македонии могут быть совершены только путем революции. «Спрашивается, какие же исторические причины вызвали то, что вопрос решается войной, а не революцией? Главная историческая причина этого — слабость, раздробленность, неразвитость, темнота крестьянских масс во всех балканских странах, а также малочисленность рабочих, которые хорошо понимали

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 186

положение дел и требовали балканской федеративной (союзной) республики» [1].

Определяя позицию большевиков по вопросу о балканской войне, Ленин писал:

«а) ...Лозунг балканской федеративной республики должен быть провозглашен и русским рабочим депутатом. Против славяно-турецкой вражды. *За* свободу и равноправие *всех* народов на Балканах.

б) Против вмешательства в балканскую войну других держав. Обязательно присоединение к той демонстрации в пользу мира, которая произошла в Базеле, на международном социалистическом конгрессе. Война войне! Против всякого вмешательства! За мир! Таковы лозунги рабочих.

в) Против внешней политики русского правительства вообще — с особым упоминанием «вожделений» захватить (и начавшихся захватов) Босфора, — Турецкой Армении, — Персии, — Монголии» [2].

«Передовые рабочие на Балканах, — пишет Ленин, — и вся балканская демократия возлагают свои надежды исключительно на развитие сознательности, демократизма и самодеятельности *масс*, а не на интриги буржуазных дипломатов, какими бы либеральными фразами они себя ни прихорашивали!» [3].

Итоги первой балканской войны.

Первая балканская война еще больше обострила международную ситуацию и углубила противоречия между империалистическими державами в борьбе за гегемонию на Балканах. Она явилась толчком к дальнейшей гонке вооружений в лагере обеих империалистических группировок.

Победы, одержанные Балканским союзом в войне с Турцией, создали новую обстановку в Европе. В результате первой балканской войны позиции Тройственного союза в Европе были ослаблены. Австро-Венгрия вынуждена была большую часть своих вооруженных сил сосредоточивать теперь на сербских границах. Германия, учитывая эту обстановку, принимала экстраординарные меры к дальнейшему усилению своей боевой мощи с таким расчетом, чтобы в кратчайший срок получить перевес в своих вооружениях над будущими противниками — Англией, Францией и Россией. Вооружения в Германии вызвали огромную тревогу в лагере Антанты. Французское правительство немедленно приняло решение вернуться к трехлетнему сроку военной службы, который был отменен в 1905 г. и заменен двухлетним. В парламент был внесен законопроект, который предусматривал значительное усиление вооруженных сил французской армии. Наряду с этим французское правительство приняло меры к усилению русской армии. С этой целью 20 марта 1913 г. президент

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 187
[2] *Там же*, стр. 202.
[3] *Там же*, стр. 158.

Французской республики Раймонд Пуанкаре отправляет послом в Россию одного из самых ярых противников Германии, бывшего министра иностранных дел и морского министра Делькассе, на которого была возложена миссия добиться от русского правительства постройки ряда железнодорожных стратегических линий. Россия и Англия принимают меры по усилению своих вооруженных сил.

Таким образом мы видим, что первая балканская война не только не привела к разрешению балканского вопроса, а наоборот, придала борьбе империалистов на Балканах еще более острый характер и привела к новому вооруженному столкновению на Балканском полуострове.

Подготовка войны против Болгарии.

В феврале 1913 г. Сербия потребовала от Болгарии пересмотра договора и уступки ей территории южнее установленной полосы. Требования эти были отвергнуты Болгарией. В это же время обострились противоречия между Болгарией и Грецией. Отношения между болгарами и греками давно уже были враждебными в связи с притязаниями Болгарии на занятые Грецией Салоники и спором из-за Сереса, Драмы, Кавалы и других пунктов. Еще в самый разгар войны с Турцией между болгарами и греками происходили кровавые стычки, переходившие в вооруженные столкновения. Сербское и греческое правительства начали переговоры о соглашении, направленном против Болгарии. Они предложили Румынии присоединиться к этому соглашению. Болгария в свою очередь торопилась заключить перемирие с Турцией, чтобы освободить свою армию для переброски ее против балканских союзников. Болгария противилась эвакуации из Албании турецких войск, желая тем самым приковать часть сербской армии к албанской границе. Греция и Сербия, закончившие свои военные действия ранее Болгарии, начали стягивать против Болгарии освободившиеся на турецком фронте войска. Балканские союзники, еще не окончив войны со своим общим врагом—Турцией, подготовляли войну против Болгарии.

Россия, кровно заинтересованная в сохранении Балканского союза как оплота против Австро-Венгрии и всего Тройственного союза, прилагала все усилия к предотвращению его крушения. Россия потребовала от Сербии соблюдения союзного договора с Болгарией, одновременно склоняя Болгарию пойти на уступки Сербии, и настаивала на частичной демобилизации армии балканских союзников. Кроме того, она предложила передать греко-болгарский спор на арбитраж держав Тройственного согласия и прибегнуть к предусмотренному сербо-болгарским договором арбитражу России. Россия пригласила премьер-министров четырех балканских государств приехать в Петербург для совместного обсуждения спорных вопросов. Однако все эти старания России не увенчались успехом, и к моменту заключения мира с Турцией Балканский союз был накануне распада.

М. Э. АЙРАПЕТЯН

ВТОРАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

На пороге войны.

Еще не успели остыть дула ружей и пушек, в воздухе еще пахло порохом, земля не просохла от крови, пролитой трудящимися на полях первой балканской войны, а на горизонте юго-восточной Европы стали вновь сгущаться грозовые тучи. Когда война с Турцией подходила к концу и центр тяжести вопроса был перенесен «окончательно с театра военных действий на театр грызни и интриг так наз. великих держав» [1], в лагере балканских союзников начались серьезные распри из-за дележа завоеванной добычи.

Лондонский прелиминарный договор от 30 мая 1913 г., по которому Турция отказывалась от всех своих европейских владений по линии Энос — Мидия, не мог разрешить противоречий между победителями. Борьба за передел завоеванных турецких территорий между балканскими союзниками, еще недавно выступавшими единым фронтом, приняла столь ожесточенный характер, что каждый буквально готов был вцепиться другому в горло, чтобы отхватить себе побольше македонских земель.

Сербия еще в феврале 1913 г., не получив выхода к адриатическому побережью в результате противодействия со стороны Австрии и Италии, подняла вопрос о радикальном пересмотре союзного договора с Болгарией и потребовала территориальных компенсаций. Сербское правительство в доказательство своих притязаний приводило следующие доводы: быстрые победы сербской армии привели к разгрому Турции. Уже в декабре 1912 г. Сербия достигла своих важнейших стратегических целей — Старой Сербии и Завардарской Македонии. С этого момента она помогала болгарам под Адрианополем и черногорцам — под

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 356.

Скутари, вне зависимости от каких бы то ни было обязательств. В войне с Турцией принимали участие Греция и Черногория, что не было предусмотрено сербско-болгарским союзным договором. Сербия отмобилизовала значительно большее количество войск, нежели этого требовала ее военная конвенция с Болгарией. Она выставила вместо 150 тыс. солдат 400-тысячную армию, спасла тем самым Болгарию и вынесла на своих плечах всю тяжесть войны. В то же время Болгария не выполнила своих договорных обязательств. По военной конвенции Болгария обязана была послать в долину Вардара 100 тыс. солдат, чего она не сделала, перебросив вместо этого свои войска во Фракию. В результате первой балканской войны Болгария получила Адрианополь и Фракию, оккупация которых не была предусмотрена договором. Сербия утратила надежду овладеть предметом ее давнишних вожделений — адриатическим побережьем, ради которого она вступила в войну и понесла огромные жертвы в пользу Балканского союза.

Требуя пересмотра союзного договора с Болгарией, Сербия мотивировала это тем, что по изложенным выше мотивам сербо-болгарский договор фактически утратил свою силу. В своей ноте от 24 июня 1913 г. Сербия потребовала от Болгарии территориальных компенсаций в юго-западной Македонии.

Не получив выхода к морю через территорию Албании в результате противодействия Тройственного союза, Сербия теперь настойчиво домогалась обеспечения пути к Салоникам (принадлежащим грекам) посредством установления общей границы с Грецией на юге (в районе Завардарской Македонии). Из-за этого и возник главным образом сербо-болгарский спор. Сербия, опасаясь в случае утраты Завардарской Македонии (расположенной по правому берегу реки Вардар, в Битолийском вилайете) оказаться наглухо запертой враждебным кольцом: с севера и северо-востока ненавистной Австро-Венгрией, с запада — вновь созданной албанской марионеткой австро-итальянских империалистов, а с юга и востока — «Великой Болгарией», орудовавшей тайно с Австрией, — и слышать не хотела об отказе от юго-западной Македонии. «Вопрос о свободном выходе в Солунь, — заявил сербский премьер-министр Пашич, — для сербов представляется последним жизненным вопросом. Грозит закрыться последняя форточка, в которую можно дышать».

Одновременно с Сербией выступила со своими притязаниями и Греция, которая, ссылаясь на произведенные великими державами сокращения ее территории в северном Эпире, требовала компенсации на эгейском побережье. Она претендовала на Кавалу, Серес, Драму, Дедеагач, требовала присоединения территорий с численностью населения в 2 млн., оставляя Болгарии всего лишь 1 300 тыс. человек. Греция, как огня, боялась усиления Болгарии, решительно настаивала на пересмотре сербо-болгарского договора и категорически отвергала возможность расши-

рения Болгарии за счет южной и юго-западной Македонии. Эти настроения в июне 1913 г. недвусмысленно выразил греческий королевич Николай Николаю II. В своем письме из Вены он указывал Николаю II, что уступка Болгарии юго-западной Македонии — «это как-раз то, чего мы больше всего боимся, ибо в таком случае Болгария станет почти вдвое больше Греции и вечно будет для нее угрозой; к тому же Греция будет таким путем отрезана от Европы, и Болгария сделает все, что в силах, чтобы отрезать нас от железнодорожного сообщения и полностью изолировать Грецию» [1].

«Болгария, — писал королевич Николай, — уже получила всю Фракию, что является уже весьма значительным увеличением ее территории; если, скажем, Фракия была [бы] завоевана Грецией, было бы совершенно справедливо и правильно, чтобы Болгария получила часть Западной Македонии (Монастир), но поскольку она [Болгария] захватила Фракию, остальные земли должны отойти Сербии и Греции, поскольку они были взяты этими двумя странами»... «К тому же, если Болгарии разрешат вклиниться между Грецией и Сербией, это составит для нас большую опасность; Салоники будет очень трудно защищать, если город останется открытым со всех сторон, и болгары воспользуются первым же поводом, чтобы объявить нам войну и вырвать у нас этот город... Сербия и Греция должны быть соседями, и Болгарии нельзя позволять занять правый берег реки Вардара» [2].

Наряду с Сербией и Грецией явился третий претендент на завоеванную союзниками добычу — Румыния. Как известно, Румыния занимала во время первой балканской войны позицию нейтралитета. Теперь она требовала за это компенсации на Нижнем Дунае, в Добрудже, вдоль линии Туртукай—Балчик. Даже маленькая Черногория, причинившая во время первой балканской войны столько хлопот царской России и желавшая, по образному выражению Сазонова, «разжечь пожар мировой войны, чтобы зажарить на ней для себя яичницу», тянулась вприпрыжку за Сербией и Грецией и под шумок междоусобной грызни надеялась отхватить для себя кусок пожирнее и получше. С этой целью она еще в мае 1913 г. настойчиво домогалась, на Лондонской конференции послов, территориальных и финансовых компенсаций, рассчитывая на поддержку России.

В результате противоречия между Болгарией, с одной стороны, Грецией, Сербией и Румынией — с другой, крайне обострились. Балканский антиавстрийский союз, воздвигнутый с такими усилиями дипломатией царской России, был подточен изнутри и находился накануне распада. На Балканах назревал новый пожар войны, но на сей раз в лагере самих балканских союзников.

По мере ликвидации турецкого фронта болгарские войска постепенно стали стягиваться вдоль сербской границы. Раздраже-

[1] Гос. Арх. феодально-крепостнической эпохи, д. № 87.
[2] *Там же.*

ние в обоих лагерях нарастало. На первый план выдвинулись партии из военных кругов. Усиленно зрели и подбирались элементы новой балканской коалиции, но теперь антиболгарской.

В мае 1913 г. между Сербией и Грецией начались секретные переговоры о заключении антиболгарского военного союза. Подписанный 1 июня 1913 г. в г. Солуни (Салоники) секретный греко-сербский союзный договор был направлен своим острием против Болгарии. Пункт 5 этого договора гласил: «Если возникнет спор с Болгарией по вопросу об установлении границ и если никакое полюбовное соглашение будет невозможно, обе высокие договаривающиеся стороны [Сербия и Греция] совместно предложат Болгарии урегулировать разногласия путем посредничества или арбитража государей держав Тройственного согласия или глав других государств. Если Болгария откажется принять этот способ мирного урегулирования и займет угрожающую позицию против одного из государств или попытается навязать свои притязания силой, обе высокие договаривающиеся стороны [Сербия и Греция] торжественно обязуются оказывать друг другу вооруженную помощь...» [1].

По договору обе стороны обязывались не входить в сепаратные соглашения с Болгарией, не допускать никакое другое государство к бывшим турецким территориям в районе Вардара и оказывать друг другу помощь в установлении общей границы на юге. Со своей стороны Греция обязалась в течение 50 лет предоставить полную свободу для сербского ввоза и вывоза через порт Салоники и Салоникскую железную дорогу. Военная конвенция обязывала Сербию выставить в случае войны с Болгарией 150-тысячную армию в районах Куманово, Велес, Гевгели, Пирот, а Греция выставляла 90-тысячную армию в районах Пангейон, Салониках и Куменице. В случае объявления войны одной договаривающейся стороной без предварительного согласия другой эта последняя освобождалась от военной помощи и обязывалась сохранять на всем протяжении военных действий «благожелательный нейтралитет». Военная конвенция предусматривала, что «окончательной целью военных операций греческой и сербской союзных армий является сокрушить военные силы Болгарии» [2].

Позиция России. Россия, на которую сербо-болгарский договор 1912 г. налагал обязательства арбитра в спорах между балканскими союзниками, видя, как гибнет созданное ею детище — Балканский союз, принимает все меры к тому, чтобы предотвратить надвигающуюся войну между союзниками и сохранить антиавстрийский балканский блок. На основании фактических материалов можно считать неопровержимо установленным, что царская Россия в специфической исторической обстановке 1913 г. не хотела развязывания войны между балкан-

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3723 (см. приложение).
[2] *Там же.*

скими союзниками и всемерно стремилась к мирному урегулированию разногласий между ними. Как известно, М. Н. Покровский утверждал, что вторая балканская война явилась попыткой России и Франции «вызвать державы центральной Европы на войну из-за Балкан» (см. БСЭ, ст. «Балканские войны»). Эта концепция Покровского глубоко ошибочна. Она льет воду на мельницу австро-германских империалистов, которые всячески пытаются снять с себя ответственность за разжигание второй балканской войны и обвинить Россию в том, что она «предала Болгарию» и затеяла междоусобную распрю в лагере балканских союзников. Материалы, извлеченные из секретных архивов царского правительства, свидетельствуют как раз об обратном. Россия не желала войны на Балканах в июле 1913 г. и, конечно, вовсе не потому, что она была миролюбиво настроена, а потому, что еще не была в должной мере подготовлена к схватке с Австрией и Германией, которые могли выступить на стороне Болгарии. Война между союзниками приводила к распаду балканского блока, созданного под эгидой России. Но Россия не хотела распада Балканского союза, надеясь сохранить его как один из важных факторов в будущих схватках с Австрией и Германией.

Политика царской России после разгрома Турции заключалась в том, чтобы, пользуясь своим положением арбитра, произвести полюбовный раздел награбленного турецкого наследства между балканскими союзниками, сохранить равновесие между ними; не допускать усиления ни одного из союзников и препятствовать их переходу в лагерь австро-германского блока. Только при этих условиях, по мнению царской дипломатии, Балканский союз мог служить целям утверждения гегемонии России на Балканах и на Ближнем Востоке. Эта установка дипломатии царской России была отчетливо изложена российским посланником в Афинах Демидовым, который в секретном донесении министру иностранных дел Сазонову 3 июня писал:

«Линия нашего поведения была ясно намечена вами [т. е. Сазоновым. — *М. А.*] в начале кризиса: обеспечить союзникам законные плоды их успехов на основе устойчивого равновесия. Только при этом условии, казалось, Россия могла рассчитывать в будущем на благожелательность союза, так как только таким путем он мог быть сохранен. Любое абсолютное преобладание одного из его членов обязательно поставило бы остальных в зависимость от наших соперников, не гарантируя нас, однако, от измены со стороны преобладающего элемента, который стремился бы увеличиться за счет ослабления сторон. В настоящем случае я подразумеваю, конечно, преобладание Болгарии; я бы привел такие же доводы в отношении возможной гегемонии Греции или Сербии... В настоящий момент вопрос, мне кажется, не в том, чтобы выбрать между Болгарией и Сербией, а в выборе между сохранением союза путем равновесия или усилением влияния Австрии путем нарушения его... Следует заботиться об их [т. е. балканских союзниках]

интересах в свете наших... Наша немедленная задача отвратить вооруженное столкновение между ними» [1].

Эту же мысль развивал один из видных дипломатов царской России, посланник в Сербии Н. Гартвиг, делавший, образно выражаясь, «погоду» на Балканах.

«Союзный [балканский] блок, — писал он Сазонову, — должен служить в будущем *нашим*, а не чужим интересам. Сохранение же союза возможно, когда два союзника в совокупности будут сильнее третьего» [2]. Естественно поэтому, что все усилия России накануне второй балканской войны состояли в том, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между союзниками и не допустить развала Балканского союза и чрезмерного усиления Болгарии, которая, как показал опыт первой балканской войны, могла бы вновь стать на пути русской экспансии на Ближнем Востоке по направлению к Босфору и Дарданеллам. С этой целью на другой же день после заключения Лондонского договора (от 30 мая 1913 г.) Россия прилагает все усилия к тому, чтобы умерить алчные аппетиты Болгарии и вынудить ее мирным путем урегулировать свои территориальные споры с Грецией и Сербией. Перед лицом надвигающегося вооруженного конфликта российское правительство настойчиво требует от союзников равномерного сокращения армии и приступа к мирному урегулированию территориальных разногласий. Предложение это, однако, сразу же натолкнулось на резкое противодействие Болгарии, в которой стала брать верх военная партия, во главе с генералом Савовым и царем Фердинандом. Эта партия не желала делать какие-либо уступки Сербии и Греции и требовала от сербского правительства очищения оккупированных территорий юго-западной (Завардарской) Македонии и беспрекословной передачи этого района Болгарии. Но о выполнении болгарских домогательств в Белграде и Афинах не хотели слушать. В результате противоречия между Болгарией, с одной стороны, Сербией и Грецией — с другой, достигли в июле чрезвычайной остроты. При этом каждая из спорящих сторон пыталась заручиться поддержкой России, к посредничеству которой они, как известно, обязывались прибегать в силу союзного договора (1912 г.). Уже в мае 1913 г. Болгария обращается за помощью к России и предлагает ей взамен заключить военный союз, направленный против Турции и Австрии. Министр финансов Болгарии Тодоров 3 июня 1913 г. заявил русскому представителю Солдатенкову, что «для Болгарии представлялось бы крайне желательным теперь же выяснить и элиминировать все вопросы, могущие породить к ней некоторое недоверие со стороны России. Например, в вопросе о Проливах... болгарское правительство в целях заключения военной конвенции с Россией готово связать себя вполне определенным договором: не только навсегда отказаться от них

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 332.
[2] *Там же*, д. П. А., № 530.

и не стремиться к обладанию ими, но и вооруженной силой помогать России в случае, если бы Россия решилась на занятие Константинополя, его хинтерланда или Проливов». Кроме того, Тодоров предложил России от имени болгарского правительства заключить секретный союз на случай войны с Австрией. Взамен всего этого Тодоров просил русской поддержки в разрешении территориальных споров с Сербией.

В подтверждение того, что он выражает не свою личную, а официальную правительственную точку зрения, Тодоров показал Солдатенкову строго секретную телеграмму болгарского премьера Гешова, зашифрованную личным шифром царя Фердинанда и переданную по его одобрению и приказанию. Текст этой телеграммы, адресованной Тодорову, гласил:

«Мы поняли из вашей телеграммы, что вы имели лишь частные разговоры с Солдатенковым, не ведя переговоров, а исключительно и только зондировали почву. Так как вы говорите, что имеете к нему самое большое доверие, подтвердив Солдатенкову все ранее вами сказанное, укажите, что все могущие возникнуть, а может [быть] и имеющиеся у России подозрения, относящиеся до нашего будущего поведения в вопросе о Босфоре и Проливах, надлежит признать одинаково безосновательными...» Это на первый взгляд чрезвычайно соблазнительное предложение Болгарии не встретило, однако, поддержки России. Правительство России устами своего министра иностранных дел Сазонова отвечало: «Всякие переговоры с Болгарией преждевременны до тех пор, пока ее разногласия с Сербией не будут полностью урегулированы» [1].

В этом ответе не было ничего удивительного. Перспектива усиления Болгарии за счет Сербии и Греции вовсе не улыбалась русскому империализму. Слишком были еще свежи воспоминания о поведении «неблагодарной Болгарии», которая в самый разгар побед балканских союзников над турками мечтала водрузить «святой крест на Айя-Софии», захватить Босфор и Дарданеллы и захлопнуть черноморскую дверь у самого носа своего русского «покровителя». Эту позицию российского правительства, препятствовавшего всеми силами образованию «Великой Болгарии» от Эгейского до Черного моря, достаточно ясно выразил Гартвиг, который писал Сазонову: «Раз нанесен будет обоюдными силами смертельный удар Сербии, наступит пора и для осуществления второго акта политической программы движения Великой Болгарии с благословения Тройственного союза — в сторону Проливов, дабы навсегда отрезать Россию от Ближнего Востока» [2]. Естественно поэтому, что Россия отвергла предложение Болгарии о сделке за счет Сербии, являвшейся аванпостом русского влияния на Балканах и преградой австро-германской экспансии на Ближний Восток.

[1] Арх. Вн. Пол., д. С. А., № 838.
[2] *Там же*, д. П. А., № 530.

В подготовлявшейся войне России и ее союзников — Франции и Англии против Австрии и Германии, Сербии предназначалась видная роль. Сербия, окрепшая после первой балканской войны, превратилась в сильного противника Австро-Венгрии. Австрийский генеральный штаб рассчитывал, что военные силы Сербии потребуют отвлечения на южный фронт не менее 6—8 австрийских корпусов из общего количества 16 корпусов. Это должно было соответственно ослабить австрийскую армию в Галиции. Между тем по общему военному плану Тройственного союза Австро-Венгрия должна была выставить в Галиции для удара против России не менее 40 дивизий, т. е. больше 13 корпусов, при условии, что Италия и Румыния сохранят благожелательный нейтралитет. Вот почему вынужденная выбирать между сильной Болгарией и Сербией Россия склонилась в пользу последней. Стремление болгарских политических кругов к образованию Великой Болгарии являлось для русского военно-феодального империализма более реальной угрозой, нежели укрепление Сербии, расширение которой мыслилось Россией в первую очередь за счет Австро-Венгрии. Девиз Сазонова: «обетованная земля Сербии лежит на территории теперешней Австро-Венгрии» [1] как нельзя яснее выражает господствующее настроение правящих кругов царской России.

Русский империализм возлагал огромные надежды на растущее национально-освободительное движение южных славян в Австро-Венгрии, рассматривая его как орудие взрыва обветшавшей лоскутной монархии Габсбургов. Сербия, ставшая накануне мировой войны важнейшим центром великосербской пропаганды, была нужна царской России не только как опорная база в борьбе за гегемонию на Балканах и за захват Проливов, но и как центр притяжения австрийских славян, как орудие борьбы против Австро-Венгрии. «Славянофильство» было боевой программой российского империализма, выражением его затаенных вожделений, идеологическим прикрытием планов подчинения славянских народов, живших на территории Балканского полуострова и в Австрии.

«Высказываясь по своему крайнему разумению за желательность удовлетворения жизненных вожделений Сербии, — писал Гартвиг Сазонову, — в целях ограждения ее политической и экономической независимости, я не могу отрешиться от мысли, что того же настоятельно требуют и *первостепенные интересы* России.

К сему считаю долгом добавить, что состоящий при вверенной мне миссии полковник Артамонов стоит на той же точке зрения, убедительно доказывая ... необходимость для России и по военным и стратегическим соображениям иметь в качестве нашего аванпоста сильную и независимую Сербию, которая могла бы с успехом противостоять грозному напору Австрии на Ближний Восток. Достойно внимания, что и здешний французский военный

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 530.

агент... придает Сербии громадное значение как политическому и военному фактору на Балканах. Полковник Фурнье убежден, что Сербия, освободившаяся от окончательной зависимости Австро-Венгрии, будет в большей степени споспешествовать задачам Тройственного согласия в борьбе с державами Тройственного союза» [1].

Австро-сербские противоречия.

Но решительное нежелание России поддержать завоевательные планы Болгарии, направленные против Сербии, вызвали бурю негодования в Софии, где все более и более получали преобладание элементы, тянувшие в лагерь австро-германского империализма. Воинственные настроения болгарских правящих кругов усиленно подогревались Австрией. Теперь, как никогда, австрийскому империализму улыбалась перспектива распада Балканского союза и разгрома «сербской занозы» на Балканах руками ее вчерашнего союзника.

В период 1907—1914 гг. Австрия не раз провоцировала Сербию на войну. Австро-венгерский империализм стремился к разгрому Сербии, чтобы подорвать позиции России на Балканах и проложить себе путь к Салоникам. С другой стороны, Австрия выступала на Балканском полуострове так же как агент германского империализма, пытавшегося путем разгрома Сербии проложить себе кратчайший и наиболее удобный путь к Константинополю. Германский империализм, стремясь на Ближний Восток — в Турцию, а оттуда в Персию, мечтал о создании «Великой Германии» от Гамбурга до Персидского залива, и он был самым серьезным образом заинтересован в господстве над железнодорожной линией Берлин — Константинополь — Багдад.

Обострению австро-сербских отношений способствовало широко развернувшееся в 1913 г. великосербское националистическое движение, оформившееся в густой и широко разветвленной сети обществ и организаций: «Омладина», «Словенский юг», «Народна одбрана», «Уедненье или смрт», «Задруга» и т. д. и т. п. Эти организации вели усиленную пропаганду, направленную своим острием против Австро-Венгрии, не только в самой Сербии, но и в южно-славянских областях Австро-Венгрии, где проживало около 7 млн. сербов, хорватов и других славянских народностей, находившихся под гнетом австрийских и венгерских капиталистов и помещиков. Особенно большую роль в политической жизни Сербии играли «Народна одбрана» и «Уедненье или смрт» («Черная рука»). Согласно уставу «Народна одбрана» задача ее состояла в том, чтобы «будить, подбодрять и укреплять национальные чувства сербского народа», формировать добровольческие отряды и подготовлять их для вооруженных выступлений, организовывать и вооружать повстанческие отряды для партизанской войны в южно-славянских областях Австро-Венгрии. Общество это

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 530.

имело многочисленные филиальные организации («Сокол», «Побратима», «Культурная лига», «Просвета» и т. п.), которые под прикрытием спортивных и культурно-просветительных вывесок пропагандировали идеи великосербского национально-освободительного движения в славянских областях Австро-Венгрии.

Сербская организация «Черная рука» представляла собой строго законспирированную заговорщическую, террористическую организацию. Она была основана группой сербских офицеров, близко стоявших ко двору, и состояла из наиболее видных представителей офицерства гвардии, генерального штаба, чиновников министерства иностранных дел, юстиции, финансов и т. д. Задачей «Черной руки» являлась борьба против Австрии и ее чиновников в южнославянских землях Габсбургской монархии. Общество это было разбито на тройки и пятерки, члены которых были строго законспирированы и известны в организации под номерами. Только руководящая головка «Черной руки» — «Верховна-центральна управа», имевшая право жизни и смерти над членами общества, несменяемая и не дающая никому отчета в своих действиях, знала настоящие имена своих членов и могла ими распоряжаться по своему усмотрению. Руководителем «Черной руки» был начальник контрразведки сербского генштаба полковник Дмитриевич-Драгутин, чья жизнь, по словам сербского историографа Стаеневича, «прошла в заговорах и покушениях». Сподручным Дмитриевича был майор Войя Танкосич.

«Черная рука» являлась влиятельнейшим политическим центром в Сербии, существовавшим при поддержке правительственных и дворцовых кругов, во главе с престолонаследником Александром, который широко прибегал к этой организации в борьбе за право престолонаследия и против диктаторского режима радикальной партии, державшей в узде династию Кара-Георгиевичей. Деятельность всех этих явных и тайных националистических организаций была хорошо известна в правящих кругах царской России, которая оказывала широкую поддержку великосербскому антиавстрийскому движению в своих корыстных империалистических интересах.

Известно, например, что в 1910—1913 гг. Россия широко субсидировала офицерское общество «Задруга», находившееся под особым покровительством сербского престолонаследника Александра. Организация «Задруга» носила официальное название «Королевское офицерское экономическое общество». Она существовала с 1899 г. и ставила своей задачей оказывать офицерам армии экономическую помощь. Каждый офицер сербской армии являлся членом «Задруги». Ввиду того что офицеры получали скромное содержание, они вынуждены были прибегать к кредитам общества. Между тем по закону каждый военный чин, оказавшийся несостоятельным перед своими кредиторами, подлежал немедленному увольнению со службы. Отсюда понятно, что для России финансирование «Задруги» представляло собой орудие, с помощью

которого она стремилась упрочить свое влияние в сербских военных кругах. «Своевременное благожелательное содействие императорского правительства, — писал Гартвиг Сазонову, — избавило бы сербскую армию от большой опасности и было бы оценено по достоинству как самим королем, [так и] престолонаследником, являющимся почетным председателем «Задруги», так равно правительством и сербским войском» [1].

Дело о финансировании «Задруги», по словам российского поверенного в делах в Белграде Муравьева, представляло собой «крупный вопрос борьбы русского и австрийского влияния в Сербии» [2].

Естественно поэтому, что Австрия в момент назревания конфликта между Сербией и Болгарией напрягает все усилия к тому, чтобы взорвать созданный Россией балканский блок и сокрушить Сербию, превратившуюся в серьезную преграду на пути империалистической экспансии Австро-Венгрии.

Таким образом, австро-сербский конфликт не был случайным эпизодом. Он вытекал из всей предшествовавшей истории борьбы южнославянских народов и был тесно связан со стремлением двух империалистических хищников — России и Австро-Венгрии (за спиной которой стояла Германия) подчинить своим захватническим целям национально-освободительное движение, развивавшееся среди малых славянских наций. Не случайно поэтому, что стремление Австро-Венгрии и Германии задушить пробуждающееся южнославянское национальное движение и желание царской России использовать это движение для разрушения Двуединой монархии составляли одну из немаловажных причин столкновения России с австро-германским блоком в 1914 г.

Австрия и Германия — поджигатели войны на Балканах.

Германские и австрийские публикации, посвященные возникновению мировой империалистической войны, тщательно пытаются скрыть от широкого общественного мнения истинную роль Австрии и Германии, которые натравливали Болгарию против Сербии и Греции и развязывали вторую балканскую войну. «Русское утверждение, что Австро-Венгрия толкнула болгарское правительство на это роковое предприятие, — пишут редакторы германской публикации «Die Grosse Politik» [3], — не находит подтверждения ни в германских документах, ни в австрийских источниках». Заявление этих редакторов, однако, насквозь лживое и призвано к тому, чтобы скрыть истинную роль Австро-Венгрии и Германии в балканской бойне. Имеющиеся документы с неопровержимой ясностью свидетельствуют о том, что Болгария была спущена с цепи против Сербии и Греции именно Австро-Венгрией, обещавшей болгарам поддержку в критическую минуту. Даже в австрийских и германских публикациях и мемуарной литературе

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 2894.
[2] *Там же.*
[3] B. XXXV, S. 52, примечание.

можно при внимательном и добросовестном чтении найти не мало любопытных данных по этому вопросу. Так например, начальник генерального штаба австрийской армии Конрад фон Гетцендорф в своих воспоминаниях указывает, что в мае 1913 г. он точно знал о неизбежности столкновения между Сербией и Болгарией и всячески уговаривал министра иностранных дел Берхтольда сделать из этого соответствующие выводы. Берхтольд долго ждать себя не заставил и, по утверждению Конрада, в конце мая предложил Болгарии через военного атташе в Софии оградить Болгарию от территориальных потерь и дать взаймы денег, если она перестанет следовать указаниям России [1]. Известно далее, что во время встречи 21 июня 1913 г. Берхтольд и Конрад уже начертали конкретный план действий, заключавшийся в том, что если Болгария понесет поражение в войне с Сербией и Грецией, то тогда Австро-Венгрия вмешается с оружием в руках в эту войну, а в случае выступления России против Болгарии на стороне Сербии, Австрия объявит войну России. «Если Россия будет протестовать и угрожать, — заявил Конрад, — придется выступить против нее». «Это — война», — говорил Берхтольд Конраду. «Одним словом, — заявил он, — возможность ведения нами войны против России допущена» [2].

Таким образом, основная линия австрийской дипломатии накануне второй балканской войны сводилась к натравливанию Болгарии на Сербию с целью разгрома последней и укрепления своего влияния на Балканах в противовес России.

Империалистическая Германия, пристально наблюдавшая за развитием событий на Балканах, тайно поддерживала свою союзницу Австрию и была заинтересована в том, чтобы балканские союзники передрались между собой. Ослабление Сербии, являвшейся преградой на пути германской экспансии на восток, прямо входило в планы германских правящих кругов. В середине июня 1913 г. Свербеев сообщал Сазонову, что германский министр иностранных дел Ягов «весьма ясно намекает, что, ввиду неминуемости вооруженного столкновения между ними [балканскими союзниками] в будущем, балканским государствам, пожалуй, выгоднее было бы решить свой спор теперь же, когда они уже готовы к войне... Здесь, — писал Свербеев, — повидимому рассчитывают на возможность известного соглашения Болгарии с Румынией, что обеспечило бы военный успех первой» [3].

Посредничество России.

Но перспектива новой войны между союзниками, как отмечалось выше, отнюдь не входила в планы царской России. В июне 1913 г., когда угроза новой войны между Болгарией, Сербией и Грецией была неминуемой, Россия, стремясь к урегулированию конфликта, продолжала настаивать на немедленном сокращении численности союз-

[1] *Conrad*, Aus meiner Dienstzeit, III, SS. 302—316, Wien, 1922.
[2] *Renouvin*, La Crise Européenne et la Grande Guerre, p. 136, Paris, 1934.
[3] Арх. Вн. Пол., д. К., № 55.

ных армий. Царское правительство с этой целью выдвинуло предложение о созыве совещания четырех премьеров (Сербии, Греции, Болгарии и Черногории) в Петербурге под покровительством и арбитражем России. Однако все эти предложения вновь натолкнулись на резкое сопротивление Болгарии. Болгарское правительство не желало итти ни на какие уступки сербам и соглашалось на арбитраж России лишь при том условии, если он сведется к безапелляционному признанию болгарских прав на Македонию.

Против предложения России возражала и Сербия, военные круги которой не намеревались уступать Болгарии ни клочка Вардарской Македонии, занятой сербской армией в период первой балканской войны. Воинственные настроения сербских правящих кругов и армии вдохновлялись и направлялись престолонаследником Александром, вокруг которого группировались крупные политические деятели, генералитет и влиятельные дворцовые круги. В конце мая 1913 г. сербская газета «Политика» опубликовала интервью с королевичем Александром, в котором он откровенно заявил, что Сербия не отдаст Болгарии ни дюйма Вардарской Македонии и что иного способа разрешения сербоболгарской распри, кроме войны, не существует. В еще более резкой форме Александр высказал ту же мысль русскому генеральному консулу в Ускюбе Тухолке: «Встревожен русским проектом арбитража, ибо Сербии нечего уступать. Сербы, — заявил он, — никак не уступят долину Вардара и земли к западу и предпочтут скорее воевать с Европой, чем подписать свой смертный приговор. В противном случае пускай-де хоть Австрия берет Сербию, раз все равно погибать» [1].

Нежелание подвергнуть себя арбитражу России без предварительной гарантии того, что юго-западная Македония не будет отдана Болгарии, объяснялось, несомненно, известной боязнью Сербии, которая опасалась, как бы она не оказалась разменной монетой в российском торге с Болгарией. Об этих опасениях сербских правящих кругов Гартвиг писал Сазонову, что, возлагая надежды на арбитраж российского императора, «король и правительственные лица не могут не сознавать, что такое третейское разбирательство связано с известным риском. У России имеются свои преобладающие интересы, свои высшие политические соображения, которые могут перетянуть чашу весов далеко не в пользу сербов» [2].

Аналогичные настроения царили и в правительственных кругах Греции, которая вместе с Сербией домогалась захваченных Болгарией территорий и избегала арбитража России, опасаясь ее предательства. «Я опасаюсь, — писал греческий королевич Николай российскому царю, — что Сазонов готов уступить Монастир болгарам (под предлогом, что там живут болгары). Но

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 1483.
[2] *Там же*, д. К., № 113.

если это так будет, то у нас никогда в будущем не установится мира, ввиду того что Болгария, став почти вдвое больше Греции, воспользуется первым же предлогом, чтобы начать войну, а затем, раздавив Грецию, нападет на Сербию, или наоборот... Я полностью, — писал королевич, — уповаю на тебя, зная, что ты сделаешь все возможное, чтобы защитить интересы нашей страны, отчасти ради самой Греции, а также в память дорогого папы» [1].

Перед лицом этих взаимных притязаний союзников, готовых каждую минуту передраться из-за македонской территории, Россия напрягает все усилия к тому, чтобы предотвратить возможность военного столкновения, угрожающего распаду балканского блока. Когда в конце мая 1913 г. явно обнаружилось, что все увещевания Сазонова, направленные к сокращению вооружений и к созыву конференции балканских премьеров, не привели ни к какому результату, а концентрация войск как с болгарской, так и с сербо-греческой стороны нарастала усиленным темпом, царская дипломатия решила прибегнуть к авторитету царя.

Николай II 8 июня 1913 г. обратился к болгарскому царю и сербскому королю с телеграммой, в которой высказывал опасения о подготовлявшейся войне и категорически предупреждал, что война между союзниками не может оставить его равнодушным, и он оставляет за собой полную свободу действий по отношению к последствиям войны [2]. Однако и вмешательство Николая II не произвело должного эффекта на союзников, несмотря на ультимативный, почти угрожающий тон «высочайшей телеграммы». В своих ответах Николаю обе враждующие стороны продолжали упорствовать и валить вину друг на друга. Но если в Софии и Белграде демарш российского царя явился холостым выстрелом, то в Берлине, и в особенности в Вене, он вызвал резкие нападки правительственных кругов и прессы. Опасавшийся усиления России на Балканах, австро-германский союз прилагает все усилия к тому, чтобы спровоцировать балканских союзников на войну. Вот почему всякое вмешательство России, стремившейся урегулировать сербо-болгарский спор и не допустить распада балканского блока, являлось ударом по австро-германскому империализму. Германский статс-секретарь (министр иностранных дел) Ягов 18 июня заявил откровенно послу России в Берлине Свербееву, что «обращение России к славянству, по всей вероятности, встревожило Австрию, которая, будучи сама славянской державой и непосредственной соседкой Балкан, естественно, опасается устранения там своего собственного влияния» [3]. За этим заявлением Ягова последовала целая серия демаршей австро-германских правительственных кругов. На другой день после

---

[1] Гос. Арх. феод.-креп. эпохи, ф. 5/с, оп. 1, д. № 87.
[2] Арх. Вн. Пол., д. С. А., № 321.
[3] *Там же*, д. К., № 55.

выступления Ягова граф Тисса в своей речи в венгерском парламенте о внешней политике угрожающе заявил: «В деле распределения военной добычи Австро-Венгрия желает, чтобы балканские государства действовали совершенно самостоятельно. От них одних зависит порешить свои споры путем третейского суда или силой. Вмешательства других государств Австро-Венгрия не потерпит» [1]. Одновременно германский посол в Вене Чиршки предупредил Гирса, что «воззвание России к общему славянскому делу — угроза по отношению к Австро-Венгрии и ее политике на Балканах, поддерживаемой ее союзниками Германией и Италией» [2].

Австро-болгарское сближение.

Все усилия австрийской дипломатии накануне второй балканской войны состояли в том, чтобы углубить противоречия в лагере союзников, убедить Болгарию не итти ни на какие уступки сербам и перетянуть ее на свою сторону. «Для нас лучше Великая Болгария, чем Великая Сербия», — заявил 30 июня 1913 г. Конрад фон Гетцендорф Берхтольду [3].

«Не подлежит сомнению, — сообщал Гирс Сазонову, — что Австро-Венгрия боится господствующего влияния России на Балканах, вот почему она приложила все свои старания, чтобы сблизить Болгарию с Румынией и поддержать непримиримый тон Болгарии по отношению к Сербии и Греции. Венский кабинет желает решительной победы Болгарии над Сербией, которую он хотел бы видеть умаленной и надолго ослабленной» [4]. В начале июня в руки царского посла в Константинополе Гирса попало из секретного источника донесение турецкого посланника в Бухаресте Сефа-бея, в котором он сообщал министерству иностранных дел в Турции, что между Софией и Веной идет усиленная переписка на случай войны против Сербии. Австрия прилагала все усилия, чтобы убедить болгар не итти ни на какие уступки и обещала организовать «албанские банды», которые будут вторгаться в области, занятые Сербией и Грецией. Кроме того, как сообщал Сефа-бей, со стороны Австро-Венгрии в случае войны Болгарии будут приняты меры с целью отвлечения значительной сербской армии к австрийской границе, а вместе с тем на турецкое правительство будет произведено необходимое давление в целях сохранения им нейтралитета. Взамен такой помощи Австро-Венгрия требовала от Болгарии предоставления таких преимуществ в Македонии, которые «дали бы ей возможность сохранить в этой области преобладающее значение» [5]. В начале июня переход Болгарии на сторону Австро-Венгрии ясно определился. Об этом не считали даже нужным скрывать в дипломатических кругах Болгарии. Болгарский военный агент в Италии 11 июня 1913 г. заявил

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3707.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3712.
[3] *Renouvin*, La Crise Européenne.
[4] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3712.
[5] *Там же*, д. П. А., № 1047.

российскому военному агенту Булгарину, что он считает столкновение с Сербией неминуемым, и эта война, по его словам, будет популярнее в Софии, нежели война против Турции. «Он мне откровенно сознался, — писал Булгарин Данилову, — что в Болгарии нет в настоящее время никакой симпатии к России, и считает вполне даже [возможным] соглашение с Австрией» [1]. Впрочем, о самом факте соглашения российскому министерству иностранных дел было известно за два дня до этого из секретной телеграммы начальника отдельного отряда черноморского флота контр-адмирала Петрова-Чернышина, в которой тот сообщал, что «заключается союз между Болгарией и Австрией, одновременно Болгария объявляет войну Греции» [2].

Характерно, что об австро-болгарском сближении не считали нужным скрывать и в Берлине. Весьма интересная беседа по этому поводу происходила 24 мая между российским послом в Берлине Свербеевым и Вильгельмом II. Упомянув о тревожных известиях, получаемых из Белграда и Софии, Вильгельм страстно обрушился в присутствии Свербеева «на непозволительную политику царя Фердинанда, который обращается поочередно ко «всем монархам» с просьбой поддержать те или другие его притязания». На замечание Свербеева, что есть основания предполагать об усиленных происках Фердинанда в Вене и благосклонном сочувствии к этому австрийских правящих кругов, Вильгельм ответил: «Весьма возможно» [3].

Между тем конфликт между Сербией, Грецией и Болгарией нарастал буквально с каждым часом. В середине июня вышел в отставку принадлежавший к умеренным элементам болгарский премьер-министр Гешов, про которого российский посол в Болгарии Неклюдов писал: «В его лице мы утратили политика, благоразумного, следовавшего до известной степени нашим советам и доверявшего нашим обещаниям» [4]. Министерский кризис, вызванный отставкой Гешова, был использован болгарскими военными кругами в цёлях сосредоточения войск на сербской границе. После сформирования нового кабинета во главе с Даневым упорство Болгарии еще более возросло. Болгарское правительство затягивало ответ на предложение России о созыве конференции премьеров в Петербурге. Предложение Сербии о немедленном сокращении боевого состава армии до четверти состава было также Болгарией отвергнуто. Болгария заявила, что она до тех пор не пошлет своего представителя, пока Сербия не согласится впустить болгарские войска в Завардарскую Македонию. Попытка России принудить союзников при помощи коллективного демарша великих держав к немедленному сокращению армий также не увенчалась успехом. Правда, по настоянию российского посла в Лон-

[1] ЦВИА, ф. 2000, д. № 9766.
[2] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3724.
[3] *Там же*, д. П. А., № 3711.
[4] *Там же*, д. П. А., № 3712.

доне Бенкендорфа, в мае на конференции послов в Лондоне было принято решение пригласить балканских союзников к немедленному сокращению их армий, но дальнейшее осуществление этого начинания было сорвано Австрией, Германией и Италией. Австрийский и германский послы на протяжении нескольких дней затягивали ответ под предлогом якобы неполучения от своих правительств инструкций. В конечном итоге Австрия отказалась присоединиться к коллективному демаршу в Софии, мотивируя свой отказ тем, что, поскольку сербское правительство уже предложило Болгарии сократить армии, ей выступать после Сербии неудобно и неприлично. Так бесславно окончился коллективный демарш, предпринятый по инициативе России. «Даже при отсутствии предубеждения, — писал Демидов Сазонову, — трудно удержаться от подозрений, что между Австрией и ее двумя союзниками есть согласованный план» [1].

Начало войны. Между тем распри в лагере балканских союзников разгорались с каждым днем все с новой и новой силой. 18 июня 1913 г. во французской газете «Temps» было опубликовано подробное содержание сербо-болгарского секретного договора, заключенного в феврале 1912 г. Это произвело в России впечатление разорвавшейся бомбы. Подобного рода шаг, предпринятый, несомненно, по инициативе болгарского правительства, преследовал цель обострить конфликт с Сербией и был направлен также и против России, которая явилась инициатором сербо-болгарского соглашения. Хотя под давлением России Болгария и Сербия дали официальное опровержение сообщения в «Temps», но последствий этого внезапного маневра так и не удалось сгладить. Конфликт между Болгарией и Сербией нарастал лихорадочными темпами, и война угрожала вспыхнуть с минуты на минуту.

Концентрация войск в пограничных стратегических пунктах как с болгарской, так и сербо-греческой стороны развертывалась быстро, и уже к середине июня сосредоточение армий было закончено. Болгария, оставив у Чаталджи две дивизии против турок, выставила против Сербии и Греции 292 батальона, сведенных в пять армий (13 дивизий и 18 батальонов) на фронте Белоградчик — Берковица — Сливница — Кюстендиль — Штип — Дойран — Серес — Драма. В свою очередь противники Болгарии сосредоточили: Сербия — 13 дивизий (200 батальонов, в том числе 16 черногорских), сведенные в три армии и сосредоточенные в районах Криволак — Ежево поле — Велес — Куманово — Крива Паланка — Кратово — Хаджлар — Пирот — Скопле — Заечар. Греция сосредоточила 8 дивизий общей численностью около 100 тыс. человек на фронте Элевтера — Стурма — Гевгели — Салоники.

Перед лицом неумолимо надвигающейся второй балканской

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3712.

войны Россия предпринимает последние попытки, направленные к тому, чтобы удержать союзников от столкновения. Чтобы выбить из рук Болгарии благовидный предлог для затяжки отправки своего делегата на совещание премьеров в Петербург, Сазонов через Гартвига производит усиленное давление на Сербию и требует от нее немедленного согласия на арбитраж России без всяких условий и гарантий. Этот шаг России вызвал резкое недовольство среди сербского офицерства и оппозиционных кругов, усиленно обвинявших правительство во главе с Пашичем в излишней умеренности к болгарам, а Россию — в предательстве сербских интересов. Об этих настроениях сообщал генеральный консул в Скопле Тухолка Сазонову. Он писал, что в Сербии «распространился слух, будто бы государь император решил, чтобы до арбитража в занятые сербами спорные области были введены и болгарские войска в равной с сербами пропорции. Затем стали говорить, что Россия думает решить вопрос о разделе Македонии путем плебисцита... Престолонаследник выехал в Белград, и генерал Амшич сказал мне, что королевич Александр имеет передать королю, что он, Амшич и сербская армия ни за что не уйдут из занимаемых сербами областей и не пустят туда болгарских войск. Весь этот день среди офицеров и высших начальников было подавленное и возбужденное настроение. Они говорили, что доселе сербы всегда и всей душой верили России и следовали за ней, но Россия всегда-де предпочитала болгар, а теперь она и вовсе убивает Сербию, отнимая у сербов политые их кровью и необходимые для жизни Сербии земли» [1]. Возбуждение виднейших лидеров сербских политических партий, депутатов, членов кабинета, двора и офицерства достигло такой остроты, что премьер-министр Пашич, подвергавшийся резким нападкам оппозиции, подал было в отставку, но под давлением Гартвига вынужден был тотчас же взять ее обратно и остаться на своем посту, обещав России принять все усилия для присоединения Сербии к арбитражу без всяких условий. Однако Болгария, готовая каждую минуту совершить прыжок на Сербию и начать военную авантюру, твердо решила итти «ва-банк», обвинив сербское правительство в медлительности и несговорчивости. Болгарский посланник в Петербурге Бобчев 25 июня заявил Сазонову, что Болгария больше ждать не может и вынуждена прервать всякие дальнейшие переговоры с Россией и Сербией. Возмущенный Сазонов ответил болгарскому посланнику, что Болгария тем самым «совершает предательский шаг по отношению к славянскому делу» и «принимает решение, равносильное объявлению братоубийственной войны» [2]. «Для меня совершенно ясно, — заявил Сазонов Бобчеву, — что Болгария

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. быв. Белградской миссии, № 165.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3712.

действует так, подчиняясь внушениям Австрии и подаваемым ею надеждам, в которых она может горько разочароваться» [1].

Одновременно с этим решительным предупреждением Сазонова посол России в Болгарии Неклюдов в самой категорической форме заявил болгарскому премьеру Даневу, что в случае нападения болгарской армии на Сербию Россия не ударит пальцем о палец, чтобы предотвратить поражение Болгарии. Но никакие увещевания и угрозы из Петербурга уже не произвели никакого эффекта в Софии. Правительственные и военные круги Болгарии твердо решили начать войну. Это решение, ставившее Болгарию не только против Сербии и Греции, но и против России, объяснялось главным образом тем, что за спиною болгарских милитаристов стояли Австро-Венгрия и Германия. «Нет сомнения в том, — телеграфировал 25 июня Сазонов Бенкендорфу, — что нынешняя позиция Болгарии в большей мере вызвана надеждой на поддержку со стороны Австрии» [2].

В ночь с 30 июня на 1 июля 1913 г., как раз в тот день, когда в сербском парламенте (скупщине) происходили бурные дебаты по вопросу о том, соглашаться или нет на безоговорочное присоединение к арбитражу России, болгарская армия общей численностью в 100 тыс. человек, по приказанию генерала Савова, произвела нападение на сербские и греческие войска по всей линии фронта. Балканская коалиция распалась.

Вторая балканская война началась.

Позиция Румынии.

В этот момент все взоры были обращены к Румынии, сохранит ли она, как и прежде, «благожелательный нейтралитет» или присоединится к одной из воюющих сторон. С формальной стороны казалось, что Румыния не должна была предпринимать никаких шагов без согласия, а тем более в ущерб Германии и Австрии. Как известно, с 1883 г. Румыния была связана секретным договором с Тройственным союзом и договор этот все время возобновлялся, в последний раз 5 февраля 1913 г. Австро-Венгрия и Германия вплоть до 1913 г. в отношении Румынии не имели серьезных опасений. Они не думали, что эта страна сможет действовать самостоятельно, а тем более отойти в лагерь Антанты. Последняя возможность была почти совсем исключена Австрией и Германией, да к тому же румынский король Карл Гогенцоллерн, воспитанный в Германии и тесно связанный с Вильгельмом, пользовался в Берлине полным доверием.

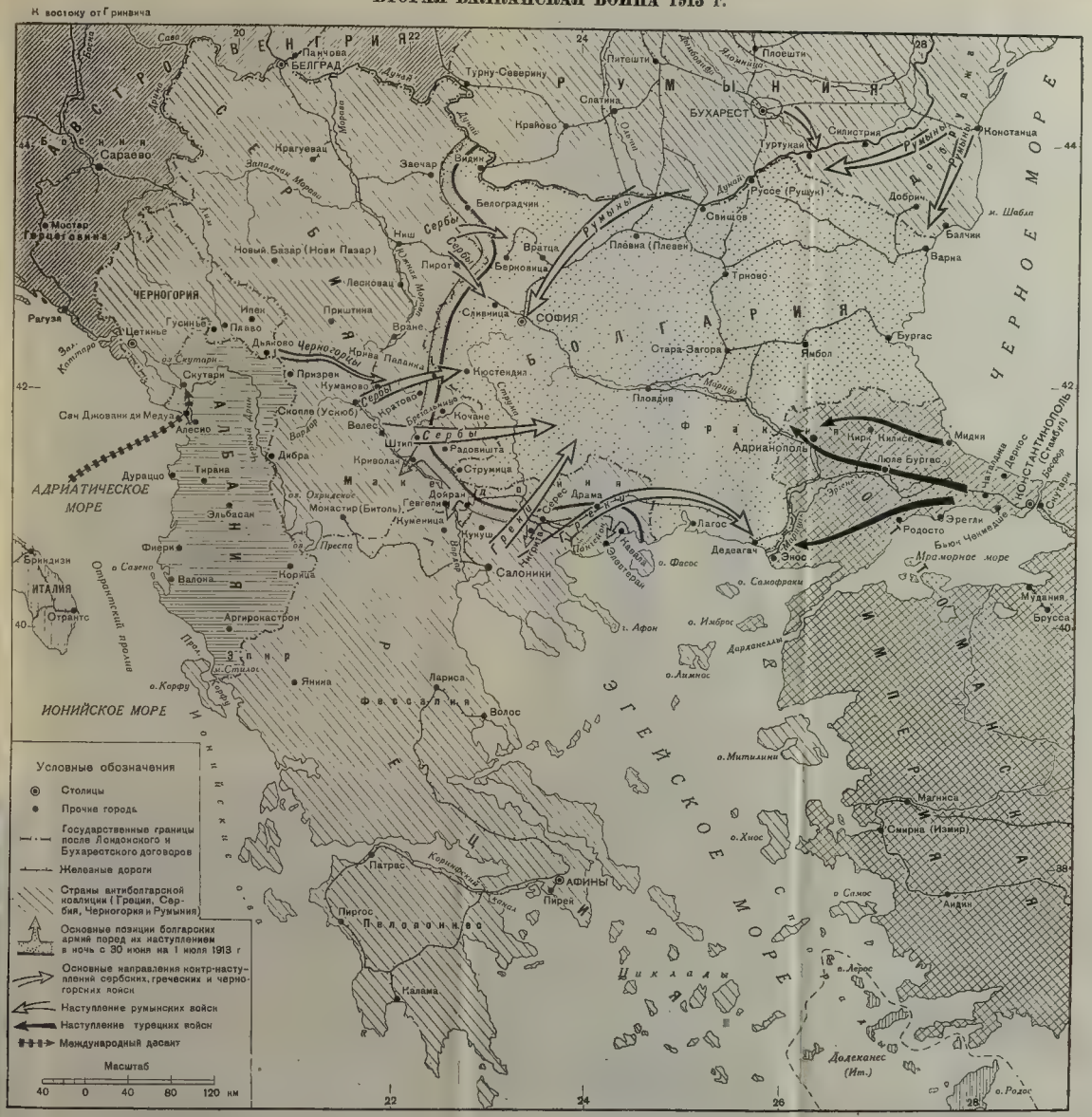
Но в 1913 г. положение вещей радикально изменилось. Правда, король Карл оставался попрежнему лояльным по отношению к Австрии и Германии, однако настроение румынских правящих кругов к Тройственному союзу настолько изменилось, что в Берлине и Вене стали серьезно задумываться над вопросом о том,

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3712.
[2] *Там же.*

достаточен ли личный авторитет короля Карла, чтобы повести за собой всю страну. Одним из решающих факторов обострения отношений между Румынией и Австрией, предрешивших отход Румынии из лагеря Тройственного союза, являлась позиция, занятая Австро-Венгрией в болгаро-румынском конфликте, возникшем в результате первой балканской войны. Как известно, благодаря решительным и буквально молниеносным победам над Турцией, — Болгария, Сербия и Греция захватили обширные территории. Румыния, сохранившая во время войны позицию «благожелательного нейтралитета», рассчитывала получить за это территориальные компенсации в Добрудже. Но Болгария оставалась упорно глухой к румынским требованиям, а Австрия не только не оказала поддержки румынским притязаниям на Силистрию и Добруджу, но и оказалась, как говорили в Бухаресте, «более болгарской, чем сами болгары». В результате, когда болгаро-румынский спор был передан на решение конференции великих держав, происходившей в Петербурге в марте 1913 г., Румыния не получила того, чего она домогалась. Это вызвало в румынских правящих кругах резкое недовольство политикой Австрии. Политические круги, недовольные австрофильской политикой Карла, категорически осуждали ошибочную позицию «скрещенных рук», занятую Румынией в первой балканской войне, и ставили ему в вину, что он не выступил активно, когда болгарские армии были связаны под Адрианополем, и не добился от Болгарии Силистро-Балчикского округа в качестве компенсации за румынский «нейтралитет». Отход Румынии от австрийской ориентации не совершался, однако, гладко и беспрепятственно. Двойственность, виляния, постоянные колебания в разные стороны характеризовали особенность внешней политики Румынии. Эта непоследовательность находила свое объяснение в следующем.

Для румынских политических кругов было весьма соблазнительным получить территории по линии Турту кай—Балчик. Достигнуть же этого Румыния могла двумя путями: либо выторговать компенсации у Болгарии взамен «нейтралитета» в предстоящей войне, либо напасть на нее в тот момент, когда она будет бороться с Сербией и Грецией, и, решив этим нападением исход войны, отобрать у Болгарии, быть может, еще большую территорию. Первый путь соглашения с Болгарией более всего улыбался тем государственным деятелям Румынии (Майореску, королю и лицам, вокруг них группировавшимся), которые придерживались традиционной ориентации на Германию и Австрию. Но против этой политики возражали либералы, к которым примыкали видные политические деятели (Братиану, Ионеску и др.), боявшиеся, что Болгария, справившись с греками и сербами, в скором будущем повернет против Румынии. «Исчезновение Турции из Европы и образование сильной Болгарии, — писал российский посланник в Румынии Шебеко Сазонову 10 июня, —

ВТОРАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА 1913 г.



На путях к мировой войне—к стр. 181.

суть явления, с которыми не могут не считаться все серьезные политические деятели Румынии, и они их сильно тревожат» [1].

Следует отметить, что так называемые «великие державы» для укрепления своего влияния в Румынии принимали все меры к тому, чтобы иметь в стране своих агентов. С этой целью Германия, Россия, Франция, Англия и др. широко прибегали к подкупу румынских политических деятелей и прессы. Так, верхушка румынской консервативной партии находилась на содержании германского правительства, а лидеры либералов были тесно связаны с англо-французским капиталом. Многие газеты Румынии находились также на иждивении иностранного капитала и выполняли его задания. Газеты «Адверул», «Диминица» и др. получали взятки из рук российского правительства, газета «Зиа сяра» и др. — из рук германского правительства и т. д.

В мае и июне 1913 г., накануне второй балканской войны, антантофильское течение одерживает верх над германофильским, Румыния все более и более склоняется в сторону Сербии и Греции против Болгарии. Намечающийся отход Румынии от ориентации Тройственного союза вызвал серьезную тревогу в правящих кругах Австро-Венгрии и Германии. Австрия, натравившая Болгарию на Сербию и Грецию, естественно, опасалась перевеса сил антиболгарской коалиции в случае присоединения к ней Румынии. Активное выступление Румынии на стороне Сербии и Греции могло решить исход войны не в пользу Болгарии и привести в дальнейшем к окончательному отходу Румынии в лоно русской ориентации. Неудивительно поэтому, что накануне второй балканской войны и в самом начале ее возникновения Австрия стремится не допустить выступления Румынии против Болгарии и предлагает последней откупиться уступкой линии Туртукай — Балчик. Но активность австрийской дипломатии не увенчалась успехом. Болгарские правящие круги, опьяненные военным угаром и рассчитывая, что Австрии удастся удержать Румынию в самую критическую минуту, не торопились с уступками, надеясь на молниеносные победы Болгарии над Сербией и Грецией. Однако, если давление Австрии на Румынию не возымело должного эффекта, то российская дипломатия могла пожинать плоды из создавшегося положения. России удалось, использовав обострение противоречий между Румынией, Австрией и Болгарией, вбить клин между Румынией и Австрией.

10 июня 1913 г. Сазонов в телеграмме к Шебеко пишет: «Считаем, что ключ положения в ближайшем будущем находится в Бухаресте... Если Румыния прельстится обещанием или даже реальной уступкой известной территории, то расчеты ее, конечно, не оправдаются, ибо победоносная Болгария, несомненно, отберет у нее в ближайшем будущем не только то, что уступит, но и то, что составляет достояние Румынии. Поэтому более соответствен-

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 697.

ным интересам последней было бы воспрепятствовать самой возможности войны. Это могло бы быть достигнуто недвусмысленным заявлением бухарестского кабинета в Софии, что Румыния не может допустить усиления Болгарии... Полагаем, что такого рода политика произвела бы в Софии отрезвляющее действие. С другой стороны, Румыния не может не понять глубокой тождественности ее интересов с нашими в настоящее время. Благоволите в крайне осторожной и доверительной форме объясниться в изложенном смысле с Майореску, не придавая вашим словам характера почина русского правительства» [1].

Руководствуясь этими директивами, Шебеко приступил к воздействию на румынское правительство. При свидании с Майореску Шебеко сказал ему, что наступил момент, когда Румыния может сыграть видную роль, заявив в категорической форме Болгарии о намерении румынской армии перейти болгарскую границу в случае возникновения войны. К началу июня позиция Румынии определилась ясно. Попытки Австрии задержать ее отход в антиболгарский лагерь потерпели крах. 16 июня на дипломатическом приеме Майореску заявил, что в случае войны Румыния мобилизует свою армию и займет болгарскую территорию по линии Турткай — Балчик, которую она считает своей естественной границей с Болгарией [2]. Одновременно румынский король в беседе с французским посланником Блонделем заявил, что «Румыния ни в коем случае не допустит разгрома Сербии» [3], и сообщил лично Шебеко о совпадении интересов Румынии с интересами России. Царская дипломатия могла праздновать победу. И если, несмотря на все это, Болгария все же решилась произвести 30 июня нападение на Сербию и Грецию, то это объяснялось тем, что болгары рассчитывали до последней минуты на нейтралитет Румынии. Только тогда, когда 3 июля румынский король подписал декрет о всеобщей мобилизации, вслед за которой румынская армия двинулась против Болгарии, в Софии очнулись, но уже было поздно. «Как это ни странно и ни непонятно, — писал Свербеев Сазонову 3 июля, — а в Софии, повидимому, не хотели верить в возможность серьезной опасности со стороны Румынии, и, убедившись в ней только в последнюю минуту, болгарское правительство поняло всю глубину своей ошибки. Единственным объяснением подобной оплошности могла бы разве служить надежда софийского правительства, что Австро-Венгрия... сумеет удержать Румынию от решительного шага» [4]. Но как бы то ни было, Болгария, очутившись в безвыходном положении, готова была итти на известные уступки, однако в Белграде, Афинах и Бухаресте и слышать не хотели о полюбовной сделке и наме-

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3711.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3712.
[3] *Там же*, д. К., № 103.
[4] *Там же*, д. П. А., № 3712.

ревались «проучить неблагодарных болгар», затеявших братоубийственную бойню.

Попытка вооруженного выступления Австрии.

Первые же дни столкновения болгарской армии с сербскими и греческими войсками показали несостоятельность стратегических расчетов болгарского генерального штаба на быстрые и молниеносные победы. Правда, в ночь с 30 июня на 1 июля 1913 г. болгарской армии благодаря внезапному нападению удалось продвинуться вперед на 5—10 клм. и захватить ряд стратегических пунктов (Криволак, Гевгели, Нигриту, Элевтеру и др.), но через день сербская армия, подтянув резервы, перешла в наступление и после упорных боев отбросила болгар за реки Брегальницу и Злетовскую. 1 июля перешла в наступление и греческая армия и, оттеснив болгар, захватила Драму, Серес, Кукуш, Лахану, а также Каваллу и стала продвигаться к северу на соединение с сербской армией. 5 июля к сербам и грекам присоединилась Румыния, двинувшая три корпуса для вторжения в пограничную с Румынией болгарскую территорию по линии Туртукай — Балчик. Болгарская армия, не ожидавшая такого удара, теснимая со всех сторон, вынуждена была отступить по всему фронту.

Поражение болгарской армии не только рушило все надежды военных кругов Болгарии, но и серьезно встревожило правящие круги Австро-Венгрии. В июле 1913 г. перед лицом поражения болгарской армии Австрия, обещавшая еще в мае военную помощь Болгарии и считавшая момент наиболее благоприятным, с минуты на минуту была намерена произвести нападение на Сербию. О своих планах австрийское правительство поставило в известность Берлин и Рим, твердо рассчитывая на активную помощь Германии и Италии. Германский посол в Вене Чиршки 1 июля сообщал германскому канцлеру Бетман-Гольвегу о настроении правящих кругов Австро-Венгрии:

«Если Россия, в случае решительных болгарских побед, вмешается в пользу Сербии, здесь будут противодействовать этому. На мой вопрос, как это будет сделано, граф Берхтольд ответил, что или путем непосредственных шагов в Петербурге, или, может быть, путем оккупации Белграда. Вмешательство Австро-Венгрии без вызова со стороны России оказалось бы необходимым только в случае, если бы Сербия одержала решительную победу и угрожало бы возникновение «Великой Сербии»... Я обратил внимание министра на то, что... вмешательство Австрии против Сербии вызовет противодействие со стороны России. Берхтольд заметил: «Может быть...» [1].

Двумя днями позже Берхтольд снова имел беседу с германским послом, который сообщил в Берлин 3 июля: «Граф Берхтольд просил меня сегодня посетить его. Министр сказал, что он считает долгом не оставлять германское правительство в не-

[1] Gr. Pol., B. XXXV, N 13475.

известности относительно тяжелого положения, которое создалось для монархии. Южнославянский вопрос, т. е. прочное обладание провинциями, населенными южнославянами, является жизненным вопросом для монархии и для Тройственного союза. Южные славянские провинции монархии не могут быть удержаны, если Сербия станет слишком могущественной на Балканах... Поэтому монархия может оказаться вынужденной вмешаться в случае, если Сербия с Румынией и Грецией нанесут решительное поражение Болгарии и захватят территории, выходящие за пределы Старой Сербии... На мой вопрос, когда и как он рассчитывает вмешаться, министр ответил, что, несомненно, можно будет найти удобный психологический момент. Конечно, он не может ничего сказать теперь относительно методов вмешательства, — это будет зависеть от обстоятельств. Он считает, что вероятно они начнутся дипломатическим разговором в Белграде, который придется поддержать военным нажимом, если он не приведет к желаемым результатам. Затем, если Россия выступит на сцену, местом действия станет Петербург. Министр снова выразил надежду, что затруднительное положение монархии будет понято в Берлине» [1].

Позиция Германии и Италии.

Ответ Германии был отрицательным. В Берлине дали недвусмысленно понять, что выступление Австрии несвоевременно и нежелательно и может привести к развязыванию мировой войны, которая в данный момент для Германии нежелательна. А поэтому, если Австро-Венгрия ввяжется в конфликт, она *не должна* рассчитывать на поддержку Германии.

«Выступать сейчас, — заявил Вильгельм, — большая ошибка» [2].

В соответствии с этим Бетман-Гольвег решил предостеречь Берхтольда от «военной авантюры». «Для Двуединой монархии, — писал он Берхтольду, — может быть только выгодно, если в результате войны Болгария и Сербия ослабеют и будут враждебно настроены друг к другу... Даже если победит Сербия, еще долог путь до «Великой Сербии». «Если бы Австрия теперь попыталась... дипломатическим путем отнять у Сербии вновь приобретенные ею территории, то ей это не удалось бы, но зато она навлекла бы на себя смертельную ненависть Сербии. Если она попытается сделать это силой оружия, вспыхнет европейская война. При этом были бы затронуты наиболее серьезным образом жизненные интересы Германии, и поэтому я убежден, что раньше, чем граф Берхтольд примет подобное решение, он поставит нас в известность. Вследствие этого я могу только выразить надежду, что в Вене не позволят запугать себя кошмаром «Великой Сербии» и будут ждать дальнейшего развития событий на сербо-болгарском театре войны» [3].

---

[1] Gr. Pol., B. XXXV, N 13483.
[2] *Renouvin*, Op. cit., p. 137.
[3] Gr. Pol., B. XXXV, N 13490.

Потерпев неудачу у своего союзника в Берлине, Австро-Венгрия обратилась с аналогичной просьбой к Италии. 4 июля австрийский министр иностранных дел Берхтольд известил итальянское правительство, что Австрия намерена вмешаться в войну на стороне Болгарии против Сербии и искренно надеется на активную поддержку Италии. Но и в Риме Берхтольду пришлось испытать горькое разочарование. Итальянский министр иностранных дел Сан-Джулиано на запрос Берхтольда ответил, что выступление Австрии явится «опасной авантюрой», которая возложит нежелательные последствия на Тройственный союз. Он заявил: «On vous retiendra par les pans de votre redingotte, si c'est nécessaire» («Вас удержат за полы сюртука, если это будет необходимо») [1].

Об этом факте бывший итальянский премьер Джолитти следующим образом рассказывает в своих мемуарах:

«Во время балканской войны, почти за год до того, как началась настоящая война, в мое отсутствие из Рима я получил от моего уважаемого коллеги Сан-Джулиано следующую телеграмму: «Австрия сообщила нам и Германии о своем намерении выступить против Сербии, она расценивает это выступление как оборонительное и считает вступившим в силу casus foederis для Тройственного союза, каковой, по моему мнению, напротив, неприменим. Я стараюсь подготовить почву для совместной с Германией попытки предотвратить подобное выступление со стороны Австрии, но может оказаться необходимым ясно определить, что мы не считаем подобное выступление, если оно будет предпринято, оборонительным и что, следовательно, мы не считаем, что возникнет casus foederis. Прошу телеграфировать мне в Рим ваше согласие». Я ответил: «Если Австрия выступит против Сербии, ясно, что casus foederis отсутствует. Это шаг, который она предпримет по собственному почину, поскольку здесь нет вопроса о защите, так как никто не нападает на нее. Необходимо, чтобы Австрии было сделано заявление в этом духе самым формальным образом, и мы должны надеяться на выступление со стороны Германии с целью удержать Австрию от столь опасной авантюры» [2].

Ответы Рима и Берлина подействовали на Берхтольда как ушат холодной воды и заставили австрийское правительство временно отказаться от осуществления задуманных планов.

Было бы, однако, глубоко ошибочным считать, что отказ Германии выступить вместе с Австрией в июле 1913 г. объяснялся в какой-либо мере «пацифизмом» германского правительства или «миролюбием» Вильгельма, как это пытаются представить некото-

---

[1] *Renouvin*, p. 137; *Pribram*, Die Politischen Geheimverträge Oesterreich-Ungarns, S. 301, Wien, 1920, и примечание 425.

[2] *G. Giolitti*, Memoirs of my life, p. 372, London, 1923.

рые германские историки, утверждающие, что и в августе 1914 г. Германия войны не хотела и вступилась за Австрию только потому, что ее к этому вынудили. На самом деле истинная причина нежелания Берлина ввязываться вместе с Австрией в балканскую войну, которая неизбежно в этом случае вылилась бы в мировую бойню, состояла в том, что Германия в тот момент была недостаточно подготовлена к большой схватке.

Естественно поэтому, что германская правящая клика вынуждена была до поры до времени сдерживать воинственный пыл австрийских империалистов, чтобы сохранить на будущее необходимое пушечное мясо. Германские империалисты вовсе не желали попасть впросак из-за Австрии, которая прежде всего стремилась к разгрому Сербии и установлению своего господства на Балканах, тогда как германские агрессивные планы выходили далеко за пределы юго-восточной Европы и претендовали на мировую гегемонию. Поэтому до известного момента Германии приходилось удерживать своего не в меру ретивого союзника и выжидать более благоприятной ситуации для развязывания мировой войны. Австрия была спущена с цепи только тогда, когда германский империализм, трезво взвесив создавшуюся военную ситуацию, твердо решил, что выжидать дольше и невыгодно и опасно.

В августе 1914 г. «немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией» [1].

Такого удобного момента в июле 1913 г. для Германии не было. Совершенно прав был поэтому российский военный агент в Швейцарии Гурко, который писал в 1913 г. начальнику генерального штаба Жилинскому:

«Если швейцарцы и германцы уверены в том, что до декабря месяца не будет европейской войны, то общее убеждение таково, что после этого срока война более чем возможна. Большая часть следящих за Германией промышленников того мнения, что *германское правительство сознательно идет к объявлению войны в 1914 г.* По распространенному здесь мнению, на это указывает не только крупное увеличение германских вооруженных сил, но в особенности быстрый способ проведения их, срочные заказы военных материалов, а также агрессивно-воинственный характер, который принимают за последнее время празднества по случаю столетия 1813 г....

Характерно также поведение воинственной партии германских военных. До сих пор они сильно возмущались тем, что Германия удерживает Австрию от войны, теперь же они внезапно успокои-

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 61—62.

лись, говоря, что *война лишь отложена до 1914 г.* По их мнению, в 1914 г. Германия и Тройственный союз будут иметь решительный перевес над силами Тройственного согласия... Насколько я лично убежден в том, что Германия не допустит войны до начала 1914 г., *настолько же я сомневаюсь в том, чтобы 1914 г. прошел без войны*» [1]. (Курсив наш. — *М. А.*)

Но помимо военно-стратегических соображений германский империализм выжидал еще и потому, что он считал международную обстановку недостаточно благоприятной для себя. Внутри Тройственного союза усиливалось соперничество между Австрией и Италией на Балканах (из-за Албании). Турция, на которую рассчитывала Германия в подготовляемой ею бойне, была ослаблена. Румыния колебалась в сторону Тройственного согласия. В Болгарии, недовольной политикой России, намечались сдвиги в сторону изменения внешнеполитической ориентации. Вот почему германский империализм, прежде чем начать войну, рассчитывал укрепить все гайки и винтики в своем военно-наступательном механизме, т. е. консолидировать Тройственный союз и закончить расстановку второстепенных сил для назревающего всеобщего вооруженного столкновения.

Но если Германия дала понять Австрии, что считает момент развязывания войны для себя неблагоприятным, то Италия, все более и более отходившая от Тройственного союза, тем более не имела никакого желания вступаться за Австрию, с которой она резко сталкивалась на Балканах и на адриатическом побережье.

Не добившись успеха в Берлине и Риме, Австрия вынуждена была со скрежетом зубов отказаться платить по акциям в Софии и оставила Болгарию с глаза на глаз со своими противниками. На всех фронтах болгарская армия понесла жестокие поражения: сербы овладели Северной Македонией, затем вторглись в Болгарию греки, а румынская кавалерия появилась в окрестностях Софии. Тщетно пыталось болгарское правительство откупиться от Румынии, предлагая ей заключить перемирие взамен территориальных компенсаций по линии Туртукай — Балчик. Румыния отвергла предложение Болгарии и категорически отказалась вступать с ней в сепаратные переговоры без участия Сербии и Греции. Атакованная со всех сторон и уже значительно истощенная в течение первой балканской войны, Болгария очутилась в отчаянном положении и вскоре вынуждена была просить мира, обратившись за посредничеством к царской России.

Противоречия между Россией и балканскими союзниками.

Участники антиболгарской коалиции, так долго ожидавшие благоприятного момента, чтобы свести свои счеты с «неблагодарной союзницей», вовсе не намерены были сразу сложить оружие и категорически отказались вступать с Болгарией в переговоры без достаточных гарантий с ее стороны. По мере дальнейших успе-

[1] ЦВИА, ГУГШ, д. № 180—066.

хов победители делались все более и более требовательными и непримиримыми. Сербия соглашалась на перемирие лишь при условии отказа Болгарии от всей Завардарской Македонии. Греция требовала расширения своих владений по эгейскому побережью до бухты Лагос, включая Каваллу, Драму, Серес. Румыния, вдохновленная победами своей армии, быстро продвигающейся по направлению к Софии, надеялась также отхватить как можно большую территорию. Но подобный оборот событий вовсе не улыбался царской дипломатии. Придерживаясь попрежнему своего излюбленного принципа «балканского равновесия», царская Россия не желала допускать чрезмерного усиления воюющих сторон в ущерб своим интересам на Балканах. С другой стороны, отлично учитывая сложившуюся для Болгарии ситуацию, Россия стремилась выступить в качестве посредника между воюющими сторонами и не допустить окончательного разгрома Болгарии. Она надеялась привлечь «приблудного» и «раскаивающегося» болгарского сына в лоно нового балканского блока с участием Сербии, Греции и Румынии. Эту точку зрения отчетливо изложил в своем письме от 9 июля Демидов Сазонову. «В случае победы Болгария, — писал он, — руководясь видами на будущее, сделается орудием в руках Австрии... В случае поражения она обратит свои взоры к России, которой будет легче, чем прежде, ее удовлетворить потому, что она в силу необходимости будет сговорчивее... Я думаю, что не ошибусь, сказав, что ее верность к нам прямо пропорциональна ее неудачам и обратно пропорциональна ее успехам. С этой точки зрения Греция и Сербия облегчат нам в настоящее время нашу задачу... приведут к нам быть может раскаивающуюся и униженную Болгарию. Очень вероятно, что нам придется ее принять и взять под свое покровительство, ибо требования победителей, хотя и справедливы будут, тем не менее они сильно преувеличены» [1]. «Образующийся, быть может, новый блок на Балканах... должен именоваться «православным противоавстрийским блоком» и представляется, на мой взгляд, естественной попыткой обеспечить иным путем то же равновесие, нарушаемое болгарскими чрезмерными притязаниями. К этому блоку умаленная Болгария в силу необходимости должна будет примкнуть: для нее нет иного исхода... Румыния, повидимому, ждет нашего благожелательного слова, чтобы перейти в нашу орбиту. Сербия, этот верный оплот славянства на Балканах, послужит звеном между нами и Грецией» [2].

На протяжении всего хода военных действий царская Россия пристально следила за каждым из воюющих. Всякий раз, когда один из них слишком вырывался вперед и пытался чрезмерно усилить свои позиции, Россия решительно его одергивала и давала понять, что она не для того препятствовала «созданию»

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3725.
[2] *Там же.*

«Великой Болгарии», чтобы допустить образование другой сильной балканской державы. В самый разгар побед над Болгарией Россия обращается поочередно то к Сербии, то к Греции, то к Румынии с категорическими предупреждениями, что не допустит окончательного разгрома Болгарии. Особенную тревогу причиняли России чрезмерные аппетиты греческих правящих кругов, про которые Демидов писал Сазонову, что «проповедывать им умеренность то же, что стрелять холостым снарядом в слона» [1]. Если Греция выйдет победительницей, делился Демидов своими опасениями с Сазоновым, мне думается, что «эллинизм с его высокой культурой, с его возросшими потребностями, с его общепризнанной настойчивостью может создать нам со временем серьезные затруднения [2]... Непоправимые и преступные ошибки Болгарии создали нам положение, что волей-неволей приходится открыто препятствовать чрезмерному развитию эллинизма, успешно распространяющемуся, как масляное пятно, по всему побережью Эгейского моря» [3]. Притязания Греции на Кавалу, Драму и Серес встречают упорное сопротивление в России. 12 июля, по указанию Сазонова, Демидов передал Венизелосу, что, в случае если Греция не проявит умеренности, она может лишиться поддержки России. Но в особенно щекотливом положении очутилась царская дипломатия по отношению к Румынии. Интересы России настоятельно требовали окончательного отрыва этой страны от Тройственного союза. Но в то же время боязнь чрезмерного усиления Румынии была настолько реальна в Петербурге, что в разгар румынских побед над Болгарией Сазонов телеграфировал Шебеко: «Можете заявить Майореску, что безостановочное движение румынской армии в направлении к Софии не может не вызвать в нас чувство подозрения относительно намерений Румынии и что, если бухарестский кабинет дорожит отношениями с нами и в интересы его не входит возвращение нами себе полной свободы действий, в этом случае желательно, чтобы румынское правительство немедленно остановило движение своей армии. Дальнейшее развитие событий поставит перед нами вопрос о совместном вмешательстве держав, каковое мне уже сегодня предлагал австрийский посол» [4].

Даже Сербию, которая считалась по праву вассалом России, последняя не преминула обвинить в неблагодарности и измене. Причиной этому являлся следующий факт: в начале июля 1913 г. Демидов узнал от Венизелоса о состоявшемся соглашении между Грецией и Сербией, по которому Греция обещала Сербии предоставить полосу территории на эгейском побережье с портом Лагос. Взамен этого Сербия обещала оказывать Греции всякую поддержку в ее притязаниях на эгейском побережье. Известие об этом привело

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3725.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3726.
[3] *Там же*.
[4] *Там же*.

Сазонова в бешенство. Сообщая Гартвигу о доставленных ему Демидовым сведениях, он просил предупредить сербского премьера Пашича, что такой образ действия не может не отразиться на отношениях Сербии и России и может привести к вмешательству держав [1]. Эти резкие демарши русской дипломатии причинили немало беспокойства в Белграде, Бухаресте и в особенности в Афинах. Возмущенный Венизелос, при встрече с английским и французским послами Девиллем и Эллиотом, жалуясь на Россию, заявил, что «она должна была действовать в Софии, а не в Афинах». Он просил Францию и Англию «открыть глаза России на двуличность Болгарии, которая не перестала ее обманывать, несмотря на все милости России, и будет ее обманывать, когда ей будет выгодно» [2].

Захват Турцией Адрианополя.

Как ни старалась Россия в интересах сохранения «балканского равновесия» и привлечения Болгарии на свою сторону не допустить ее окончательного поражения, Болгарию ожидали новые испытания, на сей раз со стороны Турции, над которой Болгария еще вчера так торжественно и шумно праздновала свою победу. Еще в мае 1913 г., когда противоречия между балканскими союзниками крайне обострились, младотурки во главе с Энвер-пашой, учтя сложившуюся обстановку, повели усиленную агитацию среди армии и общественного мнения, внушая мысль о том, что «наступила пора проучить болгар» и отвоевать у них Адрианополь. Когда, наконец, разразилась вторая балканская война, турецкие правящие круги, рассчитывая на то, что противоречия в лагере великих держав не позволят помешать им захватить Адрианополь, решили действовать без промедления и под шумок балканской войны отхватить утраченную территорию. «Судя по секретным сведениям, — писал 19 июля Сазонову М. Гирс, — оттоманские представители за границей поддерживают своими донесениями Порту, в убеждении, что ей следует, не теряя времени, воспользоваться удобным случаем, чтобы возвратить себе часть уступленной ею бывшим союзникам территории, ибо Европа примирится с «совершившимся фактом» [3].

Когда греческая армия заняла порт Дедеагач, Турция воспользовалась этим обстоятельством и категорически заявила, что не может мириться с близким соседством Греции, которая будет вечно висеть, как Дамоклов меч, над Константинополем и Проливами. Не считая нужным скрывать свои планы, великий визирь (премьер-министр) Махмуд Шевкет-паша открыто заявил представителям великих держав, что смотрит на линию Энос — Мидия «не как на детище Европы, а как на каприз Болгарии, навязанный Европе». Он сказал, что Турция не признает более обязательным лондонский договор, навязанный ей силой, и счи-

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3726.
[2] *Там же*, д. П. А., № 332.
[3] *Там же*, д. П. А., № 1047.

тает необходимым принять меры самозащиты для предотвращения захвата Фракии греками. Одновременно турецкое правительство потребовало от Болгарии очистить всю занимаемую ею территорию по линии Энос—Мидия, угрожая в противном случае отбросить болгарскую армию силой. Учитывая вместе с тем, что эвентуальный захват Адрианополя будет встречен с наибольшим сопротивлением именно в России, которая не потерпит нового усиления Турции, великий визирь предварительно закидывает удочку в Петербурге. Он прощупывает позицию российской дипломатии и обещает ей серьезные компенсации взамен оккупации Адрианополя. 16 июля Махмуд Шевкет-паша через близкое, доверенное ему лицо передает Гирсу строго секретное письмо. В этом письме он заявляет, что турецкое правительство «желает вступить с Россией в тайный союз, исполняя все наши [т. е. России] требования в железнодорожном деле в Малой Азии, в армянских реформах и в других вопросах, кои мы [т. е. русское правительство] пожелали бы возбудить, лишь бы Турции было предоставлено нами [т. е. Россией] право вновь занять Адрианополь» [1]. Но как ни были соблазнительны эти турецкие предложения, которым, кстати сказать, российская дипломатия полностью не доверяла, Россия, боявшаяся нового усиления Турции, с самого же начала заняла отрицательную позицию по адрианопольскому вопросу. «Заявите великому визирю, — телеграфировал Сазонов Гирсу 16 июля, — что, если турки строят надежды на равнодушие Европы к совершающимся событиям, то мы серьезно предостерегаем их от подобных же иллюзий относительно России. Мы хотим установления наилучших отношений с Турцией, но это возможно только на почве окончательного примирения ее с границей Энос — Мидия. Всякая попытка вернуть себе утраченное может привести к самым опасным последствиям и приведет к вмешательству, гибельному для Турции» [2]. Но, если турецкие предложения в Петербурге не имели успеха, то и ультимативный тон Сазонова не подействовал на турок. Турецкое правительство, чувствуя за собой сильную закулисную поддержку Германии, решило во что бы то ни стало итти до конца. 16 июля 1913 г. турецкая армия перешла линию Энос — Мидия, а 20 июля заняла Адрианополь, поставив Европу «перед новым свершившимся фактом».

Адрианопольский вопрос и великие державы.

Внезапный удар турецкой армии на Адрианополь вновь возродил в Петербурге опасность выздоровления «безнадежно больного человека», у изголовья которого Россия жадно тянулась к Босфору и Дарданеллам. «Очень опасаюсь, — телеграфировал Сазонову Гирс, — что, если захват Адрианополя сойдет туркам даром, то они настолько воспрянут духом, что станут крайне несговорчивыми по всем остальным вопросам» [3]. Вернуть турок

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 114.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3757.
[3] *Там же*, д. К., № 115.

на линию Энос—Мидия, а болгар в Адрианополь становится важнейшей задачей петербургского кабинета. Россия выступает с предложением произвести коллективную морскую демонстрацию против Турции силами великих держав. Но здесь ей опять пришлось испытать минуты горького разочарования. Англия и Франция соглашались участвовать в военной демонстрации в Черном море лишь при условии присоединения Германии, Австрии и Италии. Такое «согласие» было равносильно отказу. Державы Тройственного союза категорически противились выступлению против Турции. Германское правительство поспешило успокоить турок заявлением, что оно в морской демонстрации участвовать не будет, и категорически протестовало против попыток России угрозами военных операций принудить турок к эвакуации Адрианополя. Оставалось принимать на Лондонской конференции послов в июле 1913 г. платонические резолюции, напоминавшие об утвержденной лондонским трактатом линии Энос — Мидия, но не производившие никакого эффекта в Константинополе. Вся стратегия Сазонова повисла в воздухе и оказалась утопией. Тогда российское правительство, не теряя надежд выгнать турок из Адрианополя, предложило Англии и Франции произвести морскую демонстрацию только объединенными силами держав Тройственного согласия. Подобная акция, пишет Сазонов Извольскому и Бенкендорфу 23 июля, «имела бы в наших глазах то преимущество, что подняла бы авторитет держав Тройственного согласия» [1]. В Париже и Лондоне категорически отказались поддержать инициативу России. Отказ союзников лишний раз продемонстрировал трещины в Тройственном согласии, где каждый поддерживал другого только тогда, когда затрагивались его существенные интересы. Англия и Франция мотивировали это тем, что демонстрация без участия Австрии, Италии и Германии чревата серьезными последствиями и приведет к угрозе европейскому миру, в нарушении которого будут виновны державы Тройственного согласия. Ответ этот настолько взволновал Извольского, что он был вынужден заявить министру иностранных дел Франции Пишону о тяжелом впечатлении, которое может вызвать в Петербурге подобного рода заявление, в особенности в минуту, когда перед Россией ставится вопрос, затрагивающий ее достоинство и исторические традиции, тогда как в Берлине «воспользуются этим случаем, чтобы занять противоположное положение с целью осуществить заветную мечту императора Вильгельма — разрушение Тройственного согласия» [2].

Исчерпав, таким образом, все возможные средства, Россия решила прибегнуть к крайней мере, угрожая произвести военную операцию против Турции своими силами. Проинструктированный соответствующим образом Извольский в одной из своих бесед с Пишоном заявил, что «для России нравственно невозможно допу-

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3727.
[2] «Материалы», стр. 394.

стить возвращение Адрианополя под турецкое владычество... и если державы не согласятся на коллективные средства, Россия, вероятно, будет вынуждена действовать одна» [1]. И в дипломатических канцеляриях русского военно-феодального империализма, боровшегося «за Галицию ... за Армению и за Константинополь... за подчинение Балканских стран» [2], усиленно зреет мысль о захвате Босфора и Дарданелл. 23 июля Сазонов запрашивает мнение Гирса о возможности занятия русским флотом какого-либо пункта на черноморском побережье. В ответ на эту телеграмму Гирс пишет: «Чтобы единоличное наше действие привело к результатам, необходимо нам действовать сильно и бить по самым больным местам Турции. Такими, по глубокому моему убеждению, могут быть лишь Босфор или Армения, где наше временное занятие грозило бы туркам обратиться в постоянное. Только такая угроза может заставить турок призадуматься над вопросом — не выгоднее ли удалиться из Адрианополя» [3]. Но и этой угрозе российского империализма не удалось осуществиться. Франция и Англия поспешили указать России, что ее единоличное выступление чревато самыми серьезными последствиями и вызовет неизбежное вмешательство Австрии против Сербии, а также Германии, которая не допустит оккупации Россией Турецкой Армении и Проливов. Предупредив свою союзницу, Англия и Франция категорически отказались поддержать Россию, если она ввяжется в авантюру.

Любопытно, кстати, отметить ту позицию, которую заняла в этот момент Италия. Узнав о намерении Сазонова произвести военную демонстрацию в Черном море, итальянское правительство всячески подстрекало Россию выступить единолично против Турции. Италия рассчитывала, очевидно, воспользоваться сложившейся напряженной ситуацией и закрепить за собой острова Додеканес, «временно» занятые ею во время войны с Турцией в 1911 г. Итальянский посол в Париже Титтони 24 июля в беседе с Извольским заявил, что, если Турция не очистит добровольно Адрианополя, «Россия должна последовать примеру Австрии в вопросе о Скутари, т. е. заявить, что она не может допустить нарушения Лондонского договора» [4], а если державы не согласятся на коллективные принудительные меры, Россия должна выступить единолично «и послать флот в Константинополь, либо высадить десант в Варне и начать вместе с Болгарией военные действия против Турции». Подобная решимость России, по мнению Титтони, писал Извольский Сазонову, «увлечет, если не все, то большинство держав», по крайней мере Францию, Италию и даже Австрию.

Грубо и спешно состряпанный маневр Рима был шит белыми

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3727.
[2] *Ленин*, т. XIX, стр. 281.
[3] Арх. Вн. Пол., д. К., № 115.
[4] *Там же*, д. П. А., № 132.

нитками. В Петербурге раскусили истинные замыслы итальянской дипломатии, не поддались на провокацию и вынуждены были примириться с турецким захватом Адрианополя. Таким образом, явное нежелание французского и английского правительств итти на конфликт с Турцией и допустить Россию к Проливам поставило царское правительство в совершенно беспомощное положение. Все угрозы Сазонова оказались мыльным пузырем, а все средства «воздействия» России на Турцию свелись... к отозванию в Севастополь двух легких военных судов, находившихся в Константинополе.

Борьба империалистических держав вокруг Бухарестской конференции.

В конце июля 1913 г. совершенно обессиленная Болгария была вынуждена отдаться на милость победителей и просить мира. 29 июля военные действия между Болгарией, с одной стороны, Сербией, Грецией, Румынией и Черногорией — с другой, прекратились. На другой день в Бухаресте открылась мирная конференция.

Но стоило только представителям великих держав подойти вплотную к разрешению балканских вопросов, как между ними вспыхнули с новой силой резкие противоречия, которые воочию показали ожесточенную борьбу империалистических хищников за господство на Балканах, а также продемонстрировали непрочность и условность всех и всяческих дипломатических группировок. Правда, в Бухаресте «великие державы» не присутствовали, но их тень витала там и накладывала свой отпечаток на все работы конференции.

Вопрос о судьбе Кавалы, отторгнутой от Болгарии греками, являлся центральным и наиболее трудным вопросом Бухарестской конференции. Из-за этого пункта разгорелись такие страсти внутри Тройственного союза и Тройственного согласия, что одно время петербургская пресса, ожесточенно нападая на «предательство» Марианны, требовала разрыва франко-русского союза, а влиятельная австрийская газета «Нейе Фрайе Прессе», изумляясь поведению своего германского союзника, с грустью констатировала, что «австро-германский союз, как дуб, уходит корнями в свою почву».

Кавалла — укрепленный город и морской порт в Македонии, расположенный почти на полпути между Салониками и Дарданеллами. Его относительно хорошая гавань являлась лучшим и наиболее удобным для болгар портом в Эгейском море. Она была близко расположена к центру богатого земледельческого района, где возделывался лучший турецкий табак на миллионы долларов ежегодно. Помимо турок и испанских евреев его население состояло преимущественно из греков, хотя хинтерланд был населен главным образом болгарами. И греки и болгары претендовали на Кавалу. В первую балканскую войну болгарские армии достигли Кавалы раньше других и захватили ее в свои руки. Но во время второй балканской войны Кавалла досталась Греции. Вокруг судьбы Кавалы во время Бухарестской кон-

ференции сложились совсем неожиданные группировки держав.

Австрия и Россия, обычно стоявшие на диаметрально противоположных точках зрения в балканских делах, в вопросе о Кавалле неожиданно сошлись и потребовали передачи ее Болгарии. Германия и Франция придерживались противоположной точки зрения и настаивали на том, чтобы Кавалла была отдана Греции. Англия, менее заинтересованная в вопросе о Кавалле, вначале склонялась к тому, чтобы передать ее Болгарии, но вскоре же поддержала Францию и согласилась на предоставление порта грекам.

Эти неожиданные, на первый взгляд, дипломатические комбинации были тем не менее вполне объяснимы. Россия, желая сохранить свое угасавшее в Софии влияние, рассчитывала передачей Кавалы Болгарии оторвать ее от Австрии, а также создать противовес чрезмерному морскому усилению Греции. «С точки зрения интересов России, — писал Сазонов Николаю II, — оставление Кавалы за Болгарией желательно в качестве противовеса возрастающим притязаниям Греции и опасным видам ее на Проливы. Приобретение Кавалы Грецией было бы равносильно утверждению исключительного преобладания этого государства в бассейне Эгейского моря, что не может быть нами допущено»[1]. Что касается Австрии, то она по другим соображениям настаивала на передаче Кавалы Болгарии: она надеялась воздвигнуть на Балканах сильную преграду против Сербии, значительно укрепившейся в результате войны, и рассчитывала окончательно оторвать Болгарию от России.

Позиция Франции, очутившейся в вопросе о Кавалле в одном лагере с Германией, объяснялась, конечно, вовсе не тем, что якобы Франция, как это пытается представить Пуанкаре, «заботилась положить предел войне»[2]. В действительности французская позиция диктовалась значительными экономическими интересами Франции, имевшей инструкторов в греческой армии, значительные вложения в греческие займы и в табачную монополию в Кавалльском округе, а также намерением Франции заполучить стратегическую поддержку кораблей и военно-морских баз Греции против средиземноморского флота Италии. Последний фактор играл значительную, если не главную роль в позиции Франции по вопросу о Кавалле. Противоречия между Францией и Италией на Средиземном море достигли крайней остроты в этот период. Италия, «временно» оккупировавшая во время войны с Турцией в 1911 г. острова Додеканес, упорно отказывалась, вопреки решению Лозаннского договора передать их Турции, намереваясь сохранить эти важнейшие стратегические базы за собой. Во время Бухарестской конференции в вопросе о Кавалле Италия заняла

[1] Арх. Вн. Пол., д. С. А., № 780.
[2] *Poincaré*, Au service de la France, t. III, p. 230.

резкую антигреческую позицию. Естественно поэтому, что Франция, пытавшаяся создать в лице Греции преграду итальянской экспансии в Средиземном море, решительно потребовала присоединения Кавалы к Греции. Для Франции, по словам Извольского, «речь шла не о чисто балканском вопросе, а о вопросе средиземноморском, которому здесь приписывалось первостепенное значение...» [1]. «В последнее время, — писал он, — отношения между Францией и Италией серьезно обострились вследствие положения, занятого итальянским правительством в вопросе об островах Эгейского моря. Г. Пишон несколько раз высказывал мне сильнейшее подозрение, что Италия преследует тайную цель оставить за собой один или более из этих островов. Здесь считают, что подобное приобретение нарушит равновесие в восточной части Средиземного моря, и г. Пишон в самой категорической форме и несколько раз подряд заявил мне, что ни Франция, ни Англия допустить этого не могут и что французское правительство намерено воспрепятствовать этому «всеми средствами», иначе сказать: даже войной» [2].

Помимо этого, Франция опасалась и того, как бы Германия не вытеснила ее из Греции. Выступить против Греции, рассуждали французские дипломаты, значит бросить ее в объятия Германии, которая, поддерживая греческие притязания на Кавалу, может благодаря династическим связям короля Константина с Гогенцоллернами перетянуть Грецию в лагерь Тройственного союза. Опасения эти не были лишены известного основания. Прогерманская ориентация греческих правящих кругов зашла в то время столь далеко, что Венизелос в июне 1913 г. заявил германскому посланнику в Афинах Квадту: «...Греция никогда не присоединится к Тройственному согласию, пока Константин — король, а я — министр. Греция стремится держаться в стороне от всяких осложнений с великими державами, но надеется путем более тесного сотрудничества с Румынией и Турцией быть полезной Тройственному союзу в качестве противовеса против славян» [3]. Несколькими днями позже греческий поверенный в делах в Берлине Теотокис заявил, что взамен германской поддержки в вопросе о Кавалле «Греция готова в любое время присоединиться к Тройственному союзу».

Вот почему во время Бухарестской конференции Франция и Германия выступили ярыми защитниками греческих притязаний на Кавалу, преследуя каждая свои империалистические цели и держа наготове камень за пазухой друг против друга. Вовсе неудивительно поэтому, что Франция покинула свою союзницу Россию и решительно выступила против ее предложения. «...Какова бы ни была позиция России, — писал французский посол в Германии Жюль Камбон министру иностранных дел Пишону

[1] «Материалы», стр. 400.
[2] *Там же.*
[3] Gr. Pol., B. XXXV, S. 19.

22 августа 1913 г., — мы не сможем без риска для нашего влияния в Афинах и без предоставления там свободного поля действий для Германии отказаться от поддержки, которую мы до сих пор оказывали греческим притязаниям» [1].

Но если в Quai d'Orsay не считали даже нужным оправдываться перед Россией, то российские дипломаты, не успевшие еще проглотить «адрианопольскую пилюлю», серьезно призадумывались над эффективностью Тройственного согласия. «За последнее время, — жаловался Сазонов Извольскому в своей телеграмме от 4 августа, — нам все труднее отвечать на недоумение и вопросы, с коими обращаются представители печати и общества, отмечающие постоянное расхождение с нами нашей союзницы в вопросах гораздо более существенных для нас, нежели для нее» [2]. И как бы в ответ на эти ламентации старый волк русской дипломатии, бывший министр иностранных дел Извольский писал 14 августа из Парижа Сазонову: «Франция — наша союзница... но, вместе с тем, нельзя забывать, что весьма часто между нашими и ее специальными интересами могут существовать противоречия. Поэтому союз этот требует самого тщательного присмотра и ухода, и в этом отношении положение мое здесь иногда бывает труднее и деликатнее, нежели положение моих сотоварищей в Берлине или Вене» [3].

Кавалла явилась камнем преткновения не только для Тройственного согласия. Между Австрией и Германией, очутившимися во время Бухарестской конференции в противоположных лагерях, пробежал довольно резкий холодок. Не имея желания «потакать венским прихотям», в Берлине указывали Австро-Венгрии, что не могут отказаться от поддержки греческих притязаний и подвергать риску возможность присоединения Греции к Тройственному союзу. Но и в Вене не замедлили ответить, что Австрия уже обещала Каваллу Болгарии, а поэтому не желает оказаться в глупом положении и рисковать потерей возможности присоединения Болгарии к Тройственному союзу.

Бухарестский мир и перегруппировка сил после второй балканской войны.

В начале августа после долгих и горячих споров франко-германская точка зрения одержала верх. Кавалла была присуждена Греции вместе с близлежащими пунктами Сересом и Драмой.

По остальным вопросам Болгарию также ждали неудачи. Все старания России побудить сербов к уступчивости и умеренности не привели к результатам. Болгарии, не желавшей расставаться со Штипом, Кочаном, Радовиштой, Струмицей (юго-западная Македония), удалось сохранить только Струмицу, и то благодаря поддержке России. Все же остальные спорные пункты она вынуждена была уступить Сербии.

---

[1] «Affaires Balkaniques», II, p. 281.
[2] «Материалы», стр. 396.
[3] *Там же*, стр. 407.

10 августа 1913 г. в Бухаресте был подписан мирный договор между побежденной Болгарией, с одной стороны, и победителями — Румынией, Сербией, Черногорией и Грецией — с другой. Бухарестский договор лишал Болгарию значительной части ее прежних приобретений и некоторой части ее собственной территории (площадью в 7 500 *кв. км*), которую пришлось уступить Румынии. По договору Болгария отдавала победителям почти все свои приобретения в Македонии: Сербии — юго-западную (Завардарскую) Македонию, Греции — южную Македонию и западную Фракию с Сересом, Каваллой и Драмой. Болгарии оставалась лишь часть Фракии с выходом в море в Дедеагаче. Южная Добруджа с городами Балчик, Добрич и Туртукай была передана Румынии. Но больше всех победителей выиграла Греция, которая получила львиную долю турецкой добычи, хотя и сыграла незначительную роль в войне. В результате территория Греции и население ее почти удвоились. Бухарестский мир, завершивший вторую балканскую войну и продемонстрировавший со всей остротой империалистические противоречия на Балканах, не только не устранял этих противоречий, а, наоборот, привел их к дальнейшему углублению и обострению. Война создала новую перегруппировку сил на шахматной доске международной империалистической дипломатии. Правда, основные фигуры были расставлены задолго до этого, но оставались второстепенные, борьба за которые велась между империалистическими хищниками на протяжении долгих лет. Вторая балканская война значительно ускорила этот процесс.

Расчеты русской дипломатии вновь заполучить на свою сторону «униженную и раскаивающуюся» Болгарию оказались построенными на песке. «Горькое лекарство», преподанное победителями болгарам, которое, по словам Неклюдова, должно было излечить короля Фердинанда от глупостей, оказалось на самом деле трудно переваримым снадобием и произвело обратное действие на Болгарию [1]. Пришедший к власти в конце июля кабинет стамбуловистов [2] во главе с Геннадиевым, Радославовым, Тончевым и др. взял твердый курс на разрыв с Россией. Он представлял собой, по словам Неклюдова, «отчаянную попытку заручиться помощью Австрии, чтобы выпутаться из безвыходного положения» [3]. 6 июля эти болгарские политические деятели, ориентировавшиеся на Австрию и Германию, отправили письмо королю Фердинанду. В этом письме они, решительно осуждая прошлую политику дружбы с Россией, требовали всемерного укрепления союза с Австрией. «Мы считаем, — писали они, — что теперь нет места новым ошибкам. Мы думаем сегодня, как и вчера, что спа-

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 34.

[2] *Стамбуловисты* — болгарская «народно-либеральная» партия, основанная Степаном Стамбуловым. Внешняя политика ее выражалась в разрыве Болгарии с Россией и ориентации на Тройственный союз.

[3] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3726.

спительный для царства путь — это политика тесного приятельства с Австро-Венгрией. Эта политика должна быть начата без замедлений, потому что каждый час роковой».

В результате отношения Болгарии с царской Россией настолько изменились, что прежняя дружба канула в вечность безвозвратно. «Русофобская пропаганда, — писал Романовский Данилову, — руководимая стамбуловистами и австрийскими агентами, к сожалению, падает на благоприятную почву и постепенно проникает во все слои населения; особенно же интенсивно она ведется в армии. Увы, приходится сознаться, что бороться с этой пропагандой пока невозможно» [1].

После второй балканской войны Болгария берет твердый курс на сближение с Австрией. В начале ноября 1913 г. король Фердинанд лично сделал предложение австрийскому монарху Франц-Иосифу установить тесные отношения между Австро-Венгрией и Болгарией. Это же предложение он повторил Берхтольду — австрийскому министру иностранных дел [2]. Одновременно при деятельном содействии австро-венгерской дипломатии начались переговоры между Болгарией и Турцией и намечалось сближение между ними, направленное против Сербии, Греции и России. Переговоры о болгарско-турецком сближении, а затем и союзе по инициативе Австро-Венгрии были предприняты еще в середине сентября. Согласованный проект болгаро-турецкого союзного договора был направлен своим острием против Сербии и Греции. Между обеими сторонами были установлены будущие границы после удачной войны. Переговоры между Болгарией и Турцией о союзе затянулись до января 1914 г. [3] Таким образом, Австро-Венгрии и Германии удалось временно урегулировать раздоры между обоими государствами, еще недавно находившимися во враждебных лагерях, и перетянуть их на свою сторону. Но, потеряв Болгарию, Россия приобрела новую союзницу — Румынию, которая вопреки династическим связям короля Карла с Гогенцоллернами, озлобленная болгарофильской политикой Австрии, отходила от Тройственного союза и приставала к берегам Антанты.

Петербургская дипломатия могла поздравить себя с успехом: ей удалось оторвать Румынию от Австрии. Вскоре же после Бухарестской конференции румынское правительство пожаловало Сазонова звездой и лентой высшего румынского ордена Кароля I «в знак признательности руководителю внешней политики России за его увенчавшиеся полным успехом усилия, направленные к сближению с Румынией». Эта награда являлась символом новой орпен-

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3768, стр. 97.

[2] О формальном предложении болгарским правительством Австро-Венгрии заключить союз и переговорах по этому вопросу см. Oe. U. A., B. VI, N 7793 и B. VII, NN 8781, 8786, 8789, 8792, 8804, 8807, 8969, 8981.

[3] О болгаро-турецких переговорах о союзе при деятельном содействии австро-венгерской дипломатии см. Oe. U. A., B. VII, NN 8626, 8628, 8630, 8632, 8643, 8645, 8647, 8660, 8676, 8677, 8685, 8788, 8801, 8891.

тации Румынии, окончательно отходившей из-под влияния Тройственного союза. «Звезду и ленту Кароля I, — заявил Майореску русскому поверенному в делах Арсеньеву на дипломатическом приеме 10 сентября 1913 г., — могут согласно статуту носить одновременно десять лиц. Из иностранцев этим отличием до сих пор награждены были двое: Бетман-Гольвег и маркиз ди Сан-Джулиано».

«Вашим дипломатическим шедевром, — поздравлял Извольский Сазонова, — я считал и продолжаю считать отвлечение Румынии от Австрии, о чем я всегда мечтал, но чего не мог или не сумел добиться» [1].

В Петербурге было чему радоваться. Отход Румынии от Австрии означал ослабление военных позиций Тройственного союза. Румынскому фактору австро-германский империализм придавал существенное значение в грядущей войне. О нежелательных для Австрии последствиях, созданных в связи с изменением ориентации Румынии, докладывал в свое время Конрад Берхтольду: «Эти последствия, — писал он, — коротко и точно выражаются в том, что в лучшем случае — простого нейтралитета Румынии — мы теряем 20 дивизий, т. е. около 400 тыс. бойцов, тогда как вступление Румынии в ряды врагов Тройственного союза означает потерю 40 дивизий, т. е. около 800 тыс. бойцов, не в нашу пользу. Такая передвижка в распределении сил... никоим образом не позволит Тройственному союзу компенсировать эти потери путем нормального развития своих вооруженных сил, так как такое развитие происходит как раз в лагере противника — как во Франции и России, так и Сербии и Румынии — в масштабе и темпах, угнаться за которыми державы Тройственного союза совершенно не в состоянии... До сих пор австро-венгерская армия в военных действиях Тройственного союза должна была нести на себе главную тяжесть борьбы с Россией, чтобы обеспечить союзной германской армии быстрое достижение решительного успеха против Франции. Эта тяжелая задача наших главных сил могла быть выполнена с надеждой на успех постольку, поскольку можно было рассчитывать на помощь румынской армии, которая должна была действовать совместно с нашей и отвлечь на себя значительные русские силы... Так как монархия по смыслу союзных обязательств — должна в будущем даже больше, чем теперь, собрать все силы для решающего главного удара против России, настоятельно необходимо блокировать все ведущие из Румынии в монархию проезжие дороги постоянными укреплениями, преграждающими беспрепятственное вторжение в Семиградье. Кроме того, прирост австро-венгерской армии в результате нынешней ее реформы придется использовать для отражения румынского наступления, вместо того чтобы использовать его для главного удара против России. Таким образом, при отпадении Румынии австро-венгерская монар-

[1] «Материалы», стр. 408.

хия не в состоянии компенсировать увеличения военных сил, выигрываемого Россией не только благодаря новому военному закону, но и в силу того, что у России освобождаются предназначавшиеся до сих пор для действий против Румынии военные силы» [1].

Но еще бóльшим ударом по Тройственному союзу явилось значительное усиление Сербии, увеличившей в результате второй балканской войны свою территорию почти вдвое, а население от 3 млн. до 4 300 тыс. человек. Приобретение Сербией части Новобазарского санджака и долины Верхнего Вардара, а также установление непосредственной границы с Черногорией и Грецией на юге создавали серьезную преграду австро-германским империалистическим планам «Drang nach Osten» (стремление на Восток).

С другой стороны, успешное развитие великосербской пропаганды в южно-словенских областях Австро-Венгрии достигло таких размеров, что серьезно ставилась под вопрос готовность многих австрийских подданных сражаться за монархию Габсбургов. Армия становилась ненадежным орудием, так как контингент солдат сербо-хорвато-словенской национальности был весьма значителен. Вот почему после второй балканской войны правящие круги Австро-Венгрии еще более рьяно выступают за уничтожение Сербии, которая могла стать притягательным центром для славянских народов, находившихся под властью Габсбургской монархии, своеобразным южнославянским «Пьемонтом».

Бухарестский договор, писал Извольский Сазонову, «наносит удар интересам не России, а Австрии, которая всеми средствами, в том числе и возбуждением братоубийственной войны, стремилась ослабить Сербию и, в результате, получила усиленное, и нравственно и физически окрепшее сербское государство» [2].

Но если позиция Болгарии и Румынии в результате второй балканской войны определилась более или менее отчетливо, то «греческая загадка» еще долго продолжала занимать умы империалистических дипломатов. В то время как Венизелос занимал двойственную позицию и лавировал между Тройственным союзом и Тройственным согласием, король Константин открыто выражал свои симпатии к Германии. Вскоре же после подписания Бухарестского мирного договора он отправился в Берлин к Вильгельму, пожаловавшему своему шурину жезл фельдмаршала Германии, и произнес там речь, в которой заявил, что Греция обязана своими успехами исключительно Германии. «Я выражаю, — заявил Константин Вильгельму 8 сентября, — ...благодарность за великую честь, оказанную вами вручением мне фельдмаршальского жезла. Я не колеблюсь вновь повторить, что нашими победами мы обязаны мощи наших греческих войск и тем принципам ведения войны, которые я и мои офицеры приобрели здесь в Берлине» [3].

---

[1] Oe. U. A., B. VIII, N 9995.
[2] «Материалы», стр. 409.
[3] Doc. Dipl., 3-me série, t. VIII, N 131.

Не трудно догадаться, какое впечатление произвела речь короля Константина в Париже. Франция, оказавшая немалую поддержку греческим притязаниям на Кавалу, имевшая в Греции военную миссию во главе с генералом Эйду, обучавшую греческие войска, была крайне возмущена выходкой Константина и потребовала объяснения в Афинах. Греческое правительство, увидев, что дело зашло слишком далеко, поспешило дезавуировать короля. Оно заявило французскому правительству, что Константин выражал свои собственные чувства, а не мнение греческого правительства и народа, которые попрежнему тяготеют к Франции. Король Константин, очутившись в крайне глупом положении, был вынужден под давлением правительства отбыть срочно в Париж и там в присутствии президента, министра иностранных дел и начальника французской военной миссии в Греции генерала Эйду загладить свою вину, заявив об «исконной и неизменной дружбе Греции по отношению к Франции», о заслугах французской военной миссии в Греции и о своем личном желании сохранить и развить традиционную дружбу между Францией и Грецией [1].

* * *

Албанский вопрос. Борьба империалистов за господство в Албании.

Одним из непосредственных результатов балканских войн явилось усиление борьбы за Албанию, представлявшую на протяжении многих лет «яблоко раздора» между империалистическими державами, претендующими на гегемонию на Балканах. «Албанский узел», в котором сталкивались интересы главным образом Италии и Австрии, все более и более затягивался.

Борьба за господство в маленькой Албании площадью около 30 тыс. *кв. км* и с населением около 800 тыс. человек объяснялась в первую очередь ее исключительно важным стратегическим значением. Албания, расположенная на восточном побережье Адриатики, занимает важные позиции в Средиземном море.

Вопрос об образовании Албании как самостоятельного государства был, как известно, поднят Австро-Венгрией в начале первой балканской войны. Австро-Венгрия боялась, что победы сербов над турками отдадут в руки Сербии албанское побережье и выход к морю, и стремилась создать в лице «независимой» Албании вассальное государство. Предложение это было поддержано Италией, которая в свою очередь пыталась обосноваться в Албании и захватить контроль над Адриатическим морем, превратив его в «итальянское озеро».

Образование албанского государства.

На Лондонской конференции послов шести великих держав (России, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Англии и Италии) 29 июля 1913 г. после долгих дебатов был принят «органический

[1] Doc. Dipl., 3-me série, t. VIII, N 384.

статут албанского государства». По этому статуту Албания была признана автономным государством, под управлением конституционного монарха, который должен был быть избран в шестимесячный срок всеми великими державами. Албания провозглашалась нейтральным государством. Ее «нейтральность» гарантировалась шестью державами. Контроль над гражданским управлением и финансами поручался Международной контрольной комиссии, составленной из делегатов «великих держав» и Албании. Общественная безопасность и порядок обеспечивались путем организации жандармерии под руководством голландских офицеров.

Оставалось решить вопрос о границах нового албанского государства. По Лондонскому договору от 30 мая 1913 г. Черногория получала небольшую полоску территории между Скутарийским озером и морем, а также округа Гусинье, Плаву, Ипек, Дьяково, а к Сербии отходили Приштин, Призрен, Дибра. Однако это соглашение касалось только северной и северо-восточной границ Албании, контур границ южной и юго-восточной части Албании попрежнему оставался спорным. Только 12 августа 1913 г., через два дня после заключения Бухарестского мира на Лондонском совещании послов после длительных переговоров и горячих споров было принято решение о южных границах Албании, по которому округ Корица, мыс Стилос, являвшиеся предметами спора, а также остров Сассено, лежавший у входа в Валлонскую бухту, включались в состав Албании.

Эти решения Лондонской конференции вызвали недовольство как Сербии, так и в особенности Греции. Первая жаловалась на то, что установленная Лондонским совещанием северная граница Албании мешает сообщению Сербии с Черногорией, охватывая полукругом сербские города Призрен, Дьяково, Дибру, и отдает Албании важнейшие пункты, с которых эти города можно легко обстреливать. Греция, претендовавшая на Корицу, Аргирокастро, Стилос и вынужденная в результате противодействия Австрии и Италии отдать эти пункты Албании, никак не желала примириться с решениями Лондонской конференции и упрекала великие державы в несправедливости.

Борьба между империалистическими державами по вопросу о разграничении Албании.

Летом 1913 г. для фактического установления границ были созданы две разграничительные комиссии: одна для проведения южной границы между Албанией и Грецией, а другая для разграничения на севере с Сербией и Черногорией. Но прошло не мало времени прежде чем эти комиссии могли приступить к работе. И даже, когда они отправились, наконец, в суровую горную страну, то оказалось не мало проволочек и затруднений. Работа северной и южной разграничительных комиссий протекала в исключительно напряженной обстановке борьбы между державами Тройственного согласия, с одной стороны, Австрией и Италией — с другой. Италия и Австрия, пытавшиеся утвердиться в Албании, старались про-

вести границу таким образом, чтобы отхватить в пользу Албании как можно больше земель. Россия и Франция поддерживали Сербию, Грецию и Черногорию и всячески противились этому.

Борьба происходила буквально за каждую деревушку, имевшую хотя бы мало-мальское значение в стратегическом и экономическом отношениях. Любопытный инцидент произошел осенью 1913 г. на северной границе Албании. 10 октября на совещании разграничительной комиссии все делегаты единогласно решили, что по смыслу Лондонского совещания послов деревушка Лин (насчитывавшая всего-навсего 340 жителей) должна принадлежать Сербии. Это решение комиссии не было зафиксировано протоколом. Прибыв на место и убедившись, что селение имеет богатую возделанную под хлеб равнину, которая на карте не была обозначена, делегаты Италии, Германии и Австро-Венгрии категорически отказались от принятого накануне решения и заявили, что деревушка должна отойти к Албании. Только в результате резкого протеста российского делегата генерал-майора Н. М. Потапова, заявившего, что он предоставит решение этого вопроса непосредственно правительству России, представители Тройственного союза вынуждены были отступить.

Позиция Германии и Австрии.

Примером того, к каким методам прибегали германские, итальянские и австрийские делегаты в разграничительной комиссии Албании, свидетельствуют следующие, перехваченные Потаповым выписки из писем германского делегата майора фон Лафферта:

«Лин у Охридского озера, ... 25 октября.

... Теперь Союз стоит сплоченно против Согласия. Француз так обозлился, что уже грозил отъездом. Союз сегодня днем обработал англичанина, и мы должны были его перетянуть к себе, так как он довольно мягок и нерешителен...

26 октября.

... Мы переубедили англичанина. Большой конфликт. Правительства запрашиваются об информации... На обратном пути я прогалопировал мимо француза, чтобы испугать его лошадь, которая несколько упряма. Результат был великолепен сверх ожиданий. Теперь он хромает и на здоровую ногу тоже».

«В общем Союз хочет видеть Албанию, елико возможно, большой, Согласие, елико возможно, — меньшей. Затем как Италия, так и Австрия считают Албанию сферой своего влияния и благодаря этому ежеминутно ссорятся. Англию, которая, собственно говоря, должна была бы держаться Согласия, мы перетягиваем на свою сторону тем, что взываем к ее гуманности, что всегда ведь являлось ее слабостью» [1].

Позиция Англии в албанском вопросе.

Из писем майора Лафферта нетрудно убедиться, что поведение германских и итальянских империалистов полностью поощрялось Англией, которая не только не препятствовала проникно-

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 2107.

вению Италии и Австрии в Албанию, но сплошь и рядом способствовала этому. Английский делегат в северной разграничительной комиссии полковник Гранет по всем без исключения вопросам выступал заодно с державами Тройственного союза и поддерживал их линию против своих союзников России и Франции. Поведение этого «джентльмена» было настолько недостойным и позорным, что даже такой циничный, развязный немец, как майор Лафферт, как видно из его донесений, не мог удержаться от издевательства по адресу Англии.

«Я не могу не подчеркнуть, — писал Потапов в своем донесении, — с глубокой горечью плачевное и даже недостойное поведение нашего английского коллеги. Проведя детство в Италии и занимая ныне в Риме пост военного агента, 55-летний полковник Гранет думает исключительно о своих выгодах и так дорожит своим местом в Италии, которое он, очевидно, желает сохранить за собой до конца карьеры, что своего мнения в разграничительных вопросах вовсе не имеет, а служит лишь покорным эхом итальянского делегата... Полковник Гранет открыто примкнул к тому прочному блоку, который образовали комиссары Тройственного союза. Мой французский коллега самоотверженно поддерживает меня во всем, но против нас двоих во всех положительно вопросах выступают четверо. Вот почему, если только полковник Гранет не будет заменен более независимым лицом, я не ожидаю никакой возможности добиться для Сербии при разграничении ни малейших выгод» [1].

Сербское правительство, получив сведения о поведении Гранета, обратилось через своего поверенного в делах в Лондоне Груича к английскому правительству с просьбой «преподать своему делегату в северной разграничительной комиссии инструкции в более благоприятном для сербских интересов смысле». Однако в Foreign Office не обратили никакого внимания на эту просьбу и заявили Гручу, что относятся с полным доверием к полковнику Гранету. Аналогичной с Гранетом позиции придерживался и английский делегат в южной разграничительной комиссии полковник Доути Вилли, который плелся в хвосте австро-итало-германских империалистов и защищал их притязания в ущерб греческим интересам, поддерживаемым Францией и Россией.

«Я не могу обойти молчанием, — писал российский посланник в Афинах Демидов Сазонову, — странную и мало мне понятную роль, сыгранную английским делегатом комиссии полковником Доути Вилли, все время поддерживавшим требования его австрийских и итальянских коллег. Как объяснить это отсутствие солидарных тенденций Англии с нами и с Францией?.. Не подлежит сомнению, что английский делегат руководился не самолично, а указанием, полученным из Лондона... Англия сочла нужным в такую серьезную минуту отделиться от своих естествен-

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 2107.

ных друзей, тем нанося здесь удар понятию о солидарности Тройственного согласия» [1].

Австрийский ультиматум Сербии. Австрия готовит нападение на Сербию.

Вследствие проволочек в определении комиссиями албанских границ конфликты между сербскими и албанскими войсками учащались. Австрия и Италия, тайно снабжавшие албанцев оружием, подстрекали их против Сербии и инспирировали пограничные беспорядки, провоцируя Сербию на войну.

В октябре 1913 г. многочисленные албанские отряды произвели нападение на сербские пограничные отряды, вторглись на территорию Сербии и продвинулись вплоть до Дибры, в районе Охридского озера. «Потери сербов, — писал русский поверенный в делах в Белграде Штрандтман, — очень велики, и это объясняется тем, что в некоторых местах противник располагал артиллерией и пулеметами, которыми он, повидимому, прекрасно действовал. Отмеченное обстоятельство лишний раз подтверждает предположение сербского правительства о присутствии в албанских рядах хорошо обученных иностранных военных чинов, под руководством коих мог быть достигнут первоначальный успех нападения» [2].

В ответ на это нападение сербское правительство объявило частичную мобилизацию и заняло своими войсками некоторые пункты албанской территории, заявив, что не освободит их до тех пор, пока в Албании не установится порядок и не прекратятся нападения албанцев. Между тем Австрия, выжидавшая благоприятного момента для того, чтобы разделаться с Сербией, решила незамедлительно действовать. На заседании совета министров 3 и 13 октября 1913 г. начальник генерального штаба австрийской армии Конрад заявил, что наступил момент, когда Австрия должна свести окончательные счеты с Сербией. Не следует предпринимать никаких полумер, говорил Конрад. Австрийская армия раз мобилизованная не должна слагать оружия до тех пор, пока не будет завоевана сербская территория. Короче, или присоединение Сербии мирным путем, или применение силы [3].

Германия подстрекает Австрию против Сербии.

Решение австрийского правительства было горячо поддержано в Берлине. Германия полностью одобрила позицию своего союзника и вдохновляла его агрессивные планы, направленные против Сербии.

«Я пойду с вами, — заявил Вильгельм II Конраду, — в два дня необходимо, чтобы вы были в Белграде». Вильгельм заявил австрийскому министру иностранных дел Берхтольду: «Славяне рождены для того, чтобы повиноваться. Когда император Франц-Иосиф что-нибудь требует, Сербия должна подчиняться. В про-

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3669.
[2] *Там же*, д. П. А., № 530.
[3] *Conrad*, III, S. 442, 461, 465.

тивном случае придется бомбардировать Белград и оккупировать его...». «Вы можете быть уверены, — обращался он к Берхтольду, — что я буду возле вас и готов обнажить шпагу в случае необходимости» [1].

В ночь с 17 на 18 октября Берхтольд, подбодренный поддержкой Германии, отослал ультиматум сербскому правительству, в котором категорически потребовал от него вывода войск из Албании в течение 8 дней, угрожая, что в противном случае Австрия, «к сожалению, будет вынуждена прибегнуть к собственным мерам, чтобы добиться осуществления своих требований» [2].

Крах австро-германских планов.

Но и на сей раз, однако, планы австро-германских империалистов не увенчались успехом. Сербия не поддалась провокации и проявила в эти критические минуты хладнокровие, отозвав свои отряды из Албании на 24 часа ранее срока, указанного в австрийском ультиматуме. Это решение сербского правительства привело в бешенство Австро-Венгрию.

В Вене ожидали совсем другого исхода событий. Австро-Венгрия искала предлога для того, чтобы убрать с пути ненавистную Сербию и одновременно найти повод для вмешательства в албанские дела, намереваясь под шумок «наведения порядка» в этой стране расчленить Албанию по частям и обосноваться на адриатическом побережье. «В Вене, — писал Гартвиг Сазонову, — повидимому, более всего рассчитывали на отказ Сербии исполнить требование об очищении стратегических пунктов, и тогда для Австрии представился бы случай ввести свои войска на албанскую территорию и, быть может, оставить их там надолго, если не навсегда. План рушился благодаря разумному и предусмотрительному образу действий Сербии» [3].

Австрийский министр иностранных дел долго не мог притти в себя и все еще продолжал искать предлог для вмешательства. Вызвав к себе сербского посланника в Вене, он пригрозил ему, что, если хотя бы один сербский солдат будет обнаружен на границе, установленной Лондонской конференцией, Австрия прибегнет к решительным мерам. Однако, к величайшему сожалению Берхтольда, ни один сербский солдат не был обнаружен на албанской территории.

Борьба итальянского империализма за господство в Албании.

В Риме решение сербского правительства вызвало не меньшее смятение, чем в Вене. Итальянский империализм давно стремился к утверждению своего господства в Албании и искал лишь удобного повода к тому, чтобы вместе с Австрией вмешаться в «албанскую смуту», а затем, выставив австрийцев за дверь, обосноваться самому на адриатическом побережье. «Мое личное мнение, — писал российский поверен-

[1] *Renouvin*, op. cit., p. 139—140.
[2] *Conrad*, III, S. 473; Gr. Pol., B. XXXVI, S. 394—402.
[3] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 530.

ный в делах в Вене Кудашев, — основанное на том, чего я был свидетелем за последний кризис, сводится к тому, что ничто не может быть более опасным для Австрии, как такое положение вещей в Албании, которое потребует оккупации ее австро-итальянскими войсками... В то время как австрийцы решатся действовать на севере, итальянцы займут Валлону и отсюда уже, конечно, не скоро уйдут. Обладание Валлоной Италией, владеющей более сильным, чем Австрия, флотом, окончательно обратит Адриатику в итальянское море» [1].

Проникновение Италии в Албанию.

Борьба за Албанию являлась издавна составной частью агрессивных планов итальянского империализма, претендующего на безраздельное господство на Средиземном море. До мировой войны 1914 г. итальянский империализм запустил свои щупальцы во все отрасли экономической и политической жизни Албании. Осенью 1913 г. Италия, воспользовавшись тем, что монарх для Албании еще не был выбран, а международная контрольная комиссия, которой было поручено временное управление страной, не прибыла, подчинила своему влиянию албанское временное правительство во главе с Измаил Кемалем. Внутренняя обстановка, сложившаяся в тот период в Албании, была как нельзя наруку итальянскому империализму. В стране происходили междоусобные неурядицы и дрязги между многочисленными местными правителями, претендовавшими на власть, поощряемыми и вдохновляемыми Австрией и Италией. В каждой области имелся свой местный князек, претендовавший на управление страной. В Дураццо — генерал авантюрист Эссад-паша, в Фиери — Омар-паша, в Эльбасане — Акиф-паша, в Ороше — Дода Принк Биб, в Алессио — Дод Цогу, в Сан-Джиовани-ди Медуа — Ват Мараши, в Валлоне — Измаил Кемаль.

Поддерживая честолюбивые интересы Измаила, против власти которого боролись другие князья, Италии удалось в октябре 1913 г. добиться его согласия на назначение итальянских советников во все отрасли управления, а также на получение концессий на разработку естественных богатств, проведение железной дороги и трамвая и открытие банка, под контроль которого подпадала вся экономическая и политическая жизнь Албании. «Банку, — писал русский представитель в международной контрольной комиссии в Албании Петряев, — даны широкие права производить всевозможные финансовые и коммерческие операции, включая сюда выпуск денежных знаков и чеканку монет. Ему будет принадлежать право устраивать внутренние и внешние займы, учреждать монополии и вообще играть роль государственного казначейства для всей Албании... При таком исключительном положении албанского банка вся эконо-

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 2091.

мическая и финансовая жизнь Албании подпадет в бесконтрольное распоряжение Австрии и Италии»[1].

Австро-итальянские противоречия в Албании.

В ноябре 1913 г. великие державы решили, наконец, посадить на албанский престол «импортного» монарха, устранив кандидатуры местных албанских вождей, мечтавших возглавить новое государство. В этом вопросе вновь проявилось австро-итальянское соперничество. Австро-Венгрия, издавна выдававшая себя за «покровительницу албанских католиков», которых насчитывалось в то время более ста тысяч, пыталась посадить на албанский трон католика и укрепить, таким образом, свое влияние в Албании в ущерб Италии. Австрия боялась, как огня, укрепления Италии на албанском берегу Адриатического моря. Стоило только итальянцам воздвигнуть тяжелые батареи у Отранто и Валлоны, и этот водный путь шириной едва в 40 морских миль превратился бы в адриатические Дарданеллы, а сама Адриатика — в mare clausum (закрытое море), подобное Черному, ключ от которого очутился бы в кармане у Италии. А если бы Италия примкнула к враждебному Австрии лагерю, слабый австрийский флот неминуемо попадал в итальянскую мышеловку.

В свою очередь Италия, пытавшаяся вытеснить Австрию из Албании, намеревалась посадить на албанский трон своего ставленника. Поистине парадоксально прозвучали слова итальянского министра иностранных дел Сан-Джулиано: «Безразлично кто, только не католик». Католическая Италия противилась избранию католического правителя для Албании.

Назначение Вида правителем Албании. Бегство Вида. Албанский вопрос накануне мировой войны.

В ноябре 1913 г. великие державы наметили правителем Албании германского князька принца Вильгельма Вида, племянника покойной румынской королевы Елизаветы и двоюродного брата голландской королевы. 7 марта 1914 г. принц Вид прибыл на итальянской яхте в сопровождении сильной международной эскадры. Можно себе представить, какое впечатление произвел этот новоиспеченный монарх на своих будущих подданных, появляясь с таким необычайным эскортом. Высадившись в Дураццо, он в течение своего недолгого бутафорского царствования так и не выходил за пределы досягаемости судовых пушек эскадры. Власть этого, с позволения сказать, правителя ограничивалась только столицей, где он находился под защитой европейских крейсеров.

Первым актом Вида было пропзводство Эссад-паши в генералы. 18 марта был сформирован кабинет министров, в котором Эссад занял пост военного министра. Но не успела пройти неделя после прибытия Вида, как в Албании начались неурядицы. Вскоре между сторонниками Эссад-паши и Измаил Кемаля завязалась

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 2113.

междоусобная война. В мае Эссад-паша был арестован по подозрению в заговоре против Вида. Заговор был обнаружен австрийцами, но так как «все дороги вели в Рим», Эссаду удалось благополучно перебраться в Италию. Между тем в Албании началось инспирированное младотурками движение в пользу возвращения вновь под власть Турции. В августе повстанцы захватили Валлону и осадили Дураццо. Тщетно призывал Вид к помощи держав. Империалистические хищники, вступившие в мировую войну, были по горло заняты своими делами. 4 сентября 1914 г. принц Вид вместе с международной контрольной комиссией позорно бежал из Албании. Так бесславно кончилась карьера этого «калифа на час». Албанский вопрос так и не был разрешен накануне мировой империалистической войны. Борьба империалистических держав за раздел Албании продолжалась с неослабной силой.

В результате первой и второй балканских войн 1912—1913 гг. на Балканском полуострове произошла значительная перегруппировка сил. В. И. Ленин, анализируя итоги балканских войн, составил исключительно яркую по своей выразительности таблицу, характеризующую эти изменения (см. табл. на стр. 211).

Последствия второй балканской войны.

Таким образом, противоречия между империалистами, добивавшимися гегемонии на Балканах, в результате балканских войн еще более обострились. Турция была крайне ослаблена. Она сохранила в Европе только Восточную Фракию с Адрианополем и, недовольная, постепенно подпадала под влияние Германии. Болгария была разгромлена и отходила в лагерь Тройственного союза. Противоречия между Австрией и Сербией усилились. Румыния постепенно отходила от Германии и Австрии. Греция занимала колеблющуюся позицию. Сербия и Черногория сильно увеличились и окрепли. Борьба между Италией и Австрией из-за Албании продолжалась. Опасность борьбы одновременно на четырех фронтах — итальянском, сербском, румынском и русском — становилась для Австрии все более угрожающей. Хотя Балканский союз, созданный Россией, в результате балканских войн распался, однако опасность его возобновления, по словам Конрада фон Гетцендорфа, «висела кошмаром над Германией и Австрией» [1].

Наконец, балканские войны, подорвавшие господство помещиков в Македонии и Фракии, нанесшие поражение турецкой самодержавной власти и расчистившие путь для развития капитализма на Балканах, не ликвидировали полностью пережитков феодализма и национального угнетения.

«При полном освобождении от помещиков и от абсолютизма, — писал Ленин, — национальное освобождение и полная свобода самоопределения народов были бы неизбежным результатом.

[1] *Conrad*, Aus meiner Dienstzeit, II, S. 311.

Балканские государства до и после войны 1912/1913 гг. [1]

	Общая площадь в кв. километрах			Население		
	Прежняя территория	Новые приобретения	Современная территория	Прежняя территория	Новые приобретения	Современная территория
Румыния	131.353	8.340	139.693	7.248	354	7.602
Болгария	96.315	17.660	114.005	4.337	429	4.767
Сербия	48.303	39.000	87.303	2.912	1.533	4.444
Черногория	9.080	5.100	14.180	285	150	435
Албания	—	28.000	28.000	—	800	800
Греция	64.657	51.318	115.975	2.632	1.624	4.256
Крит	8.618	— 149.755		344	— 4.583	1.891
Турция	169.317		28.180	6.130		
Балканские страны	527.673	— 337 [2]	527.336	23.888	307	24.195

[1] *Ленин*, Тетради по империализму, стр. 256, Госполитиздат, 1939 г.
[2] Разница вследствие неточного определения, а именно Албания показана, пожалуй, меньше, чем она есть.

Наоборот, если останется гнет помещиков и балканских монархий над народами, останется непременно в той или иной мере и национальное угнетение.

Если бы освобождение Македонии совершилось путем революции, т. е. посредством борьбы и сербских и болгарских и *турецких* крестьян против помещиков *всех* национальностей (и против помещичьих балканских правительств), то освобождение стоило бы балканским народам, наверное, во сто раз меньше человеческих жизней, чем теперешняя война. Освобождение было бы достигнуто неизмеримо более легкой ценой и было бы неизмеримо полнее» [1].

Балканские войны 1912—1913 гг. не привели к национальному объединению и самоопределению сербов, болгар, румын, хорватов, словенов. Сербский народ был разорван на отдельные куски и лишен перспективы здорового экономического развития. В таком же положении очутились и другие балканские народы. Сотни и тысячи хорватов, словенов и босняков стонали под игом австро-венгерских капиталистов и помещиков. В населенной румынами венгерской Трансильвании усилилось тяготение к Румынии. Национально-освободительная борьба в Австро-Венгрии ширилась. Поводы для вмешательства империалистических держав в балканские дела увеличились. Балканские государства все более и более втягивались в большую игру империалистических сил, которая велась за гегемонию в юго-восточной Европе.

* * *

Назначение германской военной миссии в Константинополь.

Одним из непосредственных результатов балканских войн 1912—1913 гг. явилось значительное ослабление Турции. Это естественно не могло не обеспокоить Германию, которая делала ставку на Турцию, надеялась вовлечь ее в лоно Тройственного союза и использовать в качестве плацдарма в войне против держав Антанты. Поэтому тотчас же после второй балканской войны Германия предприняла ряд попыток к укреплению Турции. Одной из таких попыток и явилась отправка осенью 1913 г. германской военной миссии во главе с генералом Лиманом фон Сандерсом.

Конфликт, возникший между Россией и Германией вокруг назначения германского генерала Лимана фон Сандерса командующим константинопольским армейским корпусом, был последним серьезным дипломатическим кризисом накануне первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. Этот конфликт воочию продемонстрировал глубокие противоречия между Тройственным союзом и Тройственным согласием, напряженную борьбу между двумя империалистическими блоками за влияние в Турции, за гегемонию в Проливах.

В ноябре 1913 г. в Петербурге стало известно, что Германия

[1] *Ленин*, т. XVI, стр. 187.

подписала договор с правительством Турции об отправке военной миссии в Константинополь численностью в 41 человек. Во главе миссии был поставлен сын крупного помещика, 58-летний генерал Отто Лиман фон Сандерс, окончивший академию генерального штаба и командовавший до этого 22-й германской дивизией в Кесселе. Генерал Лиман был назначен турецким правительством командующим первого корпуса, расположенного в Константинополе и в районах, прилегающих к Босфору и Дарданеллам. Ему должны были подчиняться все военные школы, во главе которых турецкое правительство намеревалось поставить германских инструкторов, а также немецкие советники в турецком генеральном штабе, назначенные из числа прибывших с генералом Лиманом германских офицеров. Назначение Лимана в Константинополь вовсе не являлось случайным эпизодом в германской политике на Ближнем Востоке. Военное проникновение Германии в Турцию началось еще в конце XIX века. В 1882 г. Германия, воспользовавшись ослаблением Турции в войне 1876—1877 гг., командировала специальную военную миссию в Константинополь во главе с генералом фон дер Гольцем. На эту миссию возлагались функции изучения, подготовки и реорганизации турецкой армии. В обмен за это германское правительство потребовало от Турции передачи всех заказов на перевооружение турецкой армии германским военным заводам вместо французских.

Впоследствии, в особенности когда первая балканская война привела к поражению турецкой армии и в значительной мере скомпрометировала германских военных инструкторов во главе с фон дер Гольцем, Германия решила усилить свое влияние в военных делах Турции и перейти от простого инструктажа турецкой армии к прямому и непосредственному контролю над всеми вооруженными силами Турции.

Тревога в Петербурге.

Нетрудно догадаться, какое впечатление должно было произвести в Петербурге назначение генерала Лимана фон Сандерса. Усиленное проникновение Германии на Ближний Восток и без того причиняло России не мало хлопот. Но теперь, когда Германия открыто намеревалась расположиться в Константинополе и захватить в свои руки военный контроль над Проливами, царская Россия серьезно насторожилась. Российский империализм, лихорадочно стремившийся ограбить «Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь)» [1], не мог примириться даже с мыслью о том, что Германия получит преобладание в районе Проливов.

Назначение германским правительством «одного из самых лучших германских офицеров, генерала Лимана фон Сандерса, и не инструктором, а командиром расположенного на Дарданеллах турецкого армейского корпуса, — пишет бывший германский канцлер Бюлов в своих воспоминаниях, — это означало

[1] *Ленин*, т. XIX, стр. 281.

наступить своему другу [т. е. России. — *М. А.*] на его самую чувствительную мозоль» [1].

Проникновение Германии в Турцию.

Угроза германизации турецких Проливов стала принимать столь острые формы, что вся российская буржуазная пресса, узнав о назначении Сандерса, забила тревогу. Вопрос о гегемонии в Проливах был буквально вопросом жизни и смерти для российского военно-феодального империализма.

«Страна, — писал журнал русских империалистов «Промышленность и торговля», — не может жить под постоянным страхом, как бы «ключ от входной двери» [т. е. Проливов. — *М. А.*] в наше жилище, выпав из слабых турецких рук, не очутился в чужих сильных руках, которые будут вольны по своей прихоти казнить нас или миловать» [2].

Борьба за новые рынки сбыта, новые колонии, за «ключ от дверей» объединяла самодержавие и буржуазию. Став твердой ногой в Проливах, русский империализм мог держать в своих руках придунайские страны и утвердить свое господство на Балканском полуострове. «В самом деле, — писал русский министр иностранных дел Николаю II, — тот, кто завладеет Проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, — он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах» [3].

Известие о назначении генерала Лимана фон Сандерса свалилось Сазонову как снег на голову. Еще недавно русский министр иностранных дел гостил в Берлине и дружески беседовал с Вильгельмом и Бетман-Гольвегом, но те ни словом не обмолвились о предполагающейся отправке военной миссии в Константинополь. Теперь, когда назначение Лимана стало совершившимся фактом, огорошенный Сазонов долго не мог притти в себя.

Протест России против отправки миссии Лимана.

«Узнав о соглашении Германии с Турцией, — телеграфировал Сазонов Свербееву, — касательно военных инструкторов, я крайне удивлен, что этот важный вопрос не был ни словом затронут канцлером во время недавних моих откровенных и дружественных объяснений с ним. Сама по себе немецкая военная миссия в пограничной с нами стране не может не вызвать в русском общественном мнении сильного раздражения и будет, конечно, истолкована, как акт явно недружелюбный по отношению к нам. В особенности же подчинение турецких войск в Константинополе германскому генералу должно возбудить в нас серьезные опасения и подозрения. Благоволите высказаться в этом смысле перед германским правительством» [4].

---

[1] *Бернгард Бюлов*, Воспоминания, стр. 421—422, Соцэкгиз, 1935 г.
[2] «История гражданской войны», т. I, стр. 14.
[3] «Константинополь и Проливы», ч. I, стр. 70.
[4] «Материалы», стр. 633.

Протест России был встречен в Германии крайне сдержанно и холодно. В Берлине Свербееву ответили, что в назначении генерала Лимана «не могло бы быть и речи о каком-либо неприязненном плане против России», а, напротив, «присутствие германского генерала в Константинополе могло бы, пожалуй, оказать крупную услугу всей Европе в случае каких-либо будущих осложнений» [1]. Последняя фраза звучала уже явно издевательски по отношению к царской России. В довершение всего германское правительство заявило, что инициатива назначения миссии исходит вовсе не от Германии, а от Турции, которой Германия якобы не могла отказать в дружеской помощи.

Германская легенда и историческая правда о миссии Лимана фон Сандерса.

Необходимо отметить, что последнему аргументу Германия придавала исключительно важное значение на всем протяжении дипломатического кризиса, возникшего вокруг назначения военной миссии в Константинополь. Всякий раз, когда царская дипломатия производила в Берлине демарши, Германия заявляла, что Россия вмешивается во внутренние дела Турции. Германские и австрийские публикации, старательно фальсифицируя и подтасовывая факты, пытаются убедить, что инициатива назначения Лимана фон Сандерса командующим армейским корпусом в Константинополе и Проливах исходила исключительно от Турции [2]. Некоторые английские и американские авторы, оправдывающие германских фальсификаторов, также придерживаются этой версии. Так, например, американский историк Сидней Фей пишет: «Антантофильские авторы обычно утверждают, что посылку миссии генерала Лимана фон Сандерса инспирировала Германия. Но в германских документах об этом никаких данных не имеется и более правильным представляется, что инициатива в этом вопросе принадлежала туркам в целях их собственного спасения» [3]. Между тем факты подтверждают обратное. На самом деле посылка миссии Лимана исходила не от Турции, а была навязана турецкому правительству Германией, которая стремилась обосноваться в Турции и превратить ее в свою колонию и плацдарм для будущей войны против России, Англии и Франции.

Бюлов, в своих мемуарах, вынужден признаться: «Посылка генерала Лимана фон Сандерса, после того, что говорилось русскому послу берлинским ведомством иностранных дел, состоялась по непосредственному распоряжению императора и была осуществлена военным кабинетом без предварительного запроса иностранного ведомства» [4].

[1] «Материалы», стр. 632.

[2] Этой же ошибочной версии придерживается также Ф. О. Нотович (см. сокращенное издание «Международные отношения в эпоху империализма», стр. 557, Соцэкгиз, 1935 г.).

[3] *Сидней Фей*, Происхождение мировой войны, т. I, стр. 347, Соцэкгиз, 1934 г.

[4] *Бюлов*, Воспоминания, стр. 421—422.

Это заявление Бюлова подтверждается также и Пуанкаре. «Во время разговора с Коковцовым, — пишет он, — Вильгельм воскликнул: «Как мы могли предположить, что такая простая вещь могла возбудить у вас беспокойство? Наконец, ведь не мы являемся инициаторами этой идеи, а Турция, которая попросила нашей помощи»... «Утверждение это, — пишет Пуанкаре, — было неверное. Напротив, предложение исходило от Германии, которая стремилась утвердить свое военное господство в Турции» [1].

Необходимо, конечно, скептически относиться к заявлению Пуанкаре. Можно также было бы недоверчиво подойти и к сообщению Бюлова, который получил в 1909 г. пинок от Вильгельма и мог в порыве личной ненависти наговорить на него. Но в этом конкретном факте относительно отправки миссии Лимана фон Сандерса Пуанкаре и Бюлов вынуждены были, по разным, конечно, причинам, сказать правду.

Документы, извлеченные из секретного архива царского правительства России, до конца разоблачают лживые утверждения германских империалистов и свидетельствуют о том, что отправка военной миссии в Константинополь была предпринята по инициативе Германии. Военно-морской агент в Турции Щеглов в своей телеграмме сообщал в российский генеральный штаб:

«Сегодня из секретного источника узнал и доложил послу, что здешний германский военный агент повез в Берлин контракт на подпись германской военной миссии, имеющей прибыть сюда в составе 40 офицеров-инструкторов. По этому контракту *Германия настояла* [Курсив наш. — *М. А.*], что германский офицер будет командовать константинопольским корпусом и дивизией, что все назначения на высшие должности армии будут производиться не иначе, как с утверждения германского генерала, которому подчиняются и все военные школы, что во главе отдела генерального штаба 4 германских офицера. Все это означает, что в случае наших десантных операций в районе Босфора в будущем мы встретим здесь германский корпус» [2].

Неделю спустя после сообщения Щеглова русский посол в Берлине Свербеев писал Сазонову следующее:

«Считаю долгом заметить, что хотя берлинский кабинет и ссылается на невозможность для него отказать Турции в ее просьбе прислать инструкторов, у меня сложилось впечатление из многочисленных разговоров по этому вопросу, что *сами немцы настаивали на том, чтобы военной миссии придан был иной характер и значение, чем имели прежние инструктора во главе с фон дер Гольцем. Трудно ли им было добиться этого в Константинополе или же там немедленно согласились на все условия, предъявленные германскими военными властями, — мне здесь, конечно, невозможно узнать*» [3]. [Курсив наш. — *М. А.*]

[1] *Poincaré*, Au service de la France. Europe sous les armes, t. III, p. 327.
[2] Арх. Вн. Пол., д. К., № 157.
[3] *Там же*, № 55.

Заслуживает также особого внимания письмо росс. поверенного в делах в Лондоне Эттера Сазонову от 3 декабря 1913 г., в котором он сообщал:

«Главное затруднение, как здесь убеждены, кроется в личной, непосредственной заинтересованности в вопросе императора Вильгельма. Сэр Эдуард Грей, как и г. Камбон [1], уверен, что весь план был внушен туркам из Берлина... Турция, как он полагает, связана вероятно *навязанными ей*, но тем не менее данными ею обещаниями» [2]. [Курсив наш. — *М. А.*]

Можно считать точно установленным, что соглашение между Германией и Турцией о назначении миссии Лимана фон Сандерса в Константинополь было достигнуто в общих чертах еще в мае 1913 г. и содержалось в секрете, пока продолжались балканские войны и разрабатывались некоторые детали договора с генералом Лиманом. Германия значительно усиливает в этот период нажим на Турцию. Воспользовавшись поражением Турции в первой балканской войне, она укрепляет свое влияние в этой стране. Пришедшие к власти младотурки, ориентировавшиеся на Германию, в значительной мере содействовали усилению германских позиций в Константинополе. «Младотурки, — писал военный агент в Турции, — явно запродают себя и интересы своей родины немцам, и если не произойдет перемены в политическом режиме, во всех военных и политических вопросах, готовятся плясать под немецкую дудку» [3].

Николай II и миссия Лимана.

В истории вопроса о назначении миссии Лимана фон Сандерса заслуживает внимания и другой не менее важный вопрос: действительно ли Россия была в полном неведении вплоть до момента назначения германской миссии в Константинополь или знала об этом факте? Что Сазонов, Коковцов и российское правительство не знали о намерениях Германии вплоть до официального сообщения, это можно считать твердо установленным. Но оказывается, Николай II был лично осведомлен еще в мае 1913 г. о решении Германии и не только не возражал против посылки военной миссии в Константинополь, а, напротив, одобрил эту идею, выдвинутую германским императором Вильгельмом II.

В делах бывшего министерства иностранных дел хранится вырезка из статьи, помещенной в газете «Русское слово» в апреле 1917 г., под заглавием «Николай II и Вильгельм II». Эта статья во многом проливает свет на историю назначения генерала Лимана фон Сандерса. В статье указывается, что во время пребывания Николая II в Берлине на бракосочетании дочери Вильгельма

---

[1] По словам Бенкендорфа (Арх. Вн. Пол., д. К., № 28, стр. 376) Камбон, узнав о назначении Лимана, заявил: «Ce projet aurait surtout origine allemande» («этот проект преимущественно германского происхождения»).

[2] Арх. Вн. Пол., д. К., № 26.

[3] ЦВИА, ГУГШ, д. 128—789.

Марии-Луизы в мае 1913 г. кайзер за обедом спросил у русского царя, не встретится ли с его стороны препятствий к назначению Лимана фон Сандерса командующим турецким корпусом в Константинополе? Николай II изъявил согласие и здесь же, после обеда, подписал заранее заготовленный текст соглашения. Далее, в статье указывается, что во время аудиенции Коковцова с германским императором в ноябре 1913 г. в Берлине кайзер обратил внимание русского премьер-министра на протест российского правительства против назначения фон Сандерса и, выразив по этому поводу свое удивление, заявил: «Кто же у вас руководит внешней политикой? У меня имеется соглашение с русским императором, который не встретил препятствий к назначению фон Сандерса, а ваше правительство заявляет протест против решения своего монарха». Вильгельм тут же показал Коковцову документ, подписанный Николаем II. «На ответ Коковцова, что произошло, повидимому, недоразумение и что согласие русского императора на назначение фон Сандерса надо понимать в том смысле, что фон Сандерс приглашается турецким правительством лишь в качестве инструктора турецких войск, Вильгельм развел руками и заявил Коковцову: «Стоит ли поднимать из-за такого пустяка шум? Постараемся уладить этот неприятный инцидент». По возвращении в Петербург Коковцов, как говорится в статье, составил о своем разговоре с германским императором доклад и представил его царю, указав при этом на необходимость телеграфировать Вильгельму, что «соглашение следует понимать только в том смысле, что Лиман приглашен в Константинополь лишь в качестве инструктора». Николай II на докладе Коковцова написал: «Я так и думаю». «Затем, — говорится в статье, — Коковцов от имени министров представил Николаю II устный доклад, смысл которого сводился к тому, что царя предостерегали заключать какие бы то ни было соглашения дипломатического характера с иностранными царствующими особами без ведома министра иностранных дел».

Факты, приводимые в статье, полностью подтверждаются документами, извлеченными из секретного архива царского правительства России, где имеются все документы за исключением подписанного договора Николаем II об отправке миссии Лимана. Однако весьма возможно, что Николай II и подписал «после обеда» подобного рода соглашение, подсунутое ему Вильгельмом, и не сказал об этом ни слова своим министрам. Ничего удивительного в этом нет. Николай II, не блиставший ни умом, ни дальновидностью, совершал зачастую такие глупости, что министрам приходилось его основательно осаживать и вразумительно советовать не совать нос в области, в которых он ничего не смыслит. Известно, например, что в 1905 г. в Бьерке Николай II подмахнул договор, подсунутый ему Вильгельмом, направленный против союзницы России — Франции. Правда, впоследствии под нажимом министров Николаю пришлось взять свое слово

обратно, но последствия этого дипломатического скандала долго не удавалось сгладить.

В отношении самого факта отправки миссии Лимана можно считать точно установленным, что в мае 1913 г. Вильгельм действительно согласовал этот вопрос с Николаем II. Последний одобрил идею Вильгельма и не сказал ни слова по возвращении своим министрам.

«Насколько склонен был г. Сазонов к малообоснованной возбудимости, — пишет бывший германский канцлер Бетман-Гольвег, — обнаружилось осенью 1913 г. Еще в июле император сговорился в моем присутствии с царем и королем Англии относительно плана устройства, согласно желанию самой Турции, немецкой военной миссии в Константинополе, и ни тот, ни другой монарх ничего не имели против этого. Напротив, в этом видели лишь возобновление прежней военной миссии Гольц-паши, что и считали вполне естественным. Однако Сазонову, с которым я беседовал в Берлине на его обратном пути из Парижа, то обстоятельство, что я не обсудил с ним это предположение, дало повод к подозрению, будто я хотел его обойти. Об этом, конечно, не могло быть и речи. Я имел основание считать, что г. Сазонов уже осведомлен о происшедшем, и у меня не было повода делать предметом политической беседы вопрос, приближавшийся уже к своему завершению»[1].

Беседа Коковцова с Вильгельмом.

Когда весть о назначении германской военной миссии дошла до Коковцова, он находился проездом из Франции в Берлине, где намеревался принести благодарность германскому императору за награду высшим орденом Германии «Черным орлом». Узнав о миссии Лимана, Коковцов поспешил объясниться с Вильгельмом и Бетман-Гольвегом.

Эта беседа была воспроизведена Коковцовым в его отчете Николаю II.

«Остановившись проездом в Берлине, — писал Коковцов, — я полагал, что мое пребывание там будет иметь своим предметом, как я уже докладывал выше вашему императорскому величеству, исключительно представление германскому императору для принесения ему благодарности за пожалование мне высшего прусского ордена «Черного орла».

На самом же деле мне пришлось невольно принять участие в деле, на которое вашему императорскому величеству благоугодно было обратить особое высочайшее ваше внимание.

В день моего прибытия в Берлин министр иностранных дел обратился ко мне через посредство нашего посла с просьбой объясниться с германским имперским канцлером, и, если это окажется возможным, то и с самим императором Вильгельмом по вопросу о выработанном германским правительством предположении послать в Константинополь особую военную миссию с возложением

[1] *Бетман-Гольвег*, Мысли о войне, Гиз, 1925 г., стр. 57.

на нее организации образцового турецкого корпуса, который состоял бы под командой офицеров миссии.

Из сообщенных мне документов я впервые ознакомился с этим вопросом, причем выяснилось на первых же порах, что предположение германского правительства нам стало известно лишь в самое последнее время, а именно в бытность министра иностранных дел со всеподданнейшим докладом в Ливадии. Между тем как предположение это, возникшее, повидимому, уже давно, не составляло также и предмета объяснений между германским имперским канцлером и гофмейстером Сазоновым, при проезде последнего через Берлин.

Объяснения мои по этому поводу как с имперским канцлером, так и с германским императором оставили во мне впечатление, что дело это возникло еще весной текущего года, причем имперский канцлер, как это он и подтвердил мне в совершенно откровенной беседе, едва ли был даже вполне в курсе задуманного предприятия. Ему было лишь известно, что турецкое правительство обратилось к Германии с предложением принять на себя инструкторство турецкой армии, что вопроса этого германский император коснулся в личной беседе с вашим императорским величеством в бытность вашу в Берлине в мае месяце текущего года, что по существу этого предположения со стороны вашего величества не было заявлено сомнений, так как инструкторство германских офицеров турецкой армии продолжалось беспрерывно в течение более 20-ти лет» [1]. И когда оскорбленный Сазонов стал открыто выражать свое негодование и обвинять Германию в неискренности и вероломстве, Вильгельм воскликнул: «Старый лгун! Я об этом лично говорил царю; если он не информировал Сазонова, это уж не мое дело... Если царь не сообщил ему ничего об этом, значит он не считал этот вопрос заслуживающим упоминания и находил его вполне естественным» [2].

Но как ни бесновался Сазонов, в Петербурге было ясно, что одними протестами делу не поможешь. Необходимо было незамедлительно действовать. Прежде всего Коковцов, использовав свое пребывание в Берлине, постарался по мере своих сил и возможностей сгладить неприятный ляпсус, получившийся с Николаем II. Он в вежливой форме дезавуировал монарха, заявив Вильгельму, что «государь не мог понять, что [все] будет в такой форме». Он бы сообщил Коковцову и Сазонову, «у государя не могло быть и мысли о командовании корпусом», расположенным в Константинополе [3].

«Я позволил себе высказать, — писал Коковцов Николаю II, — при этом совершенно откровенно, что, очевидно, вашему величеству было известно только это одно предположение о посылке инструкторской миссии. Совершенно отличной должна быть наша точка

[1] «Материалы», стр. 624—625.
[2] Gr. Pol., B. XXXVIII, N 15532.
[3] Арх. Вн. Пол., д. С. А. № 313.

зрения на германское командование корпусом в Константинополе.

...Я пояснил г. фон Бетман-Гольвегу, что подобное командование не может не вызывать с нашей стороны самых серьезных сомнений. Вместе с Германией и другими государствами мы стремились сохранить остатки турецкой империи в Европе с Константинополем в ее руках в такую пору, когда Болгария готова была победоносно вступить в его стены. Мы видели в этом отсрочку в разрешении восточного вопроса и находили, что оставление Проливов в руках Турции в настоящее время представляется наиболее желательным не только для России, но и для всей Европы, и в то же время мы исходили из того коренного положения, что Константинополь должен оставаться турецкой столицей, в неприкосновенности которой одинаково заинтересованы все великие державы.

Образование корпуса, командуемого германским генералом и подчиненными ему офицерами, придает этому вопросу совсем иное направление. Послы великих государств прежде всего становятся под охрану одной Германии. При малейших осложнениях подавление беспорядков поручается этой военной силе, и Германия фактически овладевает поддержанием порядка и неприкосновенности в Стамбуле. Я прибавил к моим рассуждениям, что, вероятно, и некоторые другие государства [намек на Францию и Англию. — *М. А.*] будут не менее России обеспокоены таким оборотом дела, и к числу неразрешенных политических конфликтов невольно присоединится еще новый, не уступающий многим из них по своей остроте» [1].

Требования России.

Изложив, таким образом, точку зрения российского правительства перед германским канцлером, Коковцов закончил свою беседу просьбой, скорее напоминающей ультиматум: «Или отказаться вовсе от командования турецкими войсковыми частями, заменив это командование организацией инспекции, примерно, на ранее существовавших основаниях, или если бы это оказалось невозможным... сосредоточить образцовый корпус не в Константинополе, а в каком-либо другом пункте, например, в Адрианополе или в одном из пунктов Малой Азии, но, конечно, не на нашей границе и не в сфере особых интересов Франции» [2].

Однако дипломатические переговоры Коковцова с Бетман-Гольвегом и Вильгельмом не привели к каким-либо осязательным результатам. В Берлине Коковцову дали понять, что об отказе от отправки миссии не может быть и речи, ибо назначение Лимана фон Сандерса является уже свершившимся фактом. По поводу перевода Лимана фон Сандерса в какой-либо другой малоазиатский

[1] «Материалы», стр. 625.

[2] Узнав о переговорах России с Германией, французский министр иностранных дел Пишон поспешил предупредить, что Франция не желает видеть Лимана ни в Смирне, ни в Бейруте.

пункт германское правительство ответило уклончиво и заявило, что постарается «подвергнуть этот вопрос новому обсуждению вместе с военными властями». Короче говоря, было ясно, что Германия не изъявляла ни малейшего желания уступать настояниям России.

«Каков будет дальнейший ход этого вопроса, — писал Коковцов Николаю, — я не могу доложить вашему величеству... Но не скрою от вашего величества, что объяснения мои в Берлине оставили во мне неудовлетворительное впечатление и дают повод думать, что германское правительство не легко уступит, если оно вообще уступит, избранную им позицию» [1].

Разоблачения «Temps».

В то время как в Петербурге дружественно разговаривали с Берлином, не теряя надежд, «если не изменить в корне уже принятого решения, то по крайней мере видоизменить его применение на практике» [2], в Париже решили действовать. Французская дипломатия, опасавшаяся, как бы Россия не сговорилась с Германией и не надоумила ее перевести военную миссию в Смирну, решила столкнуть лбами Германию и Россию. В середине ноября 1913 г. во французской газете «Temps» были опубликованы все подробности переговоров Коковцова в Берлине, о которых было известно только французскому послу в Берлине. Это произвело в Петербурге весьма неприятное впечатление. «Благодаря прискорбной нескромности парижского «Temps», — писал Свербеев Сазонову, — в печать проникли теперь сообщения о всех разговорах председателя совета министров с германским императором и канцлером по поводу германских инструкторов. Спрошенный по (этому) поводу французский посол, бывший «один здесь в курсе этих разговоров, на вопрос мой откуда «Temps» почерпнула означенные известия — объяснил, что будто здешний корреспондент «Temps» получил оное от своего петербургского коллеги и передал в Париж. Французский посол будто бы даже упрекнул его за это, на что тот сослался на свою обязанность журналиста. Так как столь несвоевременное появление означенного известия может только еще более усилить неуступчивость германского правительства, то ваше высокопревосходительство, быть может, признаете желательным проверить версию французского посла о том, что известие исходит из Петербурга» [3].

Одновременно с разглашением сведений о переговорах Коковцова в Берлине французский посол в Петербурге Делькассе через секретаря посольства Сабатье д'Эспейрана инспирировал в русской прессе шумную воинственную кампанию против назначения миссии Лимана фон Сандерса, вызвавшую резкое недовольство не только Коковцова, но и самого Сазонова. Сабатье д'Эспейран открыто

[1] «Материалы», стр. 626.
[2] *Там же*, стр. 637.
[3] *Там же*, стр. 642.

заявил: «Надо воспользоваться случаем, чтобы окончательно сломать мост между Петербургом и Берлином» [1].

Ответ Германии.

Все эти действия французской дипломатии были наруку Германии. Германское правительство воспользовалось благоприятным предлогом. В беседе со Свербеевым Бетман-Гольвег заявил, что, так как слухи о переговорах Германии с Россией стали уже достоянием прессы, всякая уступчивость Германии возбудила бы в стране негодование, как отступление, сделанное под иностранным давлением. Одновременно германский поверенный в делах в Петербурге Люциус официально сообщил Сазонову: «Переговоры Германии с Турцией настолько определились, что в настоящее время трудно изменить принятое решение о предоставлении германским генералам командования в Константинополе... Тем не менее, генералу Сандерсу поручено на месте окончательно выяснить этот вопрос» [2].

Предложение России о коллективном демарше держав Антанты в Константинополе. Позиция Франции и Англии.

Не дожидаясь ответа, Сазонов, выразив Люциусу свое удивление, что германское правительство «может серьезно говорить о возможности предоставить разрешение первостепенного политического вопроса военному эксперту», решил незамедлительно принять меры. 25 ноября российское правительство обращается к своим союзникам — Франции и Англии — с предложением произвести коллективный демарш в Константинополе с протестом против назначения Лимана и с требованием соответствующих компенсаций от Турции. «Можно, — писал Сазонов, — поставить вопрос о совместном воздействии держав в Константинополе с указанием Порте, что предоставление Германии преимущественного положения поставит вопрос о соответственных компенсациях для других держав, тем более, что берлинский кабинет ссылается на то, что в этом вопросе настояния исходят будто бы не от него, а от турок» [3].

Французское правительство положительно отозвалось на предложение Сазонова. Французский министр иностранных дел Пишон заявил турецкому послу в Париже Рифаат-паше: «Если Порта не откажется от осуществления сказанного плана, Франция потребует для себя чрезвычайных компенсаций морального и политического характера» [4].

Позиция Англии была прямо противоположной. Эдуард Грей вначале наотрез отказался поддержать Сазонова. Он заявил, что считает возможность компенсаций трудно осуществимой, ибо если даже Турция и согласится предоставить офицерам других держав равные с Лиманом права, то все же главная цель — удаление

---

[1] Livre Noir. Diplomatie d'avant guerre d'après les documents des archives russes. Préface.
[2] «Материалы», стр. 644.
[3] *Там же*, стр. 642.
[4] *Там же*.

немцев из Константинополя — попрежнему останется недостигнутой. Отказавшись, таким образом, поддержать проект России, английский министр иностранных дел заявил русскому поверенному в делах в Лондоне Эттеру, что считает «пока наиболее целесообразным продолжение дружественных переговоров с Германией», ибо «как император, так и канцлер желали бы найти благовидный выход из создавшегося, повидимому, незрело обдуманного положения» [1].

Потерпев неудачу в Лондоне, российское правительство апеллирует к Франции с просьбой оказать воздействие на Грея и убедить его в необходимости совместного и решительного выступления в Турции. Французское правительство прилагает усилия к тому, чтобы «обработать» Грея. Министр иностранных дел Пишон поручает послу Франции в Лондоне Полю Камбону убедить Грея «присоединиться к попытке заставить Турцию понять все серьезные последствия, которые будут иметь место, если константинопольский армейский корпус будет находиться под командованием германского генерала» [2]. Пишон советует Камбону развить перед Греем следующие соображения:

«Командование корпусом германским генералом в Константинополе ставит дипломатический корпус, пребывающий в Константинополе, под опеку германцев. Это фактически дает Германии ключ к Проливам. Это дает полную возможность вмешательства со стороны германского генерала, который может нанести удар непосредственному суверенитету султана. Это нарушает равновесие между державами, являющееся гарантией самого существования Турции. Это может привести державы к антагонизму и даже к конфликту в отношении германской военной миссии, в случае если она позволит себе какое-либо выступление или демонстрацию в Константинополе. Если сэр Эдуард Грей согласится с этими взглядами, то следует польстить ему, предложив ему сформулировать ноту, которую Тройственное согласие представит Турции» [3].

Убедительные доводы Камбона оказали на Грея должное влияние. Угроза германского проникновения в Проливы не улыбалась Англии, которая имела в Константинополе с 1912 г. морского советника при турецком правительстве адмирала Лимпуса, являвшегося фактически командующим турецким флотом. Грей принял предложение Франции и лично сформулировал решительную декларацию турецкому правительству, носившую ультимативный характер. Текст этой декларации Грея, одобренный английским премьером лордом Асквитом, был разослан для согласования Франции и России. Вот что говорилось в ней:

«Тот факт, что германскому генералу будет поручено командование турецким армейским корпусом в Константинополе, создаст таковому положение, которое до сих пор не занимал ни один

[1] «Материалы», стр. 645.
[2] «Affaires Balkaniques», III, p. 91.
[3] *Там же.*

иностранный офицер, будь то немецкий или какой-либо другой. Благодаря этому весь дипломатический корпус окажется во власти Германии (а также и ключи от Проливов окажутся в руках немцев). Кроме того, германский генерал будет иметь возможность принимать военные меры, несовместимые с суверенными правами султана.

Сразу же погибнет действительная гарантия целостности Оттоманской империи, состоящая в равновесии держав. Если Германия займет в Константинополе подобное положение, то и другие державы окажутся вынужденными обеспечить свои интересы в Турции и заявить аналогичные требования, в которых Блистательная Порта не сможет справедливо отказать» [1].

Но здесь российское правительство, добившись поддержки Грея при помощи Франции, сделало шаг назад, о чем впоследствии Сазонов горько сожалел. Вполне уверенная в полном единодушии со стороны Франции и Англии, Россия решила вдруг повременить с вручением коллективной ноты Турции и использовать отсрочку для нажима на Берлин. 4 декабря Сазонов телеграфирует российскому послу в Константинополе Гирсу: «Считаем нужным повременить совместным выступлением до выяснения нашего последнего шага в Берлине» [2]. Одновременно Сазонов поручает Свербееву довести до сведения германского правительства о намечающемся коллективном выступлении держав в Константинополе, с таким расчетом, чтобы вынудить Берлин на выгодные для России уступки. В Берлине, однако, не обнаружили никакого намерения уступать. Германский министр иностранных дел Ягов спокойно выслушал Свербеева, поблагодарил его за информацию, но заявил, что никакого определенного ответа в настоящее время дать не может до тех пор, пока Лиман фон Сандерс не изучит «местные условия» и не придет к соглашению с турецкими властями о возможности перенесения миссии из Константинополя в какое-либо другое место [3].

Сазонов не склонен был ждать, тем более что в тот день, когда велись переговоры Свербеева с Яговым, турецкий султан опубликовал прадэ (указ) о назначении генерала Лимана фон Сандерса членом военного совета и командующим первым армейским корпусом, расположенным в Константинополе и его окрестностях.

Убедившись в бесполезности дальнейших «дружественных переговоров» с Берлином, Сазонов 7 декабря телеграфирует в Лондон Эттеру: «Признаем желательным безотлагательное обращение к Порте трех послов» [4]. Но каково было разочарование Сазонова, когда он узнал, что Грей, воспользовавшийся проволочкой, успел изменить свою точку зрения и отказался от первоначального предложения. Грей заявил, что первоначальная нота Турции

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3308.
[2] *Там же.*
[3] «Материалы», стр. 648.
[4] *Там же*, стр. 650.

составлена в очень решительных и ультимативных тонах и ее надо заменить другой, более осторожной и сдержанной, запрашивающей турецкое правительство о характере военной миссии и ее функциях.

Подобного рода точка зрения Грея, представлявшая значительный шаг назад по сравнению с выработанной первоначальной нотой, не могла не вызвать у Сазонова чувства горького негодования. «Этот недостаток согласованности и солидарности между державами Тройственного согласия, — жаловался Сазонов Бенкендорфу и Извольскому, — серьезно нас беспокоит, так как он является органическим пороком Тройственного согласия, который всегда будет ставить нас в невыгодное положение в отношении крепкого блока Тройственного союза» [1].

Вначале Сазонов отказался уступить. «С нашей стороны, — сообщал он Бенкендорфу, — мы не можем согласиться на новый английский проект ввиду того, что, по нашему мнению, столь бесцветное сообщение принесло бы вред, а не пользу» [2].

Но как ни упорствовал Сазонов, России пришлось волей-неволей уступить и принять английское предложение.

Нота держав Антанты Турции.

13 декабря посланники России, Англии и Франции в Константинополе вручили великому визирю Турции (председателю совета министров) ноту, составленную на основе предложения Грея, которая гласила:

«Нами получены сведения, что германский генерал облечен чрезвычайно важной действительной военной властью. Эта власть дала бы этому офицеру положение, отличное от такового, когда-либо занимаемого каким-либо офицером в Турции. Мы полагаем, что Порта не предприняла бы чего-либо, что могло бы нанести ущерб независимости оттоманского правительства, и что его власть над Проливами и Константинополем остается неприкосновенной. Другие державы чрезвычайно заинтересованы этими вопросами и были бы очень обязаны Блистательной Порте, если бы она не отказала сообщить сведения, как о договоре, заключенном с германским генералом, и о распространении его прав, так и о том, как оттоманское правительство понимает положение этого офицера» [3].

Однако эта нота, которую Сазонов основательно назвал «бесцветной», не произвела должного эффекта в Константинополе. Турецкое правительство, чувствуя за собой германскую поддержку, не обнаружило ни малейшего желания уступать. В декабре 1913 г. германский поверенный в делах в Лондоне Кюльман сообщал министерству иностранных дел Германии о создавшемся положении вокруг назначения генерала Лимана фон Сандерса. На телеграмме Кюльмана Вильгельм сделал свои пометки, которые ясно

[1] Арх. Вн. Пол., д. П. А., № 3308.
[2] *Там же*, д. П. А., № 3707.
[3] «Материалы», стр. 660.

свидетельствуют о том, что Германия использовала всякую трещину в Тройственном согласии для укрепления своего господства в Турции. Приводим выдержки из этой телеграммы:

«Повидимому, — писал Кюльман, — необыкновенно сильное давление оказывается со стороны России (пометка Вильгельма: «*Негодяи*»). Как говорят, русское правительство зашло настолько далеко, что заявило сэру Эдуарду Грею, что оно рассматривает занятую им позицию по этому вопросу, как пробный камень в оценке английской политики по отношению к России вообще (Вильгельм: «*Ага!*»). Так как сэр Эдуард Грей желает в соответствии с направлением своей политики избежать разрыва с Россией (Вильгельм: «*Осел, он предает интересы своей собственной страны*»), то говорят, что он решил принять формальное участие в запросе по этому делу, не проявляя, однако, со своей стороны слишком сильной заинтересованности» (Вильгельм: «*Ну, в таком случае великий визирь может спокойно держать себя без стеснения*») [1].

Ответ Турции. И действительно, великий визирь заговорил с послами без стеснения. Он выразил протест против вмешательства держав во внутренние турецкие дела и заявил, что не видит никаких оснований для изменения договора с Германией, ибо функции Лимана фон Сандерса ничем не отличаются от положения английского адмирала Лимпуса.

Планы захвата Проливов Россией. Такой исход событий естественно не улыбался царской России, которая не могла допустить, чтобы Германия захватила в свои руки «ключи от дверей» и безраздельно господствовала в Проливах. Именно в этот момент в Петербурге зреет план выступить с оружием против Турции, не останавливаясь перед европейской войной в случае, если Германия выступит на стороне Турции. 5 января 1914 г. Сазонов в докладной записке Николаю II подробно изложил эти планы. Из доклада с отчетливой ясностью видно, что Россия перед лицом опасности германизации Проливов стремилась при помощи Англии и Франции захватить Босфор и Дарданеллы и приступить к разделу Азиатской Турции. Вот что писал Сазонов Николаю II:

«Если Россия, Франция и Англия решатся повторить совместное представление в Константинополе о недопустимости командования иностранным генералом корпусом в Константинополе, то они должны быть готовы к подкреплению своего требования соответственными мерами понуждения... Оставляя нашим военному и морскому ведомствам определить, какие меры понуждения представлялись бы наиболее осуществимыми, со своей стороны, осмеливаюсь доложить, что с политической точки зрения едва ли не самым целесообразным представлялось бы в случае неудовлетворительного ответа Порты одновременное

[1] Gr. Pol., B. XXXVIII, N 15480.

совместное занятие Россией, Францией и Англией известных пунктов Малой Азии, с заявлением, что указанные три державы останутся в этих пунктах, пока их требования не будут выполнены.

В случае принятия указанного принципа Англия и Франция могли бы занять такие порты, как Смирна и Бейрут; мы, со своей стороны, имели бы выбор между занятием Трапезунда или Баязида, или еще иной какой-либо операцией, если бы таковая была признана более соответственной нашими военным и морским ведомствами.

При решении указанного вопроса нельзя, конечно, упускать из виду, что на почве давления на Порту не исключена возможность активного выступления Германии на ее защиту. В этом случае решение вопроса может быть перенесено из Константинополя и Турции на нашу западную границу со всеми последствиями, отсюда вытекающими.

Вашему императорскому величеству принадлежит принятие столь ответственного решения... я считаю себя обязанным по силе разумения и совести высказать следующие соображения.

В случае решения довести до конца осуществление наших требований, риск серьезных европейских осложнений, несомненно, должен иметься в виду, хотя существует вероятие, что твердая решимость не отступить от позиции, которая будет нами занята, окажется достаточной для получения нами должного удовлетворения. С другой стороны, если в столь существенном вопросе, как командование германским генералом корпусом в Константинополе, Россия примирится с создавшимся фактом, наша уступчивость будет равносильна крупному политическому поражению и может иметь самые гибельные последствия. Прежде всего она не предохранит нас от возрастающих притязаний Германии и ее союзников, начинающих усваивать все более и более неуступчивый и непримиримый тон во всех вопросах, затрагивающих их интересы. С другой стороны, *во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира* [Курсив наш.—*М. А.*]. Раз такое убеждение укрепится в наших друзьях и союзниках, без того не очень сплоченное единство держав Тройственного согласия может быть окончательно расшатано и каждая из них будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря. Именно такого рода результат, повидимому, учитывается Германией... Берлинский кабинет, быть может, рассчитывает столковаться за наш счет с Англией...

Если бы указанные предположения подтвердились, то Россия в конце концов осталась бы фактически в полном политическом одиночестве, ибо едва ли нам пришлось бы особенно рассчитывать на Францию, которая и без того склонна жертвовать общими политическими интересами в пользу выгодных финансовых сделок.

Все вышеприведенные соображения побуждают меня всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству основанное на них мнение, что если наши военные и морские ведомства, со своей стороны, признают возможным итти на риск серьезных осложнений, при условии, конечно, соответствующей решимости Франции поддержать нас всеми силами и Англии — оказать существенное содействие, то нам следует теперь же вступить с обеими державами в весьма доверительный обмен мнений по сему вопросу. Если бы из этого обмена взглядов выяснился уклончивый образ действий наших друзей и союзников, то нам, конечно, пришлось бы в дальнейших наших действиях считаться с весьма серьезным риском отдельных выступлений России. Если же ответы Франции и Англии были бы признаны удовлетворительными, то, соблюдая всю необходимую сдержанность и осторожность для предотвращения по возможности осложнений, нам следует твердо отстаивать наши интересы до конца»[1].

Позиция Англии и Франции в вопросе о Проливах.

В отношении Франции у России сомнений не было. Французское правительство одобрило позицию, занятую Россией, и обещало ей полную поддержку. В декабре 1913 г. французский посол в Петербурге Делькассе заявил Сазонову от имени французского правительства, что Франция пойдет так далеко, как того пожелает Россия.

Известно далее, что в середине декабря 1913 г. французское правительство с нетерпением подталкивало Россию на активное выступление против Турции и советовало даже послать военное судно в Босфор для «устрашения турок». Заслуживает особого внимания письмо Извольского Сазонову от 1 января 1914 г., в котором он излагал это предложение Франции.

«В наиболее важном вопросе о германских офицерах в Константинополе,— писал Извольский Сазонову,— до сих пор я также не могу пожаловаться на г. Думерга; он, кажется, вполне искренно заявляет о своем желании оказать нам самую полную и деятельную поддержку... Думерг настойчиво запрашивал меня о том, какие именно меры принуждения мы намерены предложить, если переговоры в Берлине и Константинополе не приведут к желаемым результатам. По этому поводу не могу не передать вам довольно курьезного разговора, который я имел с г. Палеологом; по его словам, находящийся в настоящую минуту в Париже, г. Бомпар высказал ему в виде личного мнения, что, если мы не добьемся мирным путем нашей цели, нам следует испросить у султана фирман на проход через Проливы одного из наших черноморских броненосцев, ввести его в Босфор и объявить, что он уйдет лишь после изменения контракта генерала Лимана и его офицеров. На мой вопрос: могу ли я сообщить вам этот отзыв,— Палеолог ответил мне, что не видит к этому препятствий, но что,

[1] Арх. Вн. Пол., д. Пос. в К-поле, № 1191.

разумеется, речь идет о чисто личном взгляде г. Бомпара и что ни в каком случае инициатива подобной меры не должна быть приписана Франции. Когда же я заметил, что вряд ли султан выдаст нам вышесказанный фирман, г. Палеолог сказал мне, что русский броненосец может войти в Босфор и без фирмана и что турецкие батареи, конечно, не решатся открыть по нему огонь. Я не берусь судить, насколько продуманы суждения французского посла в Константинополе, но весьма характерно, что в здешнем министерстве иностранных дел допускают возможность подобного крутого оборота дела; прибавлю также, что, если бы мы решились на подобное энергическое действие, общественное мнение Франции несомненно высказалось бы в нашу пользу, ибо оно весьма чутко ко всему, что касается национального достоинства и живо ощущает нестерпимость германского засилия в Константинополе» [1].

Но одной поддержки Франции для России было мало. Выступать вместе с Францией без Англии в Петербурге считали рискованным и опасным. Необходимо было заручиться поддержкой англичан. Но Англия строила всю свою политику на том, что за ней будет последнее слово и, оставшись госпожей положения, она в критический момент продиктует условия и своим противникам и своим друзьям.

Особое совещание российского правительства по вопросу о Проливах.

Поэтому российское правительство, прежде чем решиться на какое-либо выступление против Турции, решило созвать особое совещание для обсуждения создавшегося положения. Это совещание состоялось 13 января 1914 г. под председательством Коковцова, с участием военного и морского министров, начальника генерального штаба и министра иностранных дел. Целью совещания, как заявил Коковцов при открытии, являлось «определение положения, которое надлежало бы занять императорскому правительству при всяком возможном обороте дела». Из всего хода обсуждения было ясно, что Россия ни в коей мере не примирится с оставлением генерала Лимана фон Сандерса командующим корпусом в Константинополе. «Приезд генерала Сандерса в Константинополь,— заявил на совещании военный министр Сухомлинов, — не является возвращением к системе фон дер Гольца-паши и его инструкторских задач. Прежние инструкторы, по сведениям военного ведомства, представляли собой худший элемент германской армии; предметы вооружения и амуниции, которыми Германия снабжала Турцию в балканской войне, были далеко не высокого качества. Ныне же генерала Сандерса сопровождает 40 человек, выбранных среди лучших офицеров германской армии, и таковых набирается еще около 60 человек... Замысел Германии, энергично принимающейся за организацию турецкой армии, представляется ясным. Турецкие войска, развитие качеств которых поручено

[1] Арх. Вн. Пол., д. К., № 131.

германской миссии, окажутся на нашей кавказской границе естественно направленными против России». Считая опасной потерю времени, Сухомлинов предложил «принять меры для ограждения от указанного невыгодного для России изменения прежнего положения вещей» [1].

Но прежде чем принимать то или другое решение, заявил на совещании Коковцов, «Россия должна знать, в какой мере ей будет оказана поддержка от Франции и можно ли рассчитывать на активное участие... со стороны Англии». Что касается Франции, то «русское правительство, — заявил Сазонов, — может рассчитывать на деятельную ее поддержку до крайних пределов», но «является невыясненным, насколько энергично готова была [бы] действовать Англия».

Англия, как говорил Коковцов на совещании, «не оказав никакого существенного содействия стараниям петербургского кабинета, скорее облегчала Германии фактом присутствия в Константинополе адмирала Лимпуса ее сопротивление настояниям России. Германия имела возможность ссылаться при переговорах на то, что сосредоточение в руках английского адмирала надзора над турецким флотом не возбуждало опасения ни одной державы». Однако без поддержки Англии российское правительство не решалось выступить против Турции, за которую немедленно бы вступились Германия и Австрия.

«В действительности, — продолжал Сазонов, — для Германии не представляется особенно опасным выступление России при поддержке одной лишь Франции. Обе державы вряд ли способны нанести Германии смертельный удар, даже в случае успехов на поле сражения, являющихся всегда гадательными. Борьба же при участии Англии может явиться роковой для Германии, которая ясно сознает опасность быть доведенной при английском выступлении в шестинедельный срок до полной социальной внутренней катастрофы. Англия страшна Германии, и в сознании этого кроется причина ненависти, питаемой немцами к растущей мощи Великобритании. В связи с указанными обстоятельствами, императорскому правительству необходимо было бы, предварительно решительных выступлений, заручиться поддержкой лондонского кабинета, активное участие которого является необеспеченным» [2].

В результате совещание приняло следующее решение:

1. Необходимо продолжать настояния в Берлине о недопустимости с точки зрения интересов России командования германским генералом частью в Константинополе, а тем более предоставления ему инспекции в смысле командования округом.

2. Переговоры в Берлине следует продолжать до выяснения полной их неуспешности.

---

[1] Арх. Вн. Пол., д. С. А., № 313.
[2] *Там же.*

3. Вслед за этим надлежит перейти к намеченным мерам воздействия вне Берлина в согласии с Францией и Англией (финансовый бойкот Турции, отзыв послов из Константинополя, предъявление турецкому правительству ультиматума об отзыве миссии Лимана, а в случае несогласия Турции занятие вместе с Англией и Францией важнейших в стратегическом отношении турецких пунктов).

4. В случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией.

Однако России не удалось осуществить намеченные мероприятия, а рисковать из-за вопроса о Сандерсе войной с Германией без одновременного выступления Англии и Франции Россия не решилась. Таким образом Россия пришла к выводу, что ее действия в Проливах будут происходить в обстановке общеевропейской войны одновременно с операциями на западном фронте против Австрии и Германии.

Ликвидация конфликта.

16 января 1914 г. дипломатический конфликт был официально ликвидирован. Генерал Лиман был отстранен от командования первым корпусом и назначен маршалом и генерал-инспектором турецкой армии без прямого подчинения ему каких-либо воинских частей. Россия вынуждена была удовольствоваться этой уступкой Германии. Николай II, узнав об отстранении генерала Лимана от командования константинопольским корпусом, заявил: «Пока нам следует приостановиться от дальнейших настояний — дать немцам передышку»[1].

Но уступка, сделанная Германией, была формальной и почти ничего не изменяла в положении германской военной миссии в Константинополе. «Устранение генерала Лимана от командования первым корпусом, — писал Свербеев Сазонову, — является лишь уступкой формальной, отнюдь не лишающей последнего решающего его влияния на военные дела в Турции»[2]. Это вскоре же показала вспыхнувшая в августе 1914 г. первая империалистическая война. Правда, война разгорелась через полгода после дипломатического кризиса, возникшего вокруг миссии генерала Лимана фон Сандерса, вследствие австрийского натиска на Сербию, а не из-за русско-германских споров о Константинополе. Несомненно, присутствие германской военной миссии на берегах Босфора способствовало тому, что через три месяца после начала войны Турция решилась напасть на Россию, сознавая, что это приведет к войне со всеми державами Антанты.

Последующие операции турецкой армии в Проливах во время империалистической войны показали, что миссия Лимана фон Сандерса сохранила решающее влияние на военные дела Турции.

---

[1] «М. О.», т. I, № 296.
[2] «Материалы», стр. 690.

* * *

Таким образом, балканские войны и их последствия еще более накалили международную обстановку и обострили империалистическую борьбу за мировую гегемонию. Балканские войны окончательно размежевали силы второстепенных союзников и ускорили развязывание мировой войны.

«Не было никакого сомнения, — вынужден признаться бывший германский канцлер Бетман-Гольвег, — что... Бухарестский мир означал лишь краткую передышку... Отдельные перескакивающие искры все еще можно было погасить, но, в конце концов, вся Европа стала тревожно чувствовать, что война на Балканах — лишь предшественница и предвестница более роковых событий» [1].

Первая мировая империалистическая война надвигалась с неумолимой неизбежностью.

В своей знаменитой работе «Национальный вопрос и социал-демократия» товарищ Сталин в 1913 г. писал:

«Рост империализма в Европе — не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнений» [2].

Гениальный прогноз товарища Сталина полностью оправдался всем дальнейшим ходом исторического развития. Разразившаяся в августе 1914 г. первая империалистическая война показала, что балканские войны 1912—1913 гг. были прологом к мировой империалистической бойне.

---

[1] *Бетман-Гольвег*, Мысли о войне, Госиздат, 1925 г.
[2] *Сталин*, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 41—42.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К лету 1914 г. противоречия между главнейшими империалистическими державами настолько углубились и обострились, что «при сети нынешних явных и тайных договоров, соглашений и т. д. достаточно, — писал Ленин, — незначительного щелчка какой-нибудь «державе», чтобы «из искры возгорелось пламя» [1].

Эти пророческие слова Ленина, сказанные им еще в августе 1908 г., полностью подтвердились в июльские дни 1914 г., когда достаточно было выстрела в Сараево, чтобы мир был ввергнут в чудовищную грабительскую войну, пламя которой полыхало на протяжении более четырех лет.

Непосредственным поводом к развязыванию мировой войны явилось убийство австрийского престолонаследника Франц-Фердинанда 28 июня 1914 г. в главном городе Боснии — Сараево. Это убийство было произведено членами сербской националистической организации.

Германский империализм решил воспользоваться сараевским убийством для развязывания войны.

Однако «Мы знаем, что *десятилетиями* трое разбойников (буржуазия и правительства Англии, России, Франции) вооружались для ограбления Германии. Удивительно ли, что два разбойника (т. е. Германия и Австро-Венгрия. — *А. М.*), — писал Ленин, — напали раньше, чем *трое* (Англия, Россия, Франция. — *А. М.*) успели получить заказанные ими новые ножи?» [2].

Разоблачая германский империализм, как непосредственного виновника военного взрыва, происшедшего в 1914 г., Ленин писал:

«...немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и

---

[1] *Ленин*, т. XII, стр. 311.
[2] *Ленин*, т. XVIII, стр. 93.

Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием» [1].

Еще за две недели до сараевского убийства, руководители германской и австро-венгерской дипломатии и военщины обсуждали вопрос о развязывании войны и решили, что создавшаяся международная обстановка вполне благоприятствует этому.

13—14 июня 1914 г., во время свидания Вильгельма II с Франц-Фердинандом в Конопиште, где присутствовал также и адмирал Тирпиц, на вопрос австрийского престолонаследника, сможет ли Австро-Венгрия рассчитывать на помощь Германии в случае войны с Россией, кайзер ответил: «*Если мы не выступим, положение ухудшится*» [2] [Курсив наш. — *А. М.*].

Тотчас же после сараевского убийства, Германия усиленно подталкивала Австро-Венгрию к выступлению против Сербии. Узнав, что австрийские дипломаты ломают головы над тем, какие ультимативные требования предъявить Сербии, чтобы они были для нее безусловно неприемлемы, Вильгельм дал совет: «*Очистить Санджак! Тогда будет сразу потасовка*» [3]. Руководители австрийской политики отлично понимали, что война с Сербией должна неминуемо привести к общеевропейской войне, и поэтому они не решились выступить без прямой поддержки со стороны Германии.

Время, предшествовавшее предъявлению австрийского ультиматума Сербии, было использовано империалистами для подготовки дипломатического механизма развязывания войны.

Германия настойчиво все время подталкивала Австрию к выступлению, прекрасно сознавая, что австрийский поход против Сербии неизбежно приведет к всеобщему вооруженному взрыву.

30 июня 1914 г. Чиршки телеграфировал германскому канц-

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 61—62.
[2] *Conrad von Hötzendorf*, Aus meiner Dienstzeit, B. IV, S. 39.
[3] Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch 1914, Berlin 1920, B. IV, N 29.

леру Бетман-Гольвегу, что в Вене многие правительственные лица желают «основательно посчитаться с сербами», и прибавлял: «Я пользуюсь всяким случаем, чтобы спокойно, но чрезвычайно энергично и серьезно предостерегать от слишком поспешных шагов». Вильгельм II на полях этой телеграммы написал: «*Теперь или никогда*! Кто его уполномочил на это? Это очень глупо! Это его вовсе не касается, так как дело исключительно Австрии, что она думает предпринять дальше. Потом, если дело пойдет неладно, то будут говорить, что Германия не захотела. Пусть Чиршки изволит бросить эти глупости. *С сербами надо покончить и именно теперь*» [1].

5 июля 1914 г. австро-венгерский посол в Берлине Сегени после свидания с Вильгельмом в Потсдаме телеграфировал в Вену, что кайзер «ожидает с нашей стороны серьезного выступления против Сербии... По мнению императора Вильгельма нельзя медлить с этим выступлением. Позиция России будет во всяком случае враждебной, но *он к этому готовился в течение ряда лет* [Курсив наш.— *А. М.*],и если даже дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем не сомневаться в том, что Германия... будет стоять на нашей стороне... Он сожалел бы, если бы нынешний момент, столь для нас благоприятный, не был бы нами использован» [2]. В тот же день кайзер вызвал к себе в Потсдам рейхсканцлера, помощника министра иностранных дел и ответственных руководителей военного и морского ведомства, отдал все необходимые распоряжения относительно подготовки к войне, а сам для отвода глаз отправился в «увеселительное путешествие» на яхте по Северному морю. Одновременно с Вильгельмом «уехали на курорт» германские военный и морской министры и начальник генерального штаба.

Аналогичная комедия была разыграна и в Австро-Венгрии. «Военный министр [австрийский. — *А. М.*], — телеграфировал Чиршки 10 июля, — с завтрашнего дня уедет в отпуск, и барон Конрад фон Гетцендорф временно оставит Вену. *Это делается*, — как сказал мне граф Берхтольд, — *умышленно, во избежание всякой тревоги*» [3] [Курсив наш. — *А. М.*].

Таким образом, мы видим, что германские империалисты не только не сдерживали австрийской военщины, а, наоборот, всячески подталкивали ее к развязыванию войны.

В своем донесении от 12 июля 1914 г. Сегени сообщал Берхтольду: «Как император Вильгельм, так и все прочие компетентные факторы не только полны решимости поддержать монархию в качестве ее верных союзников, но даже решительно подстрекают нас не упустить теперешний момент для самого решительного

---

[1] Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch, B. IV, N 7.
[2] Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch. 1930, B. VIII, N 10058.
[3] Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch, B. IV, N 29.

выступления против Сербии... Руководящие германские круги и не в малой мере сам император Вильгельм нас буквально толкают к тому, чтобы предпринять... военные действия против Сербии... По мнению Германии необходимо выбрать теперешний момент, исходя из общих политических соображений... В последнее время Германия еще более укрепилась в мнении, что Россия готовится к войне против своих западных соседей, но в настоящий момент она не собирается воевать или, вернее, она еще не подготовлена...

Далее германское правительство считает, что имеются верные признаки, что Англия в настоящее время не примет участия в войне, возникшей ради какой-либо балканской страны, даже если бы дело дошло до войны с Россией и даже, может быть, и с Францией... Англия в настоящее время... вовсе не желает таскать каштаны из огня для Сербии или в конечном счете для России... Таким образом... политическая конъюнктура является для нас в настоящее время максимально благоприятной» [1].

Подбодренная заверениями Германия австрийская военщина решила перейти к действиям.

Австрийские империалисты, пытавшиеся спровоцировать Сербию на войну, стремились предъявить такие требования Сербии, чтобы последняя не смогла их принять.

Германские империалисты впоследствии уверяли, что они якобы не знали заранее австрийского ультиматума. Однако теперь можно, на основании опубликованных исторических документов, считать вполне установленным, что германские империалисты еще за две недели до предъявления ультиматума были знакомы с его содержанием. Так, например, адмирал Тирпиц 13 июля 1914 г., ознакомившись с содержанием австрийского ультиматума, заявил: «Подобный ультиматум для Сербии окажется неприемлемым», а 14 июля Чиршки передавал из Вены следующее заявление венгерского премьер-министра Тиссы: «Нота будет так средактирована, что Сербия наверняка не сможет ее принять». Для осуществления своих агрессивных планов развязывания мировой войны германские империалисты, закончив все свои военные приготовления, выжидали лишь наиболее благоприятного момента. Как известно, в это время французский президент Пуанкаре находился в Петербурге, и поэтому Германия решила отсрочить вручение ультиматума Сербии до его отъезда из Петербурга, чтобы таким образом помешать непосредственному согласованию действий между Францией и Россией.

Австро-венгерский ультиматум, подготовлявшийся в глубокой тайне в течение 25 дней, был предъявлен Сербии в 18 часов 23 июля 1914 г. В этом ультиматуме Австро-Венгрия обвиняла сербское правительство в том, что «оно допускало преступную деятельность различных обществ и организаций, направленную

[1] Oe. U. A., B. VIII, N 10215

против монархии, распущенный тон в печати, прославление виновников покушения, участие офицеров и чиновников в революционных выступлениях, вредную пропаганду в учебных заведениях, наконец, оно допускало все манифестации, которые могли возбудить в сербском населении ненависть к монархии и презрение к ее установлениям.

Эта преступная терпимость королевского сербского правительства — говорилось в австрийском ультиматуме — не прекратилась даже в момент, когда события 28/15 прошлого июня показали всему миру ее прискорбные последствия.

Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28/15 июня явствует, что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками, входящими в состав «Народной Одбраны», и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлен начальствующими лицами сербской пограничной службы» [1].

Австро-Венгрия потребовала от сербского правительства опубликовать на первой странице официального органа следующее заявление:

«Королевское сербское правительство осуждает пропаганду, направленную против Австро-Венгрии, т. е.: совокупность тенденций, имеющих конечной целью отторжение от Австро-Венгерской монархии частей ее территории, и искренно сожалеет о прискорбных последствиях этих преступных действий.

Королевское правительство сожалеет, что сербские офицеры и чиновники участвовали в вышеупомянутой пропаганде и скомпрометировали таким образом те добрососедские отношения, поддерживать которые королевское правительство торжественно обязалось в своей декларации от 31/18 марта 1909 г.

Королевское правительство, порицая и отвергая всякую мысль или попытку вмешательства в судьбы населения какой-либо части Австро-Венгрии, считает своим долгом формально предупредить офицеров, чиновников и все население королевства, что отныне оно будет принимать самые суровые меры против лиц, виновных в подобных действиях, которые правительство всеми силами будет предупреждать и подавлять».

Кроме того Австро-Венгрия в своем ультиматуме потребовала от Сербии выполнения следующих 10 условий:

«1) Не допускать никакие публикации, возбуждающие ненависть и презрение к монархии и проникнутые общей тенденцией, направленной против ее территориальной неприкосновенности.

2) Немедленно закрыть общество, называемое «Народна Одбрана», конфисковать все средства пропаганды этого общества и принять те же меры против других обществ и организаций

[1] «М. О.», серия III, т. V, № 18.

в Сербии, занимающихся пропагандой против Австро-Венгерской монархии. Королевское правительство примет необходимые меры, чтобы распущенные им общества не могли продолжать свою деятельность под другим названием или в другой форме.

3) Незамедлительно исключить из области сербского народного образования, как в отношении личного состава учащих, так и в отношении способов обучения, все то, что служит или могло бы служить к распространению пропаганды против Австро-Венгрии.

4) Удалить с военной и вообще административной службы всех офицеров и должностных лиц, виновных в пропаганде против Австро-Венгерской монархии, имена которых императорское и королевское правительство оставляет за собой право сообщить королевскому правительству вместе с указанием совершенных ими деяний.

5) Допустить сотрудничество в Сербии органов императорского и королевского правительства в деле подавления революционного движения, направленного против территориальной неприкосновенности монархии.

6) Произвести судебное расследование против участников заговора 28/15 июня, находящихся на сербской территории, причем лица, командированные императорским и королевским правительством, примут участие в розысках, вызываемых этим расследованием.

7) Срочно арестовать коменданта Войю Танкосича и некоего Милана Циганович, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированных результатами сараевского расследования.

8) Принять действительные меры к воспрепятствованию оказания сербскими властями содействия в незаконной торговле через границу оружием и взрывчатыми веществами; уволить и подвергнуть суровому наказанию чинов пограничной службы в Шабаце и Лознице, виновных в том, что оказали содействие руководителям сараевского покушения, облегчив им переезд через границу.

9) Дать императорскому и королевскому правительству объяснения по поводу недопустимых заявлений высших сербских чинов как в Сербии, так и за границей, которые, несмотря на свое официальное положение, позволили себе после покушения 28/15 июня высказываться в интервью во враждебном по отношению к Австро-Венгерской монархии тоне.

10) Наконец, без замедления уведомить императорское и королевское правительство об осуществлении указанных в предыдущих пунктах мер.

Австро-венгерское правительство ожидает ответа королевского правительства не позднее 6 часов вечера в субботу 25/12 текущего месяца» [1].

Ответ сербского правительства на ультиматум Австро-Венгрии

[1] «М. О.», т. V, № 18.

был дан в назначенный срок — в 18 часов 25 июля 1914 г. Сербия приняла с некоторыми оговорками все требования Австро-Венгрии за исключением одного пункта, согласно которого австрийские чиновники должны были получить право производить на сербской территории следствие о подготовке сараевского убийства; но и в отношении этого требования Сербия заявила о своей готовности подчиниться, если на этом будут настаивать великие державы. Несмотря на такую большую уступчивость Сербии, Австрия отозвала своего посла из Белграда и прервала дипломатические отношения с Сербией.

В ответ на австро-венгерский ультиматум и бомбардировку Белграда австрийскими мониторами российское правительство 29 июля 1914 г. объявило мобилизацию в 4 военных округах: Киевском, Одесском, Казанском и Московском.

31 июля царское правительство объявило всеобщую мобилизацию.

Германское правительство, воспользовавшись этим обстоятельством, всеми силами пыталось свалить с себя вину за развязывание войны на другие державы и представить дело таким образом, что якобы его спровоцировали на войну.

29 июля 1914 г. в разговоре с Берхтольдом Чиршки заявил, что рейхсканцлер стремится найти «удобное средство переложить... целиком и единственно на Россию одиум мировой войны, который при нынешнем настроении возможно свалится на нас (т. е. на Германию). Им руководит при этом лишь стремление улучшить условия, в которых нам придется вести мировую войну, и добиться всеобщей симпатии к нашей точке зрения... Было бы крайне важно, чтобы всем было ясно, что в случае если наша война против Сербии перекинется на великие державы, то вина падет не на нас, а на одну Россию»[1].

30 июля 1914 г. состоялось заседание германского совета министров, в протоколе которого, между прочим, сказано: «имеет величайшее значение выставить Россию в качестве виновной стороны». Германские империалисты, поджигавшие войну, старались таким образом представить главным зачинщиком войны — царскую Россию.

Немецкая буржуазия, которая, по словам Ленина, «лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России», теперь одурачивала «рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма»[2].

31 июля Германия предъявила ультиматум России с требо-

[1] Oe. U. A., N 10939.
[2] *Ленин*, т. XVIII, стр. 61.

ванием прекращения мобилизации, а 1 августа 1914 г. объявила ей войну.

Одновременно с предъявлением ультиматума России Германия потребовала от Франции соблюдения нейтралитета в случае войны между Германией и Россией. «Если, чего не приходится предполагать, французское правительство заявит, что остается нейтральным, — писал Бетман-Гольвег германскому послу в Париже Шену, — то ваше превосходительство должны заявить французскому правительству, что в качестве залога нейтралитета мы должны требовать передачи крепостей Туля и Вердена, которые мы заняли бы» [1].

Эти требования Германии Франция отклонила. 3 августа Германия объявила войну Франции. Германский империализм двинул свою армию на запад через Бельгию.

Наиболее сложные маневры в кризисные дни 1914 г. были проделаны руководителями британского империализма. Англия, подготовляя войну, делала все возможное, чтобы ввести в заблуждение широкие народные массы своей страны.

«Английская дипломатия до самого момента взрыва войны не снимала с себя таинственного забрала. Правительство Сити опасалось ясно обнаружить свое намерение выступить в войне на стороне стран Антанты, чтобы не запугать правительство Берлина и не заставить его отказаться от войны. В Лондоне хотели войны. Поэтому держали себя так, что в Берлине и Вене надеялись на нейтралитет Англии, в то время как в Париже и Петрограде твердо рассчитывали на ее вмешательство» [2].

Война против Германии подготовлялась английским империализмом в глубокой тайне от широких народных масс. Вопросы подготовки войны были сосредоточены в особом Комитете имперской защиты, состоявшем из премьер-министра, канцлера казначейства, военного министра, первого лорда адмиралтейства и министра иностранных дел. За спиной правительства в целом, а тем более парламента, узкий круг лиц, выполняя волю финансового капитала, подготовлял тайком от народа войну против Германии. Даже такой искушенный в вопросах политики деятель, как Ллойд-Джордж, вынужден был признаться, что «в течение восьми лет, предшествовавших войне, кабинет министров мог уделять смехотворно малую часть своего времени рассмотрению иностранной политики... конечно, некоторые вопросы внешней политики были известны тем министрам, которые принимали участие в работах Комитета имперской защиты; а, если не считать этой возможности... то для кабинета в целом никогда не представлялось случая устроить подлинное совещание принципиального характера по основным вопросам международного положения.

---

[1] Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, B. IV, N 491.
[2] Из манифеста I Конгресса Коминтерна.

Вокруг вопросов внешней политики создавалась атмосфера молчания и тайны, лишавшая три четверти членов кабинета всякой возможности на деле участвовать в разрешении важнейших вопросов, которые тогда возникали на континенте Европы и в конце концов привели к взрыву, потрясшему почти до самого основания мировую цивилизацию» [1].

Взяв курс на войну, Англия стремилась прикрыть его политикой наружного невмешательства в австро-русский конфликт в июльские дни 1914 г., политикой показного миролюбия, которая была призвана к тому, чтобы обмануть трудящиеся массы, внушить им, будто бы на Англию напали.

«Что касается вашего мнения относительно слепоты Грея, — писал в феврале 1914 г. Бенкендорф Сазонову, — то позвольте мне не согласиться с вашим мнением. Его постоянно беспокоит, вопреки всем видимостям, именно угроза германской гегемонии, он с тревогой следит за некоторыми ее успехами. Не думайте, что он слеп, — это далеко не так. Он гораздо больше кажется нерешительным, чем это есть на самом деле... Он не любит... угрожать, если только нет твердых решений относительно дальнейшего образа действий и в особенности до тех пор, пока Тройственный союз очевиднейшим образом не поставит себя в положение явно виноватого, что̀ необходимо для английского общественного мнения... Он уже близок к тому, чтобы поставить ловушку Тройственному союзу» [2].

28 июня 1914 г. Бенкендорф в письме к Сазонову писал: «...в глазах рядового обывателя единственная война, которая была бы и осталась бы популярной, это — война с Германией. Вот анализ той базы, на которой Грей располагает свои батареи» [3]. В кризисные дни 1914 г. Англия, пугая Россию и Францию угрозой германского нападения и обещая им военную поддержку, одновременно создавала в Берлине и Вене иллюзию о своем нейтралитете в случае войны Германии с Россией и Францией.

9 июля 1914 г. Грей, по словам германского посла в Лондоне Лихновского, «был в весьма уверенном настроении и заявил веселым тоном, что у него нет никаких причин оценивать положение пессимистически» [4].

«Между Великобританией, с одной стороны, и Францией и Россией, с другой, — заявил Грей Лихновскому, — не заключено никаких секретных соглашений, которые связывали бы Великобританию в случае европейской войны. Англия хочет... сохранить полную свободу действий» [5].

Вместе с тем, Англия, провоцируя Германию и Австро-Венгрию

---

[1] *Ллойд-Джордж*, Военные мемуары, т. I—II, стр. 59—60.
[2] «М. О.», серия III, т. I, № 328.
[3] «М. О.», серия III, т. IV, № 2.
[4] Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, N 92.
[5] *Там же*, N 52.

на войну с Россией, всемерно науськивала последнюю на Германию, пугая ее угрозой «германского нападения».

«Грей сказал мне, — писал 9 июля 1914 г. Бенкендорф в российское министерство иностранных дел, — что он знает из очень серьезных военных источников, что в глазах Германии центр тяжести военных операций перемещается довольно быстро с Запада на Восток. Несколько лет тому назад Франция являлась первым и главным германским противником, тогда как Россия, ослабленная войной (с Японией. — *А. М.)*, требовала от нее меньших усилий. Теперь положение совершенно изменилось... главным противником становится Россия» [1].

Таким образом мы видим, что английский империализм, питая иллюзиями своего нейтралитета Германию и Австрию, в то же время подталкивал Францию и Россию к решительным действиям против Германии, с таким расчетом, чтобы противники зарвались достаточно далеко и чтобы в критический момент сбросить с себя таинственное забрало.

У самого Грея, как и у других членов правительства, не было никаких сомнений в том, что, проделывая все «пацифистские» маневры, британское правительство втянет свою страну в эту войну. Но к окончательному решению нужно было итти медленно и осторожно, обманывая широкие народные массы, которые были против империалистической войны.

Вплоть до начала мировой катастрофы английское правительство не раскрывало своих карт.

«Грей, — писал 26 июля 1914 г. Бенкендорф Сазонову, — прячется за надеждами на переговоры... Я боюсь, что суть дела в том, что Грей не уверен в английском общественном мнении и опасается, что не будет поддержан, если он слишком ввяжется в дело... отсюда все колебания... Ясно, что у Foreign Office глаза открываются быстрее, чем у других... Англию страшит не столько австрийская гегемония на Балканах, сколько мировая гегемония Германии... Я еще не теряю надежды заставить Грея приподнять маску в ближайшие дни» [2].

Этот момент настал 4 августа 1914 г. Сбросив, наконец, маску, Англия под предлогом защиты бельгийского нейтралитета предъявила Германии ультиматум и в ту же ночь объявила войну Германии.

«Подготовленная ходом развития в течение десятилетий, война была спущена с цепей при прямой и сознательной провокации Великобритании» [3].

Внезапное решение Англии вызвало бешенство в правящих кругах германского империализма. «Англия, — воскликнул Вильгельм II, — открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении.

[1] «М. О.», т. IV, № 146.
[2] *Там же*, № 91.
[3] Из манифеста I Конгресса Коминтерна.

Гнусная, торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами» [1].

Со вступлением в войну Англии австро-сербский конфликт превратился вначале в европейскую войну, а затем вылился в первую мировую империалистическую войну 1914—1918 гг.

Так вспыхнула первая мировая империалистическая война. Но было бы исторически неверно считать зачинщиками войны только английских империалистов или же только австро-германских империалистов, сделавших «первый выстрел» после убийства в Сараеве, двинувших свои войска на Сербию. Виновниками были империалисты всех воевавших стран. Но империалистам стран Антанты было выгодно предоставить германскому империализму «честь первого выстрела», чтобы потом кричать об оборонительной войне.

Ленин не раз подчеркивал, что «в империалистической войне 1914 года одинаково виновата «злокозненность» правительств и буржуазии всех «великих держав», и Англии, и Франции, и Германии, и России».

Вскрывая подоплеку первой мировой империалистической войны, Ленин писал: «...Война вызвана неизбежно тем развитием гигантски-крупного капитализма, особенно банкового, которое привело к тому, что каких-нибудь четыре банка в Берлине и пять или шесть в Лондоне господствуют над всем миром, забирают себе все средства, подкрепляют свою финансовую политику всей вооруженной силой и, наконец, столкнулись в неслыханно-зверской схватке из-за того, что дальше итти свободно захватным порядком некуда... Вот почему смешно тут обвинять того или другого коронованного разбойника. Они все одинаковы — эти коронованные разбойники» [2].

* * *

Война 1914—1918 гг. была грабительской войной «...между двумя группами разбойнических великих держав из-за дележа колоний, из-за порабощения других наций, из-за выгод и привилегий на мировом рынке. Это — самая реакционная война, война современных рабовладельцев за сохранение и укрепление капиталистического рабства. Англия и Франция лгут, уверяя, что ведут войну за свободу Бельгии. На деле они давно готовили войну и ведут ее ради ограбления Германии, отнятия ее колоний, они заключили договор с Италией и Россией о грабеже и разделе Турции и Австрии. Царская монархия в России ведет грабительскую войну, стремясь к захвату Галиции, к отнятию земель у Турции, к порабощению Персии, Монголии и т. д. Германия ведет войну за грабеж колоний Англии, Бельгии, Франции» [3].

---

[1] Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, B. IV, N 368.
[2] *Ленин*, т. XXX, стр. 341.
[3] *Ленин*, т. XVIII, стр. 182.

Война для всех империалистических государств являлась средством удушения поднимавшегося революционного движения. Последние годы перед войной ознаменовались массовыми стачками в Англии, Франции, ростом революционных настроений германского и австрийского пролетариата, подъемом новой революционной волны в России (массовые забастовки 1912—1914 гг. и баррикады на улицах Петербурга в самый момент пребывания там Пуанкаре).

«Краткий курс истории ВКП(б)», созданный при непосредственном участии вождя народов товарища Сталина, с исчерпывающей ясностью вскрывает вопрос о целях и задачах, которые ставились империалистическими хищниками в войне 1914—1918 гг.

«Подготовляясь к империалистической войне, Германия стремилась отнять у Англии и Франции колонии, у России — Украину, Польшу, Прибалтику. Германия угрожала господству Англии на Ближнем Востоке, построив Багдадскую железную дорогу. Англия боялась роста морских вооружений Германии.

Царская Россия стремилась к разделу Турции, мечтала о завоевании Проливов из Черного моря к Средиземному морю (Дарданеллы), о захвате Константинополя. В планы царского правительства входил также захват Галиции — части Австро-Венгрии.

Англия стремилась посредством войны разбить своего опасного конкурента — Германию, товары которой перед войной стали все больше вытеснять английские товары на мировом рынке. Кроме того, Англия намеревалась захватить у Турции Месопотамию, Палестину и твердо обосноваться в Египте.

Французские капиталисты стремились захватить у Германии богатые углем и железом Саарский бассейн и Эльзас-Лотарингию, которая была отнята Германией у Франции в войне 1870—1871 годов.

Таким образом, к империалистической войне привели крупнейшие противоречия между двумя группами капиталистических государств.

Эта грабительская война за передел мира затрагивала интересы всех империалистических стран, и поэтому в нее оказались в дальнейшем втянутыми Япония, Соединенные Штаты Америки и ряд других государств.

Война стала мировой»[1].

Таким образом, мы видим, что первая мировая империалистическая война подготовлялась задолго всеми империалистическими государствами. Ее виновники — империалисты всех стран.

В. И. Ленин, анализируя причины мировой войны 1914—1918 гг., неоднократно указывал, что в возникновении этой войны виновно все развитие капитализма. «Если создаются банки, которые ворочают сотнями миллионов рублей, если они накинули сети банковского грабежа на весь мир, если эти банки столкнулись

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 155.

в мертвой схватке, — кто виноват? Ищи виноватого! Виновато в этом все развитие капитализма за полвека, и нет выхода из этого, кроме свержения господства капиталистов и рабочей революции...» [1].

В. И. Ленин неоднократно говорил, что обе группы воюющих наций систематически готовили войну, что все имущие классы пяти-шести великих держав были заинтересованы в войне и несут за нее полную ответственность. Разоблачая лживые фразы буржуазных правительств и социал-предателей, пытавшихся прикрыть свои империалистические замыслы флёром добреньких и сладеньких фраз о «защите отечества» и об «оборонительной войне», Ленин писал: «Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа» [2].

«...вся эта война есть продолжение политики аннексий, т.-е. захватов, капиталистического грабежа с обеих сторон, со стороны обеих групп, ведущих войну. И поэтому понятно, что вопрос о том, который из этих двух хищников первый вытащил нож, не имеет никакого для нас значения» [3].

* * *

Неизбежность надвигавшейся империалистической войны была установлена задолго до ее начала решениями ряда международных социалистических конгрессов. В 1907 г. на Штутгартском конгрессе была принята резолюция, обязывавшая все социалистические партии проводить решительную борьбу против националистической идеологии, против системы милитаризма, против войны, подготовляемой правительствами Англии, Франции, Германии, России и др.

На этом конгрессе в принятой резолюции было записано:

«Войны между капиталистическими государствами являются, в общем, *результатом их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только к обеспечению за собой известного рынка, но и к приобретению новых, преимущественно путем порабощения других народов и отнятия территорий.*

Эти войны являются результатом непрекращающейся конкуренции, вызванной милитаристскими вооружениями, которые представляют собой одно из главных для буржуазии средств сохранять за собой власть, и экономического и политического порабощения рабочего класса...

Конгресс заявляет: если готовится война, то обязанность рабочего класса всех заинтересованных стран и долг народных их

---

[1] *Ленин*, т. XXX, стр. 341.
[2] *Ленин*, т. XVIII, стр. 125.
[3] *Ленин*, т. XXX, стр. 338.

представителей направить с помощью Международного Бюро, путем энергичных и координированных действий, все усилия к тому, чтобы помешать войне всеми мерами, кои будут признаны ими наиболее подходящими и которые, само собой разумеется, могут быть различны в зависимости от степени обострения классовой борьбы и общеполитического положения».

По предложению и настоянию В. И. Ленина в резолюцию был включен следующий пункт:

«*Если же война, несмотря на все это, все же начнется, тогда они обязаны приложить все усилия для возможного скорейшего ее прекращения и всемерного использования вызванного войной экономического и политического кризиса для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубокие общественные слои и ускорить падение власти капитала*».

Однако, «если взять, например, группировку направлений на Штутгартском Международном Социалистическом Конгрессе,— пишет В. И. Ленин, — то окажется, что международный марксизм был против империализма и международный оппортунизм уже тогда был за него» [1].

Последующие конгрессы в Копенгагене в 1910 г., Чрезвычайный конгресс в Базеле в 1912 г. подтвердили решения Штутгартского конгресса.

Начавшаяся балканская война в 1912 г. приблизила взрыв общеевропейской войны. В связи с этим, на Базельском конгрессе был принят противовоенный манифест, который возлагал определенные революционные задачи на мировой пролетариат по отношению к империалистической войне.

Под давлением наиболее революционно настроенных элементов рабочего класса и огромной борьбы, которую проводила большевистская партия во главе с В. И. Лениным, на социалистических конгрессах были приняты решения, осуждавшие империалистические войны и призывавшие рабочий класс бороться против этих войн.

«Империалистическая война подготовлялась буржуазией в глубокой тайне от своих народов. Когда война разразилась, каждое империалистическое правительство старалось доказать, что не оно напало на соседей, а на него напали. Буржуазия обманывала народ, скрывая истинные цели войны, ее империалистический, захватнический характер. Каждое империалистическое правительство заявляло, что война ведется для защиты своей родины» [2].

Разразившаяся мировая война 1914—1918 гг. «ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый» [3].

Когда в августе 1914 г. раздались первые выстрелы и пожар империалистической войны вверг народы в братоубийственную бойню, господа Адлеры и Бауэры, Вельсы и Леви, Лонгэ и Блюмы, Вандервельды и Гэды, Мильераны и Каутские, русские

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 406—407.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 156.
[3] *Ленин*, т. XVIII, стр. 201.

меньшевики и троцкисты — все они открыто и бесповоротно стали на сторону «своей» буржуазии и «своего» правительства.

Обманывая народ, эти предатели интересов трудящихся масс помогали буржуазии. «Социал-демократы II Интернационала подло изменили делу социализма, делу международной солидарности пролетариата. Они не только не выступили против войны, но, наоборот, помогали буржуазии натравливать рабочих и крестьян воюющих государств друг на друга под флагом защиты отечества» [1].

Результатом предательской политики социал-демократов было полное банкротство II Интернационала. Рабочий класс, в результате подобной измены руководителей социал-демократии, в начале войны оказался идейно разоруженным и дезорганизованным.

В эти тяжелые и мрачные годы империалистической войны только партия большевиков, партия Ленина — Сталина «сразу же и без колебаний подняла знамя решительной борьбы против империалистической войны» [2]. Большевистская партия, руководимая Лениным и Сталиным, решительно боролась против царизма, против помещиков и капиталистов, против империалистической войны.

Только партия большевиков вскрыла грабительский, империалистический характер войны 1914—1918 гг., разоблачая лживые фразы буржуазных правительств и их пособников из II Интернационала о «защите отечества».

Большевистская партия, руководимая Лениным и Сталиным, беспощадно разоблачала обман и предательство социалистов всех мастей из лагеря II Интернационала и вместе с тем открывала трудящимся массам правду о войне и указывала им единственно правильный, именно революционный выход из империалистической войны.

Только партия большевиков, во главе с Лениным и Сталиным, оставалась преданной делу рабочего класса, непоколебимо несла знамя революционного интернационализма. Только они вели ожесточенную борьбу с царизмом, помещиками и капиталистами. Только большевики выступали против империалистической войны, за превращение ее в войну гражданскую.

* * *

Десятки лет английский империализм подготовлял в глубокой тайне от народов войну против своего главного врага — Германии. В годы войны — 1914—1918 — Англия не переставала проводить провокационную политику также и по отношению к своим союзникам: Франции и России. Английскому империализму в силу своего финансово-экономического, колониального и военно-морского могущества удалось еще до войны обеспечить себе господствующее положение в Антанте, подчинить себе Францию и

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 156.
[2] *Там же*, стр. 158.

в особенности царскую Россию. Поэтому во время войны Англия, по существу, диктовала условия своим партнерам, определяла и направляла их политику. Выступая вместе с Францией и Россией против Германии, Англия всегда держала камень за пазухой против своих же союзников и пыталась их взаимно ослабить в ходе военных действий с таким расчетом, чтобы не допустить усиления Франции и России после войны.

В первые дни войны полковник Хауз писал:

«Война только начнется ближайшей весною», — так заявил вчера [1] Китченер [2]. Вполне возможно, что это так. До наступления холодов французы сделают все, что только можно; русские разобьют Австрию, а затем Англия вступит с полутора миллионами свежих людей и получит шкуру медведя. Так поступил Веллингтон при Ватерлоо. Таков прием англичан, — взгляните только на их дипломатию... Конечно, в действительности война ведется между Германией и Англией, но Англия добилась того, что Россия и Франция вступили в войну еще до нее. У Германии есть только одна подмога — Австрия. Италия обманула ее, а Австрия уже разбита» [3].

Больше всего Англия опасалась усиления царской России. Используя русскую армию в своих интересах, английские империалисты добивались всяческого ослабления своего векового соперника в Азии — России.

«Думали ли вы когда-нибудь, — заявил в 1914 г. Грею заместитель премьер-министра Морлей, — о том, что случится, если победит Россия? Если Германия и Австрия потерпят поражение, то не Англия и не Франция займут первое место в Европе. На первом месте окажется Россия. Будет ли это к благу западной цивилизации? Я по крайней мере не думаю этого. Если Россия объявит, что хочет занять Константинополь, или дерзко аннексирует северную и нейтральную зоны Персии, или же будет настаивать на постройке железных дорог до индийской или афганской границы, кто ей сможет в этом помешать? Германия непопулярна в Англии, но Россия непопулярна еще больше. И люди будут протирать себе глаза, когда поймут, что казаки являются их победоносными соратниками в борьбе за свободу, справедливость и равенство человечества... и за уважение к договорам (в Персии например)» [4].

Внешняя политика Англии во время войны состояла в том, чтобы «оказывать поддержку России и Франции лишь на столько, чтобы, истощая их, истощить Германию, своего смертельного врага» [5].

Беспримерное лицемерие английской дипломатии особенно ярко проявилось в позиции Англии по вопросу о проливах — о Бос-

[1] 21 сентября 1914 г.
[2] Военный министр Англии в 1914—1916 г.
[3] Архив полковника Хауза, т. I, стр. 120.
[4] *Morley*, Memorandum of Resignation, p. 6—7, London, 1928.
[5] Из манифеста I Конгресса Коминтерна.

форе и Дарданеллах. Как известно, свое вступление в войну на стороне Антанты царская Россия обусловила главным образом передачей ей Константинополя и Проливов. Однако Англия и Франция долгое время отказывались от каких-либо обязательств по этому вопросу. Лишь в 1915 г., узнав о намерении России заключить сепаратный мир с Германией, английские империалисты согласились на требование России. В марте 1915 г. между Россией, с одной стороны, Великобританией и Францией — с другой, было достигнуто соглашение о Константинополе и Проливах в виде обмена нот. Однако ни Англия, ни Франция не желали перехода Константинополя и Проливов в руки царской России. Их обещание являлось приманкой, на которую должна была клюнуть и действительно клюнула царская Россия.

Понимая, что продолжать войну против Германии без участия пушечного мяса — русских солдат — невозможно, Англия и Франция вынуждены были посулить России Константинополь и Проливы, но обставили это соглашение такими оговорками, которые фактически сводили на-нет существо самого соглашения. Эти оговорки сводились к тому, что царская Россия могла получить свой «приз» только при условии, «если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах...» [1].

Ленин в ноябре 1916 г. в своей статье «О сепаратном мире» разоблачал лицемерную политику Англии в вопросе о Проливах. Не имея в своем распоряжении тех материалов, которые ныне опубликованы советским правительством, Ленин гениально угадал содержание англо-франко-русского соглашения о Проливах.

«Между Россией и Англией, несомненно, есть тайный договор, между прочим, о Константинополе. Известно, что Россия надеется получить его, и что Англия не хочет дать его, а если даст, то, либо постарается затем отнять, либо обставит «уступку» условиями, направленными против России» [2].

* * *

После окончания первой мировой империалистической войны «Европа оказалась расколотой на два лагеря — на лагерь побежденных (Германия, Австрия и др. страны) и лагерь победителей (Антанта плюс Америка)» [3].

Англия и Франция, разгромив Германию, навязали ей кабальный версальский договор, по которому Германия была лишена всех своих колоний, военно-морского флота, регулярной армии, военной авиации и вынуждена была выплачивать победителям

[1] «М. О.», т. VII, № 351.
[2] *Ленин*, т. XIX, стр. 282.
[3] *Сталин*, Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б).

миллиардные контрибуции. «Так Германия, держава перворазрядная, одним ударом была низвергнута в положение державы второразрядной» [1].

Государства-победители, главным образом Англия, Франция, Соединенные Штаты Америки, «создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на Дальнем Востоке — договор девяти держав, а в Европе — версальский и целый ряд других договоров» [2].

Товарищ Сталин еще в 1925 г. указывал на непрочность и шаткость этого послевоенного режима, подтачиваемого империалистическими противоречиями, которые версальская система не только не устранила, но еще более обострила.

«Что касается Локарно, — говорил товарищ Сталин на XIV съезде ВКП(б), — то оно является лишь продолжением Версаля и оно может иметь своей целью лишь сохранение «статус кво», как выражаются на дипломатическом языке, т.-е. сохранение существующего порядка вещей, в силу которого Германия есть побежденная страна, а Антанта — победительница. Конференцией в Локарно этот порядок закрепляется юридически в том смысле, что новые границы Германии сохраняются в пользу Польши, сохраняются в пользу Франции, что Германия теряет колонии и что она вместе с тем, скрученная и помещенная в Прокрустово ложе, должна принять все меры, чтобы выкачать 130 миллиардов золотых марок. Думать, что с этим положением помирится Германия, растущая и идущая вперед, значит рассчитывать на чудо. Если раньше, после франко-прусской войны, вопрос об Эльзас-Лотарингии, один из узлов существовавших тогда противоречий, послужил одной из серьезнейших причин империалистической войны, то какая гарантия, что версальский мир и его продолжение — Локарно, узаконяющие и юридически освящающие потерю Германией Силезии, Данцигского коридора и Данцига, потерю Украинской Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильны и проч., — какая гарантия, что этот договор, искромсавший целый ряд государств и создавший целый ряд узлов противоречий, что этот договор не разделит судьбу старого франко-прусского договора, отторгнувшего после франко-прусской войны Эльзас-Лотарингию от Франции?

Такой гарантии нет и не может быть.

Если план Дауэса чреват революцией в Германии, то Локарно чревато новой войной в Европе».

Товарищ Сталин еще тогда указывал, что английские империалисты, подготовляющие новую империалистическую войну, пытаются натравить Германию на Советский Союз, подорвать дружественные взаимоотношения между этими двумя самыми большими государствами в Европе.

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 220.
[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 568, 11-е изд.

«Английские консерваторы думают и «статус кво» сохранить против Германии и использовать Германию против Советского Союза. Не слишком ли многого они захотели?»

С момента победы Великой Октябрьской социалистической революции английская буржуазия вела ожесточенную борьбу против Страны советов.

Английский империализм на протяжении долгих лет проводил свою традиционную политику натравливания одной капиталистической страны на другую и провоцировал соседние с нами страны на войну против СССР.

Вторая империалистическая война, происходящая в настоящее время, развязана правящими кликами Англии и Франции. В глубокой тайне от народных масс Англия давно подготовляла эту войну, лицемерно прикрываясь маской пресловутой «политики невмешательства». Товарищ Сталин, срывая маски с англо-французских провокаторов войны, говорил на XVIII съезде ВКП(б):

«Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, — следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!»

Товарищ Сталин указывал, что англо-французские империалисты, поднявшие подозрительный шум «о слабости русской армии», «о разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, об угрозе германского нападения на Советскую Украину, толкали «немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо», и одновременно стремились «поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований».

Однако прожженные английские дипломаты жестоко просчитались.

«...Большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, — говорил товарищ Сталин, —

может окончиться для них серьезным провалом». Этот гениальный прогноз целиком и полностью оправдался.

Пакт о ненападении и договор о дружбе и границе государственных интересов между Советским Союзом и Германией сорвали планы англо-французских любителей загребать жар чужими руками. Эти договоры являются блестящей победой мудрой сталинской политики мира, проводимой Советским Союзом.

Советско-германские договоры о ненападении и дружбе кладут конец вражде между Германией и СССР и восстанавливают дружественные отношения между этими двумя самыми большими государствами в Европе.

Договоры между СССР и Германией имеют крупнейшее международное значение, так как они не только укрепляют добрососедские и мирные отношения между СССР и Германией, но призваны служить и делу всеобщего мира. В совместном заявлении от 28 сентября 1939 г. советское и германское правительства высказали свое мнение, что «ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах».

Таким образом, ответственность за дальнейшее продолжение империалистической войны в Европе ложится на Англию и Францию.

Внешняя политика Советского Союза ясна и понятна. Она сформулирована товарищем Сталиным на XVIII съезде ВКП(б): мир и укрепление деловых связей со всеми странами, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом; мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, поскольку эти страны не попытаются нарушить, прямо или косвенно, интересы целости и неприкосновенности границ Советского государства; поддержка народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины.

Эта мудрая сталинская политика — политика народов СССР. Она принесла уже не одну победу. В будущем она принесет еще более значительные, еще более величественные победы.

А. МОГИЛЕВИЧ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1. Австро-германский союзный договор, подписанный в Вене 7 октября 1879 г.

(Уполномоченные: Австро-Венгрия — Андраши, Германия — Рейс.)

Поскольку их величества император австрийский... и император германский... должны считать своим непреложным монаршим долгом иметь, при любых обстоятельствах, попечение о безопасности своих империй и спокойствии своих народов, поскольку оба монарха, — подобно тому, как то имело место при ранее существовавших союзных отношениях, — смогут благодаря тесному единению своих империй легче и успешнее выполнить этот долг, поскольку, наконец, тесное сотрудничество между Германией и Австро-Венгрией не может никому угрожать, но способно, наоборот, укрепить европейский мир, созданный постановлениями берлинского конгресса, — их величества император австрийский... и император германский..., торжественно обязуясь друг перед другом не допустить, чтобы их чисто оборонительный союз принял агрессивный характер в каком бы то ни было направлении, решили заключить союз мира и взаимной защиты...

Ст. 1. В случае если бы одна из обеих империй, вопреки ожиданию и искреннему желанию обеих высоких договаривающихся сторон, подверглась нападению со стороны России, то обе высокие договаривающиеся стороны обязаны выступить на помощь друг другу со всею совокупностью военных сил своих империй и соответственно этому не заключать мира иначе, как только сообща и по обоюдному соглашению.

Ст. 2. Если бы одна из высоких договаривающихся сторон подверглась нападению со стороны какой-либо другой державы, то другая высокая договаривающаяся сторона настоящим обязуется не только не оказывать помощи нападающему против своего высокого союзника, но соблюдать, по меньшей мере, благожелательный нейтралитет по отношению к другой высокой договаривающейся стороне. Однако если бы в таком случае нападающая держава получила поддержку России, будь то в форме активного содействия, или путем военных мероприятий, угрожающих атакованной стороне, то обусловленное в ст. 1 обязательство поддержки всей совокупностью военных сил вступит немедленно в силу, и тогда ведение войны высокими договаривающимися сторонами будет совместным до совместного заключения мира.

Ст. 3. Срок этого договора определяется временно в пять лет, считая со дня ратификации. За год до истечения этого срока обе высокие договаривающиеся стороны вступят в переговоры о том, не изменились ли обстоятельства, легшие в основу этого договора, и договорятся о дальнейшем его продлении или о возможных изменениях отдельных условий. Если в течение первого месяца последнего договорного года ни с чьей стороны не последует предложения открыть такие переговоры, то договор будет считаться возобновленным на трехлетний срок.

Ст. 4. Договор этот в соответствии с его мирным характером и во избежание ложных толкований будет содержаться обеими высокими договаривающимися сторонами в тайне и может быть сообщен какой-либо третьей державе только с согласия обеих сторон и по особому о том соглашению между ними.

Принимая во внимание высказанные имп. Александром во время свидания в Александрове чувства, высокие участники этого договора льстят себя надеждой, что военные приготовления России не претворятся в угрозу для них, и вследствие этого не видят сейчас повода для сообщения [о договоре]. Но если бы эта надежда, вопреки ожидания, оказалась тщетной, то высокие участники договора сочтут долгом чести осведомить императора Александра, по крайней мере, конфиденциально о том, что они вынуждены будут рассматривать всякое нападение на одного из них как направленное против них обоих.

Ст. 5. Договор этот вступит в силу по одобрении его обоими монархами и подлежит ратификации в течение 14 дней...

№ 2. Конвенция по марокканским делам, подписанная в Мадриде 3 июля 1880 г.

(Участники: Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Великобритания, Испания, Соединенные Штаты, Франция, Италия, Марокко, Нидерланды, Португалия, Швеция и Норвегия.)

. . . . . .

Ст. 2. Иностранные представители, главы миссий смогут выбирать себе переводчиков и служащих среди марокканских или иных подданных. Эти покровительствуемые лица не будут подлежать никаким налогам и пошлинам за исключением тех, которые оговорены в ст. ст. 12 и 13.

. . . . . .

Ст. 6. Покровительство распространяется на семью покровительствуемого лица; жилище его неприкосновенно...

Ст. 7. Иностранные представители будут письменно извещать министра иностранных дел султана о сделанном им выборе в отношении отдельных чиновников. Они будут сообщать ежегодно указанному министру именной список лиц, которым они или их агенты покровительствуют во владениях марокканского султана.

. . . . . .

Ст. 9. Прислуга, арендаторы и другие служащие — туземцы у секретарей и переводчиков-туземцев не пользуются покровительством; то же самое относится к служащим и прислуге-марокканцам иностранных подданных.

Однако местные власти не могут арестовать служащего или прислугу чиновника-туземца, находящегося на службе какой-либо миссии или консульства, не предупредив об этом те органы, которым он подчинен.

В случае если марокканский подданный, состоящий на службе у иностранного подданного, убьет или ранит кого-либо или нарушит неприкосновенность его жилища, он будет немедленно арестован, но покровительствующая ему дипломатическая или консульская власть будет тотчас же об этом поставлена в известность.

. . . . . .

Ст. 11. Право собственности в Марокко признается за всеми иностранцами. Приобретение собственности должно будет совершаться с предварительного согласия правительства, и документы на эту собственность должны составляться по формам, предписанным законами страны.

. . . . . .

Ст. 12. Иностранцы или покровительствуемые лица, владеющие земельными участками или их арендующие... будут уплачивать поземельный налог. Они ежегодно будут представлять своим консулам точный перечень всего, чем они владеют, внося ему сумму налога...

Ст. 13. Иностранцы, покровительствуемые лица и... владеющие вьючными животными, будут уплачивать так называемый «прогонный налог».

. . . . . .

Ст. 15. В случае возвращения в Марокко марокканского подданного, натурализовавшегося за границей, он должен будет, прожив известный срок, равный тому, который необходим по существующим правилам для натура-

лизации, выбрать между полным подчинением законам империи и обязательством покинуть Марокко.

Ст. 16. Впредь не будет допускаться никакое непредусмотренное законом или неофициальное покровительство. Марокканские власти ни в коем случае не будут признавать иного покровительства, какой бы характер оно ни носило, кроме того, которое точно установлено этой конвенцией...

Ст. 17. Марокко признает за всеми державами, представленными на мадридской конференции, право наиболее благоприятствуемой нации...

№ 3. Союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, подписанный в Вене 20 мая 1882 г.

(Уполномоченные: Австро-Венгрия — Кальноки, Германия — Рейс, Италия — Робилант.)

Их величества император австрийский... император германский... и король Италии, одушевленные желанием умножить гарантии всеобщего мира, укрепить монархический принцип и обеспечить тем самым сохранение общественного и политического строя в своих государствах, условились заключить договор, который, благодаря своему исключительно консервативному и оборонительному характеру, имеет целью обеспечить их от могущих возникнуть угроз для безопасности их государств и спокойствия Европы...

Ст. 1. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обещают друг другу мир и дружбу, и они не вступят ни в какой союз и не примут на себя никаких обязательств, направленных против одного из их государств.

Они обязуются приступить к обмену мнений по всем возникающим политическим и экономическим вопросам общего характера и, кроме того, обещают оказывать взаимную поддержку друг другу, поскольку это совместимо с их собственными интересами.

Ст. 2. В случае если Италия, без прямого вызова с ее стороны, подвергнется, под каким бы то ни было предлогом, нападению Франции, обе другие договаривающиеся стороны обязаны оказать атакованной стороне помощь и содействие всеми своими силами. Такое же обязательство ляжет на Италию в случае нападения Франции без прямого вызова на Германию.

Ст. 3. Если одна или две из высоких договаривающихся сторон, без прямого с их стороны вызова, подвергнутся нападению и будут вовлечены в войну с двумя или несколькими великими державами, не участвующими в настоящем договоре, то casus foederis наступит одновременно для всех высоких договаривающихся сторон.

Ст. 4. В случае если какая-либо великая держава, не участвующая в настоящем договоре, станет угрожать безопасности территории одной из высоких договаривающихся сторон и угрожаемая сторона окажется тем самым вынужденной объявить ей войну, обе другие обязуются соблюдать в отношении своей союзницы благожелательный нейтралитет. Каждая в таком случае оставляет за собой право вступить в войну, если она сочтет это нужным для общей борьбы со своей союзницей.

Ст. 5. Если для мирного существования одной из высоких договаривающихся сторон создастся угроза при обстоятельствах, предусмотренных в предшествующих статьях, то высокие договаривающиеся стороны условятся в надлежащий момент относительно военных мероприятий на случай совместного выступления.

Они отныне обязуются во всех случаях общего участия в войне не заключать перемирия, мира или договора иначе, как с общего между собой согласия.

Ст. 6. Высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу держать в тайне содержание и существование настоящего договора.

*

Ст. 7. Настоящий договор будет иметь силу в течение пяти лет со дня обмена ратификаций.

Ст. 8. Ратификации настоящего договора будут обменены в Вене в трехнедельный срок или раньше, буде то окажется возможным... [1]

№ 4. Союзный договор между Австро-Венгрией и Румынией, подписанный в Вене 30 октября 1883 г.

(Уполномоченные: Австро-Венгрия — Кальноки, Румыния — Стурдза.)

Их величества император австрийский... и король румынский..., одушевленные одинаковым желанием охранять всеобщий мир соответственно цели, преследуемой союзом между Австро-Венгрией и Германией, обеспечить политический порядок и гарантировать против всех случайностей соединяющую их совершенную дружбу, решили заключить с этой целью договор, который, благодаря своему исключительно консервативному и оборонительному характеру, имеет в виду обеспечить их от опасностей, могущих угрожать мирному существованию их государств...

Ст. 1. Высокие договаривающиеся стороны обещают друг другу мир и дружбу и не вступят ни в какой союз и не примут на себя никаких обязательств, направленных против одного из их государств. Они обязуются следовать дружественной политике и оказывать друг другу взаимную поддержку, поскольку это совместимо с их собственными интересами.

Ст. 2. В случае если Румыния без какого-либо вызова с ее стороны подвергнется нападению, Австро-Венгрия обязана оказать ей в должное время помощь и содействие против нападающего. В случае если Австро-Венгрия подвергнется в тех же условиях нападению в той части своих владений, которые граничат с Румынией, то casus foederis наступит для последней немедленно.

Ст. 3. Если для одной из высоких договаривающихся сторон создастся угроза нападения при обстоятельствах, предусмотренных в предшествующих статьях, то оба правительства условятся о мерах, которые надлежит принять на случай совместного выступления их армий. Эти военные вопросы, в частности вопрос об единстве операций и о проходе через союзные территории, будут урегулированы военной конвенцией.

Ст. 4. Если, вопреки их желанию и надежде, высокие договаривающиеся стороны окажутся вынужденными начать совместно войну в условиях, предусмотренных в предыдущих статьях, то они обязуются не вести сепаратных переговоров о мире и не заключать такового сепаратно.

Ст. 5. Настоящий договор будет оставаться в силе в течение пяти лет со дня обмена ратификаций. Если за год до истечения срока настоящий договор не будет денонсирован или одна из высоких договаривающихся сторон не потребует его пересмотра, он будет считаться продленным на дальнейшие три года.

Ст. 6. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обещают друг другу сохранить в тайне содержание настоящего договора... [2]

№ 5. Третий союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, подписанный в Берлине 6 мая 1891 г.

Ст. ст. 1, 2, 3, 4, 5 совпадают со статьями первого союзного договора 1882 г.

Ст. 6. Германия и Италия, имея исключительно в виду сохранение, насколько возможно, территориального status quo на Востоке, обязуются употребить свое влияние, чтобы не допустить какого-либо территориального

---

[1] Союзный договор был продлен без изменения 20 февраля 1887 г.

[2] Австро-румынский договор был возобновлен 25 июля 1892 г., 30 сентября 1896 г., 17 апреля 1902 г. и 5 февраля 1913 г. К этому договору присоединились Германия и Италия.

изменения на оттоманском побережье и островах в Адриатическом и Эгейском морях, которое могло бы нанести ущерб той или иной из держав, подписавших настоящий трактат...

Ст. 7. Австро-Венгрия и Италия, имея исключительно в виду сохранение, насколько возможно, территориального status quo на Востоке, обязуются употребить свое влияние, чтобы не допустить какого-либо территориального изменения, которое могло бы нанести ущерб той или иной державе, подписавшей настоящий трактат. С этой целью они будут взаимно сообщать друг другу все данные, способные осветить их собственные намерения, а также намерения других держав.

Если, однако, в результате событий сохранение status quo в балканских областях или на оттоманском побережье и островах в Адриатическом и Эгейском морях станет невозможным, и Австро-Венгрия или Италия, вследствие ли действий какой-либо третьей державы или по иным причинам, окажутся вынужденными изменить status quo путем временной или постоянной оккупации, то эта оккупация будет иметь место лишь по предварительному соглашению между этими двумя державами, основанному на принципе взаимной компенсации за всякое преимущество, территориальное или иное, полученное каждой из них по изменению настоящего status quo, и дающее удовлетворение интересам и обоснованным притязаниям обеих сторон.

. . . . . .

Ст. 9. Германия и Италия обязуются употребить свое влияние для сохранения территориального status quo в северо-африканских областях Средиземного моря, а именно: в Киренаике, Триполитании и Тунисе...

Если же, к несчастью, в результате тщательного изучения положения, Германия и Италия признают обе, что сохранение status quo становится невозможным, Германия обязуется после формального и предварительного соглашения поддержать Италию во всех ее действиях, — будь то в форме оккупации или получения иной гарантии, — которые эта последняя должна будет предпринять в этих областях в интересах равновесия и законной компенсации.

Условлено, что в таком случае обе державы постараются в одинаковой степени договориться с Англией.

Ст. 10. Если случится, что Франция попытается в какой-либо форме расширить свою оккупацию или свой протекторат или суверенитет на северо-африканские территории и в результате этого Италия сочтет нужным для обеспечения своего положения в Средиземном море предпринять со своей стороны действия в указанных северо-африканских территориях или прибегнуть на французской территории в Европе к крайним мерам, то война между Италией и Францией, которая явится последствием этого, составит ipso facto по требованию Италии и по общему признанию Германии и Италии casus foederis, предусмотренный ст. ст. 2 и 5 настоящего трактата, как если бы подобный случай был в них определенно предусмотрен.

Ст. 11. Если в ходе войны, предпринятой сообща против Франции обеими державами, Италия попытается получить территориальные гарантии по отношению к Франции для обеспечения границ королевства и своего морского положения, а также для прочного мира, — то Германия не будет этому ставить никаких препятствий и, в случае надобности, постарается в размерах, соответствующих обстоятельствам, облегчить достижение подобной цели [1].

№ 6. Франко-русский союз. Обмен сообщениями 27 августа 1891 г.

1. Письмо российского посла в Париже Моренгейма французскому министру иностранных дел Рибо, 27 августа 1891 г.

Во время моего недавнего пребывания в С.-Петербурге, куда я был вызван по приказанию моего августейшего повелителя, императору благоугодно было снабдить меня специальными инструкциями, изложенными в прилагае-

[1] Союзный договор был продлен 28 июня 1902 г. без изменений.

мом в копии письме его превосходительства министра иностранных дел г. Гирса на мое имя, и которое его величество соблаговолил поручить мне довести до сведения правительства республики...

Приложение.

Письмо российского министра иностранных дел Гирса послу в Париже Моренгейму, 21 августа 1891 г.

Положение, создавшееся в Европе благодаря открытому возобновлению Тройственного союза и более или менее вероятному присоединению Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом, послужило поводом во время недавнего пребывания здесь г. де Лабуле к обмену мнений между бывшим французским послом и мной с целью определить образ действий, лучше всего соответствующий при современных обстоятельствах и при наличии известных возможностей нашим правительствам, которые, оставшись вне всяких союзов, тем не менее искренне желают обеспечить сохранение мира самыми действительными гарантиями.

Таким путем мы пришли к формулированию двух нижеследующих пунктов: 1) Для того чтобы уточнить и утвердить связующее их сердечное согласие и желая совместно содействовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, — оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру.

2) В случае если этот мир окажется действительно в опасности и особенно в том случае, если одной из двух сторон будет угрожать агрессия, обе стороны решают договориться относительно мер, которые в таком случае оба правительства должны будут немедленно и одновременно предпринять.

Повергнув на благоусмотрение императора факт такого обмена мнений, а также текст выработанных заключений, я ныне имею честь сообщить вам, что его величество соблаговолил полностью одобрить принципы соглашения и с удовлетворением примет утверждение их обоими правительствами.

Извещая вас об этих высочайших предначертаниях, прошу вас довести их до сведения французского правительства и передать мне решения, на которых оно со своей стороны остановится.

2. Письмо французского министра иностранных дел Рибо российскому послу в Париже Моренгейму, 27 августа 1891 г.

...Я счастлив сообщить вашему превосходительству, что правительство республики полностью присоединяется к двум пунктам, составляющим предмет сообщения г. Гирса и которые гласят...

...С другой стороны императорское правительство, также как и мы, без сомнения убедится в полезности поручить специальным делегатам, которые будут назначены возможно скорее, практическое изучение мер, предназначающихся для предотвращения возможностей, предусмотренных вторым пунктом соглашения.

№ 7. Военная конвенция между Россией и Францией, подписанная в Петербурге 17 августа 1892 г.

(Уполномоченные: Россия — Обручев, Франция — Буадефр.)

Франция и Россия, одушевленные одинаковым желанием сохранить мир и не имея иной цели, кроме подготовки к нуждам оборонительной войны, вызванной нападением сил Тройственного союза на ту или иную из них, договорились о следующих мерах:

Ст. 1. Если Франция подвергнется нападению со стороны Германии или Италии, поддержанной Германией, то Россия выступит всеми наличными своими силами для нападения на Германию.

Если Россия подвергнется нападению со стороны Германии или Австрии, поддержанной Германией, то Франция выступит всеми наличными своими силами для войны с Германией.

Ст. 2. В случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из держав, входящих в его состав, Франция и Россия при первом известии об этом событии и без предварительного совещания мобилизуют немедленно и одновременно все наличие своих сил и двинут их возможно ближе к своим границам.

Ст. 3. Наличные силы, которые должны быть двинуты против Германии, будут равны со стороны Франции 1 300 000 человек, а со стороны России 700 000 или 800 000 человек. Эти силы полностью и со всей поспешностью вступят в дело так, чтобы Германии пришлось сражаться сразу на Востоке и на Западе.

Ст. 4. Главные штабы армий обеих стран будут совещаться в любое время для подготовки и облегчения выполнения вышеизложенных мер. Они будут сообщать друг другу еще в мирное время все сведения, касающиеся армий Тройственного союза, которые им уже известны или которые дойдут до их сведения.

Пути и способы сношений во время войны будут изучены и предусмотрены заранее.

Ст. 6. Настоящая конвенция будет иметь ту же длительность, как и Тройственный союз.

Ст. 7. Все статьи, перечисленные выше, будут сохраняться в строгой тайне.

№ 8. Франко-русский союз.

Письмо российского министра иностранных дел Гирса французскому послу в Петербурге Монтебелло, 27 декабря 1893 г.

Рассмотрев по высочайшему повелению проект военной конвенции, выработанный российским и французским генеральными штабами в августе 1892 г. и доложив свое о нем мнение императору, считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства, что текст этого соглашения в том виде, как он был одобрен в принципе его величеством и подписан гг. генерал-адъютантом Обручевым и генералом Буадефром, может отныне считаться окончательно принятым в его настоящей форме. Таким образом оба штаба будут иметь возможность совещаться во всякое время и взаимно сообщать друг другу все сведения, которые могли бы быть для них полезны [1].

№ 9. Соглашение между Францией и Италией о разделе сфер влияния на севере Африки, подписанное в Риме 14—16 декабря 1900 г.

I. Нота французского посла в Риме Баррера итальянскому министру иностранных дел Висконти-Веноста, 14 декабря 1900 г.

...Я уполномочен министром иностранных дел довести до сведения вашего превосходительства, — вследствие установившихся между Францией и Италией дружественных отношений и в предположении, что это сообщение улучшит их еще более, — о том, что конвенция 21 марта 1899 г.[2], оставляя вне санкционируемого ею раздела сфер влияния Триполитанский вилайет, проводит для сферы французского влияния в отношении Триполитанской Киренаики границу, переходить которую правительство республики не имеет намерения, и что в его планы не входит нарушение караванных

[1] В письме от 4 января 1894 г. Монтебелло сообщил, что Франция также отныне признает обязательность военной конвенции.

[2] Имеется в виду конвенция, подписанная в Париже 14 июня 1898 г. между Францией и Англией, и дополнительная декларация, подписанная в Лондоне 21 марта 1899 г., о разграничении французских и английских владений в районе Нигера.

сообщений между Триполи и областями, затронутыми в вышеназванной конвенции.

Эти объяснения, которые мы условились держать в тайне, будут, — я не сомневаюсь, — содействовать как в этом вопросе, так и в других укреплению дружеских отношений между нашими странами.

II. Нота Висконти-Веноста на имя Баррера, 16 декабря 1900 г.

Настоящее положение в Средиземном море и возможные в этой области события были предметом дружеского обмена мнений между нами, так как оба наши правительства одинаково одушевлены желанием устранить также и в этом отношении все, что способно было бы как в настоящем, так и в будущем нарушить доброе взаимное согласие.

В частности, в том, что касается Марокко из наших разговоров выяснилось, что действия Франции имеют целью использование и охранение прав, вытекающих для нее из соседства ее территорий с этой империей. Я признал, что подобные действия, определенные таким образом, не носят в наших глазах характера, могущего нанести ущерб интересам Италии в качестве средиземноморской державы...

Было также установлено, что если из указанного выше проистекло бы изменение политического или территориального положения Марокко, то Италия сохранит за собой право в качестве основанного на взаимности мероприятия расширить в таком случае свое влияние в Триполитанской Киренаике.

Эти объяснения, которые мы условились держать в тайне, будут, я не сомневаюсь, содействовать укреплению дружеских отношений между нашими двумя странами.

№ 10. Австро-итальянское соглашение об Албании 1900—1901 гг.

Письмо итальянского министра иностранных дел Висконти-Веноста послу в Вене гр. Нигра

20 декабря 1900 г.

Обращаю внимание вашего превосходительства на мое заявление в ответ на запрос, недавно сделанный мне в палате депутатов по поводу Албании. Вот текст этого ответа:

«Я могу заверить, что итальянское и австро-венгерское правительства имели возможность обсудить свои интересы на оттоманском побережье Адриатики и признать, что эти интересы находят свое обеспечение в уважении и сохранении status quo.

Считаю нужным, чтобы вы довели мое заявление до сведения его превосходительства графа Голуховского. Я не сомневаюсь, что императорский и королевский министр иностранных дел найдет его отвечающим договоренности, которая была установлена между ним и мною по этому вопросу во время свидания в Монце в 1897 г. В обмене мнений по этому вопросу, который имел место в течение наших бесед, мы пришли к соглашению по следующим пунктам:

1. Сохранить status quo до тех пор пока обстоятельства это позволят.

2. В том случае если настоящее положение вещей не может быть сохранено и станут необходимыми изменения, употребить усилия, чтобы изменения, касающиеся [Албании], осуществились бы в смысле автономии.

3. В основном, и как взаимное обязательство с обеих сторон, изыскивать сообща и во всех случаях, когда это представится необходимым, пути и средства, способные наилучшим образом примирить и обеспечить наши взаимные интересы»... [1]

[1] В ответном письме от 9 февраля 1901 г. австро-венгерский министр ин. дел сообщал, что он принял с удовлетворением заявление итальянского министра ин. дел.

№ 11. Англо-японский союзный договор, подписанный в Лондоне 30 января 1902 г.

(Уполномоченные: Великобритания — Ленсдоун, Япония — Хаяши.)

Правительства Великобритании и Японии, движимые исключительно желанием поддержать status quo и общий мир на Дальнем Востоке и будучи, кроме того, особенно заинтересованы в поддержании независимости и территориальной неприкосновенности Китайской империи и Корейской империи и в обеспечении равных условий в этих странах для торговли и промышленности всех наций, настоящим соглашаются о нижеследующем:

Ст. 1. Высокие договаривающиеся стороны, взаимно признав независимость Китая и Кореи, заявляют, что ими не руководят никакие агрессивные стремления в той или другой стране. Имея в виду, однако, свои особые интересы, из которых интересы Великобритании касаются главным образом Китая, между тем как Япония, помимо своих интересов в Китае, особо заинтересована политически, равно как и в торговом и промышленном отношении, в Корее, — высокие договаривающиеся стороны признают, что будет допустимо для каждой из них принимать такие меры, какие могут оказаться необходимыми для охраны таковых интересов, если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее и вызывающие вмешательство той или другой из высоких договаривающихся сторон для защиты жизни и имущества ее подданных.

Ст. 2. В случае если Великобритания или Япония в защиту своих интересов, как то выше указано, будет вовлечена в войну с другой державой, то другая высокая договаривающаяся сторона будет соблюдать строгий нейтралитет и постарается воспрепятствовать другим державам присоединиться к враждебным действиям против ее союзницы.

Ст. 3. Если при вышеуказанных обстоятельствах какая-либо другая держава или державы присоединятся к враждебным действиям против этой союзницы, то другая высокая договаривающаяся сторона придет к ней на помощь и будет вести войну сообща и заключит мир по взаимному с ней согласию.

Ст. 4. Высокие договаривающиеся стороны соглашаются в том, что ни одна из них не вступит, не посоветовавшись с другой, в отдельное соглашение с другой державой в ущерб вышеописанным интересам.

Ст. 5. Когда, по мнению Великобритании или Японии, вышеуказанным интересам будет угрожать опасность, оба правительства войдут о том в сношения с полнотой и откровенностью.

Ст. 6. Настоящее соглашение войдет в силу немедленно со дня его подписания и останется в силе в течение пяти лет с этого дня.

В случае если ни та ни другая из высоких договаривающихся сторон не заявит за 12 месяцев до истечения указанных пяти лет о намерениях прекратить его, оно останется в силе до истечения одного года со дня отказа от него той или другой из высоких договаривающихся сторон. Но если, когда наступит срок, назначенный для прекращения его действия, одна из союзниц будет уже находиться в состоянии войны, то союз ipso facto останется в силе до заключения мира.

№ 12. Соглашение между Францией и Италией о нейтралитете, подписанное в Риме 1 ноября 1902 г.

I. Нота итальянского министра иностранных дел Принетти французскому послу в Риме Барреру, 1 ноября 1902 г.

В результате переговоров, происходивших между нами по вопросу о взаимоотношениях Италии и Франции в бассейне Средиземного моря, и в особенности касавшихся обоюдных интересов обеих наций в Триполитанской, Киренаике и в Марокко, мы сочли уместным уточнить обязательства, вытекаю-

ции из писем, которыми по этому поводу ваше превосходительство и маркиз Висконти-Веноста обменялись 14 и 16 декабря 1900 г. в том смысле, что каждая из обеих держав будет иметь возможность свободно расширять свою сферу влияния в вышеназванных областях в тот момент, который она сочтет для себя удобным и без того, чтобы действия одной стороны обязательно были подчинены действиям другой...

В связи с этими переговорами и для окончательного устранения возможности всяких недоразумений между нашими странами, я, чтобы точнее определить общие взаимоотношения, не колеблясь делаю вашему превосходительству от имени правительства его величества короля следующее заявление:

В случае если Франция прямо или косвенно окажется объектом нападения со стороны одной или нескольких держав, Италия сохранит строгий нейтралитет.

То же самое будет в случае, если Франция, вследствие прямого вызова, окажется вынужденной для защиты своей чести и безопасности принять на себя инициативу объявления войны. В таком случае, правительство республики должно будет предварительно сообщить свое намерение королевскому правительству, которое таким образом само будет в состоянии установить, что действительно имеется налицо прямой вызов.

Чтобы остаться верным духу дружбы, вдохновившему эти заявления, я, кроме того, уполномочен подтвердить, что Италией в настоящее время не заключено и впредь не будет заключено ею никаких военных протоколов или соглашений международного договорного характера, которые шли бы в разрез с настоящими заявлениями.

...Ввиду того что предыдущие заявления находятся в соответствии с действующими ныне международными обязательствами Италии, королевское правительство считает, что они будут оставаться в полной силе до того момента, пока оно не заявит правительству республики о том, что в этих обязательствах последовали изменения... [1]

II. Дополнительная нота Принетти на имя Баррера, 2 ноября 1902 г.

Вам угодно было высказать мне в сегодняшнем вашем письме пожелание, чтобы во избежание всякой возможности недоразумений я определил смысл и значение, которые должны быть приданы слову «прямой» в выражении «прямой вызов», имеющемся в заявлениях, сделанных мною вам в письме от вчерашнего числа.

Спешу подтвердить вам по этому вопросу то, что я уже имел случай сказать вам устно. Слово «прямой» имеет тот смысл и значение, что факты, которые могут быть приведены как составляющие вызов, должны касаться непосредственных отношений между державой вызывающей и державой вызванной.

№ 13. Франко-английское соглашение «Entente cordiale» («Сердечное согласие»), подписанное в Лондоне 8 апреля 1904 г.

I. Конвенция, касающаяся Нью-Фаундленда и Западной и Центральной Африки.

Ст. 1. Франция отказывается от привилегий, установленных в ее пользу ст. 13 Утрехтского трактата, и подтвержденных или измененных последующими постановлениями [2].

[1] Идентичный ответ Франции был в тот же день передан Баррером итальянскому правительству.

[2] По ст. 13 Утрехтского трактата 1713 г. Франция уступила Англии Нью-Фаундленд, но сохранила за собой право рыбной ловли и сушки рыбы на территории острова, расположенной, согласно последующим постановлениям, между мысом св. Иоанна и мысом Рей.

Ст. 2. Франция сохраняет для своих подданных на равных основаниях с британскими подданными право рыбной ловли в территориальных водах в той части побережья Нью-Фаундленда, которая расположена между мысом св. Иоанна и мысом Рей на севере; это право осуществляется в течение обычного рыболовного сезона, закрывающегося для всех 20 октября каждого года...

Они [французы] могут входить в порты или гавани указанного побережья и могут получать там припасы или приманку, а также находить там приют на тех же условиях, что и жители Нью-Фаундленда, но они будут подчинены действующим местным правилам; они могут заниматься рыбной ловлей в устье рек, но не заходя за прямую линию, проведенную между двумя крайними пунктами берегов в том месте, где река впадает в море...

Ст. 3 касается согласия Англии на денежное возмещение французским владельцам рыбных промыслов, которые должны будут отказаться от своих предприятий в связи с постановлениями настоящей конвенции.

Ст. 4. Правительство его британского величества, признавая, что кроме возмещения, упомянутого в предыдущей статье, Франция имеет право на территориальную компенсацию... настоящим условилось с правительством французской республики о мерах, изложенных в следующих статьях.

Ст. 5. Существующая граница между Сенегамбией и английской колонией Гамбией будет изменена таким образом, что Франция получит Ярбутенду с окрестностями и пристанями.

В случае если река Гамбия не будет пригодна для морского судоходства вплоть до этого пункта, французскому правительству будет обеспечен доступ ниже по течению реки Гамбии...

Ст. 6. Группа островов, известная под названием «Острова Лос», уступается его британским величеством Франции.

Ст. 8 касается исправления границы между английскими и французскими владетелями на восток от р. Нигер...

II. Декларация, касающаяся Египта и Марокко.

Ст. 1. Правительство его британского величества заявляет, что оно не имеет намерения изменить политическое положение в Египте.

Со своей стороны правительство Французской Республики заявляет, что оно не будет препятствовать действиям Великобритании в этой стране, будь то путем предъявления требования установления срока для британской оккупации, либо иным путем, и что оно дает свое согласие на проект декрета хедива, приложенный к этому соглашению и содержащий гарантии, признанные необходимыми для охраны интересов держателей египетского займа...

Условлено, что должность генерального директора по надзору за египетскими древностями будет впредь, как и раньше, вверена французскому ученому.

Французские школы в Египте будут продолжать пользоваться той же свободой, как и в прошлом.

Ст. 2. Правительство Французской Республики заявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение в Марокко. Со своей стороны правительство его британского величества признает, что Франции, в особенности как державе, владения которой на большом протяжении граничат с владениями Марокко, надлежит следить за порядком в этой стране и оказывать ей содействие в проведении всех административных, экономических, финансовых реформ, которые могут оказаться необходимыми. Оно заявляет, что не будет препятствовать действиям Франции в этом смысле при том условии, что они не затронут права, которыми Великобритания пользуется в Марокко на основании трактатов, конвенций и обычаев...

Ст. 3. Правительство его британского величества со своей стороны будет уважать права, которыми Франция пользуется в Египте на основании трактатов, конвенций и обычаев...

Ст. 4. Оба правительства, равно дорожащие принципом свободы торговли как в Египте, так и в Марокко, заявляют, что они не допустят в этих странах никакого неравенства во взимании таможенных пошлин или иных налогов и в установлении тарифов на железнодорожные перевозки.

Торговля обеих наций с Марокко и Египтом будет пользоваться одинаковыми правами в отношении транзита через французские и британские владения в Африке...

Это взаимное обязательство действительно на срок в 30 лет...

Однако правительство Французской Республики в Марокко и правительство его британского величества в Египте сохраняют за собой право следить за тем, чтобы концессии на пути сообщения, железные дороги, порты и т. д. выдавались лишь на таких условиях, которые полностью обеспечивают за государством контроль над этими крупными предприятиями общественного значения.

Ст. 6. В целях обеспечения свободного прохода через Суэцкий канал правительство его британского величества заявляет, что оно присоединится к постановлениям трактата от 29 октября 1888 г. и согласно на их проведение в жизнь...

Ст. 7. В целях обеспечения свободного прохода через Гибралтарский пролив оба правительства соглашаются не допускать возведение каких-либо укреплений или стратегических сооружений в части марокканского побережья, расположенной между Мелильей, не включая этот пункт, и высотами, господствующими над правым берегом реки Зебу. Это условие не относится, однако, к пунктам, занятым в настоящее время Испанией на мавританском побережье Средиземного моря.

Ст. 8. Оба правительства, руководствуясь своими искренними дружескими чувствами к Испании, особо принимают во внимание интересы Испании, вытекающие из ее географического положения и ее территориальных владений на мавританском побережье Средиземного моря. По поводу этих интересов французское правительство договорится с испанским правительством.

Соглашение, к которому смогут притти по этому вопросу Франция и Испания, будет сообщено правительству его британского величества.

Ст. 9. Оба правительства соглашаются оказывать друг другу дипломатическую поддержку для проведения в жизнь статей этой декларации, касающейся Египта и Марокко...

III. Декларация о Сиаме, Мадагаскаре и Ново-Гебридских островах.

Сиам.

Правительство его британского величества и правительство Французской Республики... с общего согласия заявляют, что влияние Великобритании будет признано Францией в землях, расположенных к западу от бассейна реки Мэнам, а влияние Франции будет признано Великобританией в землях, расположенных к востоку от той же области...

Обе договаривающиеся стороны, отстраняя всякую мысль об аннексии какой-либо сиамской территории и решив воздерживаться от любых действий, противоречащих постановлениям существующих трактатов, соглашаются, что при этом условии и поскольку это касается каждого из них, оба правительства будут иметь свободу действий в своих сферах влияния, определенных выше.

Мадагаскар.

... правительство его британского величества отказывается от протеста, заявленного им против введения таможенного тарифа, установленного в Мадагаскаре после аннексии этого острова Францией. Правительство Французской Республики принимает это заявление к сведению.

Ново-Гебридские острова.

Оба правительства условились подготовить сообща соглашение, которое, не внося никаких изменений в политическое status quo, положило бы конец затруднениям, происходящим от отсутствия юрисдикции над туземцами Ново-Гебридских островов.

Они согласились назначить комиссию для разрешения споров относительно земельной собственности между их подданными на этих островах...

IV. Секретная декларация о Марокко и Египте.

Ст. 1. В случае если одно из правительств окажется вынужденным в силу обстоятельств изменить свою политику в отношении Египта и Марокко, обязательства, которые они взаимно взяли на себя по статьям 4, 6 и 7 декларации от сего числа, сохранят свою силу.

Ст. 2. Правительство его британского величества не имеет в настоящее время намерения предложить державам изменения в режиме капитуляций или судебной организации Египта. В случае если бы оно признало желательным ввести в Египте реформы, направленные к уподоблению египетского законодательства законодательству, действующему в других цивилизованных странах, правительство Французской Республики не откажется поддержать эти предложения, но при том условии, что правительство его британского величества согласится поддержать предложения, которые правительство Французской Республики сможет сделать ему с целью введения подобных же реформ в Марокко.

Ст. 3. Оба правительства соглашаются, что некоторая часть мавританской территории, прилегающая к Мелилье, Сеуте и другим президес, должна будет, когда султан прекратит осуществление своей власти над нею, войти в сферу влияния Испании и что управление побережьем от Мелильи, не включая этот пункт, до высот, господствующих над правым берегом Зебу, будет вверено Испании. Однако Испания предварительно должна будет дать формальное согласие на статьи 4 и 7 декларации от сего числа и принять на себя обязательство о проведении их в жизнь. Она должна будет также обязаться не отчуждать целиком или частично территории, находящиеся под ее властью или в сфере ее влияния...

№ 14. Русско-германский договор, подписанный в Бьерке 24/11 июля 1905 г.

Их императорские величества государь император всея России, с одной стороны, и император Германии, с другой стороны, в целях обеспечения мира в Европе, согласились на следующих пунктах трактата об оборонительном союзе:

Пункт 1: В случае нападения на одну из двух империй какого-либо из европейских государств, союзник обязуется помогать ей в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами.

Пункт 2: Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать сепаратного мира ни с каким общим противником.

Пункт 3: Настоящий договор войдет в силу с момента заключения мира между Россией и Японией и сохраняет свою силу, покуда о его распоряжении не будет заявлено за год вперед.

Пункт 4: Император всероссийский, после вхождения в силу сего трактата, предпринимает необходимые шаги к тому, чтобы посвятить Францию в настоящий договор и предложить ей присоединиться к нему в качестве союзницы.

Вильгельм. Николай.
фон Чиршки и Бенкендорф. Бирилев.

№ 15. Русско-английская конвенция, подписанная в С.-Петербурге 31 августа 1907 г.

(Уполномоченные: Россия — Извольский, Англия — Никольсон.)

Его величество император всероссийский и его величество король соединенного королевства Великобритании и Ирландии..., воодушевленные искренним желанием уладить по взаимному согласию различные вопросы, касающиеся интересов их государств на Азиатском материке, решили заключить соглашения, предназначенные предупреждать всякий повод к недоразумениям между Россией и Великобританией в отношении сказанных вопросов:...

Соглашение, касающееся Персии.

Правительства России и Великобритании, взаимно обязавшись уважать целость и независимость Персии и желая искренне сохранения порядка на всем протяжении этой страны и ее мирного развития, равно как и постоянного установления одинаковых преимуществ для торговли и промышленности всех других народов;

Принимая во внимание, что каждое из них имеет, по причинам географического и экономического свойства, специальный интерес в поддержании мира и порядка в некоторых провинциях Персии, смежных или соседних с русской границей, с одной стороны, и с границами Афганистана и Белуджистана, с другой; и желая избежать всякого повода к столкновению между их взаимными интересами в персидских провинциях, о которых было упомянуто выше;

согласились о нижеследующих положениях:

I.

Великобритания обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу британских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства, как то: концессии железнодорожные, банковские, телеграфные, дорожные, транспортные, страховые и т. д. — по ту сторону линии, идущей от Касри-Ширина через Исфаган, Иезд, Хакк и оканчивающейся в точке на персидской границе при пересечении границ русской и афганской, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым российским правительством. Считая, конечно, условленным, что местности, упомянутые выше, входят в область, где Великобритания обязуется не домогаться вышесказанных концессий.

II.

Россия со своей стороны обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу российских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства, как то: концессии железнодорожные, банковские, телеграфные, дорожные, транспортные, страховые и т. д. — по ту сторону линии, идущей от афганской границы через Газик, Бирджанд, Керман и оканчивающейся в Бендер-Аббасе, и не противиться, ни прямо, ни косвенно, требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым британским правительством. Считается, конечно, условленным, что местности, упомянутые выше, входят в область, где Россия обязуется не домогаться вышесказанных концессий.

III.

Россия обязуется со своей стороны не противиться, не уговорившись предварительно с Англией, тому, чтобы какие-нибудь концессии были выдаваемы британским подданным в областях Персии, расположенных между линиями, упомянутыми в статьях I и II.

Великобритания принимает тождественное обязательство в том, что касается концессий, могущих быть выданными русским подданным в тех же областях Персии.

Все концессии, существующие ныне в областях, указанных в статьях I и II, сохраняются.

IV.

Условлено, что доходы всех персидских таможен, за исключением таможен Фарсистана и Персидского залива, доходы, обеспечивающие погашение и проценты по займам, заключенным правительством шаха в Учетно-Ссудном банке Персии до дня подписания настоящего соглашения, будут обращаемы на тот же предмет, что и в прошлом.

Равным образом условлено, что доходы персидских таможен Фарсистана и Персидского залива, равно как и доходы рыбных ловель на персидском побережье Каспийского моря, а также почт и телеграфов, будут обращаемы, как и в прошлом, на платежи по займам, заключенным правительством шаха у Персидского Шахиншахского банка до дня подписания настоящего соглашения.

V.

В случае неисправностей в погашении или уплате процентов по персидским займам, заключенным в Учетно-Ссудном банке Персии и в Персидском Шахиншахском банке до дня подписания настоящего соглашения, и если представится необходимость для России установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным в первом из сказанных банков, и расположенными в области, упомянутой в статье II настоящего соглашения, или же для Великобритании установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным во втором из сказанных банков, и расположенными в области, упомянутой в статье I настоящего соглашения, — правительства российское и английское обязуются войти предварительно в дружественный обмен мыслей в видах определения по взаимному согласию означенных мер контроля и избежания всякого вмешательства, которое не было бы согласно с принципами, служащими основанием настоящему соглашению.

Конвенция, касающаяся Афганистана.

Высокие договаривающиеся стороны, в видах обеспечения совершенной безопасности на обоюдных границах в Средней Азии и поддержания в этих областях прочного и продолжительного мира, заключили следующую конвенцию:

Статья I.

Правительство его британского величества объявляет, что оно не имеет намерения изменять политическое положение Афганистана.

Правительство его британского величества обязуется, кроме того, осуществлять свое влияние в Афганистане только в миролюбивом смысле, и оно не примет само в Афганистане и не будет поощрять Афганистан принимать меры, угрожающие России.

Со своей стороны российское императорское правительство объявляет, что оно признает Афганистан находящимся вне сферы русского влияния, и оно обязуется пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства его британского величества; оно обязуется также не посылать никаких агентов в Афганистан.

Статья II.

Так как правительство его британского величества объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 г., что оно признает соглашение и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абд-ур-Рохманом, и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афган-

ской территории, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет исполнять обязательства, уже принятые им по отношению к правительству его британского величества в силу вышеупомянутого договора.

Статья III.

Русские и афганские власти, особо к тому назначенные, на границе или в пограничных провинциях, могут впредь установить непосредственные взаимные сношения, чтобы улаживать местные вопросы неполитического характера.

Статья IV.

Правительства России и Великобритании объявляют, что они признают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия и соглашаются в том, что все облегчения, которые были или будут приобретены впредь для торговли и торговцев английских и англо-индийских, будут равным образом применяемы к торговле и торговцам русским. Если развитие торговли укажет на необходимость в торговых агентах, оба правительства условятся о мерах, какие следует принять, взяв конечно во внимание верховные права эмира.

Статья V.

Настоящие соглашения войдут в силу лишь с момента, когда британское правительство заявит российскому правительству о согласии эмира на условия, выше постановленные.

Соглашение, касающееся Тибета.

Правительства России и Великобритании, признавая сюзеренные права Китая над Тибетом и принимая во внимание, что вследствие своего географического положения Великобритания имеет специальный интерес в том, чтобы видеть существующий порядок внешних сношений Тибета сохраненным полностью, условились о нижеследующем соглашении:

Статья I.

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются уважать территориальную целость Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление.

Статья II.

Сообразуясь с признанным принципом сюзеренитета Китая над Тибетом, Россия и Великобритания обязуются сноситься с Тибетом только чрез посредство китайского правительства. Это обязательство не исключает, однако, непосредственных сношений английских коммерческих агентов с тибетскими властями, предусмотренных статьей 5 конвенции 7 сентября 1904 г. между Великобританией и Тибетом и подтвержденных конвенцией 27 апреля 1906 г. между Великобританией и Китаем; оно не изменяет также обязательств, принятых на себя Великобританией и Китаем в силу статьи I сказанной конвенции 1906 г.

Считается, конечно, условленным, что буддисты, как русские, так британские подданные, могут входить в непосредственные сношения, на почве исключительно религиозной, с Далай-Ламой и другими представителями буддизма в Тибете; правительства России и Великобритании обязуются, насколько от них будет зависеть, не допускать, чтобы эти сношения могли нарушить постановления настоящего соглашения.

Статья III.

Российское и Великобританское правительства обязуются, каждое за себя, не посылать представителей в Лхассу.

Статья IV.

Обе высокие стороны обязуются не домогаться или приобретать ни за свой собственный счет, ни в пользу своих подданных, никаких концессий железнодорожных, дорожных, телеграфных и горных, ни других прав в Тибете.

Статья V.

Оба правительства согласны в том, что никакая часть доходов Тибета, ни в натуре, ни деньгами, не может быть заложена или предоставлена как России и Великобритании, так и их подданным.

№ 16. Соглашение между Францией и Германией о Марокко, подписанное в Берлине 9 февраля 1909 г.

(Уполномоченные: Франция — Ж. Камбон, Германия — Кидерлен-Вехтер.)

Правительство Французской Республики и императорское германское правительство, «одушевленные одинаковым желанием содействовать выполнению алжесирасского акта, согласились точнее определить значение, которое они придают его постановлениям, дабы избежать всякого основания для недоразумений между ними в будущем.

Вследствие этого правительство Французской Республики, полностью придерживаясь сохранения неприкосновенности и независимости Шерифской империи и решив ограждать в ней экономическое равенство и в соответствии с этим не чинить препятствий торговым и промышленным интересам Германии, и германское правительство, преследуя в Марокко лишь экономические интересы, признавая, с другой стороны, что особые политические интересы Франции тесно связаны в Марокко с укреплением порядка и внутреннего мира, и приняв решение не чинить препятствий этим интересам, — заявляют, что они не будут проводить и не будут поощрять никаких мероприятий, могущих создать в их пользу или в пользу какой-либо державы экономические привилегии...

№ 17. Соглашение между Россией и Италией по делам Ближнего Востока, подписанное в Раккониджи 24 октября 1909 г.

(В форме обмена нот между министрами иностранных дел Извольским и Титтони.)

1) ... Россия и Италия должны в первую очередь стремиться к сохранению status quo на Балканском полуострове;

2) ... В случае каких-либо событий, могущих произойти на Балканах, они должны настаивать на применении принципа национальности путем развития балканских государств, исключая возможность всякого иностранного господства;

3) ... Они должны сообща противиться всяким действиям, противоположным вышеуказанным целям. Под «действиями сообща» следует понимать дипломатические шаги; всякое же действие другого порядка, естественно, должно быть отложено до позднейшего соглашения;

4) ... Если Россия и Италия пожелают заключить с третьей державой новые соглашения относительно Европейского Востока, кроме тех, которые существуют в настоящее время, каждая из них не сделает этого без участия другой;

5) ... Италия и Россия обязуются «относиться благожелательно: первая — к русским интересам в вопросе о Проливах, вторая — к интересам Италии в Триполитании и Киренаике.

Признается установленным, что настоящий обмен писем остается секретным и не может быть доведен до сведения третьей державы иначе, как с обоюдного согласия...

№ 18. Франко-германское соглашение о Марокко, подписанное в Берлине 4 ноября 1911 г.

(Уполномоченные: Франция — Ж. Камбон, Германия — Кидерлен-Вехтер.)

Ст. 1. Императорское германское правительство заявляет, что, преследуя в Марокко лишь экономические интересы, оно не будет препятствовать действиям Франции, имеющим целью оказать содействие марокканскому правительству по проведению всех тех административных, судебных, экономических, финансовых и военных реформ, в которых оно нуждается для надлежащего управления империей... Вследствие этого оно дает свое согласие на мероприятия по реорганизации, контролю и финансовым гарантиям, которые, по соглашению с марокканским правительством, французское правительство сочтет нужным провести, под тем условием, что действия Франции обеспечат в Марокко экономическое равенство между нациями.

В случае если Франция будет вынуждена уточнить и расширить свой контроль и свое покровительство, императорское германское правительство, признавая за Францией полную свободу действий, не будет чинить этому никаких препятствий под условием, что свобода торговли, предусмотренная предыдущими договорами, будет сохранена в силе.

Условлено, что права и действия марокканского государственного банка, как они определены алжесирасским актом, не потерпят никаких ограничений.

Ст. 2. Исходя из этого, условились, что императорское правительство не будет чинить препятствий тому, чтобы Франция по соглашению с марокканским правительством приступила к военной оккупации марокканской территории, которую она сочтет необходимой для поддержания порядка и для обеспечения безопасности товарообмена, и чтобы она осуществляла все полицейские действия на суше и в водах Марокко.

Ст. 3. Германское правительство заявляет, что с настоящего момента оно не будет возражать, если его величество марокканский султан доверит дипломатическим и консульским агентам Франции представительство его подданных и защиту марокканских интересов за границей. Если с другой стороны его величество марокканский султан доверит представителю Франции при марокканском правительстве быть посредником в его сношениях с иностранными представителями, германское правительство не будет против этого возражать.

Ст. 4. Французское правительство заявляет, что, строго придерживаясь принципа свободы торговли в Марокко, оно не допустит какого-либо неравенства во взимании таможенных пошлин, налогов и других сборов, а также в установлении тарифов на железных дорогах, в речном судоходстве и на других путях и, в частности, во всех вопросах транзита...

Ст. 5. Французское правительство будет следить за тем, чтобы в Марокко не взималась какая-либо вывозная пошлина с железной руды, вывозимой из марокканских портов...

. . . . . .

Ст. 7. Французское правительство окажет влияние на марокканское правительство с тем, чтобы владельцам копей и других промышленных или сельскохозяйственных предприятий, — без различия национальностей и в согласии с правилами, которые будут изданы на основе французского законодательства по этому вопросу, — была разрешена постройка железных дорог, соединяющих центры их производства с линиями общего пользования и портами.

Ст. 9 говорит о согласии Франции оказать влияние на марокканское правительство в смысле передачи спорных дел между иностранцами и ма-

рокканскими властями третейскому судье, назначаемому для каждого дела по соглашению между французским консулом и консулом другой стороны. Это правило останется в силе до введения в Марокко судебной реформы.

Ст. 10. Французское правительство озаботится тем, чтобы иностранные подданные продолжали пользоваться правом рыбной ловли в портах Марокко.

Ст. 11. Французское правительство окажет вдияние на марокканское правительство, чтобы последнее открыло для иностранной торговли новые порты по мере возникновения в них надобности для этой торговли...

. . . . . .

Ст. 14. Настоящее соглашение будет сообщено другим державам, подписавшим алжесирасский акт. Оба правительства обязуются взаимно оказывать друг другу поддержку, чтобы добиться присоединения этих держав [к соглашению] [1].

№ 19. Франко-германское соглашение о Конго, подписанное в Берлине 4 ноября 1911 г.

(Уполномоченные: Франция — Ж. Камбон, Германия — Кидерлен-Вехтер.)

Правительство Французской Республики и правительство его величества императора Германии решили, в развитие и в дополнение конвенции о Марокко от 4 ноября 1911 г. и вследствие права покровительства, признанного за Францией в отношении Шерифской империи, приступить к территориальному обмену в их владениях в экваториальной Африке...

Ст. 1. Франция уступает Германии территории, границы коих определены следующим образом... [следует описание границы].

Ст. 2. Германия уступает Франции территории, расположенные к северу от нынешней границы французских владений в территориях Чад...

. . . . . .

Ст. 5. Настоящий обмен территорий происходит в тех условиях, которые имеются налицо в этих территориях в момент заключения настоящего соглашения, т. е. при том условии, что оба правительства будут уважать государственные и частные концессии, которые могли бы быть предоставлены одним из них...

Ст. 6. Германское правительство не будет чинить никаких препятствий эксплуатации, а также ремонтным работам и работам по переустройству телеграфной линии вдоль Убанги, которая останется французской на всем своем протяжении, включая и на германской территории.

Ст. 7. Если французское правительство пожелает продолжить через германскую территорию железную дорогу между Габоном и Средним Конго и между этой последней колонией и Убанги-Шари, то германское правительство не будет этому препятствовать...

Если германское правительство пожелает продолжить через французскую территорию железную дорогу, проходящую в Камеруне, то французское правительство не будет этому препятствовать...

. . . . . .

Ст. 9. Франция и Германия, желая укрепить свои добрые отношения в своих владениях в Центральной Африке, обязуются не сооружать никаких укреплений вдоль водных путей, долженствующих служить для общего судоходства...

. . . . . .

Ст. 13. Германское правительство не будет чинить никаких препятствий провозу французских войск, их вооружения или боеприпасов, а также их продовольственных запасов по Конго, Убанги, Бенуэ, Майо-Кеби, а также по железной дороге, которую предполагается построить на севере Камеруна.

[1] В тот же день между Камбоном и Кидерлен-Вехтером состоялся обмен писем, в котором между прочим указывалось, что германское правительство не будет возражать в том случае, если французское правительство приняло бы решение объявить свой протекторат над Марокко.

*

Французское правительство не будет чинить никаких препятствий провозу германских войск, их вооружения и боеприпасов, а также продовольственных запасов по Конго, Убанги, Бенуэ и Майо-Кеби и по железной дороге, которую предполагается построить от побережья к Браццавиллы.

№ 20. Болгаро-сербский договор.

Его величество Фердинанд I, царь болгар, и его величество Петр I, король сербский, проникнутые уверенностью во взаимности интересов и в тождественности (единаковость) судеб их держав и обоих братских народов, сербского и болгарского, и порешив солидарно соединенными силами (за дружни сили) оборонять эти интересы и работать на их всестороннее развитие, согласились относительно того, что следует:

Статья I.

Царство болгарское и королевство сербское гарантируют друг другу государственную независимость и целость их государственных территорий, обязуясь абсолютно и без какого-либо ограничения притти на помощь друг другу со всеми своими силами в случае, если бы одно из них подверглось нападению со стороны одной или нескольких других держав.

Статья II.

Обе договаривающиеся стороны обязуются точно так же притти на помощь друг другу со всеми своими силами, если какая бы то ни было великая держава попыталась присоединить, оккупировать своими войсками или занять, хотя бы даже и временно, какую-либо часть балканских территорий, которые находятся ныне под турецкой властью, если одна из договаривающихся сторон сочтет подобный акт противным своим жизненным интересам и как casus belli.

Статья III.

Обе договаривающиеся стороны обязываются не заключать мира иначе, как совместно и по предварительному уговору.

Статья IV.

Для полного и более целесообразного исполнения этого договора будет заключена военная конвенция, в коей исчерпывающим образом будет предусмотрено как все, что должно быть предпринято и той и другой стороной в случае войны, так и все, что с точки зрения военной организации, дислокации, мобилизации войск, равно как и отношений между верховными командованиями, должно быть определено в мирное время, дабы быть готовыми к военному положению и успешному ведению войны.

Военная конвенция должна считаться составной частью этого договора. К выработке оной будет приступлено самое позднее 15 дней после подписания настоящего договора, а для самой выработки ее определяется срок не свыше 2 месяцев.

Статья V.

Настоящий договор и военная конвенция сохраняют свою силу со дня подписания до [13 января 1921 г.] 31 декабря 1920 г. включительно. Лишь в случае дополнительного соглашения, нарочито утвержденного обеими договаривающимися сторонами, договор и военная конвенция могут быть продолжены и далее этого срока. Но в случае, если ко дню истечения договора и конвенции договаривающиеся стороны будут находиться в войне или в еще не ликвидированном положении после войны, то договор и конвенция будут иметь силу, пока мир не будет заключен или созданное войной положение не будет ликвидировано.

Статья VI.

Настоящий договор будет подписан в двух одинаковых экземплярах каждый на сербском и болгарском языках. Они будут подписаны державными главами и министрами иностранных дел.

Военная конвенция, равным образом в двух одинаковых экземплярах, оба на сербском и болгарском языках, будет подписана державными главами, министрами иностранных дел и специальными военными уполномоченными.

Статья VII.

Договор и конвенция могут быть объявлены или сообщены другой державе лишь по предварительному соглашению между обеими договаривающимися сторонами и притом лишь совместно и единовременно.

Равным образом лишь по предварительному соглашению может быть принята в союз какая бы то ни было другая держава.

Учинено в Софии [13 марта] 29 февраля 1912 г.

Фердинанд. Петр.
Гешов. Милованович.

Секретное приложение к договору о дружбе и союзе между королевством сербским и царством болгарским.

Статья I.

В случае, если в Турции наступят неурядицы внутренние, которые подвергли бы опасности государственные и национальные интересы обеих договаривающихся сторон или одной из них, так же как и в случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, которые возникли бы для Турции, возник бы вопрос о сохранении status quo на Балканском полуострове, та из договаривающихся сторон, которая первая убедилась бы в необходимости начать военные действия, обратится с мотивированным предложением к другой стороне, которая обязана тотчас вступить в обмен мыслей и, если бы она не согласилась со своей союзницей, дать ей мотивированный ответ.

Если соглашение о действиях последует, то об этом сообщается России, и если последняя не воспротивится, то действия начнутся согласно установленному соглашению и вдохновляясь во всем чувствами солидарности и обоюдности интересов. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, то будет апеллировано (спрошено) к мнению России, которое, если и поскольку она его выразит, будет обязательно для обеих договаривающихся сторон. Если Россия не захочет дать своего мнения и если соглашение между обеими договаривающимися сторонами не могло бы быть достигнуто после того, тогда, если та сторона, которая высказалась за акцию, начала бы одна на собственный риск и страх действия против Турции, другая сторона обязана сохранять дружеский нейтралитет относительно своей союзницы, предпринять тотчас мобилизацию в размерах, предусмотренных военной конвенцией, и притти всеми своими силами на помощь своей союзнице, если какая-либо третья держава стала бы на сторону Турции.

Статья II.

Все территориальные приобретения, которые были бы добыты совместными действиями по смыслу статей I и II договора, равно и статьи I настоящего секретного приложения, будут находиться под совместной властью (condominium) союзных сторон, и эти приобретения будут ликвидированы тотчас и наипозже в трехмесячный срок по заключению мира и на следующих основаниях:

Сербия признает за Болгарией право на территорию на восток от Родопа и реки Струмы, а Болгария признает за Сербией право на территорию на север и на запад от Шар-Планины.

Что же касается территории между Шар-Планиной, Родопом, Архипелагом и озером Охридским, если обе договаривающиеся стороны убедятся, что организация этой территории в одну особую автономную область являлась бы невозможной вследствие общих интересов сербской и болгарской народностей или из-за иных внешних или внутренних причин, то относительно вышеупомянутой территории будет поступлено на основании следующих изъявлений: Сербия обязуется не требовать ничего вне линии, означенной на приложенной карте, каковая линия начинается от турецко-болгарской границы от Голем-Верх (севернее от Кривой Паланки) и следует вообще и в юго-западном направлении до Охридского озера, проходя вершиной Китка между деревнями Мятежево и Подржиконь, вершиной на восток от деревни Нерав, водоразделом до вершины 1000 на север от села Баштево (Градец-Планина), селом Баштево, между деревнями Любенцы и Петралица, вершиной Острич 1000 (Лисец-Планина), по вершине 1050 между деревнями Драчь и Опила, селом Талшиманцы и Живальево, по вершине 1050, по вершине 1000, селом Кышань, главным водоразделом Градиште-Планины на вершину Гориште, вершиной 1023, водоразделом между Иванковцы и Логинцы, по линии Ветерско Сопот и Вардару, через Вардар по гребням гор к вершине 2550, затем к Пороноле-Планине, водоразделом упомянутой Планины между деревнями Крана и Барбарас, вершиной 1200, между деревнями Якреново и Дреново, чрез вершину Чесма (1254), водоразделом Баба-Планины и Крушка-тенеси, между деревнями Соп и Уверска, верхом Протапской Планины на восток от села Белицы, по Брежаны вершиной 1200 (Илинска-Планина), водоразделом, вершиной 1330, вершиной 1217 и между деревнями Ливониште и Горенцы до Охридского озера у монастыря Губовцы; и Болгария обязуется принять эту границу, если его императорское величество русский царь, qui sera prié быть верховным арбитром в этом вопросе, выскажется в пользу этой линии. Разумеется, что обе договаривающиеся стороны обязуются принять за окончательную границу ту линию, которую его императорское величество русский царь признает в означенных границах за наиболее отвечающую правам и интересам обеих договаривающихся сторон.

Статья III.

Копия договора с сим секретным приложением, равно и военная конвенция будут сообщены совместно императорскому российскому правительству, к которому одновременно обратятся с просьбой, чтобы оно, приняв оные к сведению, было благосклонно к поставленной цели, равно и ходатайствовать перед его императорским величеством государем императором соблаговолить принять на себя и одобрить для императорского правительства те «роли», которые предусмотрены для них договорными положениями.

Статья IV.

Всякий спор, который возник по поводу толкования или исполнения какого-либо положения настоящего договора, секретного приложения и военной конвенции, повергается на окончательное решение России, как только одна из сторон заявит о невозможности достигнуть соглашения непосредственными переговорами.

Статья V.

Никакое постановление настоящего секретного приложения не может быть ни предано гласности, ни сообщено какой-либо другой державе без предварительного согласия обеих договаривающихся сторон и разрешения России.

Учинено в Софии [13 марта] февраля 29 дня 1912 г.

Фердинанд. Петр.

Гешов. Милованович.

№ 21. Болгаро-сербская военная конвенция.

По смыслу и в силу основных начал ст. II договора о дружбе и союзе, заключенном между королевствами сербским и болгарским, и ради более успешного ведения войны и полного достижения целей, намеченных союзом, утверждаются следующие постановления, имеющие одинаково обязательную силу и важность, как и постановления самого договора.

Ст. I.

Королевства Сербии и Болгарии обязуются в случаях, предусмотренных ст. I и II договора о союзе, как и ст. I секретного приложения к помянутому договору, прибегать друг к другу на помощь, а именно: Болгария военной силой по меньшей мере в 200 000 человек, а Сербия — силой в 150 000 человек, подготовленных к военным действиям как на границе, так и вне пределов их территорий.

В вышеупомянутое число не должны входить ратники резервных частей, ни ратники сербского III призыва, ни ратники болгарского ополчения.

Вышеупомянутые войска должны прибыть на границу или за пределы государственной территории по направлению, определяемому надобностями и задачами военных действий не долее как в 21-дневный срок с минуты объявления войны или извещения одного из союзников о том, что наступило время для союзнических обязательств (casus foederis). Однако и до полного истечения указанного выше срока договорный долг, если это соответствует характеру военной операции и может содействовать успеху войны, обязывает союзника отправлять свои войска на поле брани отдельными частями, по мере их мобилизации и концентрирования, не позже как на 7-й день с минуты объявления войны или наступления casus foederis.

Ст. II.

В случае нападения Румынии на Болгарию, Сербия обязуется тотчас же объявить войну Румынии и направить против нее либо на Средний Дунай, либо на операционный театр Добруджи свои войска в составе не менее 100 000 человек.

В случае нападения Турции на Болгарию Сербия обязуется вторгнуться в пределы Турции, направив из своих мобилизованных войск не менее 100 000 человек на вардарский операционный театр.

Если бы Сербия в это время находилась уже, самостоятельно или совместно с Болгарией, в войне с какой-либо другой державой, она обязана отрядить против Румынии или Турции все имеющиеся в ее распоряжении свободные войска.

Ст. III.

В случае нападения Австро-Венгрии на Сербию, Болгария обязуется тотчас же объявить Австро-Венгрии войну и направить свои войска в числе 200 000 человек в пределы Сербии для совместных с сербской армией наступательных или оборонительных действий против Австро-Венгрии.

Эти обязательства со стороны Болгарии по отношению к Сербии сохраняют силу и в том случае, если Австро-Венгрия под каким бы то ни было предлогом, по соглашению ли с Турцией или без такового, ввела бы свои войска в Новобазарский санджак и тем принудила бы Сербию либо объявить войну Австро-Венгрии, либо отправить войска свои в Санджак для защиты своих интересов, вызвав тем столкновение с Австро-Венгрией.

В случае нападения Турции на Сербию, Болгария обязуется тотчас же вторгнуться в пределы Турции, направив на вардарский театр из состава мобилизованных, в силу ст. I настоящей конвенции, войсковых частей армию численностью не менее 100 000 человек.

Если бы Румыния напала на Сербию, Болгария обязуется начать агрессивные действия против румынской армии тотчас по переходе ее чрез Дунай в пределы Сербии.

Если бы Болгария в каком-либо из предусмотренных настоящей статьей случаев находилась уже, самостоятельно или совместно с Сербией, в войне с другой державой, она обязана помочь Сербии всеми остальными свободными войсками, находящимися в ее распоряжении.

Ст. IV.

Если бы Сербия и Болгария по предварительному взаимному соглашению объявили войну Турции, то оба союзника, на случай отсутствия других специальных на этот счет распоряжений, обязуются из состава своих мобилизованных, в силу ст. I настоящей конвенции, войсковых частей направить на вардарский театр армию численностью не менее 100 000 человек.

Ст. V.

В случае, если бы одна из договаривающихся сторон объявила войну какой-либо третьей державе, без предварительного сношения и согласия другой стороны, то последняя освобождается от обязательств, изложенных в ст. I настоящей конвенции; однако она все же обязана придерживаться по отношению к своей союзнице дружественного нейтралитета за время войны, а также немедленно мобилизовать войско численностью не менее 50 000 человек, в целях наибольшего ограждения свободы движения своей союзницы.

Ст. VI.

Во время союзных военных действий ни одна из договаривающихся сторон не может заключить с противником свыше двадцатичетырехчасового перемирия без предварительного сношения и соглашения с другой договаривающейся стороной.

Договаривающиеся стороны могут вести переговоры о мире и заключить мирный трактат только по предварительному взаимному соглашению.

Ст. VII.

Во время войны войсками каждой из договаривающихся сторон и их операциями ведает их законный командир.

Когда отдельные отряды из состава войск обеих договаривающихся сторон действуют против одного и того же объекта, то общее командование принимает: над единицами одинаковой силы — командир старший по чину, а над единицами различной численности — командир старший по положению.

Когда одна или несколько отдельных армий, принадлежащих к составу войск одной из договаривающихся сторон, поступают в распоряжение другой стороны, то командование над ними сохраняется за их законным военачальником, который, однако, во всех стратегических операциях подчиняется главнокомандующему той стороны, в распоряжение коей он поставлен.

В случае совместных военных действий против Турции, верховное командование на вардарском театре, согласно ст. IV настоящей конвенции, предоставляется Сербии, если на этом театре будут оперировать ее главные силы, превышающие численностью болгарские войска.

В случае же, однако, если главная сербская армия не будет производить операций на вардарском театре или ее силы будут слабее болгарских, то главное командование на означенном театре предоставляется военачальнику Болгарии.

Ст. VIII.

В случае, когда войска обеих договаривающихся сторон будут находиться под единоличным командованием, то все приказы и распоряжения, касающиеся стратегических и тактических операций, будут издаваться на обоих языках: сербском и болгарском.

Ст. ст. IX, X, XI, XII и XIII.

Касаются второстепенных постановлений о продовольствии и содержании союзнических войск, о перевозке раненых и больных, погребении убитых и т. п.

О распределении военных трофеев. О назначении особых делегатов при штабах для обоюдных сношений. Об исправлении путей сообщения. По различным другим вопросам — начальникам генерального штаба обоих государств предоставляется войти в будущем в дальнейшие переговоры.

Ст. XIV.

Настоящая конвенция вступает в действие со дня ее подписания и будет оставаться в силе до истечения срока договора о дружбе и союзе, к коему она прилагается как составная часть.

Белград. — София. — [12 мая] 29 апреля 1912 г.

Подписали конвенцию:

Король Петр. Король Фердинанд.
Милованович. Гешов.
Генерал Путник. Генерал-майор Фичев.

№ 22. Франко-русская морская конвенция и обмен сведениями между штабами.

Секретно.

Ст. 1. Морские силы Франции и России будут действовать совместно во всех тех случаях, в которых союзом предусматриваются и обусловливаются совместные действия сухопутных войск.

Ст. 2. Совместные действия морских сил будут подготовлены еще в мирное время.

С этой целью начальники морских генеральных штабов обоих флотов отныне уполномочены вести непосредственные сношения, обмениваться всеми сведениями, изучать все возможные гипотезы войны и согласовывать между собой все стратегические планы.

Ст. 3. Начальники морских генеральных штабов обоих флотов должны лично совещаться друг с другом не менее одного раза в год и вести протоколы своих совещаний.

Ст. 4. Настоящее соглашение в отношении срока, его действия и секретности приравнивается к военному соглашению от 17 августа 1892 г. и к последующим соглашениям.

Париж, 16 июля 1912 г.

Начальник французского морского генерального штаба К. Обер. Начальник российского морского генерального штаба князь А. Ливен.

Морской министр Делькассе. Морской министр И. Григорович.

Соглашение об обмене сведениями между русским и французским флотами.

Обменом мнений, происходившим в течение июля месяца 1912 г. между вице-адмиралом светлейшим князем Ливен, начальником русского морского генерального штаба, и вице-адмиралом Обер, начальником французского

морского генерального штаба, обоими совещающимися были утверждены нижеследующие принципиальные постановления:

I. Начиная с 14/1 сентября 1912 г. начальники русского и французского генеральных штабов будут обмениваться всеми сведениями относительно своих собственных флотов и регулярно каждый месяц письменно сведениями, которые обе стороны будут в состоянии узнать относительно флотов, война с которыми должна быть предусматриваема; шифрованные телеграммы могут быть употребляемы в некоторых спешных случаях.

II. Чтобы избегнуть всякой нескромности или разглашения относительно этих справок, необходимо принять нижеследующий порядок передачи:

Всякий вопрос о сведениях относительно французского флота, интересующий русский флот, будет направлен русским морским агентом в Париже начальнику французского морского генерального штаба, и, обратно, всякий вопрос о сведениях относительно русского флота, интересующий французский флот, будет направлен французским морским агентом в Петербурге начальнику русского морского генерального штаба.

Этот способ будет единственный из всех других, т. е. принципиально нельзя спрашивать непосредственно у морских агентов сведения, касающиеся их собственных флотов.

Париж, 16 июля 1912 г.

Подписали:

Начальник французского морского генерального штаба
К. Обер.

Начальник русского морского генерального штаба
князь А. Ливен.

Обмен стратегическими взглядами между начальниками русского и французского морских генеральных штабов.

Первый обмен стратегическими взглядами между начальниками русского и французского морских генеральных штабов.

Начальник русского морского генерального штаба вице-адмирал светлейший князь Ливен, прибыв в Париж в июле 1912 г., совещался в несколько приемов с начальником французского морского генерального штаба вице-адмиралом Обер; во время этих совещаний они обменялись некоторыми взглядами по вопросам о возможной роли и обоюдном содействии во время войны двух союзных флотов.

Были допущены присутствовать при разговоре:

Капитан 1-го ранга Прат, помощник начальника морского генерального штаба французского флота.

Капитан 1-го ранга Карцов, русский морской агент в Париже.

Капитан 1-го ранга Рейн, русский морской агент в Лондоне.

Капитан 2-го ранга Ланксад, начальник 4-го отделения французского морского генерального штаба.

Лейтенант де Рокфейль, 1-го отделения французского морского генерального штаба.

Лейтенант Бергасс дю-Пти-Туар, 4-го отделения французского морского генерального штаба.

Точно установив, что последующие соображения не обязывают ни к чему правительства обеих стран, оба совещающиеся рассмотрели сперва роль двух флотов в *Средиземном море* в случае столкновения с Тройственным союзом.

Эта роль должна изменяться в зависимости от принятия той или другой из следующих гипотез:

А) Россия оставляет без перемен силы, которыми она обладает в настоящее время в районе Средиземного моря, т. е. в Черном море, и не ожидает подкреплений из Балтийского моря.

Б) Россия посылает эскадру Балтийского моря в Средиземное море.

А.

Первый случай кажется наиболее общим; он соответствует к тому же настоящему положению. В нем главенствует следующий принцип: «В случае войны с Тройственным союзом России необходимо обеспечить свободу плавания в Черном море, чтобы иметь возможность выполнить в совершенной безопасности перевозку войск и припасов, необходимых для успеха операций на суше. Потеря обладания Черным морем может иметь самые гибельные последствия на исход всей кампании».

Ввиду этого русская программа предвидит во все времена содержание в Черном море морской силы, превосходящей по меньшей мере наполовину тот флот, который Турция могла бы выставить в линию.

Пока итальянский и австрийский флоты будут вынуждены к неподвижности флотом Франции, Россия может рассчитывать вести войну при нормальных условиях.

Но положение вещей совершенно изменится, если Италия и Австрия, или одна из этих держав пройдет Дарданеллы при поблажке Турции.

Россия желала бы, чтобы Франция, ее союзница, разбила бы оба флота, и итальянский и австрийский, или задержала бы их блокадой в Средиземном море.

Начальник французского морского генерального штаба заявляет начальнику русского морского генерального штаба, что такова в действительности задача первой морской армии Франции, которая в скором времени будет усилена 3-й линейной эскадрой.

К тому же, повидимому, Италия собирается постепенно приспособить Таранто как главную базу; если она в будущем там сосредоточит свои силы первой линии, то быстрое соединение итальянского и австрийского флотов может сделаться очень легким для наших противников.

Чтобы ответить на эту угрозу, адмирал Обер предполагает установить частое посещение Бизерты первой морской армией, дабы привыкли видеть в Ионическом море французский флаг и чтобы присутствие французского флота в этой местности во время политических осложнений не могло возбудить подозрений и быть рассматриваемо как угроза.

Это начальное стратегическое положение представляется наилучшим; оно заключает в самом себе прием запугивания Италии, если эта держава не решилась следовать за Австрией, в противном случае оно, вероятно, даст французскому флоту возможность настичь союзный флот и дать ему сражение.

В случае, если итальянский и австрийский флоты, решившись на действия в Черном море, покинут Ионическое море, должен ли французский флот следовать за ними?

Совещающиеся полагают, что это предположение не может быть рассматриваемо иначе, как при условии прямого соглашения Италии и Австрии с Турцией, без которого предприятие наших противников будет слишком рискованным.

Так как главная задача французского флота состоит в уничтожении морских сил противника, то для согласования ее с задачей удержания господства на Черном море было бы очень желательно, чтобы эти морские силы противников не могли бы достичь Дарданелл, не выдержав прежде сражения.

Тем не менее начальник французского генерального штаба считает должным упомянуть, что в случае, если англо-французское соглашение возложит на французский флот другую задачу, то он увидит себя обязанным выполнить ту, которую продиктуют ему обстоятельства момента.

Было бы очень важно изучить этот вопрос совместно с британским адмиралтейством.

Случай, когда Австрия действует в согласии с Турцией против России, в то время как Италия занимает относительно Франции наступательное или просто сомнительное положение.

Положение России в Черном море может сделаться при этих условиях серьезным, с другой стороны представляется затруднительным для Франции

покинуть западную часть Средиземного моря без уверенности в нейтралитете Италии. Роль французского флота будет зависеть от обстоятельств, но тот факт, что он будет находиться поблизости Бизерты, может запугать Австрию или непосредственно или давлением угрозы, направленной против ее союзника.

Во всем предыдущем была рассмотрена помощь, которую Франция в состоянии оказать России в Средиземном море; разбор обратного вопроса, т. е. помощи, которую Россия может принести Франции в том же море, не представляется для рассмотрения иначе, как в случае, когда итальянцы и австрийцы не будут иметь никаких намерений в восточной части Средиземного моря.

В этом предположении начальник русского морского генерального штаба не думает, чтобы при настоящих обстоятельствах русская эскадра Черного моря могла бы распространить свои операции на западную половину Средиземного моря.

В действительности не достаточно, по его мнению, пройти Проливы один раз, надо быть уверенным в своей линии сообщения. Так же точно предположение о действиях русского флота в Средиземном море не может быть рассматриваемо иначе, как при предположении предварительного занятия по меньшей мере одного из двух берегов Проливов.

В конечном выводе: из всех рассмотренных гипотез вытекает, что сосредоточение французских морских сил с самого начала войны в Бизерте своими последствиями запугивания, ввиду оказываемого им давления на противника, представляло бы стратегическую меру, наиболее полезную для России. Обстоятельства затем укажут, в какую сторону должны направиться действия флота Франции, имея в виду:

1) Французские интересы в западной части Средиземного моря.

2) Необходимость для России сохранить господство на Черном море.

3) Специальное положение, могущее создаться для Франции в Средиземном море, вследствие ее соглашения с Англией.

Б.

Начальник русского морского генерального штаба обращается к случаю, когда русский Балтийский флот не будет задержан на севере и когда его содействие может быть полезно в Средиземном море.

Ему, очевидно, понадобится опорный и продовольственный пункт в этом море. Сможет ли он найти в Бизерте подходящую базу для своей будущей эскадры, все корабли которой будут отапливаться мазутом и не будут употреблять уголь иначе, как в малом количестве и как случайное средство.

Начальник французского морского генерального штаба заявляет, что до сих пор министерство озабочивалось в Бизерте лишь нуждами своей морской армии, большие корабли которой, в противоположность таковым же русским, пользуются почти исключительно углем.

Здесь совершенно новый вопрос. Его исследование требует некоторых разъяснений относительно обстоятельств, которые заставят русскую Балтийскую эскадру притти действовать в Средиземном море, чтобы установить условия этой специальной организации. Одинаково необходимо знать нужды русской эскадры, чтобы из них выяснить желаемую вместимость французских резервуаров и назначить круглую цифру запасов.

К тому же начальник французского морского генерального штаба сообщает начальнику русского морского генерального штаба, что в Бизерте и Гулетте существуют довольно значительные частные предприятия для коммерческой поставки мазута.

Прежде чем окончить с предположениями о войне в Средиземном море, совещающиеся обмениваются некоторыми взглядами относительно сообщений по беспроволочному телеграфу между Бизертой и Севастополем; адмирал Обер сообщает адмиралу князю Ливен, что станция Бизерта в ближайшем будущем будет улучшена и на ее переделку отпущен кредит в 100 000 франков. Существует даже более обширный проект устроить сообщение с Джибути.

Установлено, что Севастополь будет улучшен на аналогичных основаниях.

Совещающиеся полагают, что может быть было бы полезно дополнить существующие положения об обмене сообщений между двумя странами морским сводом, предназначенным для союзных эскадр.

Операция на севере.

Вице-адмирал князь Ливен сообщает, что русский сухопутный генеральный штаб желал бы морской демонстрации на берега Швеции, чтобы отвлечь военные силы этой нации от Финляндии. В случае выполнения этого, корпуса русской армии не будут прикованы к шведской границе.

Начальник французского морского генерального штаба полагает, что эта роль невозможна для французского флота, так как, принужденный сосредоточиваться в Средиземном море, он оставляет на севере только оборонительные силы, необходимые для действия в Ла Манше.

Установив, что морские силы Англии сосредоточены в Северном море, совещающиеся выразили пожелание, чтобы этот вопрос был предметом разговора с британским адмиралтейством на тех же основаниях, как и относительно программы действия в Средиземном море.

После некоторого обмена взглядами о переустройстве русского Балтийского флота, который в 1916 или 1917 г. должен состоять из десятка броненосцев и представить из себя морскую силу, способную предпринять наступательные действия (но только в это время), князь Ливен резюмирует взгляды в случае европейского столкновения:

Франция обеспечивает свободу действия в Средиземном море; Англия обеспечивает свободу плавания в Немецком море; Россия обеспечивает свободу плавания в Черном море, если в этом последнем она будет иметь дело только с Турцией.

Что касается Дальнего Востока, то морские силы, содержимые там Францией и Россией в местах очень удаленных друг от друга, слишком слабы, чтобы дать возможность совместным действиям обоих государств.

Париж, 16 июля 1912 г.

Подписали:

Начальник французского морского генерального штаба
К. Обер.

Начальник русского морского генерального штаба
князь Ливен.

№ 23. Обмен нот между Францией и Англией.

1. Письмо статс-секретаря по иностранным делам Грея французскому послу в Лондоне Камбону, 22 ноября 1912 г.

За последние годы французские и британские морские и военные эксперты время от времени совещались. Всегда предполагалось, что такие совещания не ограничивают свободу каждого правительства решить в любую минуту в будущем, должно ли оно или нет помочь другому военной силой. Мы согласились, что совещания экспертов не рассматриваются и не должны рассматриваться как обязательство, которое может принудить какое-либо из правительств к выступлению при обстоятельствах, которые еще не наступили и могут никогда не наступить. Так, например, расположение французского и английского флотов в настоящее время не основывается на обязательстве сотрудничать в войне.

Вы, однако, заметили, что в случае если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать невызванного им нападения со стороны третьей державы, то будет важно знать, может ли оно в этом случае рассчитывать на вооруженную помощь другого.

Я согласен, что в случае если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать невызванного им нападения со стороны третьей

державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, то оно должно обсудить немедленно с другим, будут ли оба правительства действовать вместе для предупреждения нападения и для сохранения мира, и если так, то какие меры готовы они совместно принять. Если эти меры включают военное выступление, то должны быть немедленно приняты во внимание планы генеральных штабов, и правительство тогда решит, в какой мере они будут приведены в действие.

II. Письмо французского посла в Лондоне Камбона статс-секретарю по иностранным делам Грею, 23 ноября 1912 г.

В вашем вчерашнем письме от 22 ноября вы мне напомнили, что в течение последних лет военные и морские власти Франции и Великобритании время от времени совещались; что всегда считалось, что эти совещания не ограничивают свободу каждого правительства решить в будущем, окажут ли они друг другу содействие своими вооруженными силами; что обеими сторонами эти совещания специалистов не должны были рассматриваться и не рассматривались как обязательства, понуждающие наши правительства в известных случаях выступить; что тем не менее я заметил вам, что в случае если одно из двух правительств будет иметь серьезные основания опасаться невызванного им нападения со стороны третьей державы, то ему было бы очень важно знать, может ли оно рассчитывать на вооруженную помощь другого правительства.

Ваше письмо дает ответ на это замечание, и я уполномочен вам заявить, что в случае если одно из наших правительств будет иметь серьезные основания опасаться как нападения со стороны третьей державы, так и каких-либо событий, угрожающих общему миру, то это правительство немедленно рассмотрит с другим, должны ли оба правительства действовать совместно в целях предупреждения нападения или сохранения мира. В этом случае оба правительства обсудят меры, которые они желали бы совместно принять; если эти меры предполагают активное выступление, то оба правительства примут тотчас во внимание планы своих генеральных штабов и решат, в какой мере они будут приведены в исполнение.

№ 24. Пятый союзный договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией, подписанный в Вене 5 декабря 1912 г.

Все статьи совпадают со статьями договора 1891 г.

В протоколе, составленном при подписании договора, было указано: «Условлено, что территориальное status quo в северо-африканских областях Средиземного моря, упомянутое в ст. 9 договора от 28 июня 1902 г., включает в себе суверенитет Италии над Триполитанией и Киренаикой».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдул-Азис, марокканский султан, 1894—1908 гг. — 46, 55, 56
Абдул-Гамид, турецкий султан, 1876—1909 гг. — 101
Акиф-паша, албанский князь — 208
Александр, королевич сербский, престолонаследник — 170, 173, 178
Амшич, серб. генерал — 178
Андраши Ю., венг. министр внутр. дел, 1906—1909 гг. — 104
Арсеньев Б. К., 1-й секретарь росс. миссии в Бухаресте, 1912—1915 гг. — 200
Артамонов В. А., полковник, росс. воен. агент в Сербии, 1909—1917 гг. — 168
Асквит Г., англ. премьер-министр, 1908—1916 гг. — 94, 224

Базили Н. А., вице-директор канцелярии росс. министерства ин. дел, 1912—1916 гг. — 94
Бакс Айронсайд Г., англ. посланник в Софии, 1911—1915 гг. — 106
Бенкендорф А. К., росс. посол в Лондоне, 1903—1917 гг. — 61, 62, 63, 64, 66, 72, 77, 79, 94, 130, 148, 177, 179, 192, 226, 243, 244
Берти Ф., помощник заместителя англ. статс-секретаря по ин. делам, 1894—1903 гг.; англ. посол в Риме, 1903—1905 гг.; посол в Париже, 1905—1918 гг. — 26, 45, 60, 120
Берхтольд Л., председатель австро-венг. совета министров и министр ин. дел, 1912—1915 гг. — 133, 172, 175, 183, 184, 185, 199, 200, 206, 207, 237, 241
Бетман-Гольвег Т., герм. имперский канцлер, 1909—1917 гг. — 24, 62, 64, 67, 135, 152, 183, 184, 200, 214, 219, 221, 223, 233, 237, 242
Биконсфильд Б. (Дизраэли), англ. госуд. деятель (1804—1881) — 30
Бисмарк О., первый герм. канцлер, 1871—1890 гг. — 12, 44, 84
Блондель К., франц. посланник в Бухаресте, 1907—1916 гг. — 182
Бобчев С., болг. посланник в Петербурге, 1912—1913 гг. — 178
Бойль Р. К., капитан 1-го ранга, росс. военно-морской агент в Италии и Австро-Венгрии, 1910—1912 гг. — 92
Бомпар М., франц. посол в Константинополе, 1909—1914 гг. — 229, 230
Братиану И. К., румын. полит. деятель, председатель совета министров и министр внутр. дел, 1909—1911 гг.; председатель совета министров и воен. министр, 1914—1918 гг. — 180
Будберг Ф. А., росс. посол в Мадриде, 1909—1916 гг. — 78, 80
Булгарин Ф. Б., полковник, росс. воен. агент в Италии, 1912—1913 гг. — 116, 176
Бунзен М. де, англ. посол в Мадриде, 1906—1913 гг. — 80
Буно Варилла М., редактор франц. газеты «Matin» — 82
Бурмон, маршал, франц. воен. министр — 33
Бюлов Б., герм. статс-секретарь ин. делам, 1897—1900 гг.; имперский канцлер, 1900—1909 гг. — 20, 27, 36, 52, 56, 215, 216
Бьюкенен Дж., англ. посол в Петербурге, 1910—1918 гг. — 126, 155

Ват Мараши, албанский князь — 208
Веллингтон А., англ. полководец и госуд. деятель (1790—1848)—250
Венизелос Э., греч. премьер-министр, 1910—1915 гг. — 189, 190, 196, 201
Вид Вильгельм, принц, князь албанский — 209, 210
Виктория, королева английская (1837—1901) — 64
Вильгельм II, германский император, 1888—1918 гг. — 16, 17, 21, 22, 23, 24, 30, 43, 49, 50, 51, 52, 53, 56, 60, 63, 64, 67, 133, 134, 147, 148, 155, 176, 179, 184, 185, 192,

201, 206, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 226, 227, 236, 237, 241, 244
Вильсон Г., генерал, начальник оперативного отдела англ. ген. штаба, 1910—1914 гг. — 70, 130, 131
Витте С. Ю., председатель росс. совета министров, 1905—1906 гг. — 53
Волконский П. П., секретарь росс. миссии при Ватикане, 1909—1912 гг. — 92

Ганото Г., франц. полит. деятель и историк — 23
Гардинг Ч., англ. посол в России, 1904—1906 гг.; помощник англ. статс-секретаря по ин. делам, 1906—1910 гг. — 22, 26, 44
Гарибальди Д., итал. полит. деятель, герой национально-освободительных войн Италии (1807—1882)—35
Гартвиг Н. Г., росс. посланник в Белграде, 1909—1914 гг. — 93, 102, 103, 106, 126, 166, 168, 171, 173, 178, 190
Геринген А., начальник герм. морского штаба, 1911—1913 гг. — 69
Генрих Прусский, принц, брат герм. императора Вильгельма II — 147
Геннадиев Н., болг. министр ин. дел в 1913 г. — 198
Георг V, король английский, 1910—1936 гг. — 148, 149
Гешов И., председатель болг. совета министров и министр ин. дел, 1911—1913 гг. — 101, 103, 106, 167, 176
Гирс М. Н., росс. посол в Константинополе, 1912—1914 гг. — 190, 191, 193
Гирс Н. Н., росс. посол в Вене, 1910—1913 гг. — 75, 154, 175
Гогенлоэ-Шиллингсфюрст К., австр. принц, наместник в Триесте, 1906—1913 гг. — 149
Гольц К. фон дер (паша), герм. генерал, вице-председатель высшего воен. совета в Турции, 1909—1913 гг. — 116, 213, 216, 219, 230
Гольштейн Ф., советник полит. отдела герм. министерства ин. дел, 1880—1906 гг. — 49
Гошен В., англ. посол в Берлине, 1908—1914 гг. — 63
Гранет Э., полковник, англ. воен. агент в Риме, 1911—1915 гг., англ. делегат в Международной Комиссии по определению северных границ Албании в 1913 г. — 205
Грей Э., англ. статс-секретарь по ин. делам, 1905—1916 гг. — 45, 62, 64, 65, 68, 69, 72, 78, 118, 120, 130, 135, 146, 149, 217, 223, 224, 225, 226, 227, 243, 244, 250
Груич С., секретарь серб. миссии в Лондоне, 1908—1913 гг. — 205
Гурко (Ромейко-Гурко) Д. И., полковник, росс. воен. агент в Швейцарии, 1908—1915 гг. — 186
Гучков А. И., крупный московский промышленник, один из основателей партии октябристов и октябристской газеты «Голос Москвы»; виднейший представитель реакционных кругов крупной буржуазии, вдохновитель третьеиюньского блока; председатель III Госуд. думы — 110

Данев С., председатель болг. Народного собрания, 1911—1913 гг.; председатель совета министров в 1913 г. (июнь — июль) — 102, 179
Данилов Ю. Н., генерал-квартирмейстер главного управления росс. ген. штаба, 1908—1914 гг. — 87, 116, 176, 199
Девилль Г., франц. посланник в Афинах, 1909—1915 гг. — 190
Делькассе Т., франц. министр ин. дел, 1898—1905 гг.; морской министр, 1911—1913 гг.; посол в Петербурге 1913—1914 гг. — 23, 30, 51, 52, 70, 71, 155, 160, 222, 229
Демидов Е. П., советник росс. посольства в Париже, 1911—1912 гг.; посланник в Афинах, 1912—1917 гг. —80, 150, 165, 177, 188, 189, 190, 205
Джолитти Д., председатель итал. совета министров и министр внутр. дел, 1906—1909 гг., 1911—1914 гг. — 185
Дизраэли Б. — см. Биконсфильд.
Дмитриевич-Драгутин, начальник контрразведки серб. ген. штаба, организатор «Черной руки» и член «Народной одбраны» — 170
Дода Принк Биб, албанский князь, албанск. министр ин. дел в 1914 г. — 208
Дод Цогу, албанский князь — 208
Доноугоэ М., англ. журналист и воен. корреспондент. С 1899 г. принимал участие в лондонской газете «Daily Chronicle» — 114
Доути Вилли, полковник, англ. делегат в Международной Комиссии по определению южных границ Албании в 1913 г. — 205

Думерг Г., франц. полит. деятель, председатель франц. совета министров и министр ин. дел, 1913—1914 гг. — 229
Дюбайль О., генерал, начальник франц. ген. штаба в 1911 г. — 73

Елизавета, королева румынская, жена короля Карла I — 209
Ермолов Н. С., генерал, росс. воен. агент в Лондоне, 1907—1917 гг. — 23, 70

Жилинский Я. Г., генерал-от-кавалерии, начальник росс. ген. штаба, 1911—1914 гг. — 73, 128, 186
Жоннар Ш., франц. министр ин. дел, 1913 г. — 141

Земмлер, герм. финансист, по поручению герм. прав-ва вел негласные переговоры с представителем Франции во время агадирского кризиса — 81

Игнатьев А. А., полковник, росс. воен. агент во Франции, 1912—1917 гг. — 128
Извольский А. П., росс. министр ин. дел, 1906—1910 гг.; посол в Париже, 1910—1917 гг. — 22, 23, 24, 25, 44, 58, 60, 63, 66, 70, 71, 72, 73, 75, 76, 77, 79, 84, 94, 100, 111, 120, 127, 128, 129, 130, 131, 139, 192, 193, 196, 197, 200, 201, 226, 229
Измаил Кемаль-бей, член турец. парламента, глава временного албанск. правительства, 1912—1914 гг. — 208, 209
Ионеску Таке, румын. министр внутр. дел, 1912—1914 гг. — 180

Кайо Ж., франц. министр финансов, 1906—1909, 1911 гг.; председатель совета министров и министр внутр. дел, 1911—1912 гг.; министр финансов, 1913—1914 гг. — 81
Камбон Ж., франц. посол в Берлине, 1907—1914 гг. — 59, 63, 66, 111, 116, 120, 196
Камбон П., франц. посол в Лондоне, 1898—1920 гг. — 217, 224
Карл I, король румынский, 1881—1914 гг. — 179, 180, 199
Каро, корреспондент франц. газеты «Matin» в Берлине — 81
Картрайт Ф., англ. посол в Вене, 1908—1913 гг. — 133
Кастельно Э., первый помощник начальника франц. ген. штаба, 1913—1914 гг. — 128
Квадт А., герм. посланник в Афинах, 1912—1915 гг. — 196
Киамиль-паша, турец. великий визирь, 1908—1909 гг.; председатель Госуд. совета, 1912 г.; великий визирь, 1912—1913 гг. — 107, 140
Кидерлен-Вехтер А., герм. посланник в Бухаресте, 1899—1910 гг., причислен к герм. министерству ин. дел, 1908—1909 гг.; статс-секретарь по ин. делам, 1910—1912 гг. — 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 69, 76, 77, 121, 133, 135
Китченер Г., англ. ген.-фельдмаршал. В 1892—1899 гг. сирдар египетской армии; в 1899—1902 гг. нач. ген. штаба, затем главнокомандующий англ. силами в Южной Африке; в 1902—1909 гг. главнокомандующий англ. войск в Индии; с 1911 по 1914 гг. брит. резидент в Египте; с 1914 по 1916 гг. воен. министр. Погиб при взрыве крейсера «Хэмпшайр» осенью 1916 г. — 70, 94, 250
Класс, герм. адвокат, президент пангерманской ассоциации — 61
Клейнов, редактор нем. газеты «Grenzboten» — 62
Клемм В. О., росс. ген. консул в Бомбее, 1900—1905 гг. — 53
Коковцов В. Н., министр финансов, 1903—1914 гг.; председатель росс. совета министров, 1911—1914 гг. — 108, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 230, 231
Конрад фон Гетцендорф Ф., начальник австро-венг. ген. штаба, 1906—1911, 1912—1917 гг.; инспектор австро-венг. армии, 1911—1912 гг. — 20, 132, 172, 175, 200, 206, 207, 210, 236, 237
Константин I, король греческий, 1913—1917 гг., 1920—1922 гг. — 196, 201, 202
Кробатин, австро-венг. воен. министр, 1912—1917 гг. — 132
Кроу Э., старший чиновник англ. министерства ин. дел, 1906 — 1912 гг. — 27, 67, 69
Крупенский В. Н., советник росс. посольства в Вене, 1910—1912 гг. — 75
Круппи Ж., франц. министр ин. дел в 1911 г. — 58, 71, 79, 80
Кудашев И. А., росс. посланник в Брюсселе, 1910—1916 гг. — 68

Кудашев Н. А., советник росс. посольства в Вене, 1912—1914 гг.—208
Кюльман Р., советник герм. посольства в Лондоне, 1908—1914 гг. — 226, 227

Ламздорф В. Н., росс. министр ин. дел, 1901—1906 гг. — 22, 53
Лафферт, майор, герм. делегат в Международной Комиссии по определению северных границ Албании в 1913 г. — 204, 205
Ленин В. И. (1870—1924) — 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 15, 17, 19, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 36, 37, 39, 42, 43, 46, 50, 57, 58, 91, 93, 97, 98, 101, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 117, 120, 123, 137, 158, 159, 161, 186, 193, 211, 212, 213, 235, 236, 241, 245, 246, 247, 248, 249, 251
Ливен А. А., вице-адмирал, начальник росс. морского ген. штаба, 1912—1914 гг. — 132
Лиман фон Сандерс, Отто, герм. генерал, глава герм. воен. миссии в Турции, 1913—1914 гг. — 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 225, 226, 229, 230, 232
Лимпус А., контр-адмирал, англ. морской советник при турец. правительстве, 1912—1914 гг. — 224, 227, 231
Лихновский К.-М., герм. посол в Лондоне, 1912—1914 гг. —148, 243
Ллойд-Джордж Д., англ. полит. деятель, первый лорд казначейства, 1908—1915 гг. — 23, 66, 242
Лодыженский И. Н., управляющий делами росс. совета министров, 1914—1917 гг. — 112
Лубе Э., президент Французской республики, 1899—1906 гг. — 47
Луи Ж., франц. посол в Петербурге, 1909—1913 гг. — 108
Людериц, бременский купец — 40
Люциус фон Штедтен, советник герм. посольства в Петербурге, 1911—1914 гг. — 223

Маймон, чиновник франц. министерства ин. дел — 81
Майореску Т., председатель румын. совета министров и министр ин. дел, 1912—1914 гг. — 180, 182, 189, 200
Маркс, Карл (1818—1883) — 7
Манжен, франц. полковник, начальник франц. воен. миссии в Фецe, 1910—1912 гг. — 58
Мария-Луиза, дочь Вильгельма II — 218
Маршан, полковник франц. службы — 58
Махмуд Шевкет-паша, великий визирь Турции в 1913 г. — 140, 190, 191
Менелик II, абиссинский негус — 35
Менсдорф, австро-венг. посол в Лондоне, 1904—1914 гг. — 149
Меттерних П., герм. посол в Лондоне, 1901—1912 гг. — 62
Милованович М., серб. министр ин. дел, 1908—1911 гг.; председатель совета министров и министр ин. дел, 1911—1912 гг. — 103, 106
Мильеран А., франц. воен. министр, 1912—1913 гг., 1914—1915 гг. —129
Мольтке Г., генерал, начальник герм. ген. штаба, 1906—1914 гг. — 132, 134
Монис, председатель франц. совета министров и министр внутр. дел в 1911 г. — 70
Морель Э., англ. полит. деятель, журналист — 60
Морлей Дж., статс-секретарь по делам Индии, 1905—1910 гг.; лорд-председатель Тайного совета в Англии, 1910—1914 гг.; управляющий англ. министерством ин. дел, 1911, 1913 гг. — 78
Мулай-Гафид, марокканский султан, 1908—1912 гг. — 55, 56, 58
Муравьев В. Н., 2-й секретарь росс. миссии в Белграде, 1910—1911 гг.— 171
Муравьев М. Н., росс. министр ин. дел, 1900 г. — 14

Нану, румын. посланник в Петербурге, 1911—1913 гг. — 154
Наполеон I, Бонапарт (1769—1821)— 31
Неклюдов А. В., росс. посланник в Софии, 1911—1913 гг. — 102, 103, 110, 118, 137, 154, 155, 176, 179, 198
Нельсон, англ. адмирал (1758—1805) — 44
Нератов А. А., товарищ росс. министра ин. дел, 1910—1917 гг. — 62, 71, 73, 79, 102
Николай, королевич греческий, сын короля Георга I — 163, 173
Николай I, король черногорский, 1910—1918 гг. (князь с 1860 г.)—112
Николай II, росс. император, 1894—1917 гг. — 14, 16, 17, 21, 22, 23, 24, 44, 53, 84, 103, 107, 150, 163, 174, 195, 214, 217, 218, 219, 220, 222, 227, 232

Никольсон А., англ. посол в Петербурге, 1906—1910 гг.; помощник статс-секретаря по ин. делам, 1910—1916 гг. — 62, 64, 68, 78, 125, 126

Омар-паша, албанский князь — 208
Остен-Сакен Н. Д., росс. посол в Берлине, 1895—1912 гг. — 61, 84

Палеолог М., директор франц. департамента полит. и торговых дел, 1912—1914 гг.; франц. посол в Петербурге, 1914—1917 гг. — 229, 230
Палич, францисканский монах в Ипеке, 1913 г. — 150, 151
Пачелли Е., секретарь конгрегации чрезвыч. дел при Ватикане в 1911 г.; папа Пий XII, 1939 г. — 92
Пачелли Э., директор «Banco di Roma» — 92
Пашич Н., председатель серб. совета министров, 1909—1911 гг.; председатель совета министров и министр ин. дел, 1912—1918 гг. — 103, 162, 178, 190
Петерс К., герм. политический деятель, один из активных деятелей колониальной политики герм. империализма. Организатор первых герм. колоний в Африке — 40
Петров-Чернышин, контр-адмирал, начальник отдельного отряда черноморского флота — 176
Петряев А. М., росс. ген. консул в Монастире, 1910—1913 гг.; представитель в Международной Комиссии по разграничению Албании, 1913—1914 гг. — 208
Питт, Вильям, младший, англ. госуд. деятель (1759—1806) — 44
Пишон С., франц. министр ин. дел, 1906—1911 гг., 1913 г. — 80, 192, 196, 221, 223, 224
Покровский М. Н. (1868—1932), русс. ученый, историк — 165
Потапов Н. М., ген.-майор, росс. воен. агент в Черногории, 1903—1917 гг.; представитель в Международной Комиссии по определению северных границ Албании в 1913 г. (председатель Комиссии) — 204, 205
Прохаска О., австро-венг. консул в Призрене, 1906—1912 гг. — 134
Пуанкаре Р., председатель франц. совета министров и министр ин. дел, 1912—1913 гг.; президент Французской республики, 1913—1920 гг. — 23, 24, 82, 84, 106, 111, 116, 118, 120, 127, 130, 139, 141, 160, 195, 216, 238

Радославов В., председатель болг. совета министров, 1913—1918 гг. — 198
Ратибор М., герм. посол в Мадриде, 1910—1918 гг. — 78
Рейн Н. Г., капитан 1-го ранга, росс. военно-морской агент в Англии, 1910—1913 гг. — 90, 98, 99, 121
Рене Ш., директор Камерунской ж. д.; официальный агент герм. министерства ин. дел; член комитета франко-герм. сближения — 81, 82
Рейссман-Грове, редактор герм. «Рейнско-Вестфальской газеты» — 61, 62
Ризов Д., болг. посланник в Риме, 1909—1915 гг. — 103
Рипплер Г., редактор герм. газеты «Tägliche Rundschau» — 61
Рифаат-паша, турец. министр ин. дел, 1909—1911 гг.; посол в Париже, 1911—1914 гг. — 223
Родс С., англ. полит. деятель. В 1899 г. организовал «Южно-африканскую компанию», получившую от англ. правительства разрешение на приобретение земель в Южной Африке. В 1893 г., спровоцировав восстание племени матабелов, он присоединил к Капской колонии область Замбези, ценную своими рудными богатствами. В 1895 г. Родс, неофициально поддерживаемый Дж. Чемберленом, организовал набег на Трансвааль, послуживший прелюдией к англо-бурской войне, в значительной мере явившейся делом рук Родса — 30
Розбери А., англ. госуд. деятель, статс-секретарь по ин. делам, 1892—1894 гг.; премьер-министр, 1894—1895 гг. — 30
Романовский Г. Д., полковник, росс. воен. агент в Болгарии, 1911—1914 гг. — 199
Рувье М., франц. министр финансов, 1902—1905 гг.; председатель совета министров, министр финансов и министр ин. дел, 1905—1906 гг. — 51, 52
Рует, чиновник франц. министерства ин. дел — 81

Сабатье д'Эспейран, 2-й секретарь франц. посольства в Петербурге, 1913—1914 гг. — 222

Савов М., болг. генерал, во время 2-й балканской войны главнокомандующий болг. силами — 166, 179
Сазонов С. Д., росс. министр ин. дел, 1910—1916 гг. — 23, 24, 108, 111, 116, 118, 120, 121, 122, 126, 131, 135, 141, 142, 154, 155, 163, 165, 166, 167, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 197, 199, 200, 201, 205, 207, 214, 216, 217, 219, 220, 222, 223, 225, 226, 227, 229, 231, 232, 243, 244
Саид-паша, великий визирь Турции, 1911—1912 гг. — 95
Салис де, советник англ. посольства в Берлине, 1906—1911 гг. — 64
Сандерс — см. Лиман фон Сандерс.
Сан-Джулиано А., итал. министр ин. дел, 1910—1914 гг. —185, 200, 209
Свербеев С. Н., росс. посол в Берлине, 1912—1914 гг. — 172, 174, 176, 182, 216, 222, 223, 225, 232
Сегени Л., австро-венг. посол в Берлине, 1892—1914 гг. — 133, 148, 237
Сельв Ж. де, франц. министр ин. дел, 1911—1912 гг. — 60, 70, 75, 76, 103, 106
Сефа-бей, турец. посланник в Бухаресте, 1908—1916 гг. — 175
Солдатенков В. В., чиновник особых поручений при росс. министерстве ин. дел, 1913—1915 гг., представитель в Парижской финансовой комиссии — 166, 167
Солсбери Р., англ. дипломат и полит. деятель (1830—1903) —14, 30
Спалайкович М., серб. посланник в Софии, 1911—1913 гг. — 103
Сталин И. В. —8, 12, 13, 15, 17, 18, 36, 38, 54, 97, 111, 114, 233, 246, 252, 253, 254
Стаеневич, историограф, профессор белгр. университета — 170
Стамбулов С., председатель болг. совета министров и министр внутр. дел, 1887—1894 гг. — 198
Сухомлинов В. А., генерал, росс. воен. министр, 1909—1915 гг. — 84, 87, 108, 230, 231

Танкосич Войя, серб. майор, один из видных участников «Народной одбраны» и «Черной руки» — 170, 240
Тардье А., франц. полит. деятель и журналист — 81
Теотокис, греч. поверенный в делах в Берлине, 1910—1914 гг. — 196
Тирпиц А., адмирал, герм. морской министр, 1897—1916 гг. — 16, 43, 236, 238
Тисса С., председатель венг. совета министров, 1913—1917 гг. — 175, 238
Титтони Т., итал. министр ин. дел, 1903—1905, 1906—1909 гг.; посол в Париже, 1910—1917 гг. — 92, 100, 193
Тодоров Т., болг. министр финансов, 1911—1913 гг. — 166, 167
Тончев Д., болг. министр финансов, 1913—1918 гг. — 198
Тухолка С. В., росс. ген. консул в Скопле (Ускюб), 1913 г. — 173, 178

Урусов Л. В., 1-й секретарь росс. миссии в Софии, 1910—1912 гг. — 102

Фей Сидней, американ. историк — 60, 215
Фердинанд I, царь болгарский, 1909—1918 гг. (с 1887 г. князь) — 166, 167, 176, 198, 199
Ферид-паша, великий визирь Турции, 1903—1908 гг.; министр внутр. дел, 1909, 1912 гг. — 107
Ферри Ж., франц. полит. деятель. (1832—1893) — 30
Фишер Д., англ. адмирал, первый морской лорд адмиралтейства, 1903—1910 гг. — 44, 45
Фондер, франц. финансист, по поручению франц. правительства вел негласные переговоры с представителем Германии во время агадирского кризиса — 80, 81
Франц-Иосиф, император австрийский и король венгерский, 1848—1916 гг. — 134, 149, 199, 206
Франц-Фердинанд, наследный эрцгерцог австрийский — 20, 133, 134, 235, 236
Фурнье, франц. воен. агент в Румынии и Сербии, 1912—1914 гг. — 169

Хауз, полковник, известный американ. полит. деятель. В 1914—1916 гг. являлся уполномоченным президента США Вильсона по переговорам между воюющими сторонами — 250

Холден Р., англ. воен. министр, 1905—1912 гг.; лорд-канцлер, 1912 — 1915 гг. — 28, 148, 152

Циганович М., серб. чиновник — 240
Циммерман А., помощник герм. статс-секретаря по ин. делам, 1911—1916 гг. — 59, 61

Чарыков Н. В., росс. посол в Константинополе, 1909—1912 гг. — 95
Чемберлен Дж., англ. полит. деятель, статс-секретарь по делам колоний, 1895—1903 гг. — 16, 30
Черчилль В., англ. госуд. деятель, первый лорд адмиралтейства, 1911—1915 гг. — 94
Чиршки Г., герм. посол в Вене, 1907—1916 гг. — 133, 175, 183, 236, 237, 238, 241

Шебеко Н. Н., советник росс. посольства в Берлине, 1909—1912 гг.; посланник в Бухаресте, 1912 — 1913 гг. — 67, 180, 181, 182, 189
Шемуа Б., начальник австро-венг. ген. штаба, 1911—1912 гг. — 133, 134
Шен В., советник герм. министерства ин. дел в свите Вильгельма II, герм. посол в Париже с 1910 г.— 50, 242
Шеризей Р., 2-й секретарь франц. миссии в Марокко, 1889—1906 гг.— 50
Шлиффен А., генерал, начальник герм. ген. штаба, 1891—1905 гг. — [illegible]

Штрандтман В. Н., 1-й секретарь росс. миссии в Белграде, 1911— 1915 гг. — 206

Щеглов А. Н., капитан 1-го ранга, росс. военно-морской агент в Турции, 1910—1914 гг. — 216

Эдуард VII, король английский, 1901—1910 гг. — 44, 47, 51
Эйду, франц. генерал, глава франц. военной миссии в Греции — 202
Эллиот Ф., англ. посланник в Афинах, 1903—1917 гг. — 190
Энвер-бей (паша), турец. воен. агент в Германии, 1909—1913 гг.; руководитель операц. турец. войск в Триполи, 1911—1912 гг., во время балканских войн начальник штаба X корпуса — 140, 190
Энгельс Ф. (1820—1895) — 7, 8, 38
Эренталь А., австро-венг. министр ин. дел и председатель совета министров, 1906—1912 гг. — 21, 22, 75, 100, 103
Эссад-паша, один из руководителей албанск. восстания, комендант Скутари в 1913 г.; албанск. воен. министр в 1914 г. — 152, 153, 208, 209, 210
Эттер Н. С., советник росс. посольства в Лондоне, 1909—1915 гг. — 217, 224, 225

Ягов Г., герм. статс-секретарь по ин. делам, 1913—1916 гг. — 152, 172, 174, 225

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Международные отношения в эпоху империализма, документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. — «М. О.».

Государственный Архив Внешней Политики ГАУ НКВД СССР — «Арх. Вн. Пол.».

Центральный Военно-Исторический Архив ГАУ НКВД СССР—«ЦВИА».

Центральный Военно-Морской Архив ГАУ НКВД СССР — «Центр. Воен.-Морск. Арх.».

Государственный Архив Феодально-Крепостнической Эпохи ГАУ НКВД СССР — «Гос. Арх. Феод.-Креп. Эпохи».

Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг., изд. НКИД, Москва, 1922 г. — «Материалы».

Журнал «Красный Архив», изд. Центроархива — «Кр. Арх.».

British Documents on the Origins of the War 1898—1914, London, — Brit. Doc.

Documents Diplomatiques (1871—1914), Commission de Publication des Documents Relatifs aux Origines de la Guerre de 1914, Paris, — Doc. Dipl.

Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914 — Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin,—Gr. Pol.

Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914 (Dipl. Akt. des Öst.-Ung. Ministeriums des Äussern), Wien und Leipzig 1930 — Ö. U. A.

Ministère des Affaires Étrangères, les Affaires Balkaniques, 1914, Paris 1932—«Affaires Balkaniques».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ..... Стр. 3

Введение 5

А. А. Могилевич. Франко-германские и англо-германские противоречия накануне первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. 29

Агадирский кризис ..... —

Итало-турецкая война 91

А. А. Могилевич, М. Э. Айрапетян. Первая балканская война 96

М. Э. Айрапетян. Вторая балканская война и ее последствия 161

Заключение 235

Приложения 255

Именной указатель 287

Список условных сокращений, принятых в примечаниях 295

На путях к мировой войне 1914—1918 гг.
(Сборник статей.)

Государственное издательство политической литературы. 1940.

9(с)174
М. 74 Доб. 327. Изд. № 1753. Леноблгорлит № 713.

Корректора *Л. Саксаганская* и *Н. Цванцигер.*
Техн. редактор *Е. Женин.*

Сдано в набор 28/VII 1939 г. Подписано к печати 4/II 1940 г. Формат 60×92 1/16. 18 1/2 печ. л. Бум. л. 9 1/4. 48730 тип. зн. в 1 печ. л. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1181.

Цена в переплете 11 руб. Бумага Вишерской фабрики.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

12687